МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

COSMIC ENGINEERS

WHY CALL THEM BACK FROM HEAVEN?

SHORT STORIES

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ

ЗАЧЕМ ЗВАТЬ ИХ ОБРАТНО С НЕБЕС?

РАССКАЗЫ

Издательство «Полярис»
1995

Миры Клиффорда Саймака кн. 18 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1995. — 447 с.

В завершающий собрание сочинений Клиффорда Саймака 18-й том вошли ранние романы «Космические Инженеры» и «Зачем звать их обратно с небес?», а также рассказы «Последний джентльмен» и «Кимон», первый из которых издается на русском языке впервые.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Cosmic Engineers
Copyright © 1950 by Clifford D Simak

Why Call Them Back from Heaven?
Copyright © 1967 by Clifford D Simak

The Final Gentleman
Copyright © 1961 by Clifford D Simak

Immigrant
Copyright © 1954 by Clifford D Simak

© Издательство «Полярис», *название серии*, 1992
© Издательство «Полярис», *оформление, составление*, 1995

Космические Инженеры
© Издательство «Полярис», *перевод*, 1995

Зачем звать их обратно с небес?
© Издательство «Полярис», *перевод*, 1991

Последний джентльмен
© И Найденков, *перевод*, 1995

Кимон
© Д. Жуков, *перевод*, 1967

ISBN 5-88132-128-6

КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ

«...выполняя свое задание, вы всегда должны быть готовы откликнуться на любые новости из самых странных источников, даже если они заведут вас на край Солнечной системы или на край самой Вселенной»

Из «Инструкции для межпланетных репортеров»

Глава 1

Херб Харпер врубил приемник, и грозный голос где-то за миллиарды миль прорычал: «Полицейский корабль 968. Продолжайте наблюдение за грузовым судном "Вулкан", рейс Земля—Венера. Обыщите на предмет наркотиков. По нашим данным...»

Херб покрутил ручку настройки. По каюте проплыл ленивый голосок: «Прогулочная яхта "Елена", мы в трех часах лета от Сандбара. Есть для нас какие-нибудь сообщения?»

Он снова покрутил ручку и услышал хрипловатый голос знаменитого радиокомментатора Тима Донована: «Томми Эвансу придется отложить полет к альфе Центавра еще на несколько дней. Межпланетная торговая комиссия уверяет, будто обнаружила недочеты в конструкции его новых двигателей, хотя Томми по-прежнему не сомневается, что двигатели способны умчать его со скоростью, значительно превышающей скорость света. Тем не менее ему приказано привести корабль обратно на Марс, чтобы техники проверили его перед финальным стартом. Томми сейчас на Плутоне и готов с минуты на минуту отправиться за пределы Солнечной системы. Судя по его последним докладам, он не намерен подчиниться приказу комиссии. Разгневанные спонсоры Томми обозвали этот приказ "самодурством" и заявили, что за ним кроются политические интриги...»

Херб выключил приемник и пошел к двери, отделявшей жилой отсек «Космического щенка» от рулевой рубки.

— Слыхал, Гэри? — спросил он. — Может, нам все-таки удастся повидать этого парня, Эванса.

Гэри Нельсон, пыхнув засоренной черной трубкой, бросил на Херба свирепый взгляд:

— Кому он нужен, выскочка несчастный!

— Чем ты опять недоволен? — поинтересовался Херб.

— Я всем доволен, — буркнул Гэри, — кроме Томми Эванса. С тех пор как мы покинули Сатурн, я только и слышу, что про Томми Эванса. Можно подумать, Доновану говорить больше не о чем.

Херб уставился на своего долговязого спутника.

— Диагноз ясен: у тебя жестокий приступ космической лихорадки, — сказал он. — Последние дни ты все время лаешься, как больная собака.

— Заболеешь тут! — огрызнулся Гэри, махнув рукой в сторону иллюминатора. — Сплошная пустота и ничего, кроме пустоты. Мрак с махусенькими звездочками. Они и мигать-то, похоже, разучились. Делаем сотни миль в секунду, а будто на месте стоим — никаких изменений в пейзаже. Жизненного пространства с гулькин нос, несколько жалких квадратных футов. А тьма вокруг давит на психику, измывается, внутрь пробраться норовит...

Он внезапно умолк и безвольно развалился в пилотском кресле.

— Может, партию в шахматы? — предложил Херб.

Гэри развернулся и заорал:

— Не смей больше заикаться при мне о шахматах, ты, коротышка недоделанный! Иначе вытурю из люка без скафандра! Святой Анной клянусь, вытурю!

— Я думал, игра тебя немножко успокоит, — сказал Херб.

Гэри ткнул в его сторону мундштуком трубки.

— Попадись мне тот паразит, что придумал трехмерные шахматы, — сказал он, — я свернул бы ему шею. И простые-то были не подарок, но трехмерные, с двадцатью семью пешками... — Гэри сокрушенно покачал головой. — Он, видно, совсем был чокнутый.

— Он действительно съехал с катушек, — заметил Херб, — но только не из-за шахмат. Его зовут Конрад

Фэрбенкс, он сейчас в психушке на Земле. Мне удалось его заснять, когда он выходил из зала суда. Судья признал Фэрбенкса невменяемым. Копы гнались за мной по пятам, пытаясь отнять пленку, но я благополучно смылся. Старик отвалил мне тогда десять баксов за снимок.

— Помню, — сказал Гэри. — Лучший математический мозг во всей Солнечной системе. Его уравнений никто и понять-то не мог. А свихнулся он после того, как доказал, что дважды два не всегда и не везде четыре. По-настоящему доказал, понимаешь? Не просто запудрил мозги какой-нибудь теоретической или математической тарабарщиной, а доказал!

Херб подошел к пилотскому креслу и встал рядом с Гэри, глядя в иллюминатор.

— Все в порядке? — спросил он.

— А что там может быть не в порядке? — раздраженно проворчал Гэри. — Даже метеоритов и тех нет. Знай себе сиди да смотри. А в общем-то и смотреть незачем. Автопилот все делает сам.

Тихое мурлыканье геосекторов было единственным звуком на судне. Казалось, корабль застыл в космосе без движения. Справа висел далекий Сатурн — золотистый диск с тоненькими яркими кольцами. Плутон, сдвинутый чуть влево от центра иллюминатора, выглядел крошечной точечкой света. Солнце, оставшееся в трех миллиардах миль за кормой, находилось вне поля зрения.

«Космический щенок» летел к Плутону со скоростью около тысячи миль в секунду. Геосекторы, искривляя пространство, гнали песчинку корабля сквозь космическую пустыню с такой прытью, о какой неполных сто лет назад никто не смел и мечтать.

А Томми Эванс уже готовился отчалить с Плутона — если только Межпланетная торговая комиссия прекратит свое вмешательство — и умчаться на своем экспериментальном судне за пределы Солнечной системы, к ближайшей звезде, удаленной на 4,29 световых года. Если его усовершенствованные электрогравитационные геодезические дефлекторы оправдают дифирамбы изобретателей, то судно превысит скорость света и скроется в том переходном состоянии к невероятному, которое ученые мужи пару веков назад объявили абсолютно недостижимым.

— Обалдеть можно! — воскликнул Херб.

— От чего это?

— От Томми Эванса с его штучками, — пояснил Херб. — Парень творит историю. И мы, возможно, увидим это воочию. Впервые в истории человек шагнет навстречу звездам — и если ему повезет, за ним пойдут целые толпы. Люди начнут разлетаться все дальше и дальше, за все мыслимые пределы... и достигнут, быть может, тех мест, где Вселенная все еще продолжает расширяться.

— Я бы на их месте поторопился, — проворчал Гэри, — потому что Вселенная расширяется быстро.

— Послушай! — не выдержал Херб. — Ну нельзя же так сидеть и делать вид, будто никакого прогресса не существует! Да взять, к примеру, хотя бы наш корабль. Нам больше не нужны ракетные двигатели в полете — только на старте и при посадке. Выйдя в открытый космос, мы врубаем геосекторы, искривляем пространство и мчимся с такой скоростью, какая ракетам и не снилась. У нас на борту атмосферный генератор, синтезирующий воздух. Нам не нужны запасы кислорода и воздухоочистители. И с едой то же самое. Машина попросту забирает из космоса материю и энергию и превращает их в бифштексы с картошкой — или по крайней мере в их калорийные эквиваленты. Мы шлем репортажи и снимки за миллиарды миль. Ты садишься за космотайп, нажимаешь на клавиши, а через несколько часов другая машина в Нью-Йорке печатает то, что ты здесь набрал.

— Кончай трепаться, — зевнул Гэри. — Мы еще даже не начали — я имею в виду человечество. Наши достижения ничтожны в сравнении с теми, что ожидают нас в будущем. Если, конечно, человечество не свихнется и не покончит жизнь самоубийством.

Космотайп в углу рубки крякнул и запищал, нагреваясь от импульса, посланного несколько часов назад на расстоянии трех миллиардов миль от судна.

Херб и Гэри подбежали к аппарату и склонились над ним.

Медленно, аккуратно машина начала печатать:

«НЕЛЬСОНУ, НА БОРТ "КОСМИЧЕСКОГО ЩЕНКА", ИДУЩЕГО К ПЛУТОНУ. ПО НАШИМ СВЕДЕНИЯМ, ЭВАНС РВАНЕТ К ЦЕНТАВРУ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ МТК. ПОСТАРАЙТЕСЬ ДОБРАТЬСЯ ДО ПЛУ-

ТОНА КАК МОЖНО СКОРЕЕ. ПОЗАРЕЗ НУЖНО ИНТЕРВЬЮ. ПОСПЕШИТЕ. УДАЧИ. "ВЕЧЕРНЯЯ РАКЕТА"».

Машина влепила точку и остановилась. Херб глянул на Гэри.

— Ну что ж, твой Эванс, видать, и правда стоящий мужик, — признал Гэри. — Надеюсь, он объяснит членам комиссии, куда им засунуть тот самый приказ. Они давно уже на грубость напрашиваются.

— В погоню за ним они не полетят, это точно, — ухмыльнулся Херб.

Гэри сел за пульт передатчика и щелкнул тумблером. Урчание геосекторов потонуло в нарастающем вое электрогенераторов, начавших вырабатывать энергию, необходимую для того, чтобы перебросить луч через космическую пустоту до Земли.

— У этого аппарата всего один недостаток, — сказал Гэри. — Он слишком медленно работает и сжирает слишком много энергии. Хорошо бы кто-нибудь расстарался и придумал, как посылать передачи с помощью космических лучей.

— Доктор Кингсли на Плутоне что-то с ними химичит, — отозвался Херб. — Может, через годик-другой у него и получится.

— Док Кингсли химичит со многими вещами, — буркнул Гэри. — Нам бы его разговорить, тогда мы будем слать с Плутона статью за статьей.

Генераторы гудели теперь монотонно и мерно. Гэри взглянул на индикаторы и забарабанил по клавишам. Он печатал:

«"ВЕЧЕРНЕЙ РАКЕТЕ", НА ЗЕМЛЮ. СВЯЖЕМСЯ С ЭВАНСОМ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО, ЕСЛИ ОН ЕЩЕ НА ПЛУТОНЕ. ЕСЛИ НЕТ, ПРИШЛЕМ РЕПОРТАЖ О ПОЛЕТЕ. ПОКА НИЧЕГО НОВОГО. ПОГОДА ПРЕКРАСНАЯ. ХЕРБ РАСКОКАЛ НАШУ ПОСЛЕДНЮЮ БУТЫЛКУ. КАК НАСЧЕТ ПРИБАВКИ К ГОНОРАРУ?»

— Это их доконает, — хмыкнул он.

— Зачем ты наябедничал про виски? — возмутился Херб. — Бутылка просто выскользнула у меня из рук.

— Вот именно, — сказал Гэри. — Она просто выскользнула у тебя из рук. Аккурат на стальную пластину — и вдребезги. Отныне раздачу спиртного я беру на себя. Захочешь промочить горло — попросишь.

— Может, у Кингсли есть какие-нибудь запасы? — размечтался Херб. — Он мог бы одолжить нам бутылочку.

— Если он и одолжит, — заявил Гэри, — ты держи от нее свои лапы подальше. А то из каждой бутылки мне достается не больше глотка — остальное ты или высасываешь, или роняешь. После Плутона нам придется лететь еще на Уран и Нептун, и все всухую.

Он встал и подошел к самому иллюминатору.

— Всего лишь Нептун и Уран, — пробормотал он. — А по мне так и Плутона более чем достаточно. Если Старику взбредут в голову еще какие-нибудь сумасбродные идейки, пускай поищет себе других дураков. Как только вернусь домой, сразу попрошу его отправить меня обратно на космодром и поселюсь там на всю оставшуюся жизнь. Буду смотреть, как взлетают и садятся корабли, и каждый раз на четвереньках буду землю целовать, благодаря судьбу за то, что они взлетают без меня.

— Старик платит нам хорошие бабки, — сказал Херб. — Мы летим себе, а на банковские счета постоянно что-то капает.

Гэри сделал вид, что не слышит.

— «Познай свою Солнечную систему», — пробурчал он. — «Специальная воскресная рубрика в "Вечерней ракете". Репортажи Гэри Нельсона, фотографии Херберта Харпера. Отважные корреспонденты, невзирая на опасности, отправляются в космос за репортажем о планетах Солнечной системы. Целый год одиночества на борту космического корабля, чтобы представить читателям подробный отчет о жизни в космосе и на планетах». Помнишь? Все это фуфло про нас писали в рекламе. Целого разворота не пожалели! — Он сплюнул. — Сказки для детишек.

— Для детишек мы, пожалуй, и вправду герои, — откликнулся Херб. — Читают, небось, наши байки и клянчат у родителей: купи мне, папочка, космический кораблик! Хочу своими глазами поглядеть на Сатурн!

— По мнению Старика, наши репортажи поднимут тираж, — сказал Гэри. — Старый черт без колебаний руки бы на себя наложил, если б решил, что это поднимет тираж. Помнишь, как он нас напутствовал? «Летите и побывайте на всех планетах. Мне нужна информация из первых рук и снимки. Шлите их нам, а

мы будем их печатать в каждом воскресном выпуске». Словно на соседнюю улицу нас посылал за репортажем о пожаре. Подумаешь, всего делов-то — год с лишним в космосе! Поживете в каютах и в скафандрах. Пробежитесь по спутникам Юпитера к Сатурну, а оттуда рванете на Плутон. Это ж раз плюнуть! Чистое развлечение. Помнишь? Старик именно так и выразился: легкая развлекательная прогулка.

Трубка у Гэри угрожающе заскворчала, и он с силой выбил из нее ребром ладони табак.

— Все не так страшно, — сказал Херб. — До Плутона уже рукой подать. Еще несколько денечков — и мы там. А там тебе и заправочная станция, и радио, и лаборатории дока Кингсли. Может, даже в покер перекинемся.

Гэри подошел к экрану телескопа и включил его.

— Давай-ка глянем на Плутошу, — предложил он.

Большой круглый экран мягко осветился. На нем появилось изображение Плутона, до которого оставалось еще почти полмиллиарда миль. Мертвая планета тускло мерцала в слабом свете далекого Солнца — планета, зажатая ледяной хваткой открытого космоса и застывшая задолго до того, как на Земле шевельнулись первые признаки жизни.

Изображение было мутным, и Гэри принялся подкручивать настройку, пытаясь поймать Плутон в фокус.

— Погоди секундочку! — воскликнул Херб, схватив его за руку. — Покрути-ка назад. Там что-то мелькнуло. Похоже на космический корабль. Может, это Эванс возвращается?

Гэри медленно повернул ручку назад. На экране появилось крохотное пятнышко света.

— Вот он! — выдохнул Херб. — Осторожненько... Еще чуть-чуть...

Пятнышко загорелось ярче, но по-прежнему осталось всего лишь искоркой света во мраке космоса. Очевидно, какой-то металлический предмет улавливал и отражал солнечные излучения.

— Покрупнее, пожалуйста, — попросил Херб.

Искорка быстро выросла в размерах, обретая форму. Гэри увеличивал изображение до тех пор, пока предмет не занял весь экран.

Это был корабль — и все же он не мог быть кораблем.

— У него нет ракетных сопл, — поразился Херб. — Как же он без них взлетает? Геосекторы невозможно использовать на старте. Они все пространство искривляют к чертовой матери, а планету так и вовсе наизнанку вывернут!

Гэри внимательно изучал изображение:

— Похоже, он не движется. Или движется еле-еле, так что приборы не улавливают.

— Бесхозный, — предположил Херб.

— Это все равно не объясняет отсутствия ракетных двигателей, — покачал головой Гэри.

Они оторвали глаза от экрана и уставились друг на друга.

— Старик велел поспешать к Плутону, — напомнил приятелю Херб.

Гэри развернулся и пошел обратно к пульту.

Опустившись в пилотское кресло, он отключил автопилот. Потом вырубил геосекторы и начал закачивать топливо в ракетные камеры.

— Держись за воздух, — буркнул он. — Мы останавливаемся. Посмотрим, что это такое.

Глава 2

До загадочного судна осталось всего несколько миль. Херб, сидя за пультом, вел «Космического щенка» по сужающейся спирали вокруг стального корпуса, висевшего в космосе за орбитой Плутона.

Корпус принадлежал кораблю. Это было несомненно, несмотря на отсутствие ракетных двигателей. Судно не подавало никаких признаков жизни, хотя из иллюминаторов струился тусклый свет — очевидно, из жилого отсека, находившегося прямо за рулевой рубкой.

Гэри сгорбился в шлюзе «Космического щенка» подле открытого внешнего люка. Пощупал, прочно ли держится кобура с оружием, осторожно проверил реактивные движки скафандра.

Потом сказал в шлемный микрофон:

— Ладно, Херб, я пошел. Постарайся сузить орбиту еще немного. Но гляди в оба. Эта штука может быть взрывоопасной.

— Ты сам давай поосторожнее, — прозвучал в наушниках голос Херба.

Гэри выпрямился, оттолкнулся от люка и плавно поплыл на волнах пустоты в беспредельность космоса, где нет сторон света, нет верха и низа, и только бессчетные звезды следят за тобой отовсюду горящими глазами.

Рука в стальной перчатке нащупала на поясе выключатели реактивного механизма. В миниатюрных ракетных

соплах полыхнули крохотные голубые огоньки, и Гэри полетел вперед, к таинственному кораблю. Увидев, что его заносит вправо, он прибавил приток горючего к правой ракетке и выровнял курс.

Реактивные движки скафандра неуклонно несли его к кораблю. Впереди мелькнули яркие огни «Космического щенка», прочертили дугу и скрылись из виду.

В четверти мили от судна Гэри выключил ракетки и медленно поплыл к дрейфующему корпусу. Наконец магнитные подошвы стукнули о заржавелую обшивку, и Гэри встал, выпрямившись во весь рост.

Осторожно шагнув к одному из освещенных иллюминаторов, он распластался на животе и заглянул в каюту через массивное — толщиною в фут — стекло. Но свет был слишком тусклым, так что разглядеть удалось не много. Во всяком случае, никакого движения, никакого намека на обитаемость корабля Гэри не уловил. Он увидел только большой прямоугольный предмет, похожий на ящик, стоявший посреди каюты.

Гэри подошел к люку и обнаружил, что тот тщательно задраен. Чего и следовало ожидать. Репортер постучал по крышке люка тяжелыми башмаками, надеясь привлечь к себе внимание. Но если внутри и был кто живой, то он либо не слышал, либо не обратил внимания на этот грохот.

Медленно повернувшись, Гэри направился было к иллюминатору рулевой рубки, чтобы попытаться рассмотреть ее внутренности. Но не успел он сделать двух шагов, как в глаза ему бросилось нечто странное справа от люка — что-то вроде еле заметной надписи на стальной обшивке.

Гэри опустился на одно колено. Это и впрямь была надпись — одна-единственная строчка, коряво вытравленная в металле. Смахнув перчаткой ржавчину, Гэри попробовал разобрать слова. Надпись оказалась краткой, простой и недвусмысленной. Когда пишешь кислотой по стали, поневоле будешь лаконичным.

Гэри прочел:

«Иллюминатор рулевой рубки не задраен».

Ошарашенный, он прочел строку еще раз. Да, так и есть. Единственная строчка была написана с единственной целью: указать, как проникнуть на борт.

По спине у Гэри побежали мурашки. Кто-то вытравил эту надпись в надежде, что кто-нибудь ее прочитает.

Хотя, наверное, уже слишком поздно. Корабль выглядел старым, даже древним. Его очертания, непривычного вида иллюминаторы и способ их соединения с обшивкой — все носило отпечаток кораблестроительного дизайна, забытого столетия назад.

Гэри ощущал, как смыкается вокруг него холодное молчание тайны вместе с вечной стужей космоса. Он взглянул за округлый край корпуса, и в глаза ему тут же уставились стальные глазки звезд. Укрывшись в безопасности в бездонных глубинах пространства, они потешались над ним — потешались над человеком, возомнившим, будто он сможет их покорить.

Он встрепенулся, стараясь стряхнуть с себя склизкие пальцы страха, и, оглянувшись, увидел справа родные огоньки неторопливо плывущего «Космического щенка».

Шагая быстро, но осторожно, Гэри добрался до носа корабля, присел на корточки и заглянул через стекло иллюминатора в рулевую рубку. Но это была не рулевая рубка — это была лаборатория. В небольшом отсеке, некогда наверняка заполненном навигационным оборудованием, не осталось и следа от пульта управления, или вычислительной машины, или экрана телескопа. Вместо них там стояли лабораторные столы, уставленные всякими приборами и химическими реактивами в колбах и банках — словом, типичными причиндалами любой научной лаборатории.

Дверь в каюту, где Гэри видел большой продолговатый ящик, была закрыта. Все приборы и колбы в лаборатории стояли аккуратными рядами, будто кто-то тщательно прибрался напоследок, прежде чем уйти.

Гэри терялся в догадках. Отсутствие ракетных установок, архаичный вид корпуса, вытравленная кислотой надпись у люка, лаборатория в рулевой рубке... Что бы это значило? Он покачал головой. Совершенно непонятно.

Прижимаясь всем телом к выпуклой стальной шкуре корабля, Гэри уперся руками в иллюминатор. Но сильно надавить он не мог. Невесомость, неустойчивое равновесие и невозможность закрепиться сводили на нет все его усилия. Он попробовал пнуть стекло ногой, но оно не поддавалось.

В крайнем случае он мог, конечно, пустить в ход свое оружие и пробить обшивку. Но это занятие долгое,

утомительное, а главное небезопасное. Должен быть, сказал себе Гэри, какой-то более простой и надежный способ.

Решение пришло почти мгновенно, но он продолжал колебаться, поскольку способ тоже был опасным. Он может лечь на стекло иллюминатора, включить реактивные движки скафандра и использовать собственное тело как таран — вернее, как рычаг, чтобы сдвинуть с места неподатливые шарниры.

Но стоит ему хоть чуточку перестараться, стоит врубить слишком большую скорость — и его размажет по стеклу.

Содрогнувшись от этой мысли, Гэри растянулся во весь рост на иллюминаторе, подогнул под себя руки и коснулся пальцами выключателей на поясе. Потом осторожно нажал на обе кнопки. Реактивные движки прижали его тело к толстому стеклу. Гэри выключил тягу. На мгновение ему показалось, будто иллюминатор слегка подался вперед.

Сделав глубокий вдох, он снова врубил движки. И опять его тело распласталось на стекле, придавленное силой реактивного выброса.

Иллюминатор внезапно распахнулся. Гэри влетел в лабораторию, судорожно нажимая на выключатели, и тут же рухнул, громко стукнувшись шлемом об пол.

С трудом встав на ноги, он услыхал свист выходящего наружу воздуха и шатаясь побрел к иллюминатору. Подпрыгнул, толкнул тяжелую раму. Она мгновенно захлопнулась, прижатая давлением воздушного потока.

Гэри плюхнулся в кресло, все еще смурной после падения, и потряс головой, чтобы разогнать туманную одурь.

Так, значит, на судне есть воздух. Стало быть, атмосферный генератор работает и в обшивке нет ни пробоин, ни трещин. Корабль по-прежнему герметичен.

Гэри чуть приподнял шлем. Чистый свежий воздух щекотнул ему ноздри — более свежий и чистый, чем воздух в скафандре. Слегка перенасыщен кислородом, пожалуй, но и только. Если атмосферный генератор работал долгие годы без настройки, неудивительно, что он немножко разрегулировался.

Гэри откинул шлем, оставив его болтаться сзади на шарнирах, и вдохнул полной грудью. В голове у него тотчас просветлело.

Он окинул взглядом помещение, но ничего особенного больше не увидел. Хорошо оборудованная, удобная лаборатория, хотя многие приборы, как он теперь заметил, были устарелыми, а то и вовсе вышедшими из употребления. Но это вполне сочеталось с архаичным видом корабля.

Углядев на стене над шкафчиком какой-то обрамленный документ, Гэри встал и подошел поближе. Документ оказался дипломом марсианского Алькатунского университета, самого престижного учебного заведения Красной планеты. Выдан некоей Кэролайн Мартин.

Гэри прочел имя еще раз. Оно показалось ему знакомым. Что-то в его памяти отозвалось на это имя, но воспоминание ускользнуло, не успев оформиться.

Он снова посмотрел по сторонам.

Кэролайн Мартин. Девушка, прикрепившая на стенку диплом как напоминание о днях давно прошедших... Гэри взглянул на дату в уголке пергамента. 5976 год. Он тихо присвистнул. Диплом был выдан тысячу лет назад!

Тысяча лет. Если Кэролайн Мартин повесила тут диплом десять веков назад, то где сейчас сама Кэролайн Мартин? Что с нею сталось? В каком далеком уголке Солнечной системы ее настигла смерть? Или она умерла здесь, на корабле?

Гэри повернулся и пошел к двери, ведущей в жилой отсек. Распахнул ее, шагнул через порог — и вдруг остановился, опешив от изумления.

Посреди каюты стоял продолговатый ящик, который Гэри разглядел через иллюминатор. Но это был не ящик — это был резервуар, прочно прикрепленный к полу тяжелыми стальными скобами.

В резервуаре, наполненном зеленоватой жидкостью, лежала женщина. Ее длинное платье сверкало металлическими бликами в свете единственной радиевой лампы, висевшей на потолке прямо над резервуаром.

Гэри, затаив дыхание, подошел поближе, склонился над изголовьем и всмотрелся сквозь прозрачную зеленую жидкость в лицо лежащей. Глаза закрыты, загнутые черные ресницы оттеняют белизну щек. Высокий лоб, черные как смоль косы уложены вокруг головы. Темные ниточки бровей изгибаются дугой и почти сходятся над изящным носиком. Рот чуточку великоват, но в изгибе тонких красных губ чувствуется порода. Руки вытянуты вдоль боков, отливающее металлом платье

складками сбегает от подбородка до щиколоток. Возле правой руки на дне резервуара лежит медицинский шприц, блестящий и чистенький, несмотря на покрывающую его жидкость.

У Гэри перехватило дыхание.

Она была как живая, хотя живой быть никак не могла. И все же казалось, будто она просто уснула — таким прекрасным и юным было это лицо.

Лежащая на смертном ложе, она всем своим видом словно говорила, что смерть ее ложна. Лицо спокойное, умиротворенное и... ожидающее, что ли? Как будто она ждет чего-то и надеется, что ее ожидание не напрасно.

На дипломе в лаборатории стояло имя Кэролайн Мартин. Могла ли эта девушка быть владелицей диплома? А если да, то, выходит, она окончила университет в Алькатуне десять столетий назад?

Гэри недоверчиво покачал головой.

Отступив на шаг назад, он вдруг заметил медную пластинку, прикрепленную к стальной боковой стенке резервуара.

Еще одно послание, вытравленное на меди... Послание от девушки, лежащей в зеленой жидкости.

«Я не умерла, я в анабиозе. Откройте вентиль и осушите резервуар. Сделайте мне укол — шприц найдете в аптечке».

Гэри обернулся и действительно увидел на стене над раковиной аптечку. Он перевел глаза на девушку и вытер рукавом скафандра лоб.

— Этого не может быть, — прошептал он.

Словно сомнамбула, он побрел, спотыкаясь, к аптечке. Там и правда оказался шприц, наполненный красноватой жидкостью — по-видимому, лекарством для пробуждения из анабиоза.

Положив шприц на место, Гэри вернулся к резервуару и нашел вентиль. Закрученный Бог знает сколько лет назад, тот упорно сопротивлялся, пока Гэри не пнул его в сердцах тяжелым башмаком. Открутив дрожащими пальцами вентиль, он уставился на резервуар, глядя, как снижается понемножку уровень зеленой жидкости.

Это зрелище странным образом успокоило его. Все чувства как-то притупились, осталась лишь решимость и готовность выполнить то, что ему предстояло. Осечки тут быть не должно. Одно неверное движение — и вся тысячелетняя работа пойдет насмарку. А вдруг лекарст-

во в шприце выдохлось и не подействует? Что ж, все возможно. Нужно быть готовым к любым случайностям.

Но разве у него есть выбор? Он поднял руку, вытянул вперед и посмотрел на нее. Рука была спокойна и тверда.

Гэри не стал терять время на раздумья. В мозгу вертелась тысяча вопросов, но он отогнал их, решительно тряхнув головой. Сначала дело — а потом будет время и для вопросов, и для удивления, и для размышлений.

Когда жидкости осталось вровень с телом девушки, Гэри отбросил последние сомнения и, наклонившись над резервуаром, взял ее на руки. Постоял, мгновение помедлил, а потом повернулся к двери, вошел в лабораторию и положил девушку на стол. Капли, стекая с шуршащей металлической ткани платья, оставили на полу мокрый след.

Взяв из аптечки шприц, Гэри вернулся к девушке. Поднял ее левую руку, пристально вгляделся. Точечки на коже свидетельствовали о прежних уколах.

На лбу у него выступила испарина. Знать бы точно, что от него требуется! Он же в таких вещах ни в зуб ногой!

Неловко вонзив иголку в вену, Гэри нажал на поршень. Ну вот и все, дело сделано. Он отступил назад.

Ничего не происходило. Гэри ждал.

Через несколько минут девушка слабо вздохнула. Гэри как завороженный наблюдал за ее пробуждением к жизни. Дыхание стало глубоким и ровным, затрепетали ресницы, дрогнула правая рука...

И вот она уже смотрит на него темно-синими глазами.

— Вы в порядке? — спросил он, ощущая, как глупо звучит его вопрос.

Она пробормотала что-то в ответ. Язык и губы плохо ей повиновались, но Гэри понял, что она хотела сказать.

— Да, я в порядке.

Она спокойно лежала на столе. Потом чуть более разборчиво спросила:

— Который нынче год?

— 6948-й, — ответил Гэри.

Глаза у нее округлились.

— Почти тысячелетие, — пробормотала она. — Вы ничего не путаете? Вы уверены?

— Это единственное, в чем я сейчас уверен, — кивнул он.

— Вот как?

— Ну да. Я нашел вас, оживил... Я до сих пор не уверен, что все это мне не снится.

Она рассмеялась странным, неуверенным смешком: мышцы, так долго бывшие неподвижными, разучились правильно функционировать.

— Вы Кэролайн Мартин, верно? — спросил Гэри.

Девушка удивленно взглянула на него и села.

— Я Кэролайн Мартин, — ответила она. — Но откуда вы знаете мое имя?

— Я его прочел. — Гэри махнул рукой в сторону диплома.

— Ах да! Я напрочь забыла о нем.

— Меня зовут Гэри Нельсон, — представился Гэри. — Свободный репортер. А мой приятель ждет нас на борту нашего судна.

— Я, наверное, должна поблагодарить вас, только не знаю как. Просто сказать «спасибо» — этого явно недостаточно.

— Не ломайте голову, — лаконично посоветовал Гэри.

Девушка потянулась, подняв кверху руки.

— До чего же хорошо снова быть живой! — воскликнула она. — И знать, что впереди у тебя целая жизнь.

— Но вы же не умирали, — возразил Гэри. — Вы просто заснули, а теперь пробудились ото сна.

— Нет, это был не сон, — сказала она. — Это было хуже смерти. И все из-за одной ошибки.

— Ошибки?

— Да, одной-единственной. В жизни не догадаетесь какой. Я, по крайней мере, не сумела догадаться вовремя. Видите ли, при анабиозе все физические процессы в организме заторможены почти до нуля, то есть метаболизм замедляется почти до полной остановки. Но с одним исключением. Мой мозг продолжал работать.

Гэри сделалось жутко.

— Вы хотите сказать, что все осознавали?

Она кивнула:

— Я ничего не слышала, не видела, не чувствовала. Не ощущала своего тела. Но мыслительный процесс продолжался, и длился почти десять веков. Я пыталась не думать, но не могла. Я молилась о смерти, как о спасении. Я на все была согласна, лишь бы прекратилась эта вечная пытка мыслями.

Она заметила сочувствие в его глазах.

— Только не надо меня жалеть. — В голосе ее прорезались жесткие нотки. — Меня никто не принуждал, я сама так решила. Из упрямства, быть может. Но я приняла условия игры и поставила на кон свою жизнь.

— И выиграли, — улыбнулся Гэри.

— У меня был один шанс из миллиарда, — продолжала она, — если не меньше. Затея, конечно, была совершенно безумная. Ведь этот корабль не более чем песчинка в пустыне. Думаю, если просчитать все на бумаге, то шанс, что кто-нибудь найдет меня, оказался бы гораздо меньше одного из миллиарда. И все же я не теряла надежды. Я надеялась, что мне помогут и шансы мои возрастут. Словом, я поверила кое-кому, но меня подвели. Хотя, возможно, не по своей вине. Не исключено, что тот, кому я поверила, умер, не успев даже начать поиски.

— Но как вам это удалось? — спросил Гэри. — Анабиоз и в наши-то дни — камень преткновения для ученых. Каких-то успехов они добились, конечно, но не слишком впечатляющих. А вы умудрились провести в анабиозе тысячу лет!

— Лекарства, — сказала она. — Особые марсианские препараты. Очень редкие и тщательно скомбинированные. Они замедляют обмен веществ почти полностью. Но с ними надо быть чрезвычайно осторожным. Стоит чуточку переборщить, и метаболизм остановится совсем. А это означает смерть.

— Стало быть, то, что я вам вколол, — Гэри показал на шприц, — было своего рода противоядием.

Девушка серьезно кивнула.

— А жидкость в резервуаре, — продолжал Гэри, — препятствовала обезвоживанию организма и одновременно подпитывала его? Много пищи вам не требовалось, раз обмен веществ был почти на нуле. Но как же рот и ноздри? Жидкость...

— Маска, — сказала она. — Химическая смесь, которая держалась в растворе и испарилась, как только подверглась воздействию воздуха.

— Вы обо всем подумали.

— Пришлось. За меня некому было думать.

Она соскользнула со стола и медленно подошла к Гэри.

— Минуту назад вы мне сказали, что ученым так и не удалось решить проблему анабиоза.

Он кивнул.

— То есть они до сих пор не знают про эти лекарства?

— Кое-кто из них охотно отдал бы правую руку в обмен на информацию о таких препаратах.

— Тысячу лет назад у меня была эта информация, — проговорила девушка. — У меня и еще у одного человека. Хотела бы я знать... — Она осеклась и внезапно воскликнула: — Уйдемте отсюда! Это место внушает мне ужас.

— Хотите что-нибудь взять с собой? — спросил он. — Вам помочь?

Она нетерпеливо отмахнулась.

— Нет. Я хочу забыть это судно.

Глава 3

«Космический щенок» неуклонно приближался к Плутону Из машинного отделения доносилось приглушенное урчание геосекторов. Иллюминаторы глядели в эбонитовую тьму пространства с его бесчисленными сторожевыми постами — крохотными стальными звездочками. Стрелка на индикаторе подползла почти вплотную к отметке «тысяча миль в час».

Не вставая с кресла, Кэролайн Мартин подалась вперед, не в силах оторвать глаза от бесконечности, простиравшейся впереди.

— Всю жизнь бы так сидела и смотрела! — восхищенно заявила она.

Гэри, откинувшись на спинку пилотского кресла, тихо сказал.

— Я все думаю о твоем имени. Где-то я его уже слышал. Или в книге какой-то читал?

Девушка мельком взглянула на него и вновь уставилась во тьму.

— Все может быть, — проговорила она наконец.

Они замолчали, и только мурлыканье геосекторов нарушало тишину

Потом Кэролайн повернулась к Гэри, подперев подбородок ладошками.

— Может, ты и читал обо мне, — сказала она. — Не исключено, что имя Кэролайн Мартин упоминается в ваших исторических книгах. Видишь ли, во время

войны с Юпитером я была членом марсианско-земной научной комиссии. Я так гордилась этим назначением! Целых четыре года после окончания университета я пыталась найти работу по специальности: хотела скопить немного денег, а потом вернуться в университетскую лабораторию.

— Начинаю припоминать, — сказал Гэри. — Хотя, возможно, я что-то путаю. По-моему, историки называли тебя предательницей. Тебе вроде даже вынесли смертный приговор.

— Я и была предательницей. — В голосе ее прорвалась неизбывная горечь. — Я отказалась передать военным свое открытие, которое могло помочь им выиграть войну. Правда, заодно оно могло разрушить всю Солнечную систему. Я им объясняла, но что толку объяснять военным! К тому же они были в отчаянном положении. Мы в то время проигрывали войну.

— Мы так ее по-настоящему и не выиграли, — сказал Гэри.

— Меня приговорили к космосу, — продолжала Кэролайн. — Заперли на том судне, где вы меня нашли, а потом военный крейсер отбуксировал его к орбите Плутона и оставил. Судно и тогда уже было не новое, с устаревшим оборудованием. Ракеты из него повыдергали, и оно стало моей тюрьмой.

Взглянув на возмущенные лица спутников, она жестом велела им придержать эмоции.

— Об этом историки умолчали, — заметил Херб.

— Возможно, военные скрыли от них, — откликнулась Кэролайн. — Война толкает людей на такие безумства, о которых они не любят вспоминать в мирное время. В рулевой рубке — очевидно, в насмешку — мне устроили лабораторию. Чтобы я могла продолжать свои исследования, сказали они. Исследования, которые мне уже не придется им отдавать.

— А твое открытие действительно могло разрушить систему? — спросил Гэри.

— Да, — ответила она, — могло. Потому-то я и отказалась отдать его военному совету. А они за это объявили меня предательницей. Думаю, они надеялись меня сломить. Рассчитывали, что в конце концов, напуганная перспективой заточения в космосе, я расколюсь и подниму кверху лапки.

— А когда ты не сдалась, — сказал Херб, — они уже не могли отступить. Не могли позволить тебе рассказать об их методах.

— Кстати, твоих записей так никто и не нашел, — добавил Гэри.

Девушка постучала тонким пальчиком себя по лбу.

— Все мои записи были здесь, — заявила она.

Гэри удивленно уставился на нее.

— Они и сейчас здесь, — сказала Кэролайн.

— Но как тебе удалось достать препараты для анабиоза? — спросил Гэри.

Она помедлила с ответом.

— Я не люблю об этом вспоминать, — сказала она наконец. — Слишком тяжело. В общем, у меня был коллега. Примерно моего возраста. Он, должно быть, давно уже умер.

Кэролайн помолчала, собираясь с мыслями.

— Мы любили друг друга. И вместе открыли процесс погружения в анабиоз. Мы тайком работали над этим проектом в течение нескольких месяцев и как раз собирались обнародовать результаты, когда меня забрали. Больше я его не видела. Ко мне не пускали посетителей.

В космосе, после того как ушел военный крейсер, я чуть было не спятила поначалу. Я придумывала себе всякие занятия. Каждый день наводила порядок в лаборатории, переставляла колбы и приборы и вдруг наткнулась однажды на лекарства, запрятанные в ящичек с химикатами. Только один человек в мире знал о них, не считая меня. Там же лежали два шприца.

Гэри раскурил потухшую трубку.

— Я понимала, какой это риск, — продолжала девушка. — Но человек, которого я любила, явно рассчитывал на то, что у меня хватит духу рискнуть. Возможно, он вынашивал какой-нибудь безумный план, собираясь вызволить меня из заточения. Наверное, что-то ему помешало. Или он устал и сдался. А может, погиб на войне. Но он дал мне шанс — единственный и отчаянный шанс в борьбе с судьбой, на которую обрек меня военный трибунал. Из стальных перегородок машинного отделения я соорудила резервуар. Трудилась над ним несколько недель. Сделала надпись на медной пластинке,

потом вышла наружу и вытравила строку возле люка Боюсь, получилось не очень изящно

— А потом, — сказал Херб, — ты погрузилась в сон.

— Не совсем в сон, — возразила она — Потому что мозг у меня продолжал работать. Я думала и думала почти тысячу лет. Мой разум ставил себе проблемы и решал их. Я развила в себе способности к чистой дедукции, ибо никаких инструментов, кроме мозга, у меня не было. Мне кажется, у меня даже появились способности к телепатии.

— Ты хочешь сказать, что можешь читать наши мысли? — спросил Херб.

Она кивнула и поспешно добавила.

— Могу, но не читаю. Ведь вы мои друзья Но я почувствовала мысли Гэри, когда он очутился на борту Я ощущала его удивление и замешательство и ужасно боялась, как бы он не ушел и не оставил меня снова одну. Я пыталась мысленно пообщаться с ним, но он так разволновался, что ничего не мог понять.

— Разволнуешься тут, — пробурчал Гэри

— Но ты же подвергала свою жизнь огромному риску! — воскликнул Херб. — Мы совершенно случайно наткнулись на тебя. А твои лекарства не могли действовать вечно — еще пару тысячелетий, не дольше. И атмосферные генераторы в любой момент могли сломаться. А метеориты? Чтобы вывести судно из строя, хватило бы одного маленького камушка Все эти годы твоя жизнь висела на волоске.

— Да, шансы были невелики, — согласилась Кэролайн. — Не думайте, будто я не понимала. Но что мне оставалось? Сидеть сложа руки, потихоньку сходить с ума, а потом состариться и умереть в одиночестве?

Она помолчала немного и добавила.

— Все было бы легче, не допусти я ту единственную ошибку.

— Тебе не было страшно? — спросил Гэри

Ее глаза слегка расширились, и она кивнула

— Я слышала голоса, — сказала она. — Голоса из космоса, из той пустоты, что лежит между галактиками Какие-то существа переговаривались друг с другом сквозь бездну пространства — существа, которым люди в смысле интеллекта показались бы просто букашками

Сначала я перепугалась: они говорили о чем-то ужасном, я это чуяла, хотя почти ничего не понимала. Потом, охваченная отчаянием, я попыталась им ответить, привлечь к себе их внимание. Я больше не боялась их — наоборот, я надеялась, что они смогут мне помочь. Меня не волновало, что будет потом, лишь бы кто-нибудь пришел мне на помощь. Или хотя бы заметил мое существование и избавил от этого жуткого одиночества.

Гэри в очередной раз раскурил свою трубку.

Все трое молча и неотрывно глядели во мглу, окружавшую их со всех сторон. Гэри ощущал, как шевелятся волосы у него на затылке. Холодный ветер дохнул ему в лицо из невозможной дали; какие-то неведомые космические чудища протянули свои грязные когтистые мысли, пытаясь нащупать его и схватить. Существа, которые обмениваются мыслями через пустыню, разделяющую галактики!

— Скажите, — проговорила Кэролайн, и голос ее тоже, казалось, доносился откуда-то издали, — чем закончилась тогда война?

— Война? — не понял Гэри.

Потом до него дошло.

— Ах, война! — сказал он. — Ну, Земля и Марс в конце концов победили. Во всяком случае, так утверждают историки. Возле Ганимеда разразилось решающее сражение, после чего оба флота, изрядно потрепанные, расползлись по домам зализывать раны. Юпитериане вернулись к себе на Юпитер, а марсианско-земной флот приземлился в Сандбаре на Марсе. Земляне с союзниками несколько месяцев восстанавливали корабли и укрепляли оборону. Но юпитериане так больше и не вернулись, а наш флот не осмелился навязать им войну на их территории. Даже сейчас у нас нет судов, способных проникнуть в юпитерианскую атмосферу. С помощью геосекторов мы можем долететь туда и обратно, но рядом с планетой их использовать нельзя. Они работают по принципу искривления пространства...

— Искривления пространства? — внезапно насторожившись, переспросила девушка.

— Ну да, — сказал Гэри. — А что тут такого странного?

— Да ничего, — ответила она. — Конечно же, ничего. — И добавила: — Это действительно трудно назвать победой.

— Так считают историки. — Гэри пожал плечами. — Они уверяют, что мы нагнали на юпитериан страху и те не посмеют даже носа высунуть со своей планеты. Земля с Марсом захватили спутники Юпитера, колонизировали их, однако никто с тех пор так и не видел больше ни юпитериан, ни их кораблей. Я имею в виду — с того самого дня 5980 года.

— Такие вот дела, — подытожил Херб.

Девушка снова уставилась в иллюминатор. Ее переполняет жажда жить и жажда видеть, подумал Гэри, но в душе у нее навек остались шрамы чудовищных воспоминаний.

Гэри поежился. Обреченная на одиночество, она рискнула жизнью и выиграла. Выиграла в схватке со временем, пространством, людской жестокостью и вечным равнодушием неисчислимых звезд.

О чем она думала все эти бесконечные годы? Какие проблемы решала? Что она за человек — с ее двадцатилетним телом и тысячелетним мозгом?

Гэри, рассеянно крутя в ладонях горячую трубку, не сводил глаз с ее профиля на черном фоне иллюминатора. Упрямый подбородок, высокий лоб, косы, оплетающие голову...

О чем она думает сейчас? О своем возлюбленном, давно обратившемся в прах? О том, как он пытался найти ее и не сумел? Или она думает о голосах.. Голосах, переговаривающихся сквозь необозримую пучину пустоты?

Космотайп, притулившийся в темном уголке, вдруг проснулся и запищал.

Гэри вскочил с кресла.

— Что там еще?! — крикнул он.

Машина перестала пищать и начала отстукивать сообщение.

Гэри подбежал к аппарату. Кэролайн с Хербом заглядывали ему через плечо.

«НЕЛЬСОНУ, НА БОРТ "КОСМИЧЕСКОГО ЩЕНКА", ПРИБЛИЖАЮЩЕГОСЯ К ПЛУТОНУ. КИНГСЛИ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ПОЛУЧИЛ СТРАННЫЕ ПОСЛАНИЯ ИЗ-ЗА ПРЕДЕЛОВ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ. НЕ МОЖЕТ ИЛИ НЕ ХОЧЕТ НАЗВАТЬ ИХ

ИСТОЧНИК. ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПРЕДОСТАВИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЛУЧЕНИЯ ПОСЛАНИЙ И ОБ ИХ СОДЕРЖАНИИ, ЕСЛИ ОНО ЕМУ ИЗВЕСТНО. СРОЧНО ВОЗЬМИТЕ У НЕГО ИНТЕРВЬЮ. УДАЧИ. "ВЕЧЕРНЯЯ РАКЕТА"».

Космотайп прекратил стрекотать.

Трое спутников переглянулись.

— Послания, — сказал Херб. — Послания из космоса.

Гэри покачал головой. Взглянул украдкой на Кэролайн и увидел, как она побледнела. Наверное, вспоминала голоса.

Глава 4

Конечный Пункт, единственная колония на Плутоне, прилепившаяся к подножию высокой черной горы, казалась вымершей. В домах, зажатых между космодромом и горой, не ощущалось ни малейших признаков жизни. Спиральная башня радиостанции вздымалась ввысь до головокружения, рядом с ней примостилась крохотная радиорубка. За ними виднелись заправочная станция и ангар, а в полумиле маячило большое здание, в котором располагались лаборатории Межпланетной научной комиссии.

Кэролайн подошла к Гэри поближе.

— От этой колонии веет таким одиночеством, — шепнула она. — Я не люблю одиночества... после...

Гэри, шаркая тяжелыми башмаками по выщербленным камням, неуклюже пожал плечами.

— Здесь всегда довольно пустынно, — сказал он. — Интересно, куда они все подевались?

Не успел он закрыть рот, как люк радиорубки распахнулся и чья-то фигура в скафандре поспешила по взлетному полю к ним навстречу.

В наушниках затрещал голос встречающего:

— Вы, должно быть, Нельсон. Я Тед Смит, здешний радист. Кингсли велел мне сразу привести вас к нему.

— Отлично, — сказал Гэри. — Рад это слышать. Надеюсь, Эванс еще не улетел?

— Нет, — ответил Смит. — Он сейчас в лаборатории, а его корабль — в ангаре. Хотя мне лично кажется, что он собирается вскорости плюнуть на все комиссии и отчалить. — Смит повернулся и зашагал обратно рядом с гостями. — До чего же приятно увидеть новые лица! — заявил он. — Особенно женщину. Женский пол не балует нас своими визитами.

— Прошу прощения, — спохватился Гэри. — Я совсем забыл.

Он представил Смиту Кэролайн и Херба, пока они брели мимо радиорубки к лаборатории.

— Вообще-то здесь свихнуться можно от тоски, — сказал Смит. — Премерзкое местечко, доложу я вам. Ни ветерка, ни лунного сияния — ничегошеньки. День не отличишь от ночи: облаков нет, так что звезды видны круглосуточно, а Солнце даже днем не больше горошины.

Воодушевленный присутствием слушателей, он болтал без умолку.

— Люди тут все становятся маленько с приветом, — сообщил он доверительно. — Такая жизнь кого хочешь достанет. Но у доктора, по-моему, крыша поехала всерьез. Слишком долго он здесь проторчал. Возомнил, понимаете, будто получает послания черт знает откуда, чуть ли не из другой галактики. Такую секретность вокруг них развел — жуткое дело!

— Вы думаете, ему это просто кажется? — спросил Херб.

— А я почем знаю? — отозвался Смит. — Но както не верится мне. Откуда бы им взяться, этим посланиям? Подумайте сами, сколько энергии нужно затратить, чтобы послать весточку с альфы Центавра! А до нее ведь не так уж далеко, это вам не другая галактика. Звездочка-соседка, можно сказать.

— Однако Эванс собирается слетать туда и обратно, — напомнил ему Херб.

— Эванс помешан на космосе, — заявил Смит. — Мало ему Солнечной системы, ему далекие звезды подавай! Сгинет он там, вот и вся недолга. Я его предупреждал, но он только смеется. Жалко мне его. Он славный парнишка.

Они поднялись по ступенькам, выбитым прямо в скальной породе и ведущим к главному шлюзу здания

МНК. Смит нажал на кнопку и, пока они ждали, спросил:

— Послать к вам на судно Энди?

— Конечно, — сказал Гэри. — И скажите, пускай заправит его как следует.

— Энди — владелец заправочной станции, — пояснил радист. — Правда, дела у него в упадке. Большинство судов обзавелись нынче геосекторами. К нам в год залетает не больше пары старых посудин, нуждающихся в горючем. Было время, бизнес у него процветал, но теперь уже не то.

Люк отворился, и трое прибывших шагнули в шлюз. Смит остался за порогом.

— Мне пора возвращаться в рубку, — сказал он. — Еще увидимся.

Внешний люк с шипением закрылся, и тут же распахнулась внутренняя дверь. Троица вошла в каморку, все стены в которой были увешаны скафандрами.

Посреди каморки стоял человек. Высокий, крепкий, широкоплечий, с большими красными ладонями и всклокоченной черной шевелюрой.

— Рад вас видеть, — сказал он глубоким басом и оглушительно рассмеялся, сотрясая стены.

Гэри откинул шлем назад и протянул руку в перчатке.

— Вы доктор Кингсли? — спросил он.

— Так меня кличут, — опять загудел мощный бас. — А ваших друзей как зовут?

Гэри представил своих спутников.

— Я и не знал, что с вами дама, — сказал доктор.

— А ее с нами не было, — отозвался Херб. — Мы подобрали ее совсем недавно.

— Вы хотите сказать, она путешествовала по космосу автостопом?

— Не совсем, — засмеялся Гэри. — Все гораздо интереснее, доктор. Мисс Мартин расскажет вам свою историю — я уверен, что вам понравится.

— Снимайте-ка свои доспехи, — зарокотал доктор, — не то у меня кофе выкипит. Вам, как я понимаю, не терпится повидаться с Томми Эвансом. Этот юный осел вообразил, будто сможет пролететь четыре световых года до старушки альфы Центавра!

В ту же минуту юный осел ворвался в каморку.

— Док! — заорал он. — Ваша чертова машина опять мигает!

Доктор Кингсли развернулся и помчался вперед, крикнув на бегу:

— За мной! Скафандры снимете потом!

Они побежали следом за ним через жилые комнаты, через кухоньку, благоухающую кофе, и очутились в лаборатории, совершенно пустой, если не считать стоявшего в углу аппарата. На верху у него быстро мигала красная лампочка.

Вид у аппарата был диковинный — сложные переплетения трубок и проводов, замысловатая сеть металлических деталей — в общем, техника на грани фантастики.

Доктор Кингсли грузно опустился в кресло и водрузил на голову шлем, похожий на колпак. Схватил в руки карандаш, лежавший возле блокнота, коснулся грифелем бумаги, точно собираясь писать, — но карандаш так и застыл над бумагой, не написав ни строчки. Лицо у доктора сосредоточенно нахмурилось. Левая рука поднялась к шлему и принялась нажимать на кнопки и рычажки.

Гэри изумленно наблюдал.

По-видимому, именно с помощью этой хитроумной штуковины доктор принимал свои таинственные сигналы. Но на сей раз, похоже, что-то не ладилось. Машина не приняла сообщение.

Красная лампочка погасла, и доктор сорвал с головы колпак.

— Опять ничего, — сказал он, крутанувшись в кресле.

Он неторопливо поднялся с разочарованным видом, но голос его загудел жизнерадостно, как всегда.

— Познакомьтесь, это Эванс, — сказал он, хлопнув Томми по плечу, и в свою очередь представил ему гостей. — Они газетчики, — объяснил доктор. — Пишут про Солнечную систему. И неплохо пишут, должен сказать. Последний корабль-поставщик привез несколько номеров «Вечерней ракеты». Я прочел ваши статьи про спутники Юпитера. Здорово интересно.

Прошествовав обратно на кухню, доктор налил им кофе, а они тем временем вылезли из скафандров.

— Вы, небось, теряетесь в догадках, что все это значит, — сказал доктор.

— Мне писали о вас из конторы, — кивнул Гэри. — Попросили прислать статью. Надеюсь, вы мне поможете.

Доктор отхлебнул из дымящейся чашки.

— Да рассказывать-то почти не о чем, — сказал он. — Эта информация пока не для печати. Вряд ли у вас получится статья.

— Не будьте таким занудой, док, — рассмеялся Эванс. — Вам есть что им порассказать. Ну же, не держите в себе, выложите все начистоту А что не для печати, пускай они пообещают не писать.

Доктор Кингсли вопросительно посмотрел на Гэри

— Даю слово, доктор. Публиковать будем только с вашего разрешения, — сказал Гэри.

— Даже не знаю, с чего начать, — проворчал доктор. — Вам это покажется чистым бредом.

— Черт возьми, да все новое в мире кажется сначала бредом! — воскликнул Эванс. — Мой корабль вы тоже так обзывали. Но он прекрасно выполнит свою задачу. Я в этом уверен.

Кингсли взгромоздился на тяжелую кухонную табуретку.

— Это началось больше года назад, — сказал он. — Мы исследовали космические излучения. Они большие хитрюги, эти лучи, никак не хотят даваться в руки. Человечество изучает их вот уже пять тысяч лет, но до сих пор знает о них крайне мало. Так что когда наши приборы на крыше здания стали принимать не просто поток излучений, а явно упорядоченный поток, причем в определенные периоды времени, мы поначалу решили, что скоро разгадаем их природу. Мы усовершенствовали аппаратуру и выяснили кое-что еще. Оказалось, что упорядоченные потоки излучений наблюдались лишь тогда, когда наша сторона Плутона была обращена к туманности Андромеды. Кроме того, как выяснилось, лучи имели не только определенные физические характеристики, но и временные тоже, а интенсивность их поступления всегда оставалась неизменной. Иными словами, шаблон никогда не менялся: лучи появлялись только в те интервалы, когда мы были прямо напротив туманности Андромеды, интенсивность их почти не колебалась, а стало быть, они с регулярной периодичностью исходили из одного и того же источника. В промежутках между приемами этих лучей наше оборудование по-прежнему регистрировало обычный хаос, присущий космическим излучениям.

Я от этих данных просто обалдел, — продолжал доктор. — Ну не могут космические лучи вести себя

подобным образом! В жизни такого не бывало, ни разу за все пять тысяч лет Конечно, таких точных и тщательных исследований, да еще вдали от вмешательства магнитных солнечных полей, никто раньше не проводил. Но почему лучи ведут себя так только тогда, когда мы находимся в поле зрения туманности Андромеды?

Мы с моими двумя ассистентами судили да рядили, выдвигали разные теории и в конце концов пришли к единственно возможному выводу. Наши приборы улавливали вовсе не космические излучения, а что-то другое. Что-то совсем небывалое. Какие-то странные импульсы, идущие к нам из космоса. Почти как сигналы. Словно некто или нечто неведомое посылало свои позывные кому-то или чему-то, расположенному здесь, на Плутоне. Ну, воображение у нас маленько разыгралось, конечно. Мы предположили, что сигналы поступают из другой галактики, поскольку, как вы знаете, туманность Андромеды — это отдельная галактика, мощная звездная система, которую отделяет от нас около девятисот миллионов световых лет межгалактического пространства.

Разумеется, это только догадки. У нас нет никаких доказательств, подтверждающих нашу теорию. Мы до сих пор не можем с уверенностью сказать, что все это значит, хотя теперь мы знаем гораздо больше, чем вначале.

И тем не менее собранные нами факты указывают на то, что сигналы исходят из какого-то разумного источника. Чей-то разум определяет, когда и куда их посылать. Правда, остается проблема расстояния. Вообразите себе на минутку, что сигналы и впрямь передают из галактики Андромеды. Свету нужно около миллиарда лет, чтобы долететь до нас оттуда. Вполне возможно, что скорость света не предельна, однако насколько же нужно ее превзойти, чтобы сигналы, посылаемые на такое расстояние, не устарели, дойдя до адресата! Разве что тут замешано временно́е измерение — но тогда эта проблема выходит за рамки компетенции вашего покорного слуги. В общем, единственный разумный ответ примерно таков: если сигналы действительно шлют из туманности, то они идут, минуя межгалактическое пространство. Возможно, они проходят через какой-то другой пространственно-временной континуум — можете назвать его четвертым измерением, если угодно.

— Доктор, — сказал Херб, — вы совсем задурили мне голову

Смешок доктора Кингсли громовым раскатом прокатился по кухоньке.

— Мы чувствовали себя не лучше, — успокоил он Херба. — А потом подумали: что, если наши приборы принимают чьи-то мысли в чистом виде? Мысли, посланные с помощью телепатии на невообразимое расстояние? Какова скорость мысли — об этом мы не имеем ни малейшего представления. Она может быть мгновенной, а может не превышать скорости света. Или быть чем-то средним. Мы знаем только одно: эти сигналы представляют собою проекции мысли. Идут ли они через космическое пространство или как-то срезают путь, сдвигая пространственно-временные рамки, — этого я не знаю и, наверное, не узнаю никогда.

Машину, которую вы видели в лаборатории, мы собирали несколько месяцев. Коротко говоря, она принимает сигналы и преобразует чистую энергию мысли в мысль как таковую, то есть в символы, доступные восприятию человеческого мозга. Мы даже разработали методику трансляции наших собственных мыслей, чтобы вступить в контакт с чем-то или кем-то, кто пытается связаться с Плутоном. Правда, нам пока не удалось послать какое-либо связное сообщение. Но наши попытки ответить не пропали даром: их явно заметили, ибо послания в последнее время резко изменились. В них появились ноты отчаянного требования, почти что мольбы. — Доктор провел рукавом по лбу. — В общем, тут сам черт ногу сломит.

— Но зачем вообще кому-то понадобилось посылать сигналы на Плутон? — спросил Херб. — Пока сюда не прилетели люди, здесь не было никакой жизни. Бесплодная, пустая планета, лишенная атмосферы, слишком холодная, чтобы на ней можно было жить. Конечный пункт мироздания.

Кингсли смерил его строгим взглядом.

— Никогда и ничего не принимайте как должное, молодой человек, — сказал доктор. — Как можем мы утверждать, что на Плутоне никогда не было жизни, в том числе и разумной? А может, в необозримом прошлом здесь возникла и расцвела великая цивилизация?

Или же какие-нибудь пришельцы из другой солнечной системы заявились сюда и колонизировали планету?

— Все может быть, а только верится с трудом, — откликнулся Херб.

Кингсли раздраженно махнул рукой.

— В сигналы, пойманные нами, тоже верится с трудом, — пробасил он, — однако они существуют. Над вашим вопросом я сам задумывался, и не раз. У меня, к несчастью, слишком развито воображение, хотя ученому иметь его не полагается. Ученый должен корпеть, потеть и собирать информацию по зернышку, оставляя воображение философам. Но так уж я устроен. Я пытаюсь представить себе, что могло произойти в прошлом или произойдет в будущем. Вот я и подумал: а вдруг какая-то планета пытается связаться со своей давно потерянной колонией здесь, на Плутоне? Может, кто-то хочет возобновить контакт с людьми, жившими тут миллионы лет назад? Это, конечно, только предположение, и в общем оно никуда не ведет.

Гэри набил трубку и раскурил ее, хмуро взирая на тлеющий табак. Опять эти космические голоса. Голоса, переговаривающиеся через пустоту и смущающие человеческие души.

— Доктор, — сказал он, — а ведь не вам одному доводилось слышать мысли из космоса.

Кингсли резко повернулся к нему.

— Кто еще их слышал? — спросил он почти враждебно.

— Мисс Мартин, — спокойно ответил Гэри, пыхнув трубкой. — Вы же до сих пор не выслушали историю мисс Мартин. Сдается мне, она могла бы вам помочь.

— Чем это, интересно знать? — проворчал ученый.

— Видите ли, — мягко проговорил Гэри, — она занималась умственной работой целую тысячу лет. Думала, не переставая, почти десять веков.

У Кингсли вытянулось от изумления лицо.

— Не может этого быть, — сказал он.

— Может, доктор, — заверил его Гэри. — В анабиозе все может быть.

Кингсли открыл было рот, чтобы возразить, но Гэри его опередил:

— Вы хорошо знаете историю, доктор? Помните тот давний скандал, связанный с Кэролайн Мартин, которая отказалась отдать свое изобретение военным во время схватки с Юпитером?

— Ну конечно, — сказал Кингсли. — Ученые много лет гадали, что она такое изобрела..

Доктор вскочил с табуретки.

— Кэролайн Мартин! — вскрикнул он, посмотрев на девушку. И хрипло прошептал: — Вас тоже зовут Кэролайн Мартин.

Гэри кивнул:

— Доктор, это та самая женщина, что отказалась выдать свой секрет тысячу лет тому назад.

Глава 5

Доктор Кингсли глянул на часы.

— Скоро должны пойти сигналы, — сказал он. — Через несколько минут мы будем прямо напротив туманности Андромеды. Если выглянуть сейчас наружу, ее можно увидеть над горизонтом.

Кэролайн Мартин сидела в кресле у телепатической машины. На голове у девушки был шлем, похожий на колпак. Все взгляды были прикованы к маленькой лампочке на верху аппарата. Когда начнут поступать сигналы, лампочка замигает своим красным глазом.

— Свят-свят-свят! — прошептал Томми Эванс и провел ладонью по лицу.

Гэри наблюдал за девушкой: сидит, прямая, как королева с короной на голове. Сидит и ждет — ждет чьего-то неведомого голоса, способного пробиться сквозь немыслимую толщу пространства.

Мозг, отточенный тысячелетними размышлениями, привыкший к простой и жесткой логике. Она о многом передумала, лежа в резервуаре; ее разум ставил себе проблемы и решал их. Какие проблемы не давали ей покоя? Какие тайны удалось ей раскрыть? Такая молоденькая симпатичная девочка — ей бы в теннис играть или танцевать до утра... А вместо этого она думала тысячу лет.

Лампочка наконец замигала, и Гэри увидел, как Кэролайн, затаив дыхание, склонилась вперед. Карандаш,

зависший над блокнотом, выпал из ее пальцев и покатился по полу.

Над комнатой нависла гнетущая тишина, нарушаемая лишь взволнованным сопением доктора Кингсли. Доктор шепнул Гэри на ухо:

— Она понимает! Она понимает...

Гэри прижал палец к губам.

Красная лампочка погасла, и Кэролайн медленно повернулась в крутящемся кресле. Глаза ее были широко распахнуты. Казалось, она не в силах вымолвить ни слова. Наконец она заговорила:

— Они нас принимают за кого-то другого. Им кажется, что они связались с развитой цивилизацией, которая здесь была когда-то. Послания передают издалека. Не из туманности Андромеды, она просто оказалась на пути. Они недоумевают, почему мы им не отвечаем. Но они заметили, что кто-то пытается ответить, и хотят нам помочь. Они употребляли множество научных терминов, я не все смогла понять... Говорили что-то насчет искривления времени и пространства, но принцип искривления у них, похоже, совсем другой. Они чего-то хотят, и очень настойчиво. У меня сложилось такое впечатление, что кому-то в космосе угрожает опасность, и они считают, будто мы можем помочь.

— Угрожает опасность? Кому? — спросил Кингсли.

— Не знаю, — ответила Кэролайн.

— Ты можешь ответить им? — спросил Гэри. — Так, чтобы они поняли?

— Попробую, — сказала она.

— Вам надо только думать, — сказал ей Кингсли. — Думать напряженно и четко. Сосредоточьтесь изо всех сил, попытайтесь как бы вытолкнуть свои мысли из головы. Шлем уловит импульсы и перешлет их через мыслепроектор.

Ее тонкие пальцы потянулись к выключателю и повернули его. Трубки в машине ожили и загорелись ярким голубоватым светом. Лабораторию наполнил нарастающий гул энергии.

Гул сменился мерным урчанием, а трубки засияли так ослепительно, что стало больно глазам.

Она с ними разговаривает, подумал Гэри. Разговаривает с ними.

Минуты тянулись, словно вечность. Наконец девушка снова щелкнула выключателем. Урчание постепенно утихло, и воцарилась мертвая тишина.

— Они поняли? — спросил Кингсли, и в то же мгновение красная лампочка замигала опять.

Кингсли схватил Гэри за руку и жарко зашептал прямо ему в ухо:

— Мгновенные! Мгновенные сигналы! Они получили ее сообщение и сразу отвечают. Это значит, что сигналы проходят через какое-то необычное измерение.

Красная лампочка мигала как сумасшедшая. Кэролайн напряженно подалась вперед, жадно впитывая то, что принимал ее мозг.

Когда лампочка потухла, девушка сорвала с головы шлем.

— Нет, я не верю, — простонала она. — Это невозможно!

Гэри одним прыжком оказался рядом, обнял ее за плечи.

— Что случилось? — спросил он.

— Послания! — крикнула она. — Они приходят с самого края Вселенной! С самой кромки расширяющегося пространства...

Кингсли вскочил со стула.

— Они похожи на голоса, которые я слышала раньше, — продолжала Кэролайн. — Похожи, но не совсем. Более добрые, что ли... но все равно ужасные. Они не понимают, с кем разговаривают. Им кажется, будто они говорят с людьми, жившими на Плутоне много лет назад — не знаю сколько, но очень, очень давно.

Гэри озадаченно покачал головой, а у доктора Кингсли вырвался из горла хриплый рык.

— Они обращались ко мне, называя каким-то словом, — прошептала девушка, — в котором чувствовалась привязанность... Родственная привязанность — словно их соединяли кровные узы с теми людьми, что исчезли отсюда столетия назад.

— Не столетия, а миллиарды лет назад, — поправил ее Кингсли. — Коль скоро сигналы направлены именно сюда, значит, на этом месте был какой-то центр или город. Но от него не осталось никаких следов, ни малейших намеков. А ведь на Плутоне нет ни ветра, ни

природных катаклизмов, тут ничего ни заржаветь не может, ни взорваться. Да, миллиарды лет, не меньше...

— Но кто они такие? — спросил Гэри. — Те, с кем ты говорила. Они сказали тебе?

Кэролайн покачала головой.

— Я не совсем поняла. По-моему, они называют себя Космическими Инженерами. Хотя это неточный перевод. Недостаточный. Смысловая нагрузка в оригинале гораздо шире. — Она помолчала, пытаясь подобрать слова. — Они вроде как назначили сами себя охранителями Вселенной. Защитниками всего живого, что существует в ее пространственно-временных пределах. А некто или нечто угрожает жизни в нашей Вселенной — какая-то мощная сила, существующая там, где нет ни времени, ни пространства. И Космические Инженеры требуют нашей помощи.

— Но чем мы можем им помочь? — спросил Херб.

— Не знаю. Они пытались мне объяснить, но мысли их слишком абстрактны. Я далеко не все смогла понять, только отдельные отрывки. Хорошо бы они упростили терминологию.

— О какой помощи ты говоришь, если мы не в состоянии даже долететь до них? — сказал Гэри. — Шутка сказать — на край Вселенной! Да мы до ближайшей звезды еще не добрались!

— А может, нам и не придется туда лететь, — предположил Томми Эванс. — Не исключено, что мы сумеем помочь им прямо здесь.

Лампочка замигала опять. Кэролайн схватилась за шлем и водрузила его на голову. Как только красный огонек потух, девушка потянулась к выключателю. И вновь засияли трубки, а лаборатория задрожала от напора энергии.

— Край Вселенной! Бред какой-то, — проворчал доктор Кингсли.

Гэри тихонько рассмеялся.

А приток энергии продолжал возрастать. Казалось, стены пульсируют от напряжения и голубых сполохов, отбрасываемых сияющими трубками.

И снова Гэри почуял, как холодный ветер пространства поднимает и шевелит коротко стриженные волосы у него на затылке.

Кингсли трясло от волнения. Да их всех трясло. Кто сумел бы остаться спокойным в такой-то момент? По-

слание с самого края Вселенной! Из того непостижимого далека, где время и пространство продолжают стремительно выбрасывать себя в неизведанную зону небытия... В зону, где нет еще ни времени, ни пространства, где ничего еще не происходило, где ничего не могло произойти, где нет ни места, ни условий, ни возможности чему-нибудь произойти. Гэри попытался представить себе, на что это похоже. И понял — ни на что. На что похоже ничто?

Много лет назад один старый философ сказал, что человек способен осознать всего лишь две концепции — времени и пространства, и из этих двух концепций он построил целую вселенную, и на них же основал всю сумму своих знаний. Если философ был прав, выходит, человеку не дано представить себе место, где нет ни пространства, ни времени. Там, где кончается пространство, начинается... что?

Кэролайн уже щелкнула выключателем. Голубое сияние потускнело, мерный шум энергии заглох, а на верху аппарата замигала красная лампочка.

Гэри, не отрывавший от девушки глаз, заметил, как напряглось ее тело — напряглось, а потом расслабилось. Она склонилась вперед и погрузилась в восприятие сообщений, исходивших из шлема.

Лицо доктора Кингсли, изборожденное от напряжения морщинами, застыло, словно маска. Он по-прежнему стоял возле кресла, в котором сидела Кэролайн, — большой, похожий на медведя, беспомощно уронив руки и нервно сжимая и разжимая огромные красные ладони.

Послания были мгновенными. Это могло означать только одно из двух: либо мысль мгновенна сама по себе, либо сообщения передаются в таких пространственно-временных рамках, где расстояния сокращаются, — а следовательно, благодаря каким-то манипуляциям с континуумом, край Вселенной может оказаться всего в нескольких милях отсюда... или даже футах. То есть можно прогуляться туда и обратно пешочком.

Кэролайн сняла шлем и повернулась лицом к окружающим. Они вопросительно смотрели на нее, не задавая вопросов.

— Теперь я поняла немного больше, — сказала она. — Это наши друзья.

— Наши друзья? — эхом откликнулся Гэри.

— Друзья всего живого во Вселенной, — пояснила Кэролайн. — Они стараются ее защитить. Скликают добровольцев, способных помочь им спасти Вселенную от угрозы извне... От какой-то внешней силы.

Девушка улыбнулась, глядя на недоуменные лица перед собой.

— Они просят нас прибыть на край Вселенной, — добавила она дрожащим от волнения голосом.

Херб так стремительно вскочил со стула, что тот со стуком свалился на пол.

— Они просят нас!.. — воскликнул он и осекся.

В лаборатории сгустилась тишина.

Гэри слышал, как судорожно, со свистом вырывается из ноздрей доктора Кингсли воздух; доктор силился взять себя в руки, чтобы задать простой вопрос... Вопрос, который вертелся на языке у каждого из них.

— Но как они себе это представляют? — наконец выговорил Кингсли.

— Мой корабль летает быстро, — сказал Томми Эванс. — Быстрее всех, что были до сих пор. Но не настолько быстро!

— Пространственно-временно́е искривление, — произнес доктор Кингсли, и голос его был на удивление спокоен. — Они наверняка используют пространственно-временно́е искривление, когда передают нам сигналы. Возможно...

— Именно так, — улыбнулась Кэролайн. — Напрямки. Никаких далеких путешествий. Кратчайшим путем, минуя обычное время и пространство. Через пространственно-временну́ю дыру.

Громадные ладони Кингсли снова начали сжиматься и разжиматься. Каждый раз, когда кулак сжимался, на красной, туго натянутой коже выделялись белые косточки.

— Да, но как нам это сделать? — спросил Херб. — Никому из нас такое не под силу. Мы летаем на своих игрушечных корабликах с геосекторами и считаем, будто достигли вершин прогресса. Геосекторы просто искривляют пространство, но разве мы знаем — как? Разве мы понимаем, что происходит при этом? Мы просто забавляемся, как ребенок в грязной луже, гоняющий грязь то туда, то обратно. А тут необходимо будет контролировать процесс, искривлять пространство со-

вершенно определенным образом, да еще поддерживать его в этом состоянии.

— Может, Инженеры... — начал Эванс.

— Верно, — кивнула Кэролайн. — Инженеры нам расскажут. Они знают, как это делается. Нам нужно будет лишь следовать их указаниям.

— Но сумеем ли мы понять? — усомнился Кингсли. — Их математика наверняка за пределами нашего понимания.

— Я смогу их понять, — прервала его Кэролайн с горечью в голосе. — Может, не сразу, но, думаю, у меня получится. Тысячелетняя практика, как-никак.

— Вы уверены? — недоверчиво спросил Кингсли.

— Лежа в своей темнице, я открыла новые теории пространства и вывела новые математические формулы, — сказала Кэролайн. — Конечно, это только теории, но в них выверена каждая деталь. Я разрабатывала их постепенно, шаг за шагом. — Она засмеялась, и в ее смехе горечь ощущалась еще сильнее, чем в словах. — Я занималась этим десять столетий, — напомнила она. — У меня было достаточно времени, чтобы проверить все досконально. Нужно же было чем-то заняться, чтобы не спятить, верно?

Гэри пристально смотрел на нее, поражаясь абсолютной уверенности в себе, которой дышало это юное лицо, поражаясь убежденности, звучавшей в каждом ее слове. А потом он смутно почувствовал кое-что еще. Ее превосходство. За последние несколько минут она взяла в свои крохотные ладошки лидерство над группой мужчин, собравшихся на Плутоне. Если взять их мозги и сложить все вместе, им и тогда не сравниться с ее мозгом. Ей доступны такие глубины, о каких они даже не подозревают. Что ж, она правильно сказала: тысячелетняя практика, как-никак.

Сколько лет мыслит обыкновенный человек? Лет пятьдесят, не дольше, если считать те годы, когда его мысль уже отточена образованием, искусна и еще остра. Треть этих лет уходит на сон, одна шестая — на еду и отдых... Стало быть, остается примерно двадцать пять лет, в течение которых человек размышляет и постигает природу вещей. А потом он умирает, и мысли его исчезают. Вернее, зачатки мыслей, которые могли бы спустя пару лет оформиться в законченную стройную теорию. Но они исчезают, чтобы возникнуть потом у

кого-то другого, и ему приходится начинать все сызнова... А сколько мыслей так и пропало бесследно?

Однако с Кэролайн Мартин дело обстояло иначе. Она думала в течение сорока обычных жизней, и разум ее оставался молодым, быстрым и острым. Ничто не прерывало ее размышлений — ни сон, ни еда, ни развлечения. Она могла обдумывать какую-то проблему круглый год — или век, если хотела.

При этой мысли Гэри бросило в дрожь. Да ведь никто из них даже смутно не может представить себе масштабов ее познаний. Что ей открылось, какие истины она нашла во тьме межпланетного пространства? К тому же... Не стоит забывать, что началось-то все с открытия некоей мощной силы, которую она отказалась отдать в руки людям даже под угрозой вечного изгнания.

Кэролайн заговорила снова, резко и отрывисто, совсем не так, как раньше, — а ведь она умела быть очаровательным собеседником.

— Меня всегда интересовали проблемы времени и пространства. Изобретение, которое я отказалась передать военному совету во время войны с Юпитером, было подобно вашим геосекторам... Правда, с одним — но существенным — отличием.

— Вы изобрели геосектор? То есть открыли принцип движения кораблей с помощью искривления пространства тысячу лет назад? — изумился Кингсли.

Она кивнула:

— Только военные не собирались использовать его для перемещения в космосе кораблей. Им было не до того. Юпитер выигрывал войну, и они были в отчаянии. Им нужно было новое оружие.

— Но геосектор не может быть оружием, — возразил Кингсли. — Им невозможно пользоваться вблизи планет.

— А представьте себе, — сказала девушка, — что вы способны контролировать искривление пространства, создаваемое геосектором, причем ваш геосектор искривляет не только пространство, но и время. Тогда он сможет стать оружием, как по-вашему?

— Еще как сможет! — присвистнул Херб.

— Они хотели испытать его на Юпитере, — продолжала Кэролайн. — Планета попросту испарилась

бы — разлетелась бы на мелкие кусочки как в пространстве, так и во времени.

— И что бы стало в результате с Солнечной системой? — задумчиво проговорил Кингсли. — Даже если искривление пространства не затронуло бы всю систему, исчезновение Юпитера заставило бы все оставшиеся планеты сойти с орбит. И система начала бы складываться по-новому. Какие-то планеты взорвались бы, какие-то — упали на Солнце. А на Земле как минимум начались бы землетрясения, сильные приливы и активнейшая вулканическая деятельность.

Девушка кивнула:

— Поэтому я не отдала им открытие. Я сказала, что оно разрушит всю систему. А они обвинили меня в предательстве и изгнали в космическую ссылку.

— Но вы же опередили их на девять столетий! — воскликнул Гэри. — Ведь первый действующий геосектор был создан всего сто лет тому назад.

Ничего себе, подумал Гэри: девять столетий форы и тысяча лет для улучшения результата! Да она наверняка смеется над нами в душе! Может, она и над Космическими Инженерами способна посмеяться, кто знает? Геосекторы на борту «Космического щенка» должны были казаться ей игрушками. Он вспомнил, с каким апломбом распространялся о них, и почувствовал, как наливаются жаром уши.

— Сдается мне, юная леди, — прогудел доктор Кингсли, — что вам не нужна никакая помощь от этих Космических Инженеров.

Кэролайн залилась смехом, звонким, как серебряные колокольчики.

— Нужна-нужна, не беспокойтесь! — сказала она.

Заметив мигание красного огонька, девушка в который уже раз надела шлем. Все взволнованно следили за ней. Кончик карандаша коснулся блокнота — и побежал по белой бумаге, записывая символы и уравнения.

— Инструкция, — прошептал Кингсли, но Гэри так свирепо нахмурился в ответ, что доктор тут же виновато умолк, уронив дрожащие руки и поникнув мощной головой.

Лампочка погасла. Кэролайн включила передающее устройство, и лабораторию снова наполнил гул энергии, а по стенам заплясали голубые блики.

У Гэри голова шла кругом... Подумать только — эта хрупкая девчушка говорит сквозь миллиарды световых лет пространства с существами, которые обитают на краешке расширяющейся Вселенной! Говорит и понимает... Хотя, наверное, понимает не все, поскольку сейчас она, похоже, что-то спрашивает об уравнениях, записанных в блокноте. Кончик карандаша завис над бумагой, глаза бегут по строчкам символов...

А гул в лаборатории утих, и голубые тени перестали метаться по стенам, зато вовсю мигает красный огонек.

Карандаш вносит исправления, пишет примечания и добавляет новые уравнения, не колеблясь ни минуты. И вот уже погасла лампочка, а Кэролайн опять снимает шлем.

Кингсли подошел к машине и взял в руки блокнот. Постоял, недоуменно глядя на записи. Смесь любопытства и замешательства отразилась на его лице.

Он вопросительно взглянул на Кэролайн:

— Вы что-нибудь тут понимаете?

Она кивнула.

Доктор швырнул блокнот обратно.

— Кроме вас, во всей системе есть только один человек, способный это понять, — сказал он. — Единственный, кто мог бы хоть приблизительно представить себе, что все это значит. Я говорю о Конраде Фэрбенксе, но он сидит в психушке на Земле.

— Ну конечно! — завопил Херб. — Тот самый парень, который придумал трехмерные шахматы! Я как-то его сфотографировал.

Херба дружно проигнорировали. Все взгляды были устремлены на Кэролайн.

— Для начала я поняла вполне достаточно, — сказала она. — Не исключено, что мне придется связаться с ними еще, чтобы уточнить детали. Но это уже по ходу дела.

— Судя по уравнениям, — сказал Кингсли, — у них прекрасно развита математика четвертого измерения. Они учитывают такие параметры давления и натяжения, такие угловые величины, каких мы не только измерить, но и постичь не в состоянии.

— Возможно, Инженеры живут на большой и массивной планете, — предположила Кэролайн, — такой массивной, что она искривляет вокруг себя пространство. Тогда параметры давления, приведенные ими в фор-

мулах, вполне естественны. Существа, обитающие на подобной планете, поневоле должны разбираться во всех тонкостях пространственных измерений. Мощная гравитация планеты-сверхгиганта не может не искажать пространства. У планиметрии мало шансов развиться в мире, где нет ни одной прямой плоскости.

— Так чего же они от нас хотят? — спросил Эванс.

— Они хотят, чтобы мы построили машину, — ответила Кэролайн, — которая послужит чем-то вроде якоря на одном из концов пространственно-временнóго изгиба. Второй конец будет находиться на планете Инженеров. Между двумя машинами-якорями, их и нашей, образуется прямой проход сквозь те миллиарды световых лет, что нас разделяют. — Она взглянула на Кингсли. — Нам потребуются прочные материалы. Прочнее всех, что известны сегодня в системе. Они должны будут выдержать давление миллиардов световых лет искривленного пространства.

Кингсли озадаченно нахмурил брови.

— Я вот о чем подумала: может, попробуем замедлить вращение электронов? — предложила Кэролайн. — Вы ведь проводили такие эксперименты?

— Проводить-то проводили, — кивнул Кингсли. — Наши лаборатории идеально приспособлены для работы с низкими температурами. Но это ничего не даст. Я могу замедлить вращение электронов до полной остановки, но чтобы поддерживать их в этом состоянии, необходима температура, близкая к абсолютному нулю. Малейшее нагревание — и они преодолеют инерцию и начнут крутиться снова. Машина, построенная из такого материала, попросту растает, стоит ей нагреться хоть на пару градусов.

Если бы мы могли кристаллизовать атомные орбиты после остановки вращения, — добавил он, — у нас получился бы феноменально прочный материал. Пробить его было бы невозможно.

— Это вполне осуществимо, — сказала Кэролайн. — Мы создадим особое пространственное состояние, которое удержит электроны на месте.

— Вы, верно, можете вертеть пространством, как захотите, — проворчал Кингсли. — Существует ли что-нибудь такое, чего вы не в силах с ним сотворить?

— Таких вещей уймá, доктор, — засмеялась Кэролайн. — Я мало что умею. Но пространство интересовало

меня всегда, вот почему мне удалось открыть принцип пространственно-временнóго искривления. Я много думала о нем и потом, лежа в анабиозе. И придумала способы, какими можно его контролировать. Мне нужно было как-то убить время.

Кингсли окинул лабораторию взглядом занятого человека, собравшегося уходить и проверяющего, все ли он взял с собой.

— Чего же мы ждем? — зарокотал он. — За работу!

— Погодите секундочку, — вмешался Гэри. — Вы уверены, что мы этого хотим? Что мы не влипнем в какую-нибудь передрягу и не пожалеем о своем безрассудстве? В конце концов, у нас только и есть, что голословное утверждение голосов. Вы приняли его на веру, даже не встретившись с ними лицом к лицу... Если у них вообще есть лица.

— Ну да! — подхватил Херб. — Откуда нам знать, что они нас не дурачат? Может, у них космический юмор такой. А теперь они сидят и помирают со смеху, глядя, как мы тут переполошились.

Кингсли вспыхнул от гнева, но Кэролайн только рассмеялась.

— Уж больно ты серьезен, Гэри, — сказала она.

— А мне и вправду не до шуток, — сказал Гэри. — Мы беспечно даем втянуть себя в игру, в которой ни черта не смыслим. Как ребятишки, забавляющиеся атомной бомбой. Мы можем выпустить из бутылки такого джинна, что потом никаких сил не хватит загнать его обратно. Не исключено, что кто-то просто использует нас, чтобы добраться до Солнечной системы. А мы собираемся таскать для них каштаны из огня!

— Гэри, — мягко сказала Кэролайн, — если бы ты слышал этот голос, ты бы не сомневался. Честное слово, поверь мне. Знаешь, это даже не голос, а мысль. Угроза, о которой нам сообщили, реальна, и мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь. Мы не единственные добровольцы: есть и другие люди — или существа — из других частей Вселенной.

— Откуда ты знаешь? — запальчиво спросил Гэри.

— Я не знаю, откуда я знаю, — сказала она с вызовом. — Просто знаю, и все. Интуиция, должно быть, или какая-то фоновая мысль Инженеров, пришедшая вместе с сообщением.

Гэри посмотрел на окружающих. Эванс весело улыбался. Кингсли хмурился. Гэри взглянул на Херба.

— Какого черта! — проворчал Херб. — Давайте попробуем.

И никаких проблем, подумал Гэри. Женская интуиция, жгучее любопытство ученого, бесшабашный дух авантюризма. Ни тебе рассудка, ни логики... Сплошные эмоции. Возврат к временам древних рыцарей.

Однажды безумный монах встал перед толпой, потрясая мечом, и обрушился с бранью на чужую веру, а в результате христианские армии годами бились и разбивались о стены восточных городов.

Так начались крестовые походы.

И это еще один крестовый поход. На сей раз космический. Человек снова откликнулся на призыв: «К оружию!» Человек опять потрясает мечом своей веры. Человек противопоставляет свои хилые силенки, свой жалкий умишко сверхмощным космическим силам. Человек — дурак несчастный — снова сует голову в петлю.

Глава 6

Странная машина рождалась на жестком, выщербленном и мерзлом покрытии взлетного поля... безумная машина, поблескивающая в сумеречном свете звезд. Машина с сумасшедшими углами, мерцающими призмами и паутинным каркасом — не машина, а скелет неведомого чудища, тянущийся ввысь, в космические дали.

Сооруженная из материала, в котором было остановлено движение атомов, она стояла, бросая вызов самым могучим силам человека и природы. Намертво притянутая магнитами к самому планетному ядру, она неколебимо стояла на своих паучьих лапах — хрупкая на вид, но способная выдержать невообразимое давление пространственно-временнóго искривления космоса.

Длинные кабели змеились от нее по заиндевелому покрытию к лабораторной энергостанции. По этим тонким кабелям, ставшим под воздействием лютой стужи сверхпроводниками, побежит в странную машину чудовищная энергия.

— Они помешались на космосе, — проворчал Тед Смит, вынырнув сбоку от Гэри. — Этак они весь Плутон разнесут к чертовой матери! Ох, убраться бы отсюда куда подальше до начала фейерверка!

В наушниках у Гэри заскрипел голос Херба:

— Ерунда, ничего тут не взорвется. Эта штуковина больше похожа на игрушку, собранную из детского

«конструктора», чем на серьезную машину. Хоть убейте, не пойму, как она будет работать.

— А я уже и не пытаюсь понять, — отозвался Гэри. — Кэролайн мне объясняла, объясняла, но я, наверное, тупой. Не доходит до меня, хоть тресни. Я понял только, что машина будет служить чем-то вроде якоря, чтобы Инженеры смогли по-своему искривить пространство и удерживать его в одном и том же состоянии.

— Мне все эти разговоры про Инженеров всегда казались пустой болтовней, — заявил Тед. — Но кое о чем я хочу вам двоим рассказать. Никак не мог вас заловить, уж очень вы занятые. И все-таки мне хочется с вами поделиться. Вы единственные из этой компашки не совсем еще свихнулись на звездах.

— Чем поделиться? — спросил Гэри.

— Ну, в общем, — замялся Тед, — ничего особенного в этом нет, но все равно интересно. Короче, пару дней назад я выбрался тайком на прогулку. Это против правил, как вам известно. Далеко уходить от поселка не рекомендуется — мало ли чего может случиться. Но я все-таки пошел. Прогулялся вдоль гор, потом залез на углекислый ледник и спустился в маленькую долину.

Он сделал эффектную паузу.

— Вы что-нибудь там нашли? — спросил Гэри.

— Вот именно, что нашел! — гордо заявил Тед. — Нашел какие-то руины из белого камня, разбросанные по всей долине. Словно там когда-то стояло здание, а потом его разобрали по камушку и раскидали по окрестностям.

— А может, это обыкновенные валуны или какие-то скальные обломки? — предположил Гэри.

— Нет, сэр! — с жаром запротестовал Тед. — На камнях до сих пор видны следы долота. Каменотесы приложили к ним руку, это уж как пить дать. И вообще — покажите мне хоть один белый камень в округе!

Гэри понял, что хотел сказать радист. Горы кругом были черные, как космический вакуум. Гэри обернулся и посмотрел на зубчатые скалы, нависшие над поселком, на острые пики, смутно маячившие на фоне черной пустоты.

— Выходит, — сказал Херб, — Инженеры правду говорили. Кто-то обитал на этой планете.

— Если Тед и впрямь нашел обломки здания, другого вывода быть не может, — признал Гэри. — Здесь был какой-то город, а значит, и разумная жизнь. Чтобы обтесывать камни, необходим определенный уровень культуры.

— Но как они могли здесь жить? — недоверчиво спросил Херб. — Плутон же остыл очень быстро и лишился всех легких газов. Его кислород и углекислый газ превратились в снег и лед. Слишком тут холодно для жизни.

— Все это я знаю и без тебя, — сказал Гэри. — Только не стоит слишком категорично судить о подобных вещах. Если Тед не ошибается, значит, Инженеры были правы, а мы заблуждались — по крайней мере, в этом вопросе. Теперь я, пожалуй, больше склонен им доверять.

— Ладно, я пошел, — сказал Тед. — Мне просто хотелось вам рассказать. Я собирался наведаться туда еще разок и пошарить по окрестностям, да времени не хватает. С тех пор как напечатали вашу статью, отбою нет от сообщений. Правительство шлет радиограммы, ученые шлют радиограммы и просто психи тоже. Никакой личной жизни!

Радист ушел к себе в рубку, а Гэри взглянул в сторону лабораторий. Из люка здания выбрались две фигуры в скафандрах.

— Это Кэролайн и Кингсли, — сказал Херб. — Они ходили поговорить еще раз с Инженерами. Что-то у них там не ладилось, пришлось обратиться за указаниями.

— Похоже, работа близится к концу, — откликнулся Гэри. — Кэролайн не смогла мне назвать точной даты, но она надеется, что через день-другой машина будет готова. Томми уже целые сутки не спит, доводит свой корабль до ума. Все судно облазил и проверил, начиная от пульта управления и кончая ракетными соплами.

— Хотел бы я знать, на кой нам этот корабль и как он сможет нас доставить к Инженерам! — раздраженно буркнул Херб.

— Все делается по инструкции, — сказал Гэри. — Велели Инженеры привести в порядок корабль, вот

Томми и старается. Похоже, мы теперь и шагу не смеем ступить без их указаний.

Фигуры в скафандрах торопливо спускались по тропе к взлетному полю Когда они приблизились, Гэри окликнул их:

— Ну как, выяснили, в чем дело?

В ушах загудел голос Кингсли:

— Да. Мы там слегка напортачили, будем теперь исправлять.

Все четверо направились к машине. Гэри пристроился к Кэролайн и заглянул ей в лицо сквозь обзорную пластинку шлема.

— Ты здорово осунулась, — заметил он.

— Я устала, — призналась она. — Работы по горло, а времени мало Инженеры отчаянно просят поторопиться. Похоже, они уверены, что опасность близка.

— Я одного не могу понять: ну доберемся мы до них, а дальше что? — сказал Гэри. — В научном отношении они на голову выше нас. Если задача даже им не по плечу, то от нас и вовсе толку не будет.

— Я сама не понимаю, — устало проговорила Кэролайн. — Но они почему-то пришли в бурный восторг, когда узнали, кто мы такие, и когда я описала им нашу Солнечную систему, упомянув, что мы родом с третьей планеты. Они засыпали меня вопросами. Их ужасно интересовало, что мы за существа. Мне с трудом удалось втолковать им, что мы состоим из протоплазмы, а когда они поняли наконец, то обрадовались еще больше.

— Возможно, существа из протоплазмы — диковинка для Вселенной, — предположил Гэри. — Может, твои Инженеры впервые встретили таких ребят, как мы.

Кэролайн резко повернулась к нему:

— Подозрительно все это, Гэри! Почему они так жаждут нашего прибытия? Почему так настойчиво выпытывают про нас все подробности? Об уровне развития нашей науки, о нашей истории...

Гэри уловил еле заметную дрожь в ее голосе.

— Не бери в голову, — сказал он. — Еще не поздно отказаться. Мы вовсе не обязаны играть в их игру.

— Нет, — заявила она. — Это невозможно. Мы нужны им, мы должны помочь спасти Вселенную. Я в этом убеждена

Она быстро зашагала вперед, на подмогу к доктору Кингсли.

— Подайте-ка мне вон тот молоток, — потребовал голос Кингсли.

Гэри нагнулся и, подняв тяжелый молоток, протянул его доктору.

— Проклятье! — простонал Херб. — Мы целыми днями только и делаем, что подаем вам молотки, гвозди и гайки! Мне они во сне уже снятся.

В наушниках раздался смешок доктора Кингсли. Он стукнул молотком по одной из поперечных перекладин и слегка изменил ее угол.

Гэри запрокинул голову и поглядел на спиральную башню машины, что уходила в черную космическую даль, утыканную жесткими глазками звезд. Где-то там, за ними, край Вселенной. Где-то там живут существа, назвавшие себя Космическими Инженерами. Живут и сражаются с неведомой опасностью, угрожающей Вселенной. Он попытался представить себе эту опасность... Опасность, способную грозить гигантскому вместилищу энергии и материи, которое люди зовут Вселенной, — живому, расширяющемуся организму, замкнутому кривизной времени и пространства. Но рассудок спасовал перед громадностью задачи, и Гэри бросил эту затею. Думай не думай, а объять необъятное человеку не дано.

Из ангара вышел Томми Эванс и зашагал по взлетному полю, радостно махнув им рукой.

— Мое корыто готово, дело за вами! — крикнул он.

Кингсли, возившийся с призмами у основания машины, выпрямился и пробасил:

— Мы тоже готовы.

— Ну что ж, тогда поехали! — заявил Херб.

Кингсли посмотрел наверх.

— Потерпите немного, — сказал он. — Мы сейчас удаляемся от прямой линии связи с Инженерами. Подождем, пока планета сделает еще один оборот. Мы не можем удерживать искривление постоянно. А если бы и могли, вращение Плутона все равно его исказит. Когда мы запустим машину, она автоматически будет поддерживать заданное искривление, пока Плутон не повернется на сорок пять градусов.

— А что, если мы не успеем до этого вернуться с края Вселенной? — спросил Гэри. — И Плутон по-

вернется больше чем на сорок пять градусов? Тогда мы выпадем из изгиба и окажемся замурованными в межгалактическом пространстве?

— Не знаю, — ответил Кингсли. — Я доверяю Инженерам.

— Конечно, — вмешался Херб, — мы все им доверяем. Очень надеюсь, что они знают, что делают.

Все впятером они потащились по тропе к главному лабораторному шлюзу.

— Перекусим чего-нибудь, — сказал Кингсли, — как следует выспимся — и в путь. Мы все порядком притомились.

Набившись всей толпой в тесную кухоньку, они уселись и принялись поглощать дымящийся кофе с бутербродами. Возле тарелки Кингсли лежала стопка радиограмм, которые принес доктору Тед. Кингсли раздраженно их пролистал.

— Психи, — прогудел он. — Сотни психов. И у каждого своя безумная идея, еще безумнее нашей. А самая безумная — у правительства. Нет, вы только послушайте: правительство запрещает нам продолжать работу. Приказывает прекратить! — Он возмущенно фыркнул. — На основании какого-то дурацкого закона, принятого Лигой Чистоты сто лет тому назад и до сих пор не отмененного! Закон, видите ли, дает правительству право прекратить любой эксперимент, опасный для жизни и грозящий потерей имущества.

— Лига Чистоты по-прежнему в силе, — сказал Гэри, — хотя и работает теперь в основном втихаря, под прикрытием. Во всем этом, разумеется, замешана политика. — Он залез в карман куртки и выудил оттуда желтую бумажку. — Я и забыл про нее за всеми нашими хлопотами.

Гэри протянул бумажку ученому. Тот развернул шуршащий листок, напечатанный космотайпом на «Космическом щенке».

«НЕЛЬСОНУ, НА БОРТ "КОСМИЧЕСКОГО ЩЕНКА" НА ПЛУТОНЕ. ДВА ДНЯ НАЗАД МЕЖПЛАНЕТНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОТДАЛО ТАЙНЫЙ ПРИКАЗ МЕЖПЛАНЕТНОЙ ПОЛИЦИИ, ЧТОБЫ ТА ОБЕСПЕЧИЛА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА, ЗАПРЕЩАЮЩЕГО ПОЛЕТ НА КРАЙ ВСЕЛЕННОЙ. ЭТО ПРЕДУПРЕЖ-

ДЕНИЕ. ДЕРЖИТЕСЬ ОТ НЕПРИЯТНОСТЕЙ ПОДАЛЬШЕ».

Кингсли яростно сжал листок в кулаке

— Когда вы его получили? — загремел могучий бас

— Пару часов назад, — сказал Гэри. — Им потребуется несколько дней, чтобы до нас добраться

— Мы смоемся отсюда раньше, чем они увидят в своих иллюминаторах Плутон, — заявил Томми Слова его с трудом пробились сквозь громадный кусок бутерброда.

— Так-то оно так, — согласился Кингсли, — но все равно меня это бесит. Проклятое правительство вечно вмешивается не в свои дела. Тоже мне, судьи нашлись! А главное, они совершенно уверены в собственной непогрешимости! — Кингсли злобно зарычал на бутерброд, зажатый в огромной ладони, и яростно впился в него зубами.

Херб обвел кухоньку взглядом.

— А ведь у нас, друзья, прощальный ужин, — сказал он. — Жаль только, выпить нечего Не мешало бы провозгласить тост за Солнечную систему, прежде чем покинуть ее. Такое дело не грех и отпраздновать.

— Мы и отпраздновали бы, не раскокай ты бутылку скотча, — напомнил ему Гэри.

— Черт побери! — возопил Херб — Да не раскокай я эту бутылку, ты бы все равно ее вылакал давным-давно! — Он вздохнул и загородился от Гэри кофейной чашкой.

Кингсли оглушительно расхохотался.

— Погодите минуту, ребятки! — сказал он и, подойдя к шкафу, смахнул с полки два ряда овощных консервов. Взглядам присутствующих предстала литровая бутыль с янтарной жидкостью. Кингсли поставил ее на стол. — Сполосните-ка свои чашки! Бокалов у нас нет.

Жидкость перекочевала в кофейные чашки, и вся компания встала, чтобы торжественно обмыть событие

В соседней комнате зазвонил телефон.

Чашки опустились на стол. Кингсли вышел и снял трубку. Через дверь донеслись возбужденные раскаты докторского баса и пулеметная очередь быстрых вопросов. Затем доктор вернулся на кухню.

— Звонил Йенсен, мой ассистент, из обсерватории! — крикнул Кингсли. — Он засек пять кораблей, всего в нескольких часах лета! Полицейских кораблей!

Херб, машинально поднявший чашку, разжал пальцы. Чашка упала на стол и разбилась. Виски закапало на пол.

— Да что с тобой, в самом деле! — прикрикнул на него Гэри. — Вечно у тебя руки трясутся, как только дотянутся до спиртного!

— В космограмме, которую прислали Гэри, видимо, что-то напутано, — сказал Томми Эванс. — Корабли, наверное, были возле Нептуна, когда им приказали лететь сюда.

— Да что им делать там, возле Нептуна? — спросил Херб.

— Полицейские суда вечно что-то вынюхивают. — Томми пожал плечами. — Они могут быть где угодно.

Все пятеро застыли в мертвой тишине, глядя друг на друга.

— Они не могут нас остановить, — прошептала Кэролайн. — Просто не могут.

— Если запустить машину прямо сейчас, у нас еще будет пара часов, прежде чем прервется контакт с Инженерами, — сказал Томми. — Может, успеем? Корабль у меня готов.

— Спросите у Инженеров, — посоветовал Гэри. — Узнайте, как быстро они смогут вернуть нас обратно.

Голос Кингсли загремел, отдавая команды:

— Кэролайн! Свяжитесь с Инженерами! Выясните, можно ли нам сейчас стартовать. Томми, готовь корабль к старту! А все остальные быстро хватайте шмотки и бегом на поле!

По кухне будто смерч промчался. Все гурьбой ринулись к дверям.

Кингсли сел на телефон.

— Открой ворота ангара! — громогласно наставлял он Энди. — Прогрей двигатели. Мы отчаливаем.

Сквозь топот бегущих ног, сквозь рокот докторского баса пробился визгливый вой передающего устройства телепатической машины Кэролайн общалась с Инженерами.

А Кингсли уже названивал Йенсену

— Беги на энергостанцию. Приготовься выдать нам энергии на полную катушку. Кабели выдержат, знай только не жалей. Энергии нам нужно много.

Кэролайн вбежала в комнату, где Гэри сражался со своими космическими доспехами.

— Порядок! — возбужденно крикнула она. — Инженеры говорят, что мы доберемся до них почти мгновенно.

Гэри помог ей облачиться в скафандр, застегнул снаружи шлем. Кингсли, пыхтя и отдуваясь, с трудом втискивал в доспехи свое дородное тело.

— Мы им нос-то натянем! — рычал он при этом. — Натянем за милую душу! Никакое правительство не будет указывать мне, что я могу делать, а чего не могу!

Выбравшись из шлюза, они поспешили по тропе на взлетное поле. В центре его высилась диковинная машина — словно мерцающий скелет, стоящий на страже безжизненных пустынь Плутона. Гэри задрал на бегу голову и заглянул в космическую бездну.

Голос пел у него в ушах — голос его собственных мыслей: «Мы идем! Держитесь, Инженеры, мы уже в пути! Слабые людишки спешат к вам на помощь. Человечество вышло в крестовый поход — самый грандиозный из всех походов!»

Могучий корабль Томми Эванса поджидал их на другом конце поля — отливая серебром, тускло краснея дюзами, он разогревался, чтобы потом полыхнуть внезапно реактивными вспышками и оттолкнуться от мертвой и стылой поверхности Плутона.

Да, подумал Гэри, еще один крестовый поход. Только на сей раз без оружия. Без малейшего представления о противнике. Без определенного плана кампании. Да и кампании-то никакой, в общем, нет. Есть только идеал — и зов трубы из космоса. Все, что человеку надо... Все, что ему было надо всегда. Только идеал и призывный трубный глас.

Кэролайн удивленно, почти испуганно вскрикнула, и Гэри посмотрел на середину поля.

Машина исчезла! Там, где она стояла, не осталось никаких следов, ничего. Просто пустое место.

— Йенсен врубил энергию! — прокричал Кингсли. — Машина свернула в другое измерение. Путь к Инженерам открыт!

Гэри ткнул пальцем в космос.

— Смотрите! — завопил он.

Зыбкий, мерцающий круг света появился в черных глубинах пространства. Неторопливо крутящееся колесо из белого тумана — колесо, которого никогда там раньше не было.

— Туда-то мы и полетим, — сказал Кингсли, и Гэри услышал его хриплое, натужное дыхание. — Прямиком туда — и к Инженерам!

Глава 7

Ловкие пальцы Томми переключили ракетные двигатели на режим старта. Большой палец нажал на рычажок — и корабль взмыл над взлетным полем в грохоте реактивных выбросов, сотрясавших весь корпус.

— Целься прямо в яблочко, Томми, — предупредил доктор Кингсли.

Томми серьезно кивнул.

— Не бойтесь, — проворчал он. — Не промажу.

— Хоть бы одним глазком взглянуть на копов в тот момент, когда они обнаружат, что нас уже и след простыл! — размечтался Херб. — Ну и глупые же у них будут рожи! Они-то надеялись, что свалятся нам как снег на голову.

— Все будет нормально, лишь бы они не свалились при посадке прямо в машину, — отозвался Гэри. — Иначе... Бог знает, что с ними станется, но я им не завидую.

— Я просил Теда предупредить их, чтобы держались от нее подальше, — подал голос Кингсли. — Машине-то ничего не сделается, но самим им это может выйти боком. Ну а если они попробуют ее сломать — их ждет настоящий сюрприз. Потому что сломать ее невозможно. — Доктор довольно усмехнулся. — Застывшие без движения атомы и жесткая, фиксированная кривизна пространства. Тот еще матерьяльчик!

Судно стремительно мчалось вперед, направляясь к крутящемуся колесу, сотканному из света.

— Далеко оно, как по-вашему? — спросил Гэри.

Кингсли покачал головой:

— Не думаю. По логике вещей, оно должно быть близко.

Колесо в иллюминаторе увеличивалось на глазах и вскоре превратилось в огромный искрящийся обод, внутри которого ступицей зияла черная дыра.

Томми скорректировал направление и вырубил ракетные двигатели. Перекрестие на экране направления застыло в самом центре дыры.

Колесо света расширилось, ступица стала еще больше и еще чернее... Словно дырка в пространстве, через которую смотришь в космос, только в космос без звезд.

Свет исчез. Лишь черная дыра осталась — и залила иллюминатор сплошной чернильной мглой. А потом та же мгла поглотила весь корабль — вязкая, тягучая, тяжелая, готовая расплющить его в лепешку.

Кэролайн тихо вскрикнула и тут же поперхнулась криком, ибо тьму почти мгновенно сменили потоки света.

Корабль спускался в город — исполинский город, при виде которого у Гэри захватило дух. Небоскребы громоздились над небоскребами, точно гигантские ступени; высоченные башни целились в судно, как пальцы Титана. Массивный, прочный город из белого камня, с прямыми и четкими линиями, город, тянувшийся миля за милей, сколько хватал глаз, покрывавший планету от горизонта до горизонта.

Три солнца сияло в небесах: одно белое, два голубоватых — и все три заливали город такими потоками света и энергии, что Солнце в сравнении с ними показалось бы маленькой свечкой.

Томми протянул руку к рычажкам, управляющим ракетными двигателями, намереваясь включить режим торможения. Но не успел он тронуть рычажок, как скорость судна замедлилась, словно оно погрузилось в мягкую, однако упругую подушку.

А в мозгу у них зазвучала команда — чей-то голос сказал им, что делать ничего не надо, что корабль посадят в городе без их усилий. Они не то чтобы услышали слова — просто каждый из них подумал одно и то же, в точности понимая, что́ от них требуется.

Гэри взглянул на Кэролайн и увидел, как губы ее прошептали всего одно слово: «Инженеры».

Стало быть, все это не бред. Здесь действительно живут существа, назвавшие себя Космическими Инженерами. Живут в этом городе.

Корабль снижался, сильно замедляя ход, и только теперь до Гэри дошло, как много миль оставалось до нагромождения каменных зданий, когда они впервые показались внизу. В сравнении с городом и корабль, и люди были просто букашками... Муравьишками, ползущими в тени огромной горы.

И вот наконец они достигли города, по крайней мере верхней его части. Судно пронеслось мимо верхушки каменной башни и нырнуло в ее тень. Взгляду открылись извилистые ниточки улиц, прямые полоски аллей и бульваров, прочертившие город далеко-далеко внизу. Город, который поражал своими размерами. Город, который посрамил бы тысячу Нью-Йорков. Город, превосходивший самые дерзновенные мечтания человечества. Миллионы земных городов, поставленных друг на дружку. Гэри попытался представить, каковы же размеры планеты, способной выдержать на себе такой город, но воображение отказалось ему повиноваться.

Судно спускалось уже мимо пятого яруса зданий, все ниже и ниже, все ближе и ближе к массивному каменному кварталу. Скоро в поле зрения осталась только крыша яруса, похожая на широкую и плоскую равнину.

Часть крыши откинулась наружу, словно дверь. Судно плавно скользнуло вниз, в разинутый зев гигантского люка. И продолжило спуск уже внутри, в просторном помещении со стенами, окрашенными в пастельные тона.

А затем мягкий толчок — и судно замерло. Они прибыли на место назначения.

— Ну, вот мы и прилетели, — сказал Херб. — А дальше что?

Словно в ответ на его вопрос, они опять услышали голос — вернее, не голос, а мысль: «Это место мы приготовили специально для вас. Сила тяжести, атмосфера и обстановка — все должно быть для вас привычно. Вам не нужны здесь скафандры и другие искусственные приспособления. Обед на столе».

Они изумленно переглянулись.

— По-моему, — заявил Херб, — мне тут нравится. Вы слыхали? Обед! Надеюсь, выпивка у них тоже найдется.

«Да, — сказал голос, — там есть и выпивка тоже»

У Херба отвисла челюсть.

Томми встал из пилотского кресла.

— Я проголодался, — заявил он и зашагал к внутреннему люку.

Все остальные, столпившись у него за спиной, смотрели, как Томми поворачивает запорное колесо.

Они шагнули из корабля прямо на каменную плиту, расположенную в центре огромного помещения. Плита, очевидно, служила лишь постаментом для судна, поскольку остальной пол был вымощен блестящими плитками минералов, которые искрились и переливались в свете трех солнц, струивших свои лучи сквозь гигантское полупрозрачное слуховое окно. Стены помещения были выдержаны в пастельных полутонах и украшены большими картинами. А само оно уставлено прекрасной мебелью: от корабля кругами расходилось множество комнат, только без перегородок. Целый особняк, разместившийся в одном помещении.

Гостиная, библиотека, спальни и столовая. В столовой — массивный дубовый стол с пятью стульями, а на столе — обед, достойный королей.

— Цыплята! — заорал Херб, не скрывая благоговейного восторга.

— И вино, — добавил Томми.

Они изумленно таращились на стол. Гэри принюхался. Все правильно, курочкой пахнет.

— А мебель старинная, — сказал Кингсли. — Такой антиквариат в Солнечной системе стоит целое состояние. В основном Чаттертон... и выглядит подлинным. Великолепная мебель, прямо-таки музейная. Как минимум тысячелетней давности. — Он разглядывал один предмет обстановки за другим. И вдруг взорвался: — Но как они приперли ее сюда?!

Смех Кэролайн прокатился по комнате — звонкий, серебристый смех, с нотками безумного веселья.

— В чем дело? — требовательно спросил Томми.

— Не вижу ничего смешного, — заявил Херб. — Разве что все это розыгрыш. И цыплята вовсе не цыплята.

— Цыплята настоящие, — заверила его Кэролайн, — равно как прочие блюда. И мебель тоже. Просто мне она не кажется старинной. Видите ли, тысячу лет тому назад такой стиль считался современным и модным. Обставить дом подобной мебелью — это был самый писк.

— А ты-то тут при чем? — не понял Гэри. — Не ты же обставляла эту комнату!

— Я рассказала Инженерам, — ответила она. — Они спрашивали меня, что́ мы едим, и я им рассказала. Я и не думала, что они поймут все настолько точно. Я описала, какую одежду мы носим, какой мебелью пользуемся. Но, как вы понимаете, мои описания ограничивались модой тысячелетней давности. За исключением цыплят. Надеюсь, вы по-прежнему едите цыплят?

— Еще как! — усмехнулся Херб.

— Выходит, — сказал Гэри, — Инженеры могут сотворить все, что захотят. То есть они могут располагать атомы так, чтобы получить любой вид материи. Они умеют трансформировать материю!

— Так выходит, — кивнул Кингсли.

Херб поспешил к столу.

— Если мы не поторопимся, он нам ничего не оставит, — заявил Томми.

Цыплята, картофельное пюре с подливкой, вино, фаршированные оливки... Все такое свежее и вкусное, словно обед только что доставили из самого фешенебельного отеля Солнечной системы. Гости, сидевшие в последние дни в основном на кофе с наспех нарезанными бутербродами, отдали угощению должное.

Херб с грустью воззрился на последний кусочек цыпленка и сокрушенно покачал головой.

— Не могу, — простонал он. — Не лезет больше, хоть убейте!

— В жизни не едал ничего подобного, — заявил Кингсли.

— Они спросили меня, что мы едим, — сказала Кэролайн, — ну, я и вспомнила все самое вкусное, что могла. Они ничего не упустили.

— Но где же сами Инженеры? — спросил Гэри. — Мы до сих пор не видели их. Мы видели многое из того, что они умеют делать, однако ни один из них не соизволил показаться.

По полу заскрипели шаги, и Гэри резко обернулся. К ним подходил человек — но не совсем человек. Нормального роста, с привычного вида фигурой: две руки, две ноги, вполне человеческие торс и голова... Только что-то с этой головой было не так, да и с телом тоже...

— Вот и ответ на твой вопрос, — сказал Томми. — Это Инженер.

Гэри не слышал его. Он пристально смотрел на приближающуюся фигуру. И понял наконец, почему она казалась ему такой странной. Похожий по форме на человека, Инженер совершенно не походил ни на одно живое существо в Солнечной системе, потому что был он человеком металлическим! Человеком, состоящим не из протоплазмы, а из металла.

— Металлический человек! — сказал Гэри.

— Верно, — отозвался Кингсли скорее с интересом, нежели с удивлением. — Планета у них, по всей видимости, огромная. Сила тяжести чудовищная. Протоплазма не выдержала бы такого притяжения. От нас бы осталось тут мокрое место, не оборудуй нам Инженеры это помещение.

— Вы правы, — сказал металлический человек. Сказал — но рот его не раскрылся, и выражение лица не изменилось. Он говорил с ними так же, как говорили с ними голоса на Плутоне, а потом и здесь, во время посадки.

Инженер остановился возле стола и застыл, скрестив на груди руки.

— Надеюсь, вы всем довольны? — спросил он.

Наблюдать за тем, как он разговаривает, было очень интересно. Ни звука, ни мимики, ни жестов... Только слова, вспыхивающие в мозгу; оттиск мысли, возникающий в сознании.

— Да, конечно, — сказал Гэри. — Все просто замечательно.

— Замечательно! — подхватил Херб, взмахнув куриной ножкой. — Лучше не бывает!

— Мы очень старались сделать все так, как поняли из ваших слов, — сказал Инженер. — Мы рады, что вам нравится. Нам пришлось поломать головы, в особенности над одним вопросом. Я имею в виду картины на стенах. Вы говорили, что любите картины и привыкли украшать ими жилища, а нам очень хотелось, чтобы вы

чувствовали себя как дома. Но у нас никогда не было картин, даже представления о них не было. Теперь мы жалеем о собственной глупости. Картины — это замечательно. Когда с неприятностями будет покончено, мы непременно займемся картинами. Они так прекрасны. Странно, что нам даже в голову не приходила такая идея.

Гэри обернулся и уставился на картину, висевшую напротив стола. Без сомнения, масло, и написана очень искусно. Какой-то фантастический пейзаж — массивные горы, а на их фоне странные перекрученные деревья, трава по пояс, отблески далекого водопада... Такое полотно сделало бы честь любому музею.

— Вы хотите сказать, что это первые написанные вами картины? — спросил Гэри.

— Мы не имели представления о живописи как таковой, — подтвердил Инженер.

Они не имели представления о живописи. Никому из Инженеров раньше не приходило в голову запечатлеть пейзаж на холсте. Никто из них ни разу даже кисти в руках не держал! Однако вот висит картина, совершенная по цвету и композиции, гармоничная и радующая глаз...

— У вас, ребята, как я погляжу, любое дело спорится, — заметил Томми.

— Это оказалось так просто, — сказал Инженер. — Мне теперь стыдно, что мы не додумались до этого сами.

— Вы сообщили нам на Плутон, что Вселенной грозит опасность, — прогудел Кингсли, — но не объяснили какая. Мы хотели бы знать.

— Я затем и пришел, чтобы объяснить, — ответил Инженер.

И ни малейшего изменения в интонации мыслей... Ни намека на эмоции. Лицо бесстрастно, как и прежде.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал Кингсли.

— Мы в этом не сомневались, — отозвался Инженер. — Мы рады вас видеть. И очень признательны за вашу готовность помочь. Мы верим, что вам это под силу.

— Но в чем же заключается опасность? — нетерпеливо спросила Кэролайн.

— Я начну с информации, которая кажется нам элементарной, — сказал Инженер, — хотя для вас она, наверное, будет внове. Вы не могли узнать об этом, находясь так далеко от края Вселенной. Мы — другое дело, мы прожили здесь много лет и давно уже открыли эту истину. А именно: наша Вселенная всего лишь одна из многих. Одна из многих триллионов вселенных. По нашим данным, их примерно столько же, сколько галактик в нашей Вселенной.

Земляне ошарашенно уставились на него. Гэри мельком взглянул на Кингсли — ученый, похоже, онемел. Он беззвучно разевал рот, стараясь выдавить из себя хотя бы слово.

— Но во Вселенной около пятидесяти миллиардов галактик, — проговорил он наконец. — По крайней мере, так считают наши астрономы.

— Вынужден с вами не согласиться, — заявил Инженер. — На самом деле их во много раз больше.

— Во много раз! — потеряв свою обычную громогласность, прошептал ученый.

— Вселенные четырехмерны, — продолжал Инженер, — и они существуют внутри пятимерного межпространства — то есть, как мы предполагаем, внутри еще большей сверхвселенной, в которой занимают примерно то же место, что галактики во вселенной.

— Вселенная внутри вселенной, — кивнул Гэри. — Тогда, получается, сверхвселенная может быть частью еще большей сверхсверхвселенной?

— Вполне возможно, — заявил Инженер. — У нас была такая теория. Но доказать ее мы не в силах. Наши познания слишком ограниченны.

В комнате воцарилась тишина — тишина, наполненная благоговейным трепетом. Так запросто говорить о вселенных и сверхвселенных! Единым махом сокрушить всю привычную систему представлений! Низвести вселенную до уровня пылинки!

— Вселенные, как и галактики, находятся очень далеко друг от друга, — снова заговорил Инженер. — Так далеко, что шансов встретиться у двух вселенных гораздо меньше, чем у звезд в галактиках или у галактик во вселенной. Но теоретически такая встреча все же возможна.

Он помолчал, сделав эффектную паузу в мыслях.

— И этот шанс, один из вечности, выпал как раз сейчас, — сказал он. — Мы вот-вот столкнемся с другой вселенной.

Земляне замерли, оцепенев от неожиданности.

— Как две звезды, — пробормотал в конце концов Кингсли. — Так в свое время сформировалась наша Солнечная система.

— Все верно, — согласился Инженер. — Как звезда, столкнувшаяся когда-то с вашим Солнцем.

Кингсли резко вскинул голову:

— Вы и об этом знаете?

— Да, знаем. Это случилось давно. Много миллионов лет назад.

— Но откуда вы узнали о грядущем столкновении? — спросил Томми. — Как вы могли узнать?

— Нам сообщили обитатели той вселенной, — ответил Инженер. — Существа, чьи познания значительно превосходят наши. Мы общаемся с ними уже много лет.

— Значит, про столкновение вам известно давно? — сказал Кингсли.

— Давно, — подтвердил Инженер. — И оба наши народа изо всех сил старались его предотвратить. Но все наши усилия ни к чему не привели. Тогда мы решили собрать, каждый в своей вселенной, все лучшие умы, какие сможем отыскать. В надежде, что им удастся найти выход, который нам найти не удалось.

— Но мы отнюдь не лучшие умы во Вселенной! — сказал Гэри. — Уровень нашего умственного развития, увы, сравнительно низок. Мы всего лишь начинающие. Нам и за несколько веков не узнать всего, что знаете вы.

— Может, и так, — согласился Инженер, — но у вас есть другие достоинства. По крайней мере мы надеемся, что есть. Быть может, вы гораздо отважнее нас. Или у вас лучше развито воображение. У каждого разумного вида есть свои преимущества. У нас, например, не существует искусства — идея живописи, как вы знаете, была нам чужда. Наши разумы различны. Но для всех нас очень важно не допустить столкновения вселенных.

— А что будет, если они все-таки столкнутся? — спросил Кингсли.

— Законы пятимерного межпространства не похожи на законы четырехмерного пространства, — сказал

Инженер. — Одни и те же условия приводят к разным результатам. В сущности, вселенные даже не столкнутся — они погибнут еще до столкновения.

— Погибнут до столкновения? — переспросил Кингсли.

— Да, — подтвердил Инженер. — Их сотрет в порошок, едва они подойдут друг к другу достаточно близко, чтобы вызвать трение — или силу трения — в пятимерном межпространстве. В условиях межпространства трение породит новую энергию... энергию, не существовавшую прежде. Каждая из вселенных поглотит долю этой энергии, впитает ее. Энергия польется в наши вселенные нарастающими потоками. Неуправляемая, неудержимая энергия. Она увеличит масс-энергию в каждой вселенной, то есть практически увеличит их массу...

Кингсли вскочил со стула и опрокинул чашку кофе. По скатерти расползлось пятно.

— Увеличит массу!.. — воскликнул он. — Но...

Он снова сел и весь обмяк, словно побитый.

— Конечно, это нас уничтожит, — пробормотал он. — Существование массы — единственная причина искривления пространства. В пустой вселенной пространство не имело бы кривизны. В абсолютной пустоте не было бы и того, что мы называем пространством. Лишенное массы пространство лишилось бы и кривизны, оно стало бы прямой линией, несуществующей абстракцией. А чем больше масса, тем круче пространственная кривизна. То есть чем больше масса, тем меньше места остается для пространства.

— Все верно, — согласился Инженер. — Стоит только потоку энергии хлынуть к нам из межпространства, как пространство тут же начнет сворачиваться, все быстрее и быстрее, круче и круче, сгоняя материю, которую оно содержит, на маленький пятачок. Наша Вселенная из расширяющейся превратится в сжимающуюся.

— Приток новой энергии будет подобен взрыву, направленному внутрь, — возбужденно зарокотал доктор Кингсли. — Космос начнет стремительно сжиматься, галактики будут сметены, а масса сконцентрируется на крохотном клочке пространства. Все живое погибнет еще раньше, когда галактики под влиянием сжатия

начнут сталкиваться друг с другом. В лучшем случае Вселенной придется начать все с начала.

— Вот именно — все с начала, — сказал Инженер. — Поглощенной энергии будет вполне достаточно, чтобы началась описанная вами реакция. И Вселенная вернется к первозданному хаосу.

— А мне даже не успеют выплатить страховку, — вздохнул Херб.

Гэри зарычал на него через стол.

Кэролайн, поставив на стол локти, подперла ладошками подбородок.

— Стало быть, — сказала она, — нам надо найти способ обуздать эту энергию, если она проникнет во Вселенную.

— Именно так, — согласился Инженер.

— Мистер, — обратился к нему Гэри, — если кто-то и может решить подобную задачу, так это наша юная леди. О многих вещах она знает гораздо больше вашего. Хотите пари?

Глава 8

Скафандры были чудесные — гибкие, почти невесомые, просто не сравнить с неуклюжими и неудобными скафандрами землян.

Херб восхищенно оглядел себя до самых пят и лишь потом защелкнул шлем.

— Так вы говорите, мы можем расхаживать в этих штуках по вашей планете, как у себя дома? — спросил он Инженера.

— Мы старались сделать их как можно удобнее, — ответил Инженер. — Надеемся, они вас устроят. Вы прибыли издалека, чтобы помочь нам. Мы очень хотели вам понравиться. Мы старались изо всех сил.

Кэролайн с любопытством взглянула на Инженера. Во всех его репликах-мыслях сквозило едва уловимое, невысказанное, но страстное желание заслужить похвалу от нее или от Кингсли. Кэролайн нетерпеливо тряхнула головой, но подсознательное ощущение не проходило. Чушь собачья, сказала себе Кэролайн. Мнится невесть что. Реплики Инженера — это мысли в чистом виде, и нечего их толковать по-своему, придавать им дополнительные оттенки... У Инженеров нет ни мимики, ни интонаций.

Но эта умоляющая нотка!

Кэролайн внезапно вспомнила — с комком в горле — свою охотничью собаку, чудесную рыже-белую чесапикскую гончую, ставшую прахом тысячу лет назад.

Когда пес, положив к ее ногам добытую птицу, заглядывал ей в глаза, Кэролайн испытывала примерно то же ощущение, что и теперь.

Верный пес давно уже сгинул, как сгинул и весь ее привычный мир. Ее мысли и воспоминания стали восхитительным антиквариатом, музейной редкостью в этом новом мире. Но, как казалось Кэролайн, будь ее псу даровано бессмертие, он и поныне искал бы ее... Искал, и ждал, и жаждал несбыточной встречи. А если бы она когда-нибудь вернулась к нему, то встретил бы хозяйку, как обычно, бурными изъявлениями радости, к которым странным образом примешивались нотки робости.

Голос Кингсли вывел ее из задумчивости.

— Антигравитационные скафандры! — воскликнул ученый, захлебываясь от восторга. — Больше того — скафандры, позволяющие человеку чувствовать себя удобно при любых условиях! При любом давлении, любой силе тяжести и в любой атмосфере!

— В таких костюмчиках и по Юпитеру можно было бы прогуляться, — сказал Гэри.

— Запросто, — согласился Томми. — Остается только одна маленькая загвоздка: придумай такое горючее, чтобы корабль смог сесть на Юпитер и с него подняться.

— Чепуха! — загорелся Херб. — Бьюсь об заклад, что для Инженеров какое-то там горючее — не проблема. Эти ребята на все руки мастера!

— Мы с радостью сделаем для вас все, что в наших силах, — сказал Инженер. — Мы будем горды, если сумеем вам помочь.

— С горючим-то? Да я уверен, что сумеете, — заявил Херб.

— Мы сзывали добровольцев со всей Вселенной, — продолжал Инженер, — но откликнулись очень немногие. Быть может, некоторые еще в пути. Мы боимся...

Инженер, вероятно, передумал продолжать, потому что мысль оборвалась на полуслове.

— Вы боитесь? — спросил Кингсли. — Чего вы боитесь?

— Странно, — сказал Гэри, больше сам себе, чем окружающим, — странно, что они вообще способны чего-то бояться.

— Мы боимся не за себя, — пояснил Инженер. — Мы боимся, что нас вынудят прекратить работу. Что нам помешают.

— Но кто вам станет мешать? — удивилась Кэролайн. — Кому такое может в голову прийти? Опасность-то общая. Все живые существа во Вселенной должны объединиться, чтобы справиться с бедой.

— Все правильно, — сказал Инженер. — Настолько правильно, что, казалось бы, думать иначе просто невозможно. Но кое-кто думает. Есть во Вселенной одна раса, настолько ослепленная ненавистью и амбициями, что грядущая катастрофа представляется ей отличным шансом покончить с нами, то есть с Инженерами.

Земляне остолбенели от удивления.

— Погодите-ка секундочку, — тихо сказал Гэри. — Я что-то не пойму. Вы хотите сказать, что ваши враги готовы погибнуть сами, лишь бы не допустить вашего спасения?

— Не совсем, — сказал Инженер. — Многие из них, конечно, погибнут, но некоторые выживут. Они отправятся в точку, откуда Вселенная снова начнет расширяться во времени и пространстве. Там они захватят власть над новой вселенной. Они сформируют ее по-своему и будут над нею господствовать — полностью и безраздельно.

— Но это же безумие! — воскликнул Гэри. — Редкостное безумие! Принести в жертву все живое, целую вселенную — ради будущей власти?

— Не такое уж оно и редкостное, это безумие, — спокойно сказал Кингсли. — В нашей собственной земной истории можно найти немало параллелей. Безумные правители, маньяки-диктаторы, готовые пожертвовать ради власти чем угодно... готовые пустить в ход самое беспощадное оружие, созданное научно-техническим прогрессом. Подобная катастрофа угрожала Земле в 2896 году. Еще немного — и все живое было бы стерто с лица Земли, потому что некий маньяк возжаждал власти и воспользовался биологическим оружием, причем самой жуткой его разновидностью. Он прекрасно знал, на что идет, но это его не остановило. Пусть останется в живых не больше тысячи человек, рассудил он, зато он сможет властвовать над ними. Ничто не могло его остановить. Люди сами остановили его потом... когда он уже наворотил всяких дел... остановили, как бешеную собаку. Да он и был бешеной собакой.

— Они ненавидят нас, — сказал Инженер. — Ненавидят вот уже миллион лет. Потому что мы, и только

мы одни стоим между ними и их мечтой о покорении Вселенной. Мы для них — единственный барьер, единственная преграда на пути к власти. Они знают, что не смогут победить нас только силой оружия и заставить убраться с дороги.

— И поэтому, — сказал Гэри, — они жаждут столкновения вселенных, которое вас уничтожит, пусть даже большинство из них погибнет тоже.

— Да они просто ненормальные! — возмутился Херб.

— Вы не понимаете, — возразил Инженер. — Многие миллионы лет их воспитывали в духе вселенского господства. Пропаганда этой философии пропитала их души до основания: они убеждены, что государство, цивилизация, раса — это все, а личность — ничто, и каждый из них готов отдать свою жизнь во имя идеи. Они с радостью пойдут на смерть и на любые жертвы, способные хоть на шаг приблизить их к великой цели.

— Вы сказали, что некоторые из них выживут, даже если Вселенная погибнет, — проговорила Кэролайн. — Как им это удастся?

— Они открыли способ прорыва за пределы Вселенной, — сказал Инженер. — Их корабли умеют передвигаться в межпространстве, окружающем нашу Вселенную. Во многих отраслях науки они значительно опередили нас. Стоит им только захотеть, и они могли бы спасти всех нас от грядущей катастрофы. Я в этом не сомневаюсь.

— Может, попробовать с ними договориться? — прогудел Кингсли. — Заключить нечто вроде перемирия перед светопреставлением?

Инженер ответил, как обычно, мысленно и бесстрастно:

— С ними невозможно заключить мир. Невозможны никакие договоры или перемирия. Потому что больше миллиона лет они думают только о войне. И готовятся к ней. Все их помыслы направлены только на победу. Слово «мир» для них лишено всякого смысла. Война — вот их естественное состояние, а мир — это нечто вроде болезни. И они ни в коем случае, ни за какие коврижки не пойдут на перемирие, особенно сейчас, когда им выпал шанс покончить и с нами, и со Вселенной.

— Вы хотите сказать, что они действительно хотят уничтожения Вселенной? — с ужасом спросил Гэри. —

И будут сражаться с вами, чтобы помешать вам ее спасти?

— Именно это я и хочу сказать, — отозвался Инженер. — Вы поняли меня совершенно правильно.

— И когда вы ожидаете нападения? — спросил Томми.

— Мы не знаем. Они могут напасть в любую минуту. Мы готовы к этому всегда. Мы просто знаем, что рано или поздно они нас атакуют.

— Нужно что-то придумать! — воскликнула Кэролайн. — Нельзя допустить, чтобы они нам помешали. Мы обязаны что-то придумать!

— И мы придумаем! — загремел доктор Кингсли. — На них должна найтись какая-то управа. А раз должна, так мы ее найдем.

— А как вы называете этих маньяков, с которыми воюете всю жизнь? — спросил Херб.

— Мы зовем их Церберами, — сказал Инженер, но слово не смогло вместить всего вложенного в него значения. Мысль Инженера была исполнена презрения, смешанного со страхом и ненавистью. «Церберы» — это был более или менее приблизительный перевод его мысли, который удалось сделать землянам.

— Так, значит, они способны прорвать кривую времени и пространства, — задумчиво сказала Кэролайн, — и путешествовать в пятимерном межпространстве. — Она бросила на Гэри взгляд, исполненный внезапного озарения. — Пожалуй... Вот вам и ответ! Вернее, вот где надо его искать.

— Я не понимаю, о чем ты, — сказал Гэри, — но думаю, что ты права.

— Пространственно-временной изгиб нужно сделать непроходимым, — сказал Кингсли. — Непроходимым и непробиваемым. Необходимо создать совершенно новые силовые линии и линии давления. Но это потребует математических знаний, а также громадной энергии.

— Энергии? — откликнулся Гэри. — А может, использовать ту энергию, что возникнет в результате трения вселенных?

Кингсли воззрился на него с таким видом, будто репортер влепил ему оплеуху.

— Ты гений! — завопил ученый. — Мы ее взнуздаем!

— Но пока что ее у нас нет, — заметил Гэри.

— Да, верно, — согласился Кингсли. — Сначала ее нужно заполучить.

— И научиться ею управлять, — добавила Кэролайн.

— Думаю, нам пора идти, — сказал Инженер. — Нас ждут другие добровольцы. Они тоже прибыли издалека, некоторые — из других галактик.

— Сколько их? — спросил Гэри.

— Немного, — ответил Инженер. — Очень немного. Жизнь — большая редкость во Вселенной. Похоже, Вселенной она не нужна. Порой мне кажется, что жизнь всего лишь странная болезнь, которой в космосе и быть-то не должно. Некое злокачественное образование материи, не имеющее право на существование. Вселенная так враждебна ко всему живому, что просто диву даешься. В космосе крайне мало планет, где жизни удалось-таки укорениться.

— И все же среди триллионов галактик должно быть множество цивилизаций, — заметил Кингсли.

— Вероятно, мы просто о них не знаем, — сказал Инженер. — Нам удалось вступить в контакт со считанными цивилизациями, и то с большим трудом. К тому же не все они могут быть нам полезны. Некоторые расы слишком отличны от нас по развитию и культуре. Например, расы, которые живут вообще без прикладных наук. Расы, целиком погрузившиеся в пучину философских размышлений. Расы, посвятившие себя исключительно эстетике и несведущие в науках. Мы связались только с теми научно-ориентированными цивилизациями, которые сумели поймать наши сигналы и ответить, а потом еще построить машину, чтобы добраться сюда.

— И каких только народов нет во Вселенной! — воскликнул Херб.

Инженер провел их через люк в просторный коридор, нескончаемый и пустой, как открытый космос.

Скафандры функционировали превосходно. Сила тяжести и давление в них были нормальными, а сами они были гораздо удобнее скафандров, которыми пользовались обитатели Солнечной системы.

Земляне неторопливо шагали по коридору вслед за Инженером.

— Долго вы строили свой город? — спросил Гэри.

— Долго, — ответил Инженер. — С тех пор как прилетели сюда.

— Прилетели? — удивился Гэри. — Так это не ваша родная планета?

— Нет, — сказал Инженер, но в объяснения вдаваться не стал.

— Послушайте, а ведь вы так и не спросили наши имена! — заявил Херб. — Вы даже не знаете, кто мы такие.

Гэри почудилось, будто он уловил слабое подобие сдержанной насмешки в ответе Инженера.

— Имена? — сказал он. — Вы имеете в виду личные обозначения? Я знаю, кто вы такие, без всяких имен.

— Возможно, — не сдавался Херб. — Но мы, в отличие от вас, мысли читать не умеем. Нам без имен никак не обойтись. — Он семенил за Инженером, почти наступая ему на пятки. — А у вас, Инженеров, есть имена?

— У нас есть номера, — ответил Инженер. — Да и те исключительно для архивных записей. Личность не имеет у нас такого значения, как в вашем мире.

— Номера, — тихонько буркнул Херб. — Как в тюряге.

— Если вам необходимо как-то меня называть, — сказал Инженер, — то мой номер 1824. Мне следовало сразу назвать его вам. Простите за невнимательность.

Они остановились возле массивной двери, и Инженер послал мысленный сигнал на такой высокой ноте, что у них зазвенело в мозгах. Дверь скользнула в стенной паз. Перед ними открылся гигантский зал, простиравшийся вдаль до бесконечности и увенчанный высоким сводчатым потолком, похожим на небесный купол.

В зале не было совершенно никакой мебели — сплошь пустое пространство с туманно белеющими вдали высоченными стенами. И лишь посреди зала виднелся круглый помост из белого камня, зависший футах в десяти над белокаменным же полом.

На помосте стояли несколько Инженеров, а вокруг них толпились странные бесформенные существа — кошмарные твари, словно сошедшие со страниц старинных романов ужасов. При виде их у Гэри застыла в жилах кровь.

Он почувствовал, как пальцы Кэролайн сжали его руку.

— Гэри! — шепнула она еле слышно. — Кто это?

— Это добровольцы, явившиеся на наш зов, — пояснил Инженер. — Они проделали далекий путь, чтобы помочь нам.

— Во пакость-то! — с неприкрытым отвращением пробормотал Херб. — Так и хочется плюнуть да растереть.

Гэри не спускал с чудовищ глаз, завороженный их поразительным уродством. Хозяева Вселенной, подумал он. Самые сливки разумных цивилизаций космоса. Гнусные твари, в которых, как выразился Херб, действительно хочется плюнуть и растереть.

Инженер зашагал вперед, к широким пологим ступеням, ведущим на помост.

— Пошли! — пробасил Кингсли. — Мы им, небось, тоже страшилищами кажемся.

Земляне приблизились к помосту и взошли по ступеням. Инженер указал на них другим Инженерам.

— Эта группа прибыла с той самой планеты, за которой мы наблюдали долгие годы.

Инженеры уставились на землян. И все чудища тоже. Под их пристальными взглядами по спине у Гэри поползли мурашки.

— Добро пожаловать, — донеслась до них мысль одного из Инженеров. — Ты сказал им, как мы рады их прибытию?

— Сказал, — ответил Инженер 1824.

Для землян на помосте были поставлены кресла. Один из Инженеров приглашающе махнул рукой, и люди сели.

Гэри огляделся по сторонам. В креслах сидели только они одни. Инженеры, явно не знающие усталости, остались стоять. Некоторые из тварей тоже стояли. Какое-то страшилище стояло на одной ноге, поджав под себя вторую, точно спящий аист; правда, сходство с аистом на том и кончалось. Гэри попытался определить, к какому классу оно относится: уж точно не птица, не пресмыкающееся и тем более не млекопитающее. Такое и в страшном сне не приснится. Длинные костлявые ноги, раздутое брюхо, на голове — нечесаные лохмы, спадающие на бездумные рыбьи глаза.

Один из Инженеров заговорил.

— Мы собрались здесь, — плавно потекла его мысль, — чтобы обсудить способы и средства предотвращения грозной опасности, нависшей...

Точь-в-точь земной политик, подумал Гэри. Он попытался определить, кто из Инженеров держит речь, но лица их были одинаково бесстрастны и недвижны. Безмолвный оратор не выдал себя ни единым жестом или взглядом. Тогда Гэри попробовал найти среди них своего старого знакомого под номером 1824, однако все Инженеры были похожи друг на друга как две капли воды.

Речь размеренно катилась вперед: Инженер объяснял, в какой ситуации все они оказались и какие проблемы им предстоит решить, причем решить безотлагательно.

А Гэри переключился на созерцание тварей, собравшихся на помосте, — отталкивающих, гадких монстров, доставленных сюда из необозримых глубин Вселенной. Он разглядывал их с содроганием, обливаясь при этом холодным потом.

Некоторые из чудищ плавали в аквариумах, наполненных разными растворами. В одном аквариуме раствор кипел и исходил паром, словно там шла бурная химическая реакция; другой был мутным и грязным; третий — прозрачным, как вода, но в нем сидела такая отвратная нечисть, что у Гэри захолонуло сердце. Еще один гость был заключен в большом стеклянном шаре, где клубились ядовитые на вид газы. Наблюдая за шаром, Гэри вдруг почувствовал приступ настоящей паники и с благодарностью подумал о клубящемся внутри тумане, ибо сквозь него на миг проглянуло нечто совершенно невообразимое, способное одним своим видом свести человека с ума, не будь этой защитной мглистой пелены.

В небольшой стеклянной банке, стоявшей на каменном пьедестале, извивались в корчах какие-то тошнотворные пиявки. Прямо напротив Гэри на корточках сидело осклизлое чудище с пятнистой кожей, слюнявым ртом и узкими, как щелочки, глазками. Оно устремило на землянина пронзительный взгляд, и Гэри поспешно отвел глаза.

Ни единого существа — за исключением Инженеров, — хоть отдаленно напоминающего человека. Некоторые твари были похожи на жуткие карикатуры

самых омерзительных форм земной жизни, а другие не были похожи вообще ни на что.

Неужто это действительно лучшие образчики разумной жизни во Вселенной? А может, земляне им тоже кажутся безобразными монстрами?

Гэри глянул на Кэролайн. Девушка внимательно слушала, подперев подбородок ладошкой. Имела она их всех в виду, подумал Гэри. Она этих чудищ в упор не замечает.

Инженер закончил речь. В зале стало тихо. И вдруг новый мысленный импульс буквально шарахнул Гэри по мозгам. Мысль была холодной, жестокой, абсолютно механистичной и почти бессознательной. Гэри быстро обвел взглядом помост, силясь понять, кто ее передал. Наверное, жуткое нечто из стеклянного шара, решил репортер. Значения мысли он не понял, осталось только смутное впечатление о каких-то атомных структурах и математических формулах, относившихся, похоже, к чудовищному давлению, способному обуздать приток энергии.

А затем вновь заговорил Инженер.

— Такое решение, — сказал он, — было бы приемлемо на планете вроде вашей, где многомильная атмосфера из тяжелых газов создает давление, о котором вы говорили. Мы можем искусственно создать подобное давление, но только в стенах лаборатории.

— О чем, черт возьми, они спорят? — недоуменно спросил Херб.

— Заткнись! — прошипел Гэри, и фотограф сконфуженно умолк.

Холодная и жестокая мысль продолжала выдвигать аргументы, о смысле которых Гэри оставалось только гадать. Он опять посмотрел на Кэролайн. Понимает ли она? Лицо ее было сосредоточенным, напряженным.

Холодный мысленный поток вдруг иссяк, сменившись чьей-то писклявой мыслишкой. Небось, пиявка из стеклянной банки заговорила, подумал Гэри. Тьфу ты, мерзость какая!

Гэри взглянул на своего пятнистого визави. Слизняк поднял голову, и в глазках-щелочках явственно мелькнула лукавая искра.

— Ей-Богу, ему все это тоже кажется забавным! — пробормотал себе под нос репортер.

Симпозиум космических страшилищ! Писклявые мыслишки пиявок, которым самое место корчиться в стоячем придорожном пруду на Земле. Холодные мысли умопомрачительного существа, живущего на планете, покрытой милями клубящихся газов. Глазки-щелочки пятнистого насмешника.

Космический крестовый поход! Гэри рассмеялся про себя. Да, не таким он ему представлялся! Ему-то виделись армады боевых судов, кинжальное сверкание лучей, борьба двух могучих воинств и победа как награда за храбрость.

Но бороться было не с кем. Не было врага из плоти и крови, с которым мог бы сразиться человек. Другая вселенная, целая вселенная со своим временем и пространством — вот их противник. Человек тут просто бессилен.

— От этого сборища, — шепнул ему Херб, — у меня мурашки по коже бегут!

Глава 9

— Мы можем это сделать, — сказала Кэролайн, слегка ударив карандашом по листку с вычислениями. — Вот доказательство.

Кингсли наклонился над ее плечом и посмотрел на листок.

— Если не трудно, то объясните мне все сначала, — попросил он. — И, пожалуйста, помедленнее. Многое я никак не смог понять.

— Кингсли, — вмешался Херб, — вы всего лишь любитель. Чтобы сравняться с ней, вам пришлось бы поразмышлять тысячу лет.

— Вы меня смущаете, — сказала девушка. — Все так просто. Честное слово, очень просто.

— Конечно, просто, — подтвердил Томми. — Надо лишь свернуть пространство и время в маленькую вселенную. Потом обернуть ее вокруг какого-нибудь кусочка материи и так все оставить.

— А то, что получится, использовать для управления энергией, — пробасил Кингсли. — Уж это-то я понял. Когда вселенные начнут соприкасаться, можно будет улавливать образующуюся при этом энергию внутри искусственной вселенной. Энергия, конечно, уничтожит эту вселенную, но можно держать наготове другую. Но вот чего я никак не могу понять, так это как образуется искусственное четырехмерное пространство.

— Оно не искусственное! — рявкнул Гэри. — Оно реальное... столь же реальное, как и то, в котором мы живем. Но создано людьми, а не некими законами природы, о которых мы не имеем ни малейшего понятия. — Он ткнул пальцем в листок с вычислениями. — Кто знает, может, на этом листке бумаги записан секрет всей Вселенной. Может, это ключ к тайне ее образования.

— Возможно, — согласился Кингсли. — А может, и нет. Вдруг такого же результата можно добиться и многими другими способами?

— Для меня достаточно и одного, — заявил Гэри.

— Есть еще нечто, что не дает мне покоя, — призналась Кэролайн. — Мы ничего не знаем о пятимерном межпространстве. Можно лишь догадываться, насколько действующие там законы природы отличаются от наших. Очень отличаются. Но в чем именно? Какой вид энергии там возникнет? Какую форму он примет? — Она обвела собеседников взглядом. — Эти различия могут оказаться весьма значительными.

— Могут, — согласился Кингсли. — Разница может оказаться очень большой. Допустим, мы ставим ловушку для какого-нибудь животного. Хотим поймать крысу, а в нее попадает медведь... или наоборот.

— Церберы-то знают, как перемещаться в межпространстве, — заметил Томми.

— Знают, но нам не скажут, — сказал Гэри. — Они не хотят, чтобы Вселенная уцелела. Им нужно, чтобы она развалилась, а из обломков они смогут построить новый мир.

— Энергия может оказаться светом, материей, теплом, движением, или чем-то совершенно неизвестным, — предположила Кэролайн. — Вполне допустимо, что это вообще какая-то жуткая форма энергии, с которой мы никогда не сталкивались. Да и сами условия в межпространстве могут оказаться столь же отличными от четырехмерного, как и условия в четырехмерном пространстве отличаются от нашего трехмерного мира.

— А чтобы управлять ею, мы должны иметь о ней хоть какое-то представление, — заключил Кингсли.

— Или представлять, чем она станет, проникнув в гиперпространство, — добавил Гэри. — Не исключено, что там это один вид энергии, а в нашей Вселенной — совсем другой.

— Кажется, обитатели другой вселенной ничего об этом не знают, — заметил Томми, — хотя именно они обнаружили, что вселенные движутся навстречу друг другу. Похоже, они не смогли узнать об этом достаточно много.

Гэри обвел взглядом лабораторию — огромное помещение, освещенное мягким белым светом, наполненное сверкающими рядами аппаратов, могучими машинами, чьи огромные двигатели мощно гудели, вырабатывая гигантский поток энергии.

— Самое странное во всей этой истории то, — заявил он, — что сами Инженеры не смогли продвинуться вперед. Зачем они вызвали нас? С таким оборудованием, да с такими знаниями они играючи могли бы добиться чего угодно.

— Да, тут есть нечто странное, — согласился Херб. — Я здесь немного побродил. Этот город может свести человека с ума. На улицах никакого движения. По ним можно ходить часами, не встретив ни одного Инженера. Ни деловых зданий, ни театров — ничего. Все здания пусты. Просто пусты. Целый город пустых зданий. — Он вздохнул. — Такое впечатление, будто город ждет кого-то. Того, кто никогда не придет.

Что-то похожее на страх закралось в душу Гэри. Странное, едва уловимое чувство... жалость ко всем этим величественным белым зданиям, обреченным стоять пустыми.

— Город рассчитан на миллионы жителей, — сказал Херб. — Но в нем никого нет. Лишь горстка Инженеров. Их, вероятно, не более ста тысяч.

— Очень странно, что они не отыскали ответа, — нервно сжимая и разжимая кулаки, сказал Кингсли. — С такими знаниями и такими научными приборами.

Гэри взглянул на Кэролайн и улыбнулся. С виду обычная девушка. Но она умеет изгибать пространство и время, пока не образуется сфера... или, вернее, гиперсфера. Девушка, умеющая придавать пространству любую форму, делать с ним что угодно, заставлять его вести так, как ей нужно. Умеющая создавать крошечную копию большой вселенной, свою маленькую личную вселенную, которая принадлежит ей и никому более. Гэри был уверен, что до сих пор никто даже не осмеливался и думать о таком.

Он вновь бросил на нее быстрый уверенный взгляд, отметив четко очерченный подбородок, высокий лоб, уложенные вокруг головы косы. Неужели Кэролайн Мартин превзошла Инженеров? Сможет ли она справиться с проблемой, к которой те не сумели даже подступиться? Действительно ли она, никому прежде не известная, — самый великий разум во Вселенной? И не кроется ли внутри ее разума надежда для всей Вселенной?

Казалось, это невозможно. Но тем не менее она почти тысячу лет размышляла о времени и пространстве. У нее не было ничего, кроме собственного разума, — ни приборов, ни возможности поэкспериментировать. И в полном одиночестве, наедине со своими мыслями, она сорвала покров с тайны пространства и времени. Ей, возможно, и не мечталось, что это знание можно будет использовать для определенной цели.

Гэри услышал лязг металлических ног, ступающих по полу лаборатории, и, обернувшись, оказался лицом к лицу с Инженером 1824. Металлический человек застал гостей врасплох.

Они услышали его мысль — ясную, спокойную, неторопливую, лишенную эмоций, безличную, но все же с оттенком почти человеческой теплоты.

— Я уловил ваши мысли, — произнес Инженер. — Боюсь, вы подумаете, что я сделал это намеренно. Но я очень рад, что так получилось. Вы гадаете, почему Инженеры вызвали вас сюда. Почему они не смогли справиться с этой работой без вашей помощи.

Земляне стояли с виноватым видом, словно школьники, пойманные за чем-то недозволенным.

— Я расскажу вам все, — продолжал он, — и надеюсь, что вы меня поймете. Мне трудно об этом говорить. Очень трудно, потому что мы, Инженеры, очень горды. Сложись все иначе, мы никогда бы не признались в том, что вы сейчас услышите.

Его слова прозвучали как признание, и Гэри уставился на металлического человека, пораженный внезапным удивлением. Но бесстрастное металлическое лицо осталось неизменным, а в светящихся глазах не читалось и намека на мысль.

— Мы очень старые и усталые существа, — сказал Инженер, — мы живем слишком долго. Мы всегда были склонны к механистичности, а с годами эта склонность

только усилилась. Мы последовательны. У нас нет воображения. Все наши знания, вся наша власть достались нам в наследство от великой расы, величайшей из когда-либо существовавших. Мы добавили кое-что к этому знанию, но очень немного. Совсем немного, если учесть время, миновавшее с тех пор, как оно нам было вручено.

— О! — воскликнула Кэролайн и подняла руку словно хотела прикрыть ладонью рот Перчатка стукнула о кварцевый щиток шлема. Девушка посмотрела на Гэри, и тот увидел в ее глазах жалость.

— Прошу вас, не жалейте нас, — попросил Инженер. — Мы гордые существа, и у нас есть право быть такими. Мы хранили древнее наследство, и хранили его хорошо. Мы остались ему верны и не дали погибнуть врученному нам сокровищу.

Все замолчали, и перед мысленным взором Гэри возникла древность, будто старинная пьеса, разыгранная на сцене, обратившейся в прах многие тысячелетия назад. Образ еще более древней расы, обитающей на древней планете. Непостижимо древнее наследие, пронесенное сквозь космические века этими металлическими людьми.

— Но вы молоды, — заявил Инженер — Ваша раса молода и неиспорчена. Вы еще не заходили в тупик. Ваш разум свободен. Вы полны воображения и инициативы. Я ощутил это, когда разговаривал с вами еще тогда, в вашей системе. Вот то, что нам необходимо. вот что мы должны от вас получить. Воображение, чтобы охватить возникшую проблему Воображение чтобы заглянуть за угол. Неторопливое обсуждение того, что следует предпринять, а затем энергичные действия чтобы встретить брошенный вызов

Инженер вновь помолчал.

— Вот почему мы рады вам. Вот почему я знаю, что могу поведать вам то, что должно быть сказано.

Он на мгновение нерешительно смолк, и вновь миллионы иголочек страха кольнули мозг Гэри. Нечто, что должно быть сказано! Что-то, прежде им неизвестное Еще одна, более страшная угроза?

Все ждали, затаив дыхание.

— Вы должны это знать, — сказал Инженер, — но мне страшно даже произносить подобные слова

Знайте же. *от вас, и только от вас зависит судьба Вселенной. Вы единственные, кто может ее спасти.*

— От нас?! — воскликнул Томми. — Но это же безумие! Такого не может быть!

Кингсли сжал кулаки.

— А остальные? — рявкнул он. — Все те, кого вы вызвали сюда вместе с нами?

— Я отослал их обратно, — ответил Инженер. — Они нам не помощники.

Гэри вновь показалось, будто холодный космический ветер дунул ему в лицо. Человек — и только Человек — стоял между Вселенной и ее гибелью. Маленький, жалкий Человек, чье тело настолько хрупко, что притяжение этой чудовищной планеты превратило бы его в кровавую кашу, если бы он вышел на поверхность незащищенным. Маленький Человек, ощупью выбирающийся из потемок навстречу свету и не знающий даже, куда он идет.

Но тут в воздухе загремели фанфары — те самые легендарные фанфары, что всегда звали людей в крестовый поход. Звонкий призыв, вот уже десять тысяч лет посылающий Человека в бой с мечом в руке.

— Но почему? — не унимался Кингсли.

— Потому, — ответил Инженер, — что мы не можем с ними работать. И они не могут работать друг с другом. Мы едва понимаем их. Процесс их мышления настолько непостижим, мысли настолько запутаны, что взаимопонимание почти невозможно. Для меня самого остается загадкой, как мы вообще сумели дать им понять, что вызываем их сюда. Их разум невероятно отличается от нашего, словно они разнесены по разным полюсам планеты.

А ведь и верно, подумал Гэри, чего еще следовало ожидать? Если не существует параллельной физической эволюции, то почему должна существовать параллельная ментальная эволюция?

— Я вовсе не утверждаю, что их ментальность не настолько ценна, как наша, — продолжил Инженер. — Или что они менее нас талантливы в науках. Но между нами не могут возникнуть сотрудничество и взаимопонимание, необходимые для совместной работы.

— Но мы же понимаем ваши мысли, — возразила Кэролайн. — А вы понимаете наши. А мы так же далеки от вас по развитию, как и они.

Инженер промолчал.

— И вы похожи на нас, — тихо добавил Томми. — Мы из протоплазмы, а вы из металла, но у каждого из нас есть руки и ноги...

— Это ничего не значит, — ответил Инженер. — Абсолютно не имеет значения ни материя, из которой состоит существо, ни его внешний вид. — В его мыслях мелькнул оттенок раздражения.

— Не волнуйтесь, старина, — успокоил его Херб. — Мы спасем Вселенную. Понятия не имею, как мы это сделаем, но мы вам ее спасем.

— Спасете не для меня, — поправил его Инженер, — а для всех остальных. Ради всей жизни, существующей сейчас во Вселенной. Ради той жизни, которая еще может в ней зародиться.

— Вот вам и идеал, достаточно весомый для любого человека, — произнес Гэри, даже не заметив, что говорит вслух.

Идеал. То, за что сражаются. Стимул, заставляющий Человека двигаться вперед, напрягая все силы, пробиваясь с боем.

Спасти Вселенную для того чудовища в стеклянной банке, наполненной ядовитыми парами, для того маленького, извивающегося, похожего на слизняка существа, для того пятнистого монстра со слюнявым ртом и насмешливыми глазками.

— Но как? — спросил Томми. — Как мы собираемся это сделать?

— Придумаем, — пробасил Кингсли и, подойдя к Инженеру, спросил: — Известно ли вам, какой вид энергии существует в межпространстве?

— Нет. Этого я вам не могу сказать. Возможно, это знают Церберы. Но они никогда не скажут.

— А еще кто-нибудь? — холодно осведомился Гэри. — Есть кто-либо еще, готовый поделиться с нами этими сведениями?

— Да, — ответил Инженер. — Есть другая раса. Думаю, они могут вам все рассказать. Но не сейчас. Не сейчас. Это слишком опасно.

— Нам все равно, — заметил Херб. — Мы, люди, просто жить не можем без опасностей.

— Позвольте нам попробовать, — попросил Гэри. — Не всем — одному или двоим. Если с ними что-либо случится, остальные продолжат работу.

— Нет, — отрезал Инженер.

— А почему бы нам самим все не выяснить? — спросил Херб. — Создадим маленькую вселенную — только для себя. Проникнем в пятимерное пространство и исследуем ту энергию, которую там обнаружим.

— Замечательно, — промурлыкал Кингсли. — Просто замечательно. Но есть неувязочка — пока что изучать нечего. Энергии-то нет. И не будет, пока две вселенные не начнут соприкасаться, а тогда уже будет слишком поздно.

— Верно, — подтвердила Кэролайн, с улыбкой поглядывая на Херба, — мы должны все выяснить прежде, чем энергия появится. Когда вселенные соприкоснутся, она хлынет на нас таким потоком, что сметет все почти мгновенно. Первое же искажение пространства и времени поглотит нас целиком. Вспомните, ведь мы находимся у самого края Вселенной.

— Я не совсем понял, — произнес Инженер. — Вы упомянули о создании вселенной. Вы что, можете ее создать? Изогнуть пространство и время вокруг определенной массы? Боюсь, вы шутите. Это очень трудная задача.

Неужели, изумился Гэри, Кэролайн придумала нечто такое, что Инженер считает неосуществимым? Если подумать, то все так просто. Подумаешь, нужно лишь свернуть пространство—время в гиперсферу. Что в этом особенного? Простая задачка, вызывающая лишь легкое удивление и немного споров. Пара уравнений на клочке бумаги.

— Ничего страшного, справимся, — проревел Кингсли. — Эта маленькая леди все рассчитала.

— Эта маленькая леди чертовски ловко расправляется со всяческими цифрами и расчетами, — подтвердил Херб.

Инженер уже протянул руку, собираясь взять у Кингсли листок с расчетами, но в этот момент по всей лаборатории замигали красные огоньки, и раздался вой сирены. Все насторожились.

— Что это? — завопил Кингсли, роняя листок.

Мысль Инженера, абсолютно лишенная эмоций, вошла в сознание людей спокойно, как всегда.

— Это Церберы. Они атакуют нас.

Гэри перевел взгляд на лежащий на полу листок бумаги. Маленький листок, на котором мягким черным карандашом был описан способ спасения Вселенной.

Инженер пересек лабораторию и подошел к пульту. Его металлические пальцы начали уверенно нажимать кнопки. На стене засветился экран и показал купол неба над городом. Огромные серебристые корабли, резкие очертания которых свидетельствовали о таящейся в них мощи, взмывали ввысь. Эскадра за эскадрой они стартовали прямо с крыш, пронзали небо и устремлялись в космос на бой с Церберами.

Инженер что-то подстроил на пульте, и люди заглянули дальше, в космическую темноту на границе атмосферы. Там показалось крошечное серебристое пятнышко, быстро выросло и рассыпалось облаком кораблей. Тысяч кораблей.

— Это Церберы, — сказал Инженер.

Гэри услышал, как глубоко вздохнул Херб, увидел, как сжимаются и разжимаются огромные кулаки Кингсли.

— Сейчас они сильны, как никогда, — произнес Инженер. — Возможно, они разработали новое и более мощное оружие или более эффективные экраны. Боюсь, очень боюсь, что это конец для всех нас... и для Вселенной.

— Они далеко? — спросил Томми.

— Не далее чем в паре тысяч миль. Система тревоги предупредила нас, когда они находились в десяти тысячах миль от поверхности планеты. Это дало нам время поднять им навстречу наш флот.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросил Гэри.

— Мы уже делаем все, что можем.

— Нет, я не это имел в виду. Можем ли мы пятеро что-либо сделать? Принять участие в сражении?

— Не сейчас. Возможно, позднее. Но не сейчас.

Инженер снова настроил экран, и теперь стало видно, как обороняющиеся корабли Инженеров маневрировали в космосе, разворачиваясь в боевые порядки — словно мошки, мелькающие на черном фоне.

Затаив дыхание, люди не отрывали глаз от экрана, на котором сближались сверкающие точки — агрессоры и защитники. Затем в разных местах экрана замелькали вспышки — тонкие ниточки лучей тянулись вперед, прощупывали пустоту, отражались и скрещивались,

словно устремленные ввысь лучи прожекторов. На мгновение вспыхнула красная искорка и тут же погасла. Потом еще одна, словно светлячок летней ночью, — но эти вспышки были красными и казались наполненными яростной энергией.

— Эти вспышки... — выдохнула Кэролайн. — Что они означают?

— Взрывающиеся корабли, — ответил Инженер. — Защитный экран не выдерживает, или на его поддержание не хватает энергии, и тогда на корабль обрушивается атомная бомба или луч.

— Взрывающиеся корабли... — пробормотал Гэри. — Но чьи?

— Откуда мне знать? — ответил Инженер. — Или их, или наши.

Он говорил, а по всему экрану вспыхивали красные светлячки.

Глава 10

Половина города лежала в руинах, сметенная и покалеченная боевыми лучами, пронзавшими здания насквозь от верхних пределов атмосферы, и атомными бомбами, от взрывов которых содрогалась кора планеты, а величественные белые небоскребы обращались в пыль. Искореженные обломки кораблей рушились на город, гигантские крейсеры превращались в кучи металлического лома — продырявленные обгорелые корпуса, потерявшие всякое сходство с могучими кораблями, опаленные, смятые и сплющенные энергией, бушующей в битве на небесах.

— У них появилось новое оружие, — сообщил Инженер. — И защитные экраны стали лучше. Какое-то время мы еще сможем их сдерживать, но как долго, сказать не могу.

Из лаборатории, расположенной в основании одного из самых высоких небоскребов великого белого города, Инженеры и земляне долгие часы следили за битвой. Они видели первое столкновение двух флотов, беспорядочную схватку на границе атмосферы, наблюдали, как Церберы медленно теснили защитников и постепенно оказались на расстоянии, с которого могли наносить эффективные бомбовые удары по городу.

— Они применяют новый разрушитель защитных экранов, — добавил Инженер, — который гораздо эффективнее всех, что нам доводилось видеть. Он такой

мощный, что нашим кораблям не хватает энергии, чтобы удерживать свои экраны.

Экран на стене заполнила ослепительная бело-голубая вспышка — на одну из нескольких еще уцелевших башен упала бомба. Сокрушительный взрыв развалил ее почти до основания, и вскоре лишь каменный огрызок немо свидетельствовал о том, что она только что тянулась к небесам.

— Неужели никто не может нам помочь? — спросил Кингсли. — Уверен, что есть кого позвать на помощь.

— Никого нет, — ответил Инженер. — Мы одиноки. На тысячи световых лет от нас вы не отыщете ни единой великой расы. Церберы и Инженеры сражаются миллионы лет, и в этих сражениях всегда участвовали только мы и они. Как сейчас. До сих пор нам удавалось их отгонять. Множество раз мы уничтожали их почти полностью и могли сдерживать их космические амбиции. Но сейчас, как мне кажется, победят они.

— Ни единой расы, — пробормотал Гэри, — на тысячи световых лет.

Он ошеломленно уставился на экран и увидел, как очередной кусок искореженного металла, совсем недавно бывший кораблем, упал на останки башни и, зацепившись, повис, словно окровавленная и обугленная жертва, принесенная на алтарь войны.

— Есть такая раса!— неожиданно произнес он. — Как минимум одна и совсем рядом.

— Есть? — спросила Кэролайн. — Где?

— В другой вселенной. Раса, столь же великая и могущественная, как Инженеры. Раса, которая будет рада помочь нам в этой битве.

— Черт побери! — завопил Херб. — Как же мы раньше об этом не подумали?

— Не понимаю, — отозвался Инженер. — Я согласен, что они великая раса и что они рядом. Более того, даже слишком близко. Но с тем же основанием можно считать, что в миллиарде световых лет от нас. Они не смогут нам помочь. Как вы собираетесь доставить их сюда?

— Вот именно, — буркнул Кингсли, — как вы намерены это проделать?

— Вы разговаривали с ними, — сказал Гэри, обернувшись к Инженеру. — У вас есть представление, что это за существа?

— Великая раса, — ответил Инженер. — Некоторые их научные познания превосходят наши. Именно они сообщили нам об опасности столкновения вселенных. Они знали, что приближаются к нашей Вселенной еще тогда, когда мы и понятия не имели о том, что существуют другие вселенные помимо нашей. Очень мудрая раса.

— Поговорите с ними снова, — попросил Гэри. — Сообщите информацию, которая позволит им создать миниатюрную вселенную... одну из гиперсфер Кэролайн.

— Это нам не поможет.

— Поможет, — мрачно возразил Гэри, — если они, воспользовавшись законами пространства, создадут выпуклость на поверхности своей вселенной. Если они сумеют добраться до самого края своей пространственно-временной границы и создадут небольшой пространственный пузырь, способный отделиться от родительской вселенной и независимо существовать в пятимерном межпространстве.

Гэри услышал в наушниках своего шлема возбужденное дыхание Кингсли.

— Тогда они смогут перебраться в нашу Вселенную, — пробасил ученый. — Потому что ничто не помешает им перемещаться в межпространстве.

— Совершенно верно, — кивнул Гэри.

— Отлично придумано, Гэри! — прошептала Кэролайн.

— Здорово! — поддакнул Херб. — Мне уже не терпится полюбоваться на рожи Церберов, когда мы спустим на них этих парней.

— А если они не придут? — спросил Томми.

— Я поговорю с ними, — ответил Инженер.

Он вышел из лаборатории, и все последовали за ним по широкому коридору в другое помещение, уставленное сложным оборудованием.

Инженер подошел к пульту и начал манипулировать с кнопками и рукоятками. Длинные лампы наполнились ярким голубым свечением, стеклянные спирали вспыхнули ослепительными вихрями. Неожиданно лампы ярко

засияли, а в помещении раздалось низкое мощное гудение.

Все услышали мысленный голос Инженера, вызывающий существа из другой вселенной. Усиленные аппаратами, его мысли пронзали искривленную и взаимопереплетенную структуру пространства и времени.

Вскоре люди услышали мысленный ответ — цепочку искаженных и расплывчатых мыслей, совершенно непонятных им, но, очевидно, совершенно ясных для Инженера, неподвижно стоявшего под стеклянным конусом, который мерцал голубым огнем.

Разговаривали два разумных существа, разделенные странной и пугающей неизвестностью пятимерного межпространства!

Вскоре гудение стихло, а голубое пламя в лампах угасло и превратилось в мерцание.

Инженер обернулся и посмотрел на землян.

— Они придут, — объявил он, — но при одном условии...

Неожиданно по телу Гэри пробежала дрожь. Условие! Ему в голову не приходило, что другие существа вздумают выдвигать условия, требовать концессий или захотят получить определенную выгоду от услуги, оказанной другой вселенной.

Он всегда думал о них как о благожелательных существах вроде Инженеров, вся жизнь которых посвящена благородной цели — спасению своей вселенной. Выходит, ошибался. Неужели они откажутся от намерения спасти другую вселенную? Или же станут сражаться только за свою собственную? Существуют ли у них такие понятия, как эгоизм или всеобщее братство? Или вселенные вскоре вцепятся друг другу в глотки, подобно тому, как в древние времена различные нации яростно набрасывались одна на другую, а не так давно планеты воевали между собой ради своих корыстных интересов?

— Какое условие? — спросил Кингсли.

— Оно заключается в том, чтобы мы или они установили природу межпространства и энергии, которая возникнет при соприкосновении вселенных. Они хотят прийти и сражаться за нас, но не желают сознательно навлекать на себя катастрофу. Никто не знает, на что похоже межпространство. Никому не известно, какие природные законы в нем действуют. Там могут существовать законы,

полностью чуждые обеим нашим вселенным, отрицающие каждую частицу имеющихся у нас знаний. Они опасаются, что отделение маленькой вселенной от поверхности их вселенной может послужить толчком к высвобождению энергии, которая, как им известно, порождается при сближении двух четырехмерных структур.

— Погодите-ка! — воскликнул Гэри. — Я кое о чем не подумал, предлагая вам свою идею. Мне это только что пришло в голову. Когда вы произнесли слово «условие», я решил было, что они потребуют концессий или обещаний. Я ошибся, неправильно понял их мысль. Но суть-то осталась. Мы понятия не имеем, какими окажутся те существа из другой вселенной. Не знаем, каковы их внешний облик, философия, на что они способны. Если мы позволим им явиться сюда, то тем самым подарим им ключ к нашей Вселенной. Просто-напросто распахнем для них дверь. Все может завершиться благополучно, а может и нет. Что помешает им захватить нашу Вселенную?

— Тут что-то есть, — признал Томми. — Нам следовало бы подумать об этом раньше.

— А я не верю, — сказал Инженер. — У меня есть причина полагать, что они не станут для нас угрозой.

— Какая причина? — прорычал Кингсли.

— Они уведомили нас об опасности.

— Им нужна была помощь, — возразил Томми.

— Мы мало чем сумели им помочь, — сказал Инженер.

— Да какая разница? — спросил Херб. — Если мы не сделаем что-нибудь с той энергией, нам в любом случае крышка. И той вселенной тоже. Если бы они могли спастись, погубив нас, может, они бы на это и пошли. Но им прекрасно известно, что в случае нашей гибели погибнут и они.

— Верно, — согласился Кингсли. — В их интересах помочь нам победить Церберов, тогда, может быть, нам удастся что-нибудь придумать для спасения вселенных. Какой им смысл захватывать нас до тех пор, пока никто ничего не знает о той энергии?

— А тем, чего мы не понимаем, мы не можем и управлять, — добавила Кэролайн. — Мы должны выяснить, что это за энергия, какова ее суть, какую форму

она склонна принимать. И тогда мы поймем, как с ней справляться.

— Сколько у нас осталось времени на поиски какого-либо способа спастись до большого взрыва? — спросил Гэри.

— Очень мало, — ответил Инженер. — Совсем мало. Мы катастрофически близки к опасной точке. Вскоре пространственно-временные структуры обеих вселенных начнут взаимодействовать, создавая силовые линии и напряженности, которые возбудят энергетические поля в межпространстве.

— И вы утверждаете, что существует раса, которая может рассказать нам об этом межпространстве?

— Единственная, известная мне. Могут отыскаться и другие, но я знаю только об одной. Но до нее трудно добраться. Не исключено, что и невозможно.

— Послушайте, — прервал его Гэри, — это наш единственный шанс. Пусть даже нам не удастся добраться до них — это ничуть не хуже, чем без толку сидеть тут и дожидаться, пока нас сметет энергия столкновения вселенных. Пусть двое из нас попробуют. У остальных будет шанс отыскать другой выход, пока не стало слишком поздно. Возможно, гиперсферы Кэролайн смогут справиться с энергией, но уверенности у нас нет. А нам необходима уверенность. От нашей уверенности зависит судьба Вселенной. Мы не можем палить в темноту. Нужно знание.

— И если мы узнаем, — добавил Херб, — то парни из другой вселенной смогут прийти и помочь нам сдерживать Церберов, пока мы все не организуем.

— Боюсь, нам придется рискнуть, — сказал Кингсли.

— Рискнуть, — повторил Инженер. — Если бы все ограничивалось только риском... Место, которое я имел в виду, может вовсе не существовать.

— Может не существовать? — поразилась Кэролайн. В ее голосе прозвучал страх.

— Оно очень далеко. Далеко не в пространстве... пожалуй, в пространстве оно достаточно близко. Оно далеко во времени.

— Во времени? — переспросил Томми. — Это одна из великих цивилизаций прошлого?

— Нет. Цивилизация будущего. Цивилизация, которая, возможно, не существует. Которая может никогда не возникнуть.

— Как же вы в таком случае о ней узнали? — вспыхнул Гэри.

— Проследил ее мировую линию. И даже не саму мировую линию, а ту, что еще только возникнет. Я забрался в область вероятностей, проследил развитие вероятности во времени и убедился, что этой цивилизации еще нет, а может, и не будет. Я увидел лишь тень вероятности.

Голова Гэри пошла кругом. О чем идет речь? Отслеживание вероятных мировых линий. Изучение развития еще не возникшей империи! Заглядывание в место, которое может и не существовать. И разговор о путешествии в место, существование которого еще под вопросом!

Но тут заговорила Кэролайн — мягко и спокойно, хотя ее приятный голос слегка дрожал от возбуждения.

— Вы хотите сказать, что использовали геодезический метчик для отслеживания мировой линии в вероятность? И установили тот факт, что некий мир может существовать в будущем при тех условиях, которые вы обнаружили? И что, если исключить непредвиденные обстоятельства, он будет существовать таким, каким вы его увидели, но вы не уверены в самом факте его будущего существования, потому что мировые линии, которые вы отслеживали, не могут учитывать фактор уничтожения Вселенной или отклонения того мира от пути, который вы для него проследили исходя из логики его развития.

— Вы правы, — подтвердил Инженер. — Но за исключением одного обстоятельства. Оно состоит в том, что тот мир лишь в какой-то степени будет таким, каким я его увидел, — ведь все вероятности остаются лишь вероятностями. И существование того мира может оказаться настолько сомнительным, что мы не сумеем до него добраться... то есть для нас он не будет существовать в действительности. Другими словами, мы не сможем ступить на него ногой. Потому что для каждого реального предмета имеется одновременно бесконечное число вероятностей, и каждая из них отбрасывает некую тень уже благодаря тому, что они вероятны, были вероятны или будут вероятны. Обстоятельства выбирают одну из этих вероятностей и превращают ее в реальность. Но и другие точно так же имеют право на существование Однако не исключено, что это

существование мы не в силах воспринимать нашими органами чувств.

— Но вы видели тень той вероятности? — спросил Кингсли.

— Да, — подтвердил Инженер. — И очень ясно. Настолько ясно, что склонен поверить в реальное существование того мира в будущем. Но уверенности у меня нет. Как я уже говорил, он может и не существовать, вообще никогда не существовать.

— Но у нас есть шанс до него добраться? — спросил Гэри.

— Шанс есть.

— В таком случае, — нетерпеливо бросил Херб, — чего мы ждем?

— Но если мы потерпим неудачу и Вселенная окажется уничтожена, сохранится ли эта вероятность? — спросил Гэри. — Разве сам факт того, что вы ее видели, не доказывает, что мы отыскали способ спасти Вселенную?

— Это ничего не доказывает, — ответил Инженер. — Даже если Вселенную уничтожить, вероятность останется, потому что тот мир *мог быть*. Уничтожение Вселенной станет тем непредсказуемым фактором, который уничтожит реальность и вынудит все линии вероятности остаться лишь вероятностями.

— Так вы хотите сказать, — ахнула Кэролайн, — что мы можем отправиться в мир, который существует лишь в виде вероятностной мировой линии, и получить там информацию для спасения Вселенной? Что даже после того как Вселенная будет уничтожена в случае нашей неудачи, информация, которая могла бы нас спасти, все равно может быть найдена — но, разумеется, слишком поздно, — в этом вероятностном мире?

— Да, — подтвердил Инженер, — но тогда ее уже некому будет искать. Решение наших проблем так и останется там неиспользованным. Мне очень трудно правильно объяснить эту мысль.

— Все это, конечно, правильно и интересно, — не выдержал Херб, — но мне не терпится действовать. Когда мы отправимся в то место, которого может не оказаться там, куда мы прибудем?

— Сейчас я вам все покажу, — ответил Инженер.

Люди последовали за ним через лабиринт лабораторных помещений, пока не оказались в зале, где находился

один-единственный предмет — стоящая на полу огромная полированная чаша, отражающая свет висящей под потолком лампы.

— Смотрите, — сказал Инженер, указывая на чашу.

Он подошел к панели на противоположной стене и быстро ввел уравнение в вычислительную машину. Когда машина перестала жужжать и пощелкивать, Инженер нажал на несколько выступов на панели управления. Внутренняя поверхность чаши затуманилась и словно ожила, став похожей на гигантский водоворот текучего ничто. Создавалось впечатление, что вращение становится все более и более быстрым.

Гэри обнаружил, что не в силах отвести взгляда от удивительной чаши, словно ее движение гипнотизировало его.

Через некоторое время вихрь начал принимать определенную, но все еще расплывчатую форму. Им показалось, что они разглядывают с огромного расстояния странную звездную систему. Вскоре масштаб изображения увеличился, теперь чаша показывала только одну планету, которая увеличивалась на глазах, превращаясь в медленно вращающуюся сферу.

Затем изображение планеты заполнило всю чашу, и Гэри увидел моря, города, горы и большие пустыни. Горы, однако, были совсем низкими, больше напоминая выветренные холмы, а моря оказались мелкими. Большую часть вращающегося шара покрывали пустыни, а города лежали в руинах.

Было что-то мучительно знакомое в облике планеты, задевающее струны памяти... словно он уже ее когда-то видел.

И тут Гэри осенило.

— Земля! — воскликнул он. — Это же Земля!

— Да, — сказал Инженер, — это ваша планета, но вы видите ее такой, какой она станет через миллионы лет. Это старая, очень старая планета.

— Или какой может никогда не стать, — прошептала Кэролайн.

— Вы правы, — подтвердил Инженер. — Она может никогда такой не стать.

Глава 11

Корабль Томми Эванса стоял на одной из низких крыш рядом с лабораторией. Через несколько минут он взлетит и помчится сквозь искривленные пространство и время к той Земле, которую они видели во вращающейся чаше... Земле, которая сейчас не более чем вероятность... к Земле, которая не будет существовать еще миллионы лет, если появится вообще.

— Приглядывай за кораблем получше, — сказал Томми.

Гэри похлопал его по руке.

— Я верну его тебе, — пообещал он.

— Мы будем вас ждать, — пробасил Кингсли.

— Черт, — простонал Херб. — Как где намечается развлечение, так вечно обходятся без меня. Вот вы с Кэролайн летите на Землю, а мне приходится оставаться.

— Послушай, — серьезно произнес Гэри, — нет никакого смысла рисковать жизнями всех нас. Кэролайн летит потому, что она может оказаться единственной, кто поймет те премудрости, которые нам могут рассказать люди на старой Земле, а я лечу потому, что лучше играю в покер. Я обыграл тебя по всем статьям, честно и без дураков.

— Я сам дурак, — скорбно промолвил Херб. — Надо было раньше догадаться, что у тебя всегда припрятан туз в рукаве.

Томми ухмыльнулся.

— У меня тоже рука невезучая, — сказал он. — Надо было сыграть хотя бы две партии.

— У нас не было другого способа решить наш спор, — пояснил Гэри. — Мы все хотели лететь, поэтому сыграли одну партию в покер. На вторую у нас просто не оказалось времени. Я выиграл. Чего вы еще хотите?

— Ты всегда выигрываешь, — пожаловался Херб.

— Велики ли ваши шансы на успех? — спросил Томми у Кэролайн.

Та пожала плечами:

— На бумаге все выглядит гладко. Когда мы летели сюда, Инженеры искривили пространство и время, но одинаково — и то и другое в равной степени. Но сейчас время придется искривлять гораздо больше. В действие вступают совсем другие факторы. Но у нас неплохие шансы попасть туда, куда мы направляемся.

— Если только планета окажется на нужном месте... — начал было Херб, но тут же смолк, услышав многозначительное похмыкивание Кингсли.

Кэролайн быстро повернулась к нему.

— Инженер понял уравнения, описывающие гиперсферы, — сказала она. — Работай с ним. Попробуйте создать несколько гиперсфер в нашем пространстве, а потом проверьте, можно ли создать хотя бы одну за пределами нашей Вселенной. Отщипните ее при помощи искривления пространства—времени и вытолкните в межпространство. Возможно, она нам потом пригодится.

Внезапно на них обрушилась волна грохота, массивные каменные плиты под ногами содрогнулись от взрыва бомбы. На секунду яростная вспышка атомного пламени заставила побледнеть свет местных солнц.

— Эта легла близко, — прокомментировал Томми.

Они уже привыкли к бомбам. Гэри задрал голову к небу и увидел серебристые искорки кораблей.

— Инженеры не смогут продержаться долго, — сказал Кингсли. — Так что если мы намерены что-либо сделать, то пора поскорее начинать.

— А вот и старое знакомое искривление пространства, — радостно произнес Херб, указывая наверх.

Все посмотрели туда, куда показывал его палец.

Да, верно... ровное светящееся колесо, легкое вращение закрученного пространства... такое они уже видели на Плутоне. Дверь в другой мир.

— Полагаю, — решила Кэролайн, — это приглашение отправляться в путь. — Голос ее предательски дрогнул. Она обернулась к Кингсли: — Даже если мы не вернемся, все равно попробуйте гиперсферы. Попытайтесь поглощать энергию внутри них. Вам не придется управлять этим процессом долго — лишь до тех пор, пока другая вселенная не взорвется. Тогда мы окажемся в безопасности.

Она вошла в шлюз корабля, Гэри последовал за ней. Обернувшись, он посмотрел на оставшихся — огромного Кингсли, чья голова с трудом умещалась в тесноватом для него шлеме, а затянутые в металлическую перчатку пальцы нервно сжимались и разжимались; щеголеватого и жизнерадостного Томми Эванса, юношу, мечтавшего долететь до альфы Центавра, а вместо этого попавшего к краю Вселенной; фотографа Херба, коренастого коротышку, готового сейчас биться головой о стенку из-за того, что он не летит с ними. Почувствовав, что его глаза неожиданно затуманились от слез, Гэри помахал им рукой. Оставшиеся трое помахали в ответ. Гэри торопливо вошел в шлюз и дернул рукоятку, запирающую герметичный люк.

Войдя в рубку управления, он сорвал шлем, плюхнулся в пилотское кресло и посмотрел на Кэролайн.

— Как приятно избавиться от шлема, — заметил он.

Кэролайн, тоже снимавшая шлем, кивнула в ответ.

Пальцы Гэри забегали по пульту, выполняя предстартовую процедуру. Взявшись за рукоятку зажигания, он замер.

— Послушай, Кэролайн, насколько велики наши шансы? — спросил он.

— Долетим.

— Нет, — рявкнул он, — я хочу знать правду. У нас вообще есть шанс?

Кэролайн посмотрела ему в глаза, ее губы сжались в прямую линию.

— Да, но небольшой. Даже не пятьдесят на пятьдесят. Очень много факторов, вызывающих ошибки в расчетах, очень много случайностей. Математически их нельзя предвидеть и учесть, а кроме математики нам надеяться не на что.

Гэри хрипловато рассмеялся.

— Неужели ты не понимаешь? — спросила Кэролайн. — Мы стреляем по мишени. Она удалена от нас

на миллионы световых лет и на миллионы лет во времени. Нам нужно вывести две отдельные системы координат — для времени и для пространства. Одним тут не обойтись. Это трудно.

Гэри взял себя в руки. Кэролайн сказала, что задача трудна. Он мог лишь догадываться, насколько трудной она может оказаться. А по-настоящему оценить ее сложность мог лишь тот, кто овладел математикой и пространства, и времени. Например, тот, кто размышлял о таких проблемах тысячу лет.

— И даже если мы попадем точно в нужное место, — сказал Гэри, — его может там не оказаться.

Он дернул рычажок на себя. Загрохотали ракеты, корабль начал по дуге подниматься в небо. Гэри напряженно работал за пультом. Двигатели трудились на полную мощность, и все же вокруг пока простирался разрушенный город, могучие башни которого атомные бомбы превратили в груды развалин.

Светящееся колесо, обозначавшее вход в пространственно-временной туннель, находилось между и чуть позади остатков двух башен. Сманеврировав двигателями, Гэри направил нос корабля между ними, потом чуть приподнял его, нацелив корабль на светящееся колесо.

Корабль быстро набирал высоту. Перекрестье указателя курса указывало точно на центр светового круга.

— До входа в туннель осталось совсем немного, — взволнованно произнес он и стиснул от напряжения зубы. — Через минуту мы всё узнаем.

Холодный ветер космоса вновь дул ему в лицо, волоски на шее встали дыбом. Извечный вызов неизвестности. Старинная слава крестового похода.

Он быстро взглянул на Кэролайн. Девушка уставилась в носовой иллюминатор, глядя прямо перед собой. Колесо света все расширялось, и вскоре впереди оказалась лишь черная дыра. Кэролайн обернулась.

— О, Гэри! — воскликнула она.

В то же мгновение корабль вонзился в густую и вязкую чернильную мглу. Мрак затопил его целиком, им даже показалось, будто заливающий кабину свет радиевых ламп потускнел.

— Гэри, я боюсь! — услышал он доносящийся из мрака голос Кэролайн.

Но не успел он ответить, как темнота исчезла, и корабль снова вырвался в пространство, усеянное

искорками звезд, которое, как ни странно, показалось им после черноты туннеля теплым и дружественным.

— Вот она! — воскликнула Кэролайн.

Гэри облегченно выдохнул.

Под ними проплывала планета — именно такая, какую они видели во вращающейся чаше в городе Инженеров, — покрытая некогда могучими горами, ныне превратившимися в пологие и низкие холмы, планета мелких морей и разреженной атмосферы.

— Земля, — подтвердил Гэри, не в силах отвести глаз.

Да, Земля. Колыбель человечества, ныне старая и дряхлая планета, медленно ползущая навстречу гибели, пережившая свою полезность. Планета, вынянчившая великую расу — людей, всегда стремившихся вдаль, не удовлетворенных скукой повседневности, встречающих каждый вызов боевым кличем. Расу крестоносцев.

— Она на месте, — прошептала Кэролайн. — Она настоящая.

Гэри быстро взглянул на приборы. Корабль находился всего в пятистах милях от поверхности, но приборы не улавливали даже следов атмосферы. Корабль медленно снижался, однако вокруг был лишь чистый космический вакуум.

Гэри негромко свистнул. Датчики уловили бы и следы газов, но до сих пор стрелки приборов даже не дрогнули.

Как постарела Земля! Быстро потеряв верхние слои атмосферы, она подставила свои старческие кости космическому холоду, и теперь космос, ледяной и зловещий, все дальше прокрадывался в колыбель человечества.

Первые признаки атмосферы приборы отметили на высоте чуть ниже двухсот миль. Поверхность планеты освещало Солнце, тоже, должно быть, растратившее большую часть своей энергии: его свет показался Гэри слабым по сравнению с тем, каким он его помнил.

Корабль быстро приближался к поверхности, и земляне нетерпеливо искали глазами хотя бы следы городов. Им повезло лишь однажды, но телескоп тут же подтвердил, что от города остались лишь руины. Пески почти засыпали обвалившиеся колонны и некогда могучие стены зданий.

— Когда-то тут стоял великий город, — тихо сказала Кэролайн. — Хотела бы я знать, что стало с людьми.

— Умерли, — предположил Гэри. — Или улетели на другую планету, быть может, к другому солнцу.

По экрану проплывали картины одна мрачнее другой. Огромные пустыни с ползучими дюнами — мили и мили голого песка без единого пятнышка растительности. Низкие, расплывшиеся от времени холмы, чьи склоны были усеяны валунами и искривленными ветром деревьями и кустами, из последних сил сопротивлявшимися враждебной и суровой стихии.

Когда корабль полетел над ночной половиной планеты, путники увидели Луну. Заслоняющая почти двенадцатую часть неба, она огромным оранжевым шаром выплыла из-за горизонта.

— Как она прекрасна! — выдохнула Кэролайн.

— Прекрасна и опасна, — добавил Гэри.

Наверное, она уже приближается к пределу Роше. Падая с неба, она год за годом притягивалась к Земле. Когда она пересечет невидимую границу, ее разорвут на части неумолимые гравитационные напряжения, а обломки полетят по самостоятельным орбитам вокруг дряхлой Земли, образовав миниатюрные кольца Сатурна. Но те же силы, которые разорвут Луну, заставят содрогнуться и Землю. Взорвутся лавой и пламенем вулканы, кору раздерут землетрясения, по океанам промчатся чудовищные приливные волны. Горы рассыплются щебнем, поднимутся новые континенты. Лик Земли изменится вновь, как уже менялся множество раз в прошлом. Он уже изменился с тех пор, как его узнал человек, потому что Гэри не мог узнать ни одного моря или континента. Все выглядело чужим и незнакомым.

Он задумался о том, какие изменения могли произойти за это время. Вращение Земли замедлилось. Ночь и день сейчас, наверное, длятся по месяцу. Долгие дни под палящим солнцем и бесконечные холодные ночи. Столетие за столетием лунные приливы тормозили Землю, масса планеты увеличивалась за счет падающих на нее метеоритов, а энергия уменьшалась. Увеличение массы и снижение энергии замедляли ее вращение, отодвигали все дальше от Солнца в космический холод. А теперь она теряет и атмосферу. Из-за ослабевшего притяжения драгоценные газы улетучиваются.

Выветривание скальных пород также поглотило часть кислорода.

— Смотри! — воскликнула Кэролайн.

Очнувшись, Гэри увидел прямо по курсу поднимающийся из-за горизонта большой город, сверкающий блеском металла.

— Инженер говорил, что мы найдем на Земле людей, — прошептала Кэролайн. — Наверное, это случится здесь.

Город тоже оказался сильно разрушенным. Большая его часть, несомненно, уже была погребена под песками пустыни, наползавшей со всех сторон. Некоторые из зданий развалились, и зияющие в стенах отверстия казались пустыми, потерявшими надежду глазами. Но немалая часть города уцелела, и по ней можно было представить, каким великолепным он был во времена своего гордого расцвета.

Гэри начал плавно снижать корабль, опуская его на нанесенную из пустыни полосу песка перед одним из еще стоящих зданий, самым крупным в городе. Вблизи он рассмотрел это здание получше — изумительное строение, красота которого почти не поддавалась описанию, поэма ритма и изящества, казалось слишком хрупким для этого зловещего и мрачного мира.

Пропахав песок, корабль остановился. Гэри поднялся из кресла и протянул руку к шлему.

— Прибыли, — объявил он.

— Я не верила, что нам это удастся, — призналась Кэролайн. — Мы очень рисковали.

— Но все-таки нам повезло, — резко ответил Гэри. — Нас ждет дело. — Надев и закрепив шлем, он добавил: — У меня такое предчувствие, что эти колпаки нам понадобятся.

Кэролайн тоже надела шлем. Они вместе вышли из корабля.

Тонко завывал ветер, проносясь над бесплодными пустынями и развалинами, взметая вихри мельчайшего песка, танцующие зловещий танец на дюнах, и подбираясь к дверям сияющего в лунном свете здания, перед которым опустился корабль.

Гибкий быстрый силуэт мелькнул на гребне дюны и юркнул в укрытие среди груды камней — то ли одичавшая собака, то ли какое-то другое животное.

Охватившее Гэри ощущение заброшенности пробралось глубже и страхом стиснуло душу. Он содрогнулся. Человек не должен испытывать такие чувства на своей родной планете. Не так он должен себя ощущать, вернувшись домой от самого края всего сущего.

Но то был не край всего сущего, напомнил себе Гэри, а лишь край Вселенной. Потому что Вселенная оказалась не всем сущим. За ее пределами, простираясь на немереные, уму непостижимые расстояния, существовали другие вселенные. Родная Вселенная оказалась лишь крошечной частичкой целого, возможно, такой же крошечной, как Земля по сравнению со Вселенной. Песчинка на берегу, подумал он. Даже меньше песчинки.

А эта планета, разумеется, могла быть и не Землей, а лишь ее тенью — вероятностью, набравшей силу, вещественность и приближенность к реальности потому, что лишь неуловимо тонкая граница отделяла ее от того, чтобы стать настоящей реальностью.

У Гэри даже голова пошла кругом от подобной мысли, от вытекающего из нее бесчисленного количества вероятных следствий, от бесконечного числа возможностей, ныне существующих в виде теней, каждая из которых отбрасывала собственную тень. От всего, что лишь чуть-чуть не стало реальностью. Разочарованные призраки, подумал он, с жалобным воем ковыляющие сквозь вечность небытия.

Кэролайн подошла ближе, и Гэри услышал в динамиках шлема ее тихий голос:

— Здесь все такое странное, Гэри.

— Да, — согласился он. — Странное.

Они осторожно зашагали вперед, к зияющему отверстию двери в большом металлическом здании. Лунный свет, разбиваясь о его башни и шпили, осыпал строение холодными осколками какой-то неземной красоты.

Под ногами хрустел и поскрипывал песок. Тонко и жалобно завывал ветер, песчинки покрылись кристалликами замерзшей влаги, пойманной в смертельные объятия холода.

Добравшись до двери, они заглянули внутрь. Там оказалось темно, и Гэри снял с пояса радиевый фонарь. Широкий луч высветил просторный арочный коридор, ведущий прямо к центру здания.

Гэри затаил дыхание, охваченный безымянным страхом — страхом перед всем темным и незнакомым, призрачным и древним.

— Пожалуй, можно войти, — сказал он, преодолевая страх.

Металлические подошвы застучали по холодным плитам пола, звук шагов гулко прозвучал в темноте, многократно отражаясь от стен.

Гэри ощутил на плечах все растущую тяжесть столетий — глаза множества людей различных наций, пристально наблюдающих за ним, ревностно охраняющих древние традиции от вторжения чужого разума. А ведь они с Кэролайн, понял Гэри, здесь чужие — если и не по крови, то во времени. Об этом кричало все — и архитектура здания, и сама атмосфера протяженного и молчаливого холла, и тишина, царящая на мертвой или умирающей планете.

Неожиданно коридор оборвался, выведя их в огромный зал. Гэри включил фонарь на полную яркость и повел вокруг лучом. Зал заполняли ряды массивных кресел, вдоль стен тянулись орнаментированные скамьи.

Некогда, в давно минувшие времена, это был зал собраний, место встречи людей, решавших важные проблемы. В этом помещении, подумал Гэри, творилась история, создавалась политика космической империи, решалась судьба звезд и планет.

Но ныне жизнь покинула это место, лишь давящая тишина словно шептала о днях, лицах и проблемах, давно сметенных и уничтоженных тяжелой поступью веков.

Гэри обвел взглядом зал и вздрогнул.

— Мне здесь не нравится, — прошептала Кэролайн.

Неожиданно в стене открылась дверь. В зал хлынул свет. Их сознания коснулись телепатические пальцы, и они услышали доброжелательную и, несомненно, человеческую мысль:

— Вы здесь кого-то ищете?

Глава 12

Изумленные, они резко повернулись. В маленьком дверном проеме стоял сутулый старик — человек, не совсем похожий на человека из-за слишком большой головы и гротескно увеличенной грудной клетки. Худые ноги-трубочки предательски дрожали, а руки были угрожающе длинными и тонкими.

На грудь старика ниспадала длинная белая борода, но выпуклый купол черепа был абсолютно голым. Даже на расстоянии Гэри ощутил силу проницательных глаз, выглядывавших из-под мохнатых бровей.

— Мы ищем кого-нибудь, — ответил Гэри, — кто мог бы дать нам нужную информацию.

— Заходите, — услышали они в ответ мысль старика. — Или вы хотите, чтобы я насмерть простудился тут на сквозняке?

— Пойдем, — решился Гэри, беря Кэролайн за руку.

Они торопливо пересекли зал и юркнули в помещение. Услышав, как дверь захлопнулась, они повернулись к старику. Тот уставился на них.

— Вы люди, — мысленно произнес он. — Существа моей расы. Но из очень далекого прошлого.

— Верно, — согласился Гэри. — Нас разделяют многие миллионы лет.

Им показалось, что в мыслях старика мелькнуло недоверие.

— И вы искали меня?

— Все равно кого. Того, кто сумеет поведать нам знание, которое может спасти Вселенную.

— В таком случае им стану я, потому что я единственный из оставшихся в живых.

— Единственный оставшийся в живых? — изумился Гэри. — Последний человек?

— Вот именно, — почти радостно подтвердил старик. — Были и другие, но все умерли. Всем когда-нибудь суждено умереть.

— Но должны же быть и другие люди, — не унимался Гэри. — Никогда не поверю, что вы последний из людей.

— Другие были, — согласился старик, — но они покинули Землю и улетели к звездам. В место, приготовленное для них.

У Гэри похолодело в груди.

— Вы хотите сказать, что они умерли?

— Да нет, никто не умер, — раздраженно бросил старик. — Они перебрались в лучшее местечко. Оно было подготовлено для них много лет назад. Но они не могли отправиться туда, пока не стали готовы.

— А вы?

— А я сам захотел остаться. Я и несколько других. Мы не могли совсем забросить Землю и решили остаться. Но все из оставшихся уже умерли. Кроме меня.

Гэри обвел взглядом комнатку старика. Маленькая, но удобная. Постель, стол, пара стульев, другую мебель он узнать не смог.

— Вам нравится мое жилище? — спросил старик.

— Очень, — ответил Гэри.

— Может быть, вы захотите снять шлемы? Тут тепло, а плотность атмосферы я поддерживаю несколько выше, чем снаружи. Необходимости в этом, разумеется, нет, но так приятнее. Уж больно разреженным стал воздух на улице. Трудно дышать.

Путешественники расстегнули замки и сняли шлемы. Воздух в комнате оказался чистым, свежим и теплым.

— Так гораздо лучше, — признала Кэролайн.

— Хотите сесть? — спросил старик, указывая на стулья. Когда путешественники сели, он осторожно опустился на третий стул. — Так-так, — мысленно произнес он, словно дедушка, в гости к которому

приехали внуки, — люди из прошлого. Вы оба просто великолепные образчики той эпохи — физически. Вид у вас довольно-таки варварский — но в головах есть все, что нужно. Вижу, вы разговариваете между собой вслух, а ведь люди уже много тысяч лет общаются мысленно. Уже одно это подтверждает, что вы прибыли из очень далекого прошлого.

— Действительно, из очень далекого, — согласился Гэри. — Мы первые люди, покинувшие Солнечную систему.

— Далеко, — сказал старик. — Далеко... — Его острый взгляд устремился на Гэри. — Наверняка у вас есть для меня интересная история.

— Есть, — подтвердила Кэролайн, и гости быстро, по очереди, начали рассказывать, возбужденно, добавляя детали, поясняя ситуации, пока не выложили ему все.

Старик внимательно слушал, время от времени задавая вопросы. В его ясных глазах читалась любовь к приключениям, а морщинистое лицо приняло благосклонное выражение, словно он разговаривал с детьми, вернувшимися после первого школьного дня и рассказывающими об увиденных чудесах.

— И поэтому вы прилетели ко мне, — заключил он. — Не побоялись отправиться по кривой тропке времени, лишь бы отыскать кого-нибудь вроде меня — кто смог бы рассказать то, что вы хотите узнать.

Кэролайн кивнула.

— И вы сможете нам это рассказать, верно? — спросила она. — Это очень важно для нас... и для всех.

— Я на вашем месте не стал бы беспокоиться, — заметил старик. — Если бы Вселенной пришел конец, меня-то здесь не оказалось бы, а вы не смогли бы до меня добраться.

— А вдруг вы не настоящий? — спросила Кэролайн. — Всего лишь тень. Вероятность...

Старик кивнул и запустил в бороду скрюченные пальцы. Из могучей груди со свистом вырвался воздух.

— Вы правы, — признал он. — Я могу оказаться лишь тенью. И весь мой мир тоже, вполне вероятно, лишь тень. Я иногда задумываюсь над тем, существует ли вообще такое понятие, как реальность — или все вокруг лишь мысль. И не может ли оказаться, что некий гигантский космический разум лишь выдумал все то, что

мы видим, во что верим и воспринимаем как реальность... что этот гигантский разум создал сцену с декорациями и выпустил на нее воображаемых актеров. А еще я иногда думаю, не являются ли все эти вселенные лишь театром теней. Компанией призрачных актеров, играющих на призрачной сцене.

— Но расскажите же нам, — взмолилась Кэролайн. — Вам есть что сказать.

Старик подмигнул:

— Да, я все вам охотно расскажу. Ваше пятое измерение есть вечность. Это все и ничего, свернутое в единое целое. Место, где еще ничего не случилось и в то же время все уже в каком-то смысле совершилось. Это начало и конец всех вещей. Там не существует понятий пространства, времени и прочих феноменов, которые мы приписываем четырехмерному континууму.

— Никак не могу понять, — пробормотала Кэролайн, удивленно наморщив лоб. — Мне все кажется таким безнадежным. Можно ли объяснить это математически?

— Можно, но, боюсь, вы все равно не поймете. Математика, необходимая для таких пояснений, была разработана лишь несколько тысяч лет назад.

Он разгладил бороду на выпуклой груди.

— Мне не хочется вас смущать, — заявил старик, — но я попросту не вижу, откуда у вас может взяться тот уровень интеллекта, без которого мои пояснения потеряют смысл. В конце концов, вы люди из древней эпохи, почти что варвары.

— Попробуйте все же объяснить ей, — проворчал Гэри.

— Хорошо, — снизошел старик.

У Гэри осталось лишь спутанное впечатление о многоступенчатых уравнениях, напичканных символами в скобках, и все это складывалось в запутанную и совершенно невообразимую структуру, смысл которой казался столь обширным и всеохватывающим, что его разум инстинктивно отстранился от любых попыток в него вникнуть.

Затем звучащие в голове мысли смолкли, одарив его легким головокружением и ощущением жизненной силы, которую он предположил и все же ухватил за символикой и структурой уравнений.

Взглянув на Кэролайн, он увидел, что вид у нее озадаченный. Но внезапно ее лицо осветилось восхищением.

— Странно, — произнесла она, немного помедлив, — но... уравнения исключают друг друга, отражая одновременно все и ничего, сразу и ноль и бесконечность, все, что только можно вообразить.

Гэри ухватил мелькнувшее в уме их хозяина ощущение удивления и смущения.

— Ты поняла, — услышал он мысль старика. — Ты совершенно точно ухватила смысл.

— Я ведь вам говорил, — поддакнул Гэри. — Конечно же, она все поняла.

— Это означает, что энергия будет вневременнóй, — заговорила Кэролайн, словно размышляя вслух. — У нее не будет временнóго фактора, а поскольку время входит в показатель степени, то и мощь его окажется почти беспредельной. Едва процесс начнется, его уже нельзя будет остановить.

— Ты права, — подтвердил старик. — Это будет чистой, только что родившейся энергией из области, где законы четырехмерного пространства—времени перестают действовать. Она окажется безвременнóй и бесформенной.

— Бесформенной, — повторила Кэролайн. — Ну конечно же, у нее не будет формы. То не будет свет, тепло, материя, движение или любая из известных нам форм энергии. И в то же время она может оказаться чем угодно, потому что она ждет, чтобы превратиться в нечто. Она сможет выкристаллизоваться во что угодно.

— Господи! — изумился Гэри, — Да как можно справиться с такой штукой? Это не по зубам даже твоим гиперсферам. Она расплавит само пространство и уничтожит время.

Кэролайн взглянула на него ясными глазами.

— Если я смогу создать пятимерную ловушку, — сказала она, — то сумею поймать ее в той среде, внутри той структуры, где она зародилась. Неужели ты сам не видишь, что такая структура станет притягивать энергию, накапливать ее внутри себя и удерживать? Так удерживает энергию аккумулятор, а вода сама отыскивает свой уровень.

— Все это верно, — согласился Гэри, — если ты сумеешь создать пятимерную ловушку. Но это тебе не по силам. Пятимерность есть вечность, это измерение вечности. А вечность не обхитришь и не обведешь вокруг пальца.

— И все же это возможно, — произнес старик.

Кэролайн и Гэри изумленно на него уставились.

— Слушайте внимательно, — продолжил тот. — Вращая круг в третьем измерении, мы получаем сферу. Вращая сферу в четвертом измерении, можно получить гиперсферу. Вы ее уже создавали. Искривление пространства и времени вокруг некоей массы порождает гиперсферу, миниатюрную вселенную. И поэтому вам нужно лишь вращать гиперсферу в пространстве пятого измерения.

— Но чтобы проделать такое, необходимо находиться внутри четырехмерного пространства, — возразил Гэри.

— Совсем не обязательно, — стоял на своем старик. — В трехмерном пространстве рассеяны эфирные вихри, искажения времени, пространственные ловушки — называйте их как хотите. Это весьма распространенное явление, и по сути они не что иное, как изолированные кусочки четырехмерного пространства, рассеянные в трехмерном. То же применимо и к пятому измерению относительно четвертого.

— Но как это проделать практически? — спросила Кэролайн. — Как можно вращать гиперсферу в пятом измерении?

И вновь Гэри смутился, когда мысли старика заполнили его сознание, превращаясь в символы, уравнения и скобки этой непостижимой для обычного человека математики будущего.

— Гэри, — выдохнула Кэролайн, — у тебя есть карандаш и кусочек бумаги?

Порывшись в карманах, Гэри отыскал старый конверт и огрызок карандаша и протянул их Кэролайн.

— Прошу вас, повторите еще раз, только помедленнее, — попросила она старика.

Гэри осталось лишь изумленно смотреть, как Кэролайн медленно и тщательно выписывает формулы, уравнения, символы, а потом тщательно проверяет написанное и переспрашивает, чтобы в них не вкралась ошибка.

— Потребуется энергия, — наконец сказала она. — Чудовищная энергия. Хотелось бы мне знать, по силам ли такое Инженерам?

— Они владеют магнитной энергией, — напомнил ей Гэри, — так что, по-моему, проблем у тебя не возникнет.

Старик прищурился.

— Я вспомнил ваши слова о Церберах, — сказал он. — О тех существах, которые желают уничтожения Вселенной. Мне они не понравились. По-моему, с ними надо что-то сделать.

— Но что именно? — спросил Гэри. — Сейчас они сильны, как никогда. Когда мы вернемся, от города, возможно, останутся лишь руины.

Старик сонно кивнул, но глаза его сверкнули.

— В нашей истории имеются подобные примеры. Находились люди, навязывавшие свою волю целым нациям, становившиеся на пути прогресса. Но всякий раз кто-нибудь находил средство сломить их. Появлялось более мощное оружие, или же грубой силе начинала противостоять другая, более мощная, после чего прогресс возвращался на истинный путь. Имена тех людей, их дела обращались в ничто, забывались, а цивилизация, которую они желали переделать на свой эгоистичный манер, стряхивала их со своих плеч, словно они никогда не жили.

— И все-таки я не понимаю... — начал Гэри. И тут до него дошло. Все стало ясно как день. Он стукнул себя кулаком по коленке и радостно завопил: — Конечно! У нас есть оружие. Такое, какое может их смести. Энергия пятого измерения!

— Разумеется, есть, — подтвердил старик.

— Но если мы ею воспользуемся, то поступим по-варварски, — запротестовала Кэролайн.

— По-варварски?! — возмутился Гэри. — А разве не по-варварски желать гибели Вселенной, чтобы Церберы смогли вернуться к началу, захватить ее, контролировать, доминировать в ней и захватывать галактику за галактикой по мере того, как станет рождаться новая вселенная? Перекроить ее по своим потребностям и желаниям. Поработить каждое живое существо, зарождающееся на остывающих планетах. Стать хозяевами Вселенной.

— В таком случае нам нужно торопиться, — заявила Кэролайн. — Надо возвращаться. На счету каждая минута. У нас еще есть шанс спасти Инженеров и Вселенную, уничтожить Церберов. — Она нетерпеливо вскочила.

— Вы покидаете меня так быстро? — расстроился старик. — Разве вы не останетесь поесть со мной? Или рассказать мне поподробнее о той планете у края Вселенной? Да и я могу поведать вам немало любопытного и странного.

Гэри в нерешительности остановился.

— Может, задержимся ненадолго? — спросил он.

— Нет, — сказала Кэролайн. — Нам надо возвращаться.

— Послушайте, — обратился Гэри к старику, — а почему бы вам не отправиться с нами? Мы вам будем только рады, да и вы нам сумеете помочь в полете. Наверняка вы сумеете рассказать нам немало полезного.

— Не могу. — Старик покачал головой. — Видите ли, вы правы. Я могу оказаться всего лишь тенью. Возможно, весьма осязаемой тенью, но тем не менее лишь тенью вероятности. Вы можете прилететь ко мне, но я не могу улететь с вами. Ведь если я покину эту планету, то могу попросту исчезнуть, словно никогда и не жил. — Он немного помолчал. — Но есть нечто такое, что дает мне основание подозревать, что я не тень, что все вокруг реальность и что Земля проживет ту историю, которую я знаю и помню.

— Но что это? — спросил Гэри.

— Нечто, о чем я не могу вам рассказать.

— Быть может, мы еще вернемся повидаться с вами, — сказала Кэролайн. — Когда справимся со всеми проблемами.

— Нет, дитя мое. Вы никогда не вернетесь, потому что нашим жизням не следовало пересекаться. Вы — начало, а я — конец. И я горд, что последний человек на Земле сумел помочь тем, кто только начинает.

Путешественники надели шлемы и направились к двери.

— Я провожу вас до корабля, — решил старик. — В последнее время я редко выхожу прогуляться, потому

что страдаю от холода и разреженного воздуха. Наверное, старею.

Их подошвы зашуршали по песку. Над пустыней все так же завывал ветер, и этот вой, тонкий и пронзительный, играл бесконечную увертюру к сцене запустения, в которую превратилась старушка Земля.

— Я живу вместе с призраками, — сказал старик по пути к кораблю. — Призраками людей, событий и великих идеалов, которые создали могучую расу

Вы, наверное, удивлены, что я так похож на вас внешне. Вероятно, вы полагали, что человек со временем превратится в некоего специализированного уродца — в огромный массивный мозг, утративший способность перемещаться самостоятельно, или в придурковатого философа, или, что еще хуже, в сухого реалиста. Но мы не стали такими, сумели сохранить равновесие. Наши ноги твердо стояли на земле, а головы были заполнены мечтами.

Они подошли к кораблю и остановились перед открытым входом. Старик махнул рукой в сторону могучего металлического здания.

— Самый гордый город из когда-либо построенных людьми, — сказал он. — Город, чья слава долетела до самых далеких звезд и галактик. Город, о котором путешественники рассказывали восторженным шепотом. Место, в котором пересекались торговые пути многих звездных систем, куда прилетали корабли, преодолевавшие межгалактическую пустоту. Но ныне все искрошилось в пыль и превратилось в развалины. Вскоре его поглотит пустыня, ветер споет ему погребальную песнь, а на его костях поселятся маленькие лохматые зверьки.

Старик повернулся к гостям, и в его глазах Гэри увидел внезапно вспыхнувший полумистический свет

— Таков удел городов, — заявил старик, — но не людей. Человек шагает все дальше и дальше. Он переживает одни города и строит новые. Он переживает планеты. Он творит наследство — могучее наследство, которое со временем сделает его хозяином Вселенной.

Но успех всегда сменяют поражения. Наступают времена, когда кажется, что все потеряно, что Человек снова отброшен к первобытной дикости и невежеству

Когда путь вперед кажется слишком трудным, а плата за движение по нему — слишком высокой. Но всегда под небесами будет призывно звучать рог, за горизонтом таиться вызов, а еще дальше — ярко сиять свет идеалов. И Человек пойдет дальше, к более великим триумфам, бесконечно отодвигая дальше границу неизведанного, всегда стремясь ввысь и вдаль.

Старик повернулся и пошел обратно к дверям здания. Он ушел, не сказав ни слова на прощание, а его обутые в сандалии ноги оставили на сыпучем песке цепочку неглубоких и нечетких следов.

Глава 13

Проскочив черный пространственно-временной туннель, корабль вновь оказался в нормальном пространстве.

Нормальном, но неправильном.

Склонившийся за пультом Гэри услышал, как Кэролайн удивленно воскликнула:

— Здесь что-то не так!

Они увидели планету, но то не была планета Инженеров — на ней не оказалось гигантского города, покрывающего ее от горизонта до горизонта. Вместо трех голубых солнц их взорам предстало одно — очень большое, тусклого кирпично-красного цвета. Лучи его оказались настолько слабы, что звезду можно было спокойно разглядывать незащищенными глазами.

Не было ни флота Церберов, ни сверкающих кораблей защитников... ни войны.

На этой планете царил мир... унылое кладбищенское спокойствие. Мир окончательный и непоколебимый.

Поверхность планеты оказалась плоской, испещренной разноцветными пятнами, словно кожа прокаженного. Серой ее было назвать трудно, создавалось впечатление, будто тут поработал акварельными красками ребенок — рисовал себе в альбоме, но потом устал и принялся малевать, позабыв об аккуратности и задуманном рисунке.

Что-то случилось, подумал Гэри. По его жилам пробежал холодок. Что-то произошло, и мы оказались здесь — в каком-то непонятном уголке Вселенной.

— Где-то вкралась ошибка, — решила Кэролайн. — Или в координаты, или, возможно, в саму разработанную Инженерами математику.

— Более вероятно, ошибка кроется в человеческом мозгу, — возразил Гэри, — или же в мозгу Инженера. Ни человеку, ни любому другому существу не дано заглянуть настолько далеко вперед, мыслить настолько ясно, чтобы предусмотреть любую случайность. Но даже если отыщется такой гений, то и у него наверняка появится соблазн отбросить при расчетах какой-нибудь мелкий фактор — он, мол, настолько незначителен, что вреда не принесет.

Кэролайн кивнула.

— Ошибки вкрадываются так легко, — признала она. — Они мне напоминают мышей: шебуршатся себе в голове, а потом неожиданно выползают из норки.

— Мы еще можем вернуться, — сказал Гэри, но, уже произнося эти слова, он знал, что ничего хорошего от такого решения ждать не приходится. Потому что если туннель искаженного пространства—времени, сквозь который они пролетели, отклонился от заданной точки на этом своем конце, то он неизбежно отклонился и на противоположном.

— Мы не сможем вернуться, — возразила Кэролайн.

— Да сам понимаю, — согласился Гэри. — Просто вырвалось. Сказал, не подумав.

— Мы даже попытаться уже не сможем, — заметила Кэролайн. — Световое колесо исчезло.

И верно, светящийся в небе выход из туннеля растаял, оставив их здесь одних.

Здесь? А где находится это «здесь»?

На вопрос Гэри имелся простой ответ — они не знали. И узнать точно не представлялось пока возможным.

— Заблудились, — с досадой произнесла Кэролайн. — Как дети в лесу. Помнишь, прилетели малиновки и накрыли их листиками?

Корабль опускался на планету. Гэри вновь обернулся к пульту

— Посмотрим, что там внизу, — сказал он.

— Вдруг здесь кто-нибудь живет? — предположила Кэролайн.

«Кто-нибудь», подумал Гэри, не совсем верное слово. Правильнее, пожалуй, будет «что-нибудь». Нечто.

Под ними раскрывалась панорама планеты — плоского мира без гор, рек или морей. Моря здесь заменяли обширные зеленые болота, перемежающиеся плоскими выветренными равнинами, испещренными цветными пятнышками — то ли растительностью, то ли выходами геологических пород.

Корабль вышел на посадочную спираль. Путешественники прильнули к иллюминаторам, отыскивая признаки поселений или хотя бы намек на жизнь — какую-нибудь дорогу, здание, наземный экипаж или летательный аппарат. Но не увидели ничего.

— Ничего здесь нет, — сказал наконец Гэри, покачав головой. — Можем садиться где угодно — на этой планете любое место ничуть не хуже другого.

Они совершили посадку на плоском песчаном выступе между окраиной одного из зеленых болот и рощицей покрытых пятнышками растений. Теперь путникам уже стало ясно, что цветные пятна на поверхности планеты являются какой-то растительностью.

— Поганки, — сказала Кэролайн, глядя в иллюминатор. — Поганки и еще какая-то непонятная штука. Похожа на побеги спаржи, только это не спаржа.

— Словно картинка из книжки про гоблинов, — прокомментировал Гэри.

Нечто подобное вы представляли себе в детстве, когда бабушка читала вам перед сном сказку о заколдованном месте. Вы не могли уснуть, натягивали на голову одеяло и ждали, что вот-вот в темноте раздадутся чьи-то шаги.

Приборы показали, что по планете можно ходить без скафандров. Кислорода чуть больше, чем на Земле, чуть холоднее, сила тяжести чуть поменьше, но жить можно.

— Пора выйти и прогуляться по окрестностям, — буркнул Гэри.

— Гэри, у тебя такой вид, словно ты боишься.

— Боюсь, — признался он. — Уже пупырышками от страха покрылся.

Тишина обволокла их, едва они вышли из корабля. Жутковатая и сковывающая тишина, которая громче любого грохота.

Ни дуновения ветерка, ни плеска воды. Не поют птицы. Не шуршит трава.

Над головой висит красное солнце, тени на песке мягкие и размытые — такие робкие тени бывают в пасмурный день.

С одной стороны стоячие лужи болотной воды, из которой торчат пучки склизких растений, с другой растет лес гигантских, выше среднего человеческого роста, грибов.

— Пора показаться гоблинам, — вздрогнув, произнесла Кэролайн.

И тут же они увидели гоблина.

Он стоял под одной из поганок и разглядывал путешественников. Поняв, что его заметили, он опустил одно веко, словно ехидно подмигнул. Слюнявый рот скривился в гримасе, должно быть, изображавшей улыбку. Крапчатая кожа, узкие раскосые глаза, на щеке несколько углублений, из которых вытекает вязкая жидкость и капает на грудь.

— Боже правый! — ахнул Гэри. — Да я знаю этого парня!

Гоблин подпрыгнул, на лету шлепнул пятками и закурлыкал, словно возбужденный индюк.

— Это одно из тех существ, которых Инженеры вызывали на помощь, — сказал Гэри. — Помнишь, они собрали инопланетян у себя в городе? Он был там... или другой, точно такой же. Сидел напротив меня и подмигивал — совсем как сейчас, — и я подумал, что...

— А вот и другой.

На шляпке одного из грибов сидел второй гоблин, свесив ноги через край и болтая ими в воздухе.

Потом они заметили третьего, выглядывающего из-за ножки, а следом и четвертого — тот сидел на земле, прислонившись к грибу. Все не сводили с землян глаз и ухмылялись, но от их улыбок душа наполнялась ужасом и отвращением.

Кэролайн и Гэри начали шаг за шагом отступать к кораблю, пока не уперлись спинами в обшивку. Тут же из грибного леса донеслось мягкое пошлепывание босых ног и пощелкивание, заменяющее гоблинам речь.

— Давай улетим, — предложила Кэролайн. — Залезем в корабль и тут же стартуем.

— Не торопись, — ответил Гэри. — Подождем немного. Улететь мы всегда успеем. Эти уродцы разумны. Обязаны быть разумными, поскольку были среди тех, кого вызвали Инженеры. — Он медленно отошел на два шага от корабля. — Привет!

Шлепанье и пощелкивание тут же прекратилось, на него уставились глаза-щелочки.

— Мы друзья, — сообщил Гэри.

Гоблины не шелохнулись, и тогда он дружеским жестом поднял руки.

— Мы друзья, — повторил он.

Вокруг вновь воцарилась зловещая тишина. Гоблины исчезли.

Гэри медленно вернулся к кораблю.

— Не вышло, — удрученно произнес он. — Да и вряд ли бы вышло.

— Не все существа обязательно общаются при помощи звуков, — заметила Кэролайн. — Это лишь один из способов выражения своих мыслей. Наверняка имеется и множество других, нам неизвестных. Эти гоблины издают звуки, но это вовсе не означает, что они с их помощью переговариваются. Может, у них вообще слуха нет, и они даже не подозревают, что издают звуки и что звуки существуют.

— Они возвращаются. Теперь попробуй ты. Поговори с ними мысленно. Выбери кого-нибудь и сосредоточься на нем.

Прошла минута полной тишины.

— Странно, — произнесла Кэролайн. — Совершенно не могу добраться до их сознания — нет даже искорки ответа. И в то же время у меня создалось впечатление, что они знают, о чем я хочу с ними поговорить, и сознательно отвергают мои попытки. Они заперли свои мозги и не желают слушать.

— Так... Разговаривать они не умеют, — подытожил Гэри. — Телепатически или не могут, или не хотят. Что дальше?

— Язык жестов. Потом рисунки. Затем пантомима.

Все оказалось бесполезно. Сперва гоблины с интересом наблюдали за жестикулирующим Гэри. Потом столпились вокруг, когда он рисовал на песке. Пописки-

вали и пощелкивали, когда он изображал мима. Но если что-то и поняли, то не подали виду.

Гэри снова вернулся к кораблю.

— Они разумные, — упрямо повторил он. — Они должны быть разумными, иначе Инженеры не стали бы тащить их через весь космос к краю Вселенной. Они, как минимум, обязаны обладать способностью к пониманию, склонностями к механике и владеть высшей математикой. — Он в сердцах плюнул. — Хоть ты тресни, но они не понимают даже элементарной символики.

— А вдруг эти попросту не ходили в школу? — предположила Кэролайн. — Не одни же эти тупицы тут живут. Должна быть какая-то элита, интеллигенция. А эти — крестьяне или слуги.

— Давай-ка лучше пошарим вокруг, — устало произнес Гэри. — Облетим пару раз вокруг планеты и хорошенько поищем признаки цивилизации и хоть какие-то доказательства культуры.

— Верно, мы могли их и проглядеть, — кивнула Кэролайн.

Они вернулись в корабль, задраили за собой люк. Сквозь иллюминаторы они видели теперь уже большую толпу гоблинов, выстроившихся на опушке грибного леса и глазевших на корабль.

Гэри сел в кресло пилота, дотянулся до переключателя прогрева и перебросил его. Ничего не произошло. Гэри выключил его и включил снова. В корабле попрежнему было тихо — они не услышали звука прогреваемых двигателей.

Господи, подумал Гэри, в какой же дыре нас угораздило застрять!

Прихватив инструменты, он вышел наружу, заполз в трубу стартового двигателя, снял пластины, прикрывающие устройство прогрева, и принялся копаться в электронных потрохах.

Час спустя он сдался и выполз обратно, весь в смазке и саже.

— Все вроде в порядке, — сказал он Кэролайн. — Понятия не имею, почему эта штука не работает.

Он попробовал запустить двигатель вновь — и опять безуспешно. Потом проверил подачу энергии и все провода. Сорвал крышку панели управления и проверил

все: провод за проводом, реле за реле, лампу за лампой Все было в порядке.

Но не работало.

— Гоблины, — предположила Кэролайн.

— Выходит, что гоблины, — согласился Гэри — Больше валить не на кого.

Но как, подумал он, как могли столь слабоумные существа превратить новенький с иголочки корабль который и сломать-то при желании весьма трудно, в бесполезную кучу металлолома?

Глава 14

На следующее утро из тусклых лучей только что взошедшего солнца вынырнул маленький корабль Церберов Плавно снижаясь, он опустился в полумиле от их корабля, пропахав при посадке просеку в грибном лесу Ошибиться в определении его принадлежности было невозможно — точно такие же характерные обводы корпуса и такую же эмблему на носу Кэролайн и Гэри много раз видели у кораблей, что с воем пикировали на город Инженеров, сбрасывая на него бомбы.

— А у нас, — заметил Гэри, — только пара пистолетов в шкафчике да корабль, отказывающийся взлетать. — Заметив страх на лице Кэролайн, он попытался ее успокоить: — Возможно, они не поймут, кто мы такие Может быть, они...

— Не стоить обманывать себя, — решительно возразила Кэролайн. — Им прекрасно известно, кто мы такие. И более чем вероятно, что именно по этой причине они сюда заявились. Возможно, они...

— Возможно — что? — спросил Гэри, когда Кэролайн нерешительно смолкла.

— Я вот думаю, не они ли сместили туннель? В таком случае наши расчеты не содержали ошибки. Кто-то же завлек нас сюда. И это вполне могли оказаться Церберы. Они заперли нас здесь, зная, какие сведения мы везем с собой. А теперь они явились завершить начатое дело.

— Не они завлекли вас сюда, — внезапно послышался голос ниоткуда. — Да, вы оказались здесь не по своей воле, но Церберы тут ни при чем. Они здесь тоже не по своей воле.

— Кто это сказал?! — крикнул Гэри, озираясь.

— Вы меня не найдете, — произнес тот же таинственный голос. — Не тратьте время. Это я завлек сюда и вас, и Церберов. Теперь покинуть планету смогут только одни из вас — или люди, или Церберы.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Гэри. — Псих какой-то...

— Вы и Церберы враги, — продолжил голос. — Вы равны числом и силой оружия. Вас двое, и их двое. У вас только ручное оружие, и у них тоже. Схватка будет честной.

Бред какой-то, подумал Гэри. Ситуация прямо из «Алисы в стране чудес». Кошмарный сон, порожденный странной и гротескной чуждостью этой пятнистой планеты. Планеты, полной гоблинов и кошмаров, — волшебной страны в представлении сумасшедшего.

— Ты хочешь, чтобы мы сразились с Церберами? — спросил он. — Устроили нечто вроде... скажем, дуэли?

— Именно так.

— Но какой в этом смысл?

— Вы с ними враги, не так ли, человек?

— Да, мы враги, но что бы с нами ни случилось здесь, это ни в малейшей мере не повлияет на исход войны.

— Вы будете сражаться. Вы двое, они двое, и...

— Но один из нас — женщина, — запротестовал Гэри. — У людей женщины не сражаются на дуэлях.

Голос не ответил, но Гэри ощутил в чужом разуме отчаяние. Он тут же начал развивать внезапное преимущество:

— Ты сказал, что наше оружие равно: и у нас, и у них оно ручное. Но ты не можешь утверждать это с уверенностью. Их оружие, даже если оно по размерам не крупнее нашего, может оказаться более мощным. Размер ничего не говорит о мощности. Или же, если даже оружие действует по одному принципу, их модель может оказаться более совершенной.

— У вас ручное оружие, — произнес голос. — У вас...

— Ты желаешь честной схватки, так ведь?

— Да, конечно В том-то и заключается ее смысл. все должно быть одинаковым, чтобы оба вида смогли на практике проверить свою способность к выживанию

— Но ты сам видишь, — заметил Гэри, — что не уверен в исходном равенстве И не можешь быть уверен.

— Нет, могу, — заявил голос с оттенком безумного торжества. — Я добьюсь того, что ваша схватка пойдет на равных. Вы будете сражаться без оружия. Никакого оружия ни вам, ни им. Только голые руки, зубы — или что там у вас есть.

— Без...

— Вот именно. Ни у кого из вас не будет оружия.

— Но у них оно есть.

— Их оружие не станет действовать. И ваше тоже. Ваш корабль не действует, оружие тоже, и вам придется сражаться.

Голос расхохотался — зловеще, на грани истерики. Потом хохот смолк, и люди поняли, что остались одни, а чужой разум куда-то переместился. Но продолжает наблюдать.

— Гэри... — тихо произнесла Кэролайн.

— Да.

— Этот голос безумен. Ты и сам это заметил, верно. По интонациям.

— Мания величия, — кивнул Гэри. — Игра в Бога. И, что хуже всего, он действительно могуч. Мы заперты у него на заднем дворе. А он может сделать с нами все, что пожелает.

Входной люк корабля Церберов, стоявшего за грибным лесом, неожиданно распахнулся. Из него вышли два существа — высокие и переваливающиеся при ходьбе. Их кожа поблескивала в слабых лучах красного солнца.

— Рептилии, — произнесла Кэролайн. В ее голосе прозвучало больше отвращения, чем ужаса.

Спустившись на землю, Церберы нерешительно остановились. Сперва они повернули заостренные морды в сторону корабля землян, затем начали осматриваться.

— Кэролайн, я останусь тут наблюдать за ними, а ты проверь пистолеты, — попросил Гэри. — Они в шкафчике.

— Они не станут работать, — возразила Кэролайн.

— Пусть, но я хочу знать наверняка.

Кэролайн молча поднялась по лесенке и скрылась в люке. Церберы все еще держались возле своего корабля. Они тоже в замешательстве, подумал Гэри, и понимают ситуацию не больше нашего. А сейчас они нервничают, пытаются отыскать выход из тупика.

Но Гэри знал, что их неуверенность долго не продлится.

В грибном лесу мелькали тени — наверное, местные обитатели втихаря наблюдали за происходящим, прячась за ножками грибов.

— Пистолеты ни на что не годны, — услышал он голос высунувшейся из люка Кэролайн. — Все так, как он говорил.

Гэри кивнул, продолжая наблюдать за Церберами. Кэролайн спустилась по лесенке и встала рядом.

— Нам против них не выстоять, — сказала она. — Это сильные зверюги, натренированные для войны. Их работа — убивать.

Церберы, медленно и осторожно ступая, двинулись к кораблю землян.

— Еще не совсем уверены в себе, — заметил Гэри. — Мы, вероятно, не Бог весть какие противники в их глазах, но они не желают рисковать... пока. Вскоре они догадаются, что мы в общем-то беззащитны, вот тогда и развернутся.

Церберы перешли на легкую рысцу. Их чешуйчатые тела отсвечивали красным в лучах солнца, ноги-столбики вздымали на каждом шагу облачка пыли.

— Что нам теперь делать, Гэри?

— Забаррикадироваться и пораскинуть мозгами. В рукопашной нам с ними не справиться. С тем же успехом можно сражаться с гибридом аллигатора и медведя гризли.

— Забаррикадироваться? В корабле?

Гэри кивнул:

— Нам нужно выиграть немного времени. И хоть что-нибудь придумать. Пока что нас застали врасплох.

— А что, если они сумеют добраться до нас даже в корабле?

Гэри пожал плечами:

— Придется рискнуть.

Церберы разбежались в разные стороны и начали приближаться к кораблю с двух направлений.

— Полезай-ка ты лучше в шлюз, — решил Гэри. — Схватись покрепче за запорную рукоятку и будь наготове. Не исключено, что по возвращении мне придется поторопиться. Поди узнай, что задумали наши приятели.

Не успел он произнести эти слова, как обе рептилии бросились вперед, развив такую скорость, что их конечности слились в неясное пятно, а поднятая на бегу пыль закрутилась столбом.

— Внутрь! — завопил Гэри.

Он услышал, как ноги Кэролайн дробно застучали по ступенькам лесенки, секунду постоял на месте, ошеломленно глядя на мчащихся Церберов, и, словно подброшенный катапультой, влетел в шлюз. Кэролайн тут же рванула запорную рукоятку. Лесенка поднялась, втянулась в нишу, люк захлопнулся. В последний момент через сужающуюся щель Гэри успел заметить резко тормозящих зверюг. На этот раз добыча их перехитрила.

— Повезло, — выдохнул Гэри, вытирая взмокшее от пота лицо. — Едва не опоздали. Кто же мог подумать, что они способны так мчаться!

Кэролайн кивнула:

— На это они и рассчитывали. И сразу решили таким образом поймать нас. Вспомни, как они поначалу плелись — хотели заставить нас поверить, будто не умеют быстро двигаться.

— Так не сражаются, — неожиданно произнес призрачный голос.

— Это здравый смысл, — возразил Гэри. — Здравый смысл и хорошая стратегия.

— Что такое стратегия?

— Одурачивание противника. Умение все устроить так, чтобы получить над ним преимущество.

— Когда вы выйдете, они будут вас ждать. А через некоторое время выйти вам придется.

— Зато мы отдыхаем и не волнуемся, пока они роют когтями землю и изнемогают от злости, — возразил Гэри. — А мы тем временем думаем.

— Так нечестно сражаться, — настаивал голос.

— Послушай, кто тут сражается — мы или ты?

— Вы, конечно, — согласился голос, — но все равно — так не сражаются.

Таинственный разум вновь отдалился, что-то ворча. Гэри взглянул на Кэролайн и ухмыльнулся:

— Парень-то разочарован. Крови маловато.

Кэролайн уселась в кресло, оперлась локтем о колено и, подперев ладонью подбородок, посмотрела на Гэри.

— Возможностей у нас не густо, — подытожила она. — Электричества нет. Энергии нет. Ничего нет. Корабль мертв, как дверной гвоздь. Нам еще повезло, что у люка механический запор, иначе мы стали бы покойниками, еще не начав схватки.

Гэри кивнул.

— Больше всего меня беспокоит голос, — признался он. — Он обладает властью, какой-то странной властью. Он может вывести из строя корабль, испортить оружие. Лишить нас электричества. Один Бог знает, на что он еще способен.

— Он может проникать в неизвестность пространства и времени, — добавила Кэролайн. — В место, которое никому еще не удавалось даже обнаружить, и он проделал это, чтобы заманить нас сюда.

— Он невменяемый, — продолжил Гэри. — На Земле мы назвали бы это безумием. Но то, что мы с тобой подразумеваем под безумием, здесь может оказаться нормой.

— Да, шкалы для измерения здравости ума нет, — согласилась Кэролайн. — Как нет способа установить норму для корректировки мышления или поведения. Возможно, голос и не безумен. Возможно, он преследует какую-то цель и знает, как ее достигнуть, а мы этого не понимаем и потому называем его безумным. Каждая раса должна отличаться от другой, должна мыслить по-иному, приходить к одинаковым выводам и сходным результатам, но разными путями. Помнишь всех тех существ, собранных Инженерами? Все они обладали определенными способностями, быть может, даже больше нас. Каждая из этих рас могла независимо от других прийти к тому же решению, что и мы. И отыскать для этого более легкий и эффективный способ — но все же Инженеры отправили их по домам, потому что не могли с ними работать. Не потому, что у тех не хватало способностей, а потому что они думали по-другому, потому что их умственные процессы на-

столько отличались, что нельзя было построить основу для сотрудничества.

— А мы мыслим, как Инженеры, — сказал Гэри. – Во всяком случае, достаточно сходно, чтобы работать вместе с ними. Интересно, почему?

Кэролайн задумчиво наморщила лоб.

— Гэри, ты уверен, что местные гоблины и есть та самая раса, которую ты видел в городе Инженеров?

— Готов поклясться. Я очень хорошо рассмотрел того, что был там. Его облик словно отпечатался у меня в голове. Я его никогда не забуду.

— А голос... — задумчиво протянула Кэролайн. — Не имеет ли он какого-либо отношения к гоблинам?

— Гоблины, — произнес голос, — мои домашние зверьки. Как ваши собаки и кошки. Так, живность, скрашивающая мое одиночество.

Они не удивились, услышав голос. Теперь земляне знали, что он в любой момент может заговорить вновь.

— Но один из гоблинов прилетел в город Инженеров, — возразила Кэролайн.

— Конечно, людишки, конечно, — усмехнулся голос. — В качестве моего представителя. Разве вы не понимаете, что у меня должны быть представители. Поскольку мир материален, меня должен представлять некто видимый и осязаемый. Не мог же я отправиться на столь важную встречу бестелесным голосом и шальной мыслью бродить по коридорам пустого города. Вот я и послал гоблина, а сам отправился вместе с ним.

— Кто ты, голос? — спросила Кэролайн. — Расскажи о себе.

— Я продолжаю считать, — сказал голос, — что вы неправильно ведете дуэль. По-моему, вы совершаете большую ошибку.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что Церберы разводят вокруг вашего корабля огонь. И то, что они рано или поздно выкурят вас наружу, — вопрос лишь времени.

Гэри и Кэролайн быстро переглянулись. Одна и та же мысль пришла им в голову одновременно.

— Нет энергии, — тихо произнесла Кэролайн.

— А поглотители тепла? — воскликнул Гэри.

— У нас нет энергии. Поглотители не будут работать.

Гэри бросил взгляд на иллюминатор. За стеклом уже поднимались струйки дыма.

— Грибы хорошо горят, — сообщил им голос, — если они старые и сухие. А вокруг полно старых и сухих грибов. Проблем с топливом у них не будет.

— Словно кролика из норы выкуривают, — с горечью произнес Гэри.

— Вы сами на это напросились, — заявил голос.

— Проваливай! — не выдержал Гэри. — Проваливай и оставь нас в покое.

Они ощутили, как голос удалился, что-то бормоча.

Кошмар какой-то, подумал Гэри. Казалось, он, Кэролайн и изумленная бедняжка Алиса путешествуют по невероятному миру Зазеркалья.

Прислушавшись, различили потрескивание огня. Прежняя струйка дыма превратилась в плотное облако, застилавшее иллюминаторы.

Как сражаться, если нет оружия? Как выбраться из корабля, превратившегося в духовку? Как придумать хитрую уловку, если время ограничено часами, если не минутами?

Что такое оружие?

Как оно появилось?

Какова функция оружия?

— Кэролайн, что такое, по-твоему, оружие? — спросил Гэри.

— По-моему, ответ прост. Оружие есть продолжение твоего кулака. Усиление мощи удара, способности убивать. Сперва люди сражались зубами, ногтями и кулаками, затем камнями и дубинками. Камни и дубинки были продолжением человеческого кулака, усилением мускулов и ненависти воина.

Камни и дубинки, подумал Гэри. Затем копье. Потом лук и стрелы.

Лук!

Он вскочил, быстро прошел на корму и распахнул дверь кладовой. Недолго порывшись там, он отыскал то, что хотел.

Вернувшись к Кэролайн, он принес с собой охапку деревянных флагштоков. К одному концу каждого из них крепился флажок, ко второму — заостренный стальной наконечник, чтобы их легче было втыкать в грунт.

— Исследовательские флажки, — пояснил он Кэролайн. — Выходя из корабля на чужой планете, нужно быть уверенным в том, что отыщешь обратную дорогу. Втыкаешь эти флажки через определенные интервалы, а потом возвращаешься по обозначенной тропе, собирая их по дороге. Никогда не заблудишься.

— Но...

— Эванс предполагал долететь до альфы Центавра. Вот он и прихватил флажки на всякий случай.

Уперев стальной наконечник флажка в пол, Гэри навалился на противоположный конец. Деревянный стержень согнулся, Гэри удовлетворенно хмыкнул.

— Лук? — догадалась Кэролайн.

— Верно, — кивнул Гэри. — Не из лучших — наверняка не очень точный и мощный. Мальчишкой я срезáл в лесу молодое деревцо. Из него получался простенький лук — просто согнутая палка, один конец толще другого. Но если наловчиться из него стрелять, получалось неплохо. Стрелы я делал из стеблей камыша. Однажды подстрелил такой стрелой маминого цыпленка. Ох, и отшлепала же она меня...

— Становится жарко, — заметила Кэролайн. — Времени у нас в обрез.

Гэри лишь улыбнулся в ответ. Теперь, когда у них появилась надежда, на душе у него стало легко.

— Поищи какую-нибудь бечевку, — попросил он. — Любую. Если она окажется слабовата, сплетем несколько в жгут потолще.

Насвистывая, он принялся за работу — сорвал с древка флажок и вырезал зарубки под тетиву. Затем расщепил ножом другое древко на несколько ровных лучин и выстругал из них стрелы. Прилаживать к ним перья было некогда — да и откуда взяться перьям на корабле? — но особой нужды в них не имелось — стрелять наверняка придется в упор.

Зато о наконечниках беспокоиться не пришлось. Стянув плоскогубцами с древков острые наконечники, Гэри насадил их на стрелы. Потрогав кончик пальцем, Гэри остался доволен: достаточно острые... если вонзятся с силой.

— Гэри, — услышал он дрожащий голос Кэролайн и резко обернулся. — Здесь нет бечевок, Гэри. Я обыскала весь корабль.

Не может быть!

— Ты точно осмотрела все?

— Абсолютно все, — кивнула она. — Ничего нет.

Может, одежда? Оторвать от ткани полоски? Нет, хуже не придумаешь — такая тетива может порваться в самый ответственный момент. Кожа? Она слишком жесткая, к тому же станет растягиваться. Проволока? Тоже слишком жесткая, да еще лишена упругости.

Выронив подготовленное для лука древко, Гэри вытер взмокшее лицо.

— Все жарче и жарче, — пробормотал он.

Иллюминаторы все так же застилало плотное облако дыма, но теперь его подсвечивали изнутри красноватые отблески пламени.

Сколько мы еще протянем? Сколько осталось времени до того момента, когда жара вынудит нас распахнуть люк и в отчаянии выскочить — на верную гибель, потому что Церберы только этого и ждут.

От раскалившегося корпуса корабля веяло сухим, мертвым теплом — такое тепло поднимается над пыльной дорогой в жаркий безветренный августовский день.

Гэри знал, что вскоре это мертвое тепло превратится в жар раскаленной доменной печи, польется от каждого обнаженного кусочка стали, от него начнут ссыхаться кожаные подошвы и дымиться ткань. Но еще задолго до этого им придется решиться на прорыв, на отчаянный бросок к свободе, который не может закончиться не чем иным, как смертью от лап существ, поджидающих снаружи.

Мы сейчас как два кролика, посаженные в печь, подумал Гэри. И нам остается только поворачиваться, чтобы равномернее поджариться.

— Гэри!

Он обернулся к девушке.

— А волосы? Я только что о них подумала. Из них можно сплести тетиву?

— Волосы! — ахнул Гэри. — Человеческие волосы! Ну конечно же... Это лучший материал.

Кэролайн уже возилась с косами.

— Они у меня длинные. Я ими очень гордилась и не обрезала.

— Их нужно сплести, сделать прочный шнурок.

— Дай нож. — Она нетерпеливо протянула руку.

Блеснуло лезвие — одна из кос тяжело упала в подставленную ладонь.

— А теперь скорее за дело, — заторопился Гэри. — Времени почти не осталось.

Воздух стал настолько сухим, что было тяжело дышать. В легких жгло, во рту пересыхало. Гэри потрогал стальные пластины пола — даже они нагрелись, словно асфальт в летний день.

— Мне понадобится твоя помощь, — сказал он. — Действовать необходимо быстро и уверенно. Никаких случайностей мы себе позволить не можем — второй попытки не будет.

— Скажи, что мне делать.

Пятнадцать минут спустя Гэри кивнул:

— Открой люк и сразу же прижмись к стенке шлюза. Мне потребуется как можно больше места.

Потом он насадил стрелу на тетиву и стал ждать.

Паршивенький лук, думал он. Нечего и пытаться попасть из такого в дерево за триста шагов. Но эти гады снаружи не деревья. Всего пара выстрелов... Хоть бы он выдержал пару выстрелов...

Кэролайн подняла запорный рычаг, дверца шлюза с лязгом распахнулась. В отверстие повалил дым, и в дыму Гэри разглядел силуэт поджидающего Цербера.

Он поднял лук. Стержень изогнулся, повинуясь внезапно охватившему Гэри порыву ненависти и триумфа... ненависти и страха перед огнем, ненависти к существам, желающим смерти людей. Ненависти человека, загнанного в угол нелюдью.

Стрела с шорохом скользнула по стержню, серебристой молнией вонзилась в облако дыма. Лук согнулся вновь, заскрипело дерево, напряглись мускулы, запела тетива.

На земле возле корабля корчились в дыму две темные фигуры.

Все оказалось не труднее охоты на кроликов.

Глава 15

— Весьма изобретательно, — сообщил голос. — Вы победили честно. И справились куда лучше, чем я думал.

— А теперь ты вернешь нас обратно, — сказала Кэролайн. — В город Инженеров.

— Да, конечно. Обязательно верну. Только сперва нужно немного прибраться. Прежде всего избавимся от тел. Трупы — весьма неприглядное зрелище.

Вспыхнуло пламя. Тела Церберов исчезли, оставив после себя лишь облачко желтоватого дыма и хлопья рассеянного в воздухе пепла.

— Я тебя уже спрашивала, — напомнила Кэролайн, — но ты так и не ответил. Кто ты такой? Мы искали следы культуры...

— Ты сама себе заморочила голову, молодая самка человека, — перебил ее голос. — И поиски твои были по-ребячески глупы. Ты искала города и ничего не нашла. Искала дороги, корабли, фермы — и все напрасно. Ожидала найти цивилизацию, а тут нет цивилизации в привычном для тебя виде.

— Ты прав, — подтвердил Гэри. — Здесь ничего такого нет.

— У меня нет городов, — продолжал голос, — потому что они мне не нужны. Хотя создать город мне ничего не стоит. Чтобы кормить своих зверушек, мне достаточно грибных лесов. А дорог и кораблей у меня

нет по той простой причине, что я могу переместиться куда угодно и без их помощи.

— Ты хочешь сказать — переместиться мысленно? — уточнила Кэролайн.

— Мысленно, — ответил голос, — я способен попасть куда угодно, как в пространстве, так и во времени. И не просто вообразить, что попадаю в нужное место, но оказаться там в действительности. Моя раса давным-давно отказалась от машин, поняв, что в ее умственных способностях, в глубинах ее коллективного разума кроется гораздо больший потенциал, чем в громыхающем механизме. Поэтому наша раса начала развивать разумы, а не машины. Я сказал «разумы», но точнее будет сказать «разум», единый разум. Сейчас я и есть этот разум, включающий сознание всей расы.

Я воспользовался им, чтобы выдернуть вас из пространственно-временнóго туннеля в то самое мгновение, когда вы вот-вот должны были вынырнуть из него над городом Инженеров. Опять-таки, с его помощью я доставил сюда Церберов. Этот разум приковал к планете ваш корабль и вывел из строя оружие, и он же может мгновенно вас убить, если только я этого пожелаю.

— Но ты пользуешься личным местоимением, — заметила Кэролайн. — Называешь себя «я». Кто же этот «я»?

— Я есть разум. И разум есть я. Я же есть моя раса — я стал ею много миллионов лет назад.

— А теперь играешь в Бога, — сказала Кэролайн. — Доставляешь сюда низшие существа, стравливаешь их на арене этой планеты и заставляешь сражаться, а сам сидишь да посмеиваешься.

— Да, конечно, — согласился голос. — Потому что я, видишь ли, сумасшедший. А временами бываю просто воинственно безумен.

— Безумен!

— Конечно. Чему быть, того не миновать. Разве можно ожидать, что, усовершенствовав разум — необъятный составной разум, могучий разум всей расы, — до той степени, до какой усовершенствован мой, вы сумеете сохранить его сбалансированным и отрегулированным в той мере, в какой часы сохраняют точность хода? Так что поведение моего разума непостоянно.

Иногда, — доверительно признался голос, — я становлюсь тупым как пробка.

— А каков ты сейчас? — поинтересовался Гэри.

— Ну, сейчас, как ни удивительно, я вполне рационален. И в весьма большой степени являюсь самим собой.

— В таком случае как насчет того, чтобы вернуть нас обратно?

— Минуточку, — весьма деловым тоном произнес голос, — только сперва немного приберусь. Терпеть не могу, когда последствия моей иррациональности замусоривают всю планету. Этот дурацкий корабль Церберов...

Но вместо корабля Церберов совершенно неожиданно в воздух, извергнув гигантский язык пламени и опалив жаром унылые окрестности, взлетел корабль землян.

— Эй, послушай!.. — завопил Гэри, но тут же застыл, когда до него дошла вся непоправимость произошедшего несчастья.

— Тьфу, — раздосадованно отозвался голос. — Какой же я болван! И как только меня угораздило так перепутать? Увы, теперь я не смогу вас вернуть.

Лающий смех оглушил землян, словно грохот мощного барабана.

— Скорее! — завопил Гэри. — Бежим на корабль Церберов!

Но не успели они повернуться к кораблю, как и тот корабль исчез во вспышке пламени. Над местом, где он стоял, лишь ненадолго поднялся столб дыма.

— Вы все равно не смогли бы им управлять, — утешил людей голос. — Ничего бы вы этим не добились.

Он снова расхохотался, и его басовитый хохот еще долго не затихал в отдалении, словно раскат грома.

Стоя рядом, Гэри и Кэролайн с тоской разглядывали унылую пустоту болота и грибной лес. Оттуда на мгновение выскочил гоблин, ехидно гикнул и тут же юркнул обратно.

— И что нам теперь делать? — спросила Кэролайн. То был вопрос, упавший в бездонный колодец невероятности, вопрос, на который сейчас никто не мог дать удовлетворительного ответа.

Гэри быстро провел инвентаризацию всего, чем они располагали. Одежда. Несколько спичек в его кармане. Лук и пара стрел, но на лук лучше особо не рассчитывать.

И все.

— У домашних зверушек прибавление, — с горечью заметила Кэролайн.

— Что ты сказала? — спросил Гэри.

— Неважно. Забудь, что я вообще это говорила.

— Тут даже ухватиться не за что, — сказал Гэри. — Ничего осязаемого. А голос... голос попросту ничто.

— Ведь это ужасно, — сказала Кэролайн. — Неужели ты не видишь, Гэри, насколько это ужасно? Тупик, в котором оказалась великая раса. Представь только — миллионы лет ушли на создание могучей ментальной цивилизации. Не механической цивилизации, не материалистичной культуры, а ментальной цивилизации. Они стремились к пониманию, а не к изготовлению всяческих вещей. А ныне от нее осталось лишь слабоумное существо, впавший в детство безумец. Но власть стала для него непосильной ношей, к тому же опасной... очень опасной.

— Он может прикинуться кем угодно, — кивнул Гэри. — Помнишь, как он послал одного из гоблинов в город Инженеров, а Инженеры подумали, что гоблин и есть тот самый разум, с которым они контактировали. Но они ошибались. Перед ними сидела простейшая дурацкая марионетка, которой голос играючи управлял, а заодно и говорил через ее слабый умишко.

— Должно быть, Инженеры уловили присущую этому разуму безумность, — предположила Кэролайн. — Уверенности у них не было, но что-то, по крайней мере, они ощутили, потому что отослали гоблина обратно вместе с остальными. А голос мог бы стать нашим союзником. Ты заметил — он разговаривает совсем по-человечески... потому что порылся у нас в головах, отыскал слова и мысли, при помощи которых мы общаемся, да и вообще ему по силам узнать все, что знаем мы.

— Пожалуй, он способен увидеть все, что происходит во Вселенной, — добавил Гэри. — И знать все, что только можно узнать.

— Так, наверное, и есть, — согласилась Кэролайн. — Боюсь, груз знаний оказался для него слишком тяжел.

Когда мотор работает с перегрузкой, он сгорает. А что произойдет, если перегрузить разум, пусть даже такой большой коммунальный разум, как этот?

— Пожалуй, он сойдет с ума, — решил Гэри. — Черт, не знаю. Никогда не доводилось с подобным сталкиваться.

Кэролайн подошла ближе.

— Мы одиноки, Гэри. Люди стоят особняком от всех. Никакая другая раса не обладает нашим внутренним равновесием. Они могут быть равны нам по величию, но лишены этого равновесия. Возьми Инженеров. Материалистичны, механичны до такой степени, что даже мыслить они способны только механистически. А голос — их полная противоположность. Никакой механики, сплошная ментальность. Ошеломляющая и жутковатая ментальность. И Церберы. Дикие убийцы. Все их знания нацелены на убийство. Эгоманьяки, желающие уничтожить Вселенную ради достижения превосходства своей расы.

Они молча стояли рядом. Огромное красное солнце клонилось к западному горизонту. В грибном лесу шебуршились гоблины, посвистывая и пощелкивая. Какое-то отвратительное существо длиной в пару футов выползло из маслянистой болотной жижи, приподнялось, долго пялилось на землян, потом медленно развернулось и вновь погрузилось в воду.

— Разведу-ка я костер, — решил Гэри. — Скоро стемнеет. Когда запалим огонь, придется его все время поддерживать — спичек у меня маловато.

— Интересно, можно ли есть грибы?

— Какие-то из них могут оказаться ядовитыми. Надо приглядеться к гоблинам и есть то, что едят они. Это, разумеется, полной гарантии не даст, но другого способа хоть что-то узнать у нас нет. Будем по очереди пробовать по маленькому кусочку...

— А гоблины... Как по-твоему, они станут нас тревожить?

— Вряд ли, — ответил Гэри, испытывая куда меньше уверенности, чем вложил в эти слова.

Собрав несколько охапок сухих грибных ножек, они сделали запас топлива на ночь. Затем Гэри чиркнул спичкой, и, тщательно прикрывая огонек ладонью, разжег маленький костер.

Солнце село, на затянутом легкой дымкой темном небе начали проступать искорки звезд, складываясь в незнакомые созвездия.

Они сидели на корточках у костра — скорее ради ощущения своеобразного уюта, навеваемого огнем, чем тепла, — смотрели, как все ярче разгораются звезды, и прислушивались к болтовне неугомонных гоблинов в грибном лесу за спиной.

— Нужно будет отыскать воду, — напомнила Кэролайн.

— Попробуем ее фильтровать, — кивнул Гэри. — Песка тут навалом, а он хорошо очищает воду.

— Знаешь, я все никак не могу поверить, что это случилось именно с нами. Сижу и думаю — вот мы скоро проснемся, и все сразу станет хорошо. И ничего на самом деле не происходило... Гэри!.. — внезапно ахнула она.

Услышав ее тревожное восклицание, Гэри вскочил. Кэролайн осталась сидеть, ощупывая свои косы.

— А коса-то на месте! — прошептала она. — Та самая, которую я отрезала, чтобы сплести тетиву. Представляешь, она целехонькая!

— Черт меня по...

Он так и не договорил, потому что всего в сотне футов от костра появился... корабль. Корабль Томми Эванса, совсем недавно исчезнувший во вспышке пламени. Он прочно упирался опорами в песок, из иллюминаторов лился свет, в обшивке отражались звезды.

— Кэролайн! — завопил Гэри. — Корабль! Корабль!

— Поторопитесь, — услышали они голос. — Не мешкайте, пока я не передумал. Пока вновь не превратился в безумца.

Гэри ухватил Кэролайн за руку и рывком поднял на ноги.

— Скорее!

— Вспоминайте обо мне с добротой, — сказал голос. — И считайте меня человеком... очень старым человеком, который уже не тот, что прежде... не совсем тот, что прежде...

Спотыкаясь в темноте, они побежали к кораблю.

— Торопитесь, торопитесь! — кричал голос. — Я не могу доверять самому себе.

— Посмотри! — ахнула Кэролайн. — Посмотри на небо!

Там уже повисло световое колесо, то самое лениво вращающееся колесо, впервые увиденное на Плутоне... вход в пространственно-временной туннель.

— Я вернул вам корабль. Вернул вам отрезанную прядь волос. Прошу вас, вспоминайте меня добром... вспоминайте добром...

Они взбежали по лесенке и захлопнули за собой дверь шлюза. Усевшись в кресло пилота, Гэри потянулся к тумблеру прогрева, но тот оказался включенным. Индикаторы показывали, что лампы уже прогрелись.

Гэри швырнул корабль в небо, нацелив перекрестье индикатора курса на центр висящего в зените мерцающего колеса.

Едва нос корабля скрылся в туннеле, вокруг него сомкнулся мрак, уже через несколько секунд сменившийся светом. Они зависли над городом Инженеров... разбомбленным. Гордые башни превратились в гигантские кучи щебня, завалившие улицы, а в воздухе висело облако каменной пыли, вылетевшей из-под жерновов атомной мельницы.

Гэри обернулся, желая разделить с Кэролайн радость возвращения, но неожиданно увидел на ее щеках слезы.

— Бедняга, — прошептала она. — Несчастный старик...

Глава 16

Город Инженеров уже лежал в руинах, но над ним, мужественно сдерживая орды Церберов, все еще отчаянно сражались остатки боевого флота Инженеров, не давая врагу уничтожить город полностью.

Взрывы разносили гордые башни в пыль, которая окутывала дороги и парки белым облаком уничтожения. Лучи дезинтеграторов и атомные бомбы дробили каменные блоки, превращая их в горы ползучего щебня. Хаотические завалы битого камня покрылись искореженными обломками — то были останки кораблей Церберов и Инженеров, что пылающими факелами рушились с небес.

Гэри с тревогой взглянул вверх.

— Надеюсь, они продержатся еще немного, — сказал он. — Достаточно долго, чтобы мы успели создать энергию.

Кэролайн возилась с оборудованием, установленным на крыше лабораторного здания. Услышав слова Гэри, она выпрямилась.

— Энергия быстро нарастает, — сообщила она. — Я побаиваюсь. Знаешь, она ведь может выйти из-под контроля. Но нам необходимо получить некое начальное количество, причем достаточно большое. Если первый же удар не уничтожит Церберов полностью, на вторую попытку у нас шансов не останется.

Гэри вспомнились несколько последних дней, заполненных отчаянной работой и безумной гонкой со временем. Он вспомнил, как Кингсли и Томми улетели к краю Вселенной создавать гигантский пузырь пространства—времени. Им предстояло загнуть край пространства, искривить пространственно-временной континуум в гиперсферу, которая должна замкнуться, отделиться от породившей ее Вселенной и превратиться в независимую вселенную в межпространстве.

На это потребовалась энергия, и мощный энергетический канал, берущий начало у магнитного передатчика энергии, узким пучком пересек пространство, давая возможность начать изготовление новой вселенной. Но еще больше энергии потребовалось для того, чтобы покрыть гиперсферу «кожей», то есть вращать ее внутри теоретического пятого измерения до тех пор, пока она не превратилась в вещество, из которого состоит межпространство — место, где не существует время, где действуют собственные законы природы, таинственное нечто, которое можно с поразительной легкостью переместить сквозь пространство, едва оно создано. Его нельзя было даже назвать сферой или гиперсферой — то было странное измерение, не поддающееся ни определению размеров, ни классификации, ни восприятию любыми нормальными органами чувств.

Но чем бы оно ни было, сейчас оно висело над городом, абсолютно ничем не выдавая свое присутствие. Его невозможно было увидеть или ощутить — это таинственное нечто, порожденное с помощью уравнений, подаренных человеком, доживающим последние дни на умирающей планете, уравнений, торопливо записанных Кэролайн на обороте смятого конверта. Того самого конверта, вспомнил Гэри, в котором лежало раздраженное письмо от его кредитора с Земли, решившего, что Гэри уже давно пора вернуть ему должок. Выплата сильно просрочена, писал ему кредитор. Гэри усмехнулся. Тот кредитор на Земле наверняка все еще шлет ему письмо за письмом, гневно напоминая, что просрочка с каждым месяцем все увеличивается.

На внешней границе нашей Вселенной сейчас болталась крошечная рукотворная гиперсфера, порождая фрикционные напряжения, порождая условия для зарождения таинственной энергии вечности — энергии,

что уже сейчас лилась в нашу Вселенную и поглощалась пятимерным образованием, висящим над городом.

Новая, первобытная энергия из области, не знающей времени, энергия, бывшая некогда безвременнóй и бесформенной, но ныне способная выкристаллизоваться в любую форму.

Кингсли стоял рядом с Гэри, слегка склонив набок крупную голову и глядя вверх.

— Энергетическое поле, — сказал он. — Но какая энергия! Похоже на батарею, запасающую энергию межпространства. Надеюсь, оно оправдает надежды Кэролайн.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Гэри. — Вы ведь сами видели формулы, привезенные с Земли.

— Гм, формулы-то я видел, да только ни черта в них не понял. — Кингсли покачал головой. — Ну, что там происходит во Вселенной?

— Энергии накопилось достаточно, — тихо сказала Кэролайн Инженеру. — Можете отзывать свои корабли.

Инженер, голову которого венчали наушники, принялся отдавать приказания флоту, но земляне не услышали его мыслей.

— А теперь смотрите, — писклявым от волнения голосом произнес Херб. — Скоро вы увидите то, на что стоит посмотреть.

Из поднебесья серебряной пулей метнулся вниз корабль, за ним второй, третий, и вскоре весь флот Инженеров — почерневший, потрепанный, почти уничтоженный — начал быстрое отступление, на полной скорости возвращаясь к развалинам города. А за ними следом мчалась торжествующая стая Церберов, намереваясь стереть в пыль последние остатки ненавистной им цивилизации.

Сорвав наушники, Инженер побежал к приборам. Гэри оторвался от зрелища небесной битвы и увидел, как его металлические пальцы манипулируют рукоятками и кнопками. Кэролайн взяла обычный фонарик.

Гэри знал, что Инженер сейчас перемещает пятимерную массу в точку между ними и с воем несущимся с небес смертоносным флотом Церберов, устанавливая на их пути щит из невидимой мощной энергии.

Последний из отрядов флота Инженеров уже достиг города и теперь с ревом огибал останки разрушенных башен, словно спасаясь бегством.

А всего в двух милях над головой, сбившись в плотную стаю, прямо на них мчался флот Церберов. Его пушки молчали, но защитные экраны все еще были включены. Мрачные и хищные корабли прижимали свою добычу к поверхности планеты.

Гэри увидел, как рука Кэролайн, сжимающая карманный фонарик, нацелилась на приближающийся флот Церберов, и его тело напряглось.

Он увидел, как из фонарика вырвался луч света, почти невидимый в лучах заходящего солнца. Жалкий, слабый лучик, метнувшийся навстречу мощному флоту. С тем же успехом можно сражаться с медведем, вооружившись столовой ложкой.

И тут небеса словно взорвались светом. Столб бело-голубого пламени рванулся навстречу кораблям. Защитные экраны на мгновение вспыхнули, потом взорвались миллионами искр. И за ту долю секунды, пока Гэри поднимал руку к глазам, чтобы защитить их от сверкания адского пламени в небесах, он успел заметить черные скелеты кораблей Церберов, искореженные и исчезающие во всесокрушающем буйстве энергии, что рвала их на части, сплющивала, а затем пожирала без следа.

Небо стало чистым, словно ни один корабль Церберов никогда и не приближался к планете. Не было и никаких признаков пятимерной массы — лишь голубизна неба, медленно окрашивающегося в фиолетовый оттенок по мере того, как три солнца скатывались к далекому горизонту.

— Итак, — воскликнул Херб звенящим от возбуждения голосом, — Церберам конец!

Да, Церберам пришел конец, подумал Гэри. Ничто во Вселенной не может противостоять такой энергии. Когда свет, жалкий и слабый лучик смешного фонарика, коснулся энергетического поля, то вся его энергия — до тех пор безвременная и бесформенная — мгновенно выкристаллизовалась и приняла форму пронзившей его энергии. И в виде вспышки света ударила по кораблям Церберов, ударила с ужасающей эффективностью и безжалостностью, и смела их в мгновение ока.

Он попытался представить этот вылетевший во Вселенную столб света. Он будет лететь годами, безжалостно прожигая себе дорогу длиной в тысячи световых лет. Со временем его энергия станет слабеть, медленно

рассеиваться, потеряет часть своей мощи в пустынных межгалактических пространствах. Возможно, настанет день, когда вся его энергия рассеется без следа. Но до той поры ничто не сможет встать у него на пути, ничто не обратится в преграду. И в грядущие годы даже могучие звезды могут взорваться невидимым газом, если этот мощнейший луч энергии пронзит их, уничтожит и помчится дальше. А какой-нибудь астроном, увидев в телескопе космическую вспышку, начнет размышлять о ее причине.

Гэри медленно обернулся и взглянул на Кэролайн.

— Ну, что? — спросил он. — Как ты себя чувствуешь, выиграв войну?

На ее лице читались напряжение и усталость.

— Не произноси таких слов, — ответила она. — Мне пришлось это сделать. Они были страшной расой, но ведь они тоже были живыми... а во Вселенной так мало жизни.

— Тебе нужно немного поспать.

Уголки ее губ устало опустились.

— Спать некогда, — возразила она. — И отдыхать тоже. Мы только начали. Нам еще предстоит спасать Вселенную. Нужно создавать все новые и новые пятимерные структуры — как можно больше и крупнее. Чтобы поглотить ими энергию столкновения вселенных.

Гэри вздрогнул. Он совсем позабыл о приближающейся вселенной. Нападение Церберов настолько овладело всеми их чувствами, что приглушило ощущение реальной и еще большей опасности.

Но сейчас, вспомнив о ней, он в полной мере осознал, что им еще предстоит. Гэри повернулся к Инженеру:

— Сколько еще? Сколько времени у нас осталось?

— Очень мало. Совсем мало. Боюсь, поток энергии может обрушиться на нас в любой момент.

— Энергия... — произнес Кингсли, и в его глазах вспыхнул огонек фанатизма. — Представьте себе только, что с ней можно сотворить! Эх, если бы сделать из пятимерного пространства огромную сетку, каркас и использовать ее как поглотитель, как батарею. Тогда мы смогли бы послать энергию в любую точку Вселенной. Это же центральная универсальная энергостанция!

— Но сперва, — заявил Томми, — вам нужно научиться управлять этой энергией, посылать ее в виде узкого пучка.

— Сперва, — охладила их пыл Кэролайн, — нам нужно что-то сделать с другой вселенной.

— Погодите-ка, — вмешался Гэри. — Мы кое о чем позабыли. Мы просили людей из другой вселенной прийти нам на помощь, но ведь теперь мы в состоянии обойтись и без них. — Он взглянул на Инженера. — Вы с ними связывались?

— Да, связывался. Они все еще хотят перебраться к нам.

— Все еще хотят перебраться? — изумился Гэри. — Но почему?

— Потому что хотят эмигрировать в нашу Вселенную, — ответил Инженер. — И мне пришлось согласиться и дать им на это разрешение.

— Согласиться? — взревел Кингсли. — А с каких это пор наша Вселенная стала принимать иммигрантов? Мы ведь понятия не имеем, что это за существа! А если они опасны? А если им взбредет в голову уничтожить уже существующую здесь жизнь?

— Места для них тут сколько угодно, — возразил Инженер, и его голос, если это было возможно, прозвучал холоднее и безличнее, чем прежде. — Места хватит всем. В этой Вселенной более пятидесяти миллиардов галактик, а в каждой из них более пятидесяти миллиардов звезд. Только у одной из каждых десяти тысяч звезд есть планетная система. А из каждых ста планетных систем только в одной есть жизнь. Если нам потребуются новые планетные системы, мы сможем сделать их сами. Научившись управлять энергией измерения вечности, мы сможем сдвигать звезды и сталкивать их, создавая планетные системы. Обладая такой мощью, мы можем переделать всю Вселенную, вылепить из нее все, что пожелаем.

Мысль Инженера ошеломила Гэри. Они смогут перекроить целую вселенную! Работая с подручными материалами и распоряжаясь почти бесконечной мощью, они смогут изменять курсы звезд, переделывать галактики, сооружать планеты, обдумать и запустить хорошо скоординированный план противодействия энтропии, тенденции к упадку и угасанию. Его разум лихорадочно перебирал все новые и новые идеи, но их упорно заслоняла завеса изумления и восторга. Но тут же в его сознании прозвенел предупреждающий сигнал... навязчивое напоминание, рассеивающее эйфорию. Человече-

ство еще не готово к такой власти над природой, оно не сможет использовать ее разумно и вполне способно, воспользовавшись ею, уничтожить Вселенную. Да и есть ли во Вселенной другие разумные существа, способные разумно распорядиться такой мощью? И мудро ли они поступят, если передадут эту мощь другим существам, если таковые отыщутся?

— Но почему? — спросила Кэролайн. — Почему они хотят к нам?

— Потому что нам придется уничтожить их вселенную, чтобы спасти нашу.

Эти слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Все разом смолкли. Ладонь Кэролайн коснулась руки Гэри, и он крепко ее сжал.

— Но зачем уничтожать их вселенную? — воскликнул Томми. — В наших руках способ спасти обе. Нужно лишь наделать побольше пятимерных экранов и поглотить ими всю энергию столкновения.

— Нет, — отрезал Инженер, — сейчас мы этого сделать не можем. Будь у нас больше времени — да. Но времени нет, практически не осталось. Едва энергия столкновения возникнет, она захлестнет нас мгновенно. Экранов потребовалось бы очень много, мы просто не успеем их сделать.

Его мысль смолкла, и Гэри услышал звук шагов Кингсли.

— Те, другие существа знают, — продолжил Инженер, — что их вселенной в любом случае осталось существовать очень недолго. Она практически достигла конца отведенного ей срока и вскоре умрет тепловой смертью. Во всем ее объеме быстро перемешиваются материя и энергия. Вскоре настанет день, когда тепло, энергия и масса перемешаются, размажутся по всему объему их вселенной и достигнут столь малой плотности, что практически перестанут существовать.

Гэри медленно набрал в грудь воздуха.

— Словно часы, у которых кончился завод.

— Верно, — подтвердил Кингсли. — Как часы, в которых заводная пружина полностью раскрутилась. То же самое со временем случится и с нашей Вселенной.

— Нет, — сказал Гэри. — Не случится, если в нашем распоряжении будет энергия из межпространства.

— В их вселенной, — добавил Инженер, — уже сейчас лишь один уголок еще пригоден для жизни —

гот самый, что обращен к нам И в этом уголке сейчас собраны или собираются все живые существа той вселенной, готовясь перебраться в нашу

— Но как они собираются это проделать? — спросил Херб.

— Воспользуются искривлением времени Они отпочкуются от своей вселенной, но при этом исказят время в стенах своей гиперсферы, и это искажение пошлет их вперед во времени, подтолкнет их маленькую вселенную к нашей. А притяжение нашей Вселенной захватит их гиперсферу и поглотит ее.

— Но при этом родится дополнительная энергия, — возразил Гэри. — И их маленькая вселенная погибнет

— Нет, потому что едва обе вселенные соприкоснутся, их пространственно-временные континуумы сольются. И другая вселенная мгновенно станет частью нашей.

— Ты рассказал им, как создавать гиперсферу? — спросил Херб.

— Рассказал. И это знание спасет обитателей другой вселенной. Пытаясь спастись, они перепробовали многое, изобретали новые теории и разделы математики. Они владеют множеством знаний, о которых мы не имеем даже представления, но они так и не придумали, как отпочковаться от своей вселенной. Очевидно, их мышление механистично, очень похоже на наше, мышление Инженеров. Мне кажется, они утратили нечто очень важное — живую искру воображения, которым вы, люди, столь щедро наделены.

— Подумать только! — поразился Гэри. — Воображение спасает жителей другой вселенной! Воображение захудалой третьеразрядной расы, которая и пользоваться-то им по-настоящему только начинает

— Вы правы, — подтвердил Инженер, — и за грядущие тысячелетия воображение сделает вашу расу хозяевами всей Вселенной.

— Пророчество, — буркнул Гэри.

— Я знаю, — сказал Инженер.

— Тогда последнее, — сказал Херб. — Каким именно образом будет уничтожена та вселенная?

— Мы уничтожим ее, — ответил Инженер, — точно таким способом, каким уничтожили Церберов

Глава 17

Томми сидел в кресле пилота и вел корабль с малой скоростью, время от времени включая ненадолго ракетные двигатели, чтобы удержать его на курсе.

— Здесь приходится попыхтеть, лишь бы оставаться на месте, — пробормотал он сквозь стиснутые от напряжения зубы. — Даже не понять толком, где находишься. Никаких ориентиров, летишь вслепую.

— Само собой, — пробасил Кингсли. — Мы оказались там, где еще не бывал человек. Тут пространство и время потеряли смысл, любые силовые линии искажены, а все вокруг покорежено и завязано узлами.

— На краю Вселенной, — добавила Кэролайн.

Гэри посмотрел в иллюминатор. За ним виднелась лишь темно-синяя бездна, каким-то странным образом производившая впечатление живой. Через некоторое время он спросил Инженера:

— Есть ли признаки выделения энергии?

— Есть, но очень слабые, — ответил Инженер, склоняясь над детекторами и вглядываясь в шкалы приборов. — Другая вселенная приблизилась почти вплотную, и силовые линии только начали соприкасаться.

— Сколько нам еще ждать? — спросил Кингсли.

— Не могу сказать. Мы очень мало знаем о действующих здесь законах. Возможно, совсем немного, а может быть, и достаточно долго.

— Итак, — подытожил Херб, — фейерверк может начаться в любой момент Парни из другой вселенной благополучно перебрались в нашу, и теперь мы можем взорвать их вселенную, когда пожелаем

— Гэри, — сказал Кингсли, — вам с Хербом лучше сесть за орудия. Не исключено, что нам придется действовать быстро.

Гэри кивнул и подошел к орудию-дезинтегратору. Усевшись в кресло возле панели управления, он взялся за рукоятку наводки и покачал ее вперед-назад, зная, что ствол орудия снаружи описывает широкую дугу

В окошечке перед собой он видел яркую синеву бездны, в которой они летели. Там, снаружи, пространство и время становились все тоньше и ломались. Словно лодка, плывущая по бурному морю, их корабль двигался по самому краю Вселенной, раскачиваясь на непрерывно меняющихся и изгибающихся силовых линиях

Где-то снаружи, совсем близко, находилось и таинственное межпространство. И столь же близко, невидимая при всей своей непостижимой огромности, плыла другая вселенная — старая и потрепанная, покинутая всеми своими обитателями, умирающая Вселенная, приговоренная к смерти ради жизни другой, более молодой.

Всего через несколько минут промежуток между вселенными начнет заполняться ужасающей энергией, безвременной и бесформенной. Она начнет просачиваться в обе вселенные — поначалу медленно, потом все быстрее и быстрее, увеличивая их массы и обрекая на почти мгновенное уничтожение.

Но до того как это произойдет, дезинтеграторный луч, самая страшная из известных Инженерам форм энергии, ворвется в это поле скрытой энергии и помчится в направлении приближающейся вселенной.

И поле скрытой энергии мгновенно превратится в дезинтеграторный луч огромной мощи, в миллионы раз усилив первоначальный луч... и эта ослепительная энергетическая волна, перед которой ничто не в силах устоять, ударит в саму структуру пространства и времени, уничтожит материю и исключит все остальные виды энергии. А потом пробьется в другую вселенную

И когда это произойдет, энергетическое поле, вся энергия которого будет высосана дезинтеграторным лучом, отклонится от молодой вселенной и обрушит весь свой удар на ту, которая обречена на уничтожение

Содрогнувшись от удара столь мощной энергетической бури, старая вселенная начнет сжиматься. Ее масса начнет все быстрее и быстрее нарастать по мере того, как энергия пятого измерения, оседлав лучи дезинтеграторных орудий, польется в ее пространство—время.

Гэри вытер рукой вспотевший лоб.

Так все должно произойти по расчетам Кэролайн и Инженера. Остается лишь надеяться, что они не ошиблись. Гэри до сих пор не верилось, что крошечный кораблик с двумя маленькими орудиями, за которыми сидят два жалких человека, может целиком уничтожить вселенную — невообразимо массивную пространственно-временну́ю структуру.

Но ведь он своими глазами видел, как луч карманного фонарика, заставивший выкристаллизоваться энергию измерения вечности, в мгновение ока уничтожил могучий флот боевых кораблей, защищенных тяжелыми экранами и неуязвимой для бомб броней, непроницаемой для любого оружия... любого, кроме фонарика в руках девушки.

Когда вспоминаешь такое, как-то легче верится в то, что дезинтеграторы, придав структуру гораздо более обширному энергетическому полю, могут и в самом деле уничтожить вселенную. Потому что эту работу сделают не сами орудия, а энергия, переброшенная в другую вселенную, — энергия, которую орудия превратят во всесокрушающую волну длиной в миллионы миль.

— Интенсивность поля нарастает, — предупредила Кэролайн. — Будьте наготове.

Гэри ухмыльнулся:

— Откроем огонь, когда увидим белки их глаз, — сказал он и тут же принялся вспоминать, откуда взялось это выражение. Что-то историческое, из полузабытых легенд прошлого. Из повествования о какой-то великой битве древности.

Гэри пожал плечами. Не все ли равно? Та история, какой бы она ни была на самом деле, наверняка сильно приукрашена. Как, впрочем, и большинство остальных. Так, еще одна байка из тех, что рассказывают поздним вечером у камина, когда за ставнями воет ветер, а по крыше стучит дождь.

Его взгляд вновь переместился к иллюминатору, устремился в туманную синеву, словно пульсирующую от скрытой в ней жизни.

Придется ждать. Ждать, пока накопится достаточное для эффективного удара количество энергии. Но не слишком долго. Если они замешкаются, энергия может прорваться в их собственную Вселенную и смести их в мгновение ока.

— Приготовиться! — загремел голос Кингсли.

Пальцы Гэри коснулись переключателя, включающего луч дезинтегратора, крепко сжали его, потом расслабились, в любую секунду готовые действовать.

— Давай! — взревел Кингсли.

Гэри щелкнул переключателем. Вцепившись обеими руками в ручку наводки, он принялся перемещать ее до упора вперед и назад. Он знал, что за его спиной Херб делает то же самое.

За иллюминатором вспыхнул вихрь яростного света — ослепительное, безумно яркое сияние, сперва пульсирующее и извивающееся, а затем превратившееся в сплошную полосу огня. И эта полоса тут же рванулась вперед, неся гибель старой, обреченной вселенной.

Все кончилось через несколько секунд... тех секунд, когда энергетический ад зародился и бушевал между вселенными.

Затем иллюминатор снова затянула туманная синева, а корабль затрясло, начало швырять, словно щепку на бурных волнах, закрутило и завертело на разорванных силовых линиях, которые все еще гнулись и дрожали после удара титанических сил, только что заполнявших межпространство.

Обернувшись, Гэри увидел Инженера и Кэролайн, пристально вглядывавшихся в шкалу детектора. Кингсли подошел и заглянул через плечо Инженера.

— Чисто. Никаких следов энергии, — пробормотал он.

Его слова означали, что другая вселенная уже начала сжиматься, что она уже мчится навстречу своему новому началу... и больше не опасна.

Гэри похлопал ладонью по орудию. Именно оно и изобретательный человеческий ум справились с задачей. Человек уничтожил одну вселенную, зато спас другую. Подобная мысль казалась слишком фантастичной, чтобы быть правдой.

Он огляделся. Томми в кресле пилота, Херб у второго орудия. Остальные трое наблюдают за детектором

энергии. Все привычно, все знакомо. Ничто внешне не изменилось. Обычная текучка.

И все же впервые ничтожные существа, рассеянные по Вселенной, твердой рукой определили ее судьбу. Отныне человек и его единомышленники из бескрайних пространств космоса не будут жалкими пешками в игре вселенских сил. Отныне жизнь станет править этими силами, склонять их перед своей волей, заставлять их работать, изменять их и распоряжаться ими по собственному усмотрению.

Жизнь зародилась случайно. Мало кто в этом сомневается. Ее никто не планировал, но она прокралась, подобно зловещей болезни, в отлаженный механизм Вселенной. Вселенная враждебна жизни. Глубины космоса слишком холодны для нее, и сам космос пронизан несовместимыми с ней излучениями. Но жизнь торжествует. И в конце концов не Вселенная уничтожит ее, а она станет управлять Вселенной.

Гэри вспомнил тот день, когда Херб заметил на экране искорку отраженного света... как они обнаружили в космосе девушку. И перед его мысленным взором прошла вся цепочка событий, которая привела их к нынешнему триумфу. Если бы Кэролайн Мартин не приговорили к изгнанию в космос, если бы она не знала секрета анабиоза, если бы анабиоз сумел погасить ее мышление, если бы Херб не заметил искорку на экране, если бы Гэри сам не сумел оживить девушку, если бы Кингсли не заинтересовался странной структурой космического излучения...

И ему показалось, что всю эту мысленную цепочку событий направляло нечто большее, чем слепая случайность. Что говорил ему старик на древней Земле? Что-то о великом мечтателе, создающем театральные сцены и актеров для них.

— Никаких признаков энергии, — сказал Инженер. — С угрозой покончено — сомнений нет. Другая вселенная уже сжалась до безопасного для нас размера. Мы спасены. Я очень счастлив. — Он повернулся к своим спутникам. — И очень вам благодарен.

— Не за что, — ответил Херб. — Ведь мы спасали и свою голову, и твою.

Глава 18

Тщательно обглодав последнюю куриную косточку Херб вздохнул.

— Никогда не ел ничего вкуснее, — сообщил он

Они сидели за столом в помещении, которое приго говили для землян Инженеры. Оно уцелело после напа дения Церберов, потому что находилось у подножия башни, хотя саму башню уничтожила водородная бомба

Гэри наполнил бокал и откинулся на спинку кресла

— Полагаю, наша работа здесь закончена. Наверное, вскоре мы отправимся домой.

— Домой? — переспросила Кэролайн. — Ты имеешь в виду Землю?

Гэри кивнул.

— Я почти позабыла ее. Ведь столько времени прошло. Наверняка она здорово изменилась с того дня, когда я видела ее в последний раз.

— Очень может быть, — согласился Гэри, — но ведь есть немало и неизменного. Запах свежевспаханной земли, аромат сена, красота деревьев на фоне заката.

— Да ты, оказывается, еще и поэт, — поддразнил его Херб.

— Наверное, найдется кое-что, чего я не смогу узнать или вспомнить, — сказала Кэролайн. — То, что изменилось.

— Я покажу тебе Землю, — пообещал Гэри. — И ты снова все вспомнишь.

— Что меня больше всего беспокоит, — заявил Кингсли, — так это незваные гости из другой вселенной. Мне все кажется, будто к нам в обход иммиграционной службы пробрались нежелательные элементы. Никто не знает, что они из себя представляют. А вдруг это враждебные нам формы жизни?

— А если наоборот? — возразила Кэролайн. — Что, если они обладают огромными научными достижениями, и культура у них выше нашей? Тогда наша Вселенная очень много выиграет.

— Большой опасности они не представляют, — заметил Гэри. — О них заботятся Инженеры. Пока что они держат гостей в той самой гиперсфере, в которой те пересекли межпространство, а тем временем отыскивают для них подходящие места для поселения. Так что Инженеры за ними присмотрят

Послышался металлический звук шагов. Инженер 1824 вошел в комнату и подошел к столу. Остановившись, он сложил на груди руки.

— Все в порядке? — спросил он. — Еда хороша? Вам удобно?

— Еще как удобно, — подтвердил Херб.

— Мы рады это слышать. Мы очень старались сделать для вас все как можно лучше. Мы благодарны вам за то, что вы прилетели. Без вас мы никогда не смогли бы спасти Вселенную. Не отправились бы на Старую Землю за секретом энергии, потому что нами не движет неугомонное воображение... то самое воображение, что не дает вам покоя до тех пор, пока все не получит объяснения.

— Мы сделали, что смогли, — буркнул Кингсли. — Но успехом мы обязаны Кэролайн. Она разработала математику, описывающую создание гиперсфер. Она единственная из нас смогла понять уравнения, связанные с энергией и межпространством.

— Вы правы, — согласился Инженер, — и Кэролайн мы благодарим особо. Но каждый из вас тоже внес свой вклад. И мы этим очень гордимся.

«Гордятся, — подумал Гэри. — С какой стати им гордиться тем, что сделали мы?»

Инженер уловил его мысль.

— Вы спрашиваете, почему мы гордимся, и я отвечу. Мы пристально наблюдали за вами, изучали вас со дня вашего появления здесь и спорили, следует ли сообщать вам то, что у нас есть вам сказать. При других обстоятельствах мы, вероятно, позволили бы вам вернуться домой в неведении, но мы все же решили, что вам следует знать.

— Что знать? — загремел Кингсли.

Остальные выжидательно молчали.

— Известно ли вам, как возникла ваша планетная система? — спросил Инженер.

— Разумеется, — ответил за всех Кингсли. — Произошло динамическое взаимодействие между двумя звездами — нашим Солнцем и другой, пришлой. Примерно три миллиарда лет назад.

— Звезда-пришелец, — сказал Инженер, — была солнцем моего народа, звездой, на планетах которой развилась великая цивилизация. Мой народ знал, что столкновение произойдет. Сперва этот факт установили астрономы, а потом физики и другие ученые неустанно и отчаянно искали способ предотвратить столкновение или хотя бы спасти самое главное в нашей цивилизации, когда это произойдет. Столетие за столетием две звезды сближались. Казалось, нет ни единого шанса спасти хоть что-нибудь. Мы знали, что наши планеты погибнут, едва первая гигантская приливная волна от вашего Солнца достигнет нашей системы, что вызванный ею взрыв мгновенно уничтожит всю жизнь и, вполне вероятно, некоторые из наших планет.

Астрономы определили, что наше солнце пройдет на расстоянии двух миллионов миль от вашей звезды, что оно захватит и увлечет за собой в космос некоторое количество вещества, выброшенного в пространство вашим Солнцем. Если их расчеты оправдаются, последняя надежда на дальнейшее существование нашей цивилизации исчезнет.

Мысль Инженера на некоторое время прервалась, но все хранили молчание, не отрывая глаз от бесстрастного металлического лица и ожидая продолжения.

— Наконец, поняв, что все их усилия оказались безнадежными, мои соотечественники создали огромные звездолеты, рассчитанные на многолетние скитания в космосе. Эти звездолеты стартовали задолго до столкновения, взяв в полет избранных представителей нашей

цивилизации — в основном ученых и специалистов, а также большое количество архивных записей.

— Ковчег, — выдохнула Кэролайн. — Древняя легенда о Ковчеге.

— Не понимаю, — отозвался Инженер.

— Неважно, — пробормотала Кэролайн. — Прошу вас, продолжайте.

— Люди моего народа наблюдали за соприкосновением двух звезд, уже улетев далеко в космос. Им показалось, будто взорвались сами небеса. Огромные языки пламени и расплавленной материи вырвались в пространство на миллионы миль. Они увидели, как их родное солнце увлекло огромное количество звездного вещества на миллиарды миль в пространство, разбрасывая по пути более мелкие фрагменты. Увидели они и то, как вокруг вашего Солнца постепенно образуется кольцо, но потом они потеряли его из виду, потому что улетели уже очень далеко, да и выброшенные взрывом массы материи уже вели себя не столь бурно.

Поколение за поколением мой народ искал свой новый дом. Люди умирали, их хоронили в космосе. Дети рождались, вырастали, старели и тоже умирали. Столетие за столетием огромные корабли перелетали от звезды к звезде, отыскивая планетную систему, в которой они могли бы завершить свой путь. Один из кораблей пролетел слишком близко от гигантской звезды и погиб, притянутый к ней. Другой разрушился, налетев на темную звезду. Но оставшиеся продолжали бросать вызов опасностям и неожиданностям космоса, отыскивая свой новый дом. — Инженер снова помолчал. — Но отыскать планетную систему никак не удавалось. Лишь одна звезда из десяти тысяч имеет планетную систему, и можно было безрезультатно скитаться тысячи лет.

Наконец, устав от бесплодных поисков, они решили вернуться к вашему Солнцу. Пока еще оно не имело планетной системы, но они знали, что со временем она появится.

И вновь ледяной космический ветер дунул в лицо Гэри. Неужели рассказанная Инженером история истинна? Неужели именно поэтому они посылали сигналы к Плутону?

Мысль Инженера зазвучала вновь:

— Через много лет они добрались до вашего Солнца. Приближаясь, они увидели, что вокруг островков

относительно плотной материи уже начали формироваться планеты. Но обнаружили они и кое-что еще. Вокруг этой похожей на туманность массы первобытной материи по сильно удаленной от ее центра и еще неустойчивой орбите вращалась планета, которую они сразу узнали. То была одна из планет их родной звезды, четвертая от их солнца. Украденная у звезды-хозяина, ныне она обращалась вокруг звезды-похитителя.

Вот так мой народ наконец обрел дом. Спустившись на планету, они обнаружили, что та лишилась атмосферы, жизнь на ней исчезла, а любые следы цивилизации начисто стерты.

Но все же, обосновавшись, они попытались хотя бы частично восстановить погибшую цивилизацию. Задача оказалась тяжелой. Год за годом, век за веком они наблюдали за медленным рождением вашей планетной системы, видели, как обретают форму и медленно остывают планеты, и ждали дня, когда смогут переселиться на одну из них. Но процесс шел очень медленно. Труд по воссозданию цивилизации, отсутствие атмосферы и космический холод медленно лишали мой народ остатков сил. Они уже предвидели свою гибель, день, когда умрет последний из них, но все же строили планы на будущее. И спланировали его очень тщательно.

Они создали нас, построили для нас огромные звездолеты и отправили в полет на поиски нового дома для нашей расы, вопреки всему надеясь, что мы сумеем отыскать более подходящую планету, пока еще не стало слишком поздно. В космосе наши звездолеты разделились, и каждый направился по своему пути. Мы были готовы, если потребуется, осмотреть всю Вселенную.

— Они вас создали? — спросил Гэри. — Что это означает? Разве вы не прямые потомки той, другой расы?

— Нет. Мы роботы. Но сделаны настолько тщательно, настолько приближены к живым существам, что почти не отличаемся от них. Мне иногда даже кажется, что, просуществовав столько лет, мы и в самом деле стали живыми. Я много об этом размышлял и очень надеялся, что со временем мы станем чем-то бóльшим, чем просто машины.

Инженер смолк, а Гэри удивился: как же он раньше не догадался? Ведь этого нельзя было не заметить. И форма, и сами действия Инженеров просто кричали о

механичности. Однажды Инженер сказал ему, что их сковывают механистические инструкции и что он и его товарищи практически лишены воображения. Само собой — откуда у машин воображение?

Но они выглядели настолько похожими на людей, что он всегда думал о них как о живых существах, только отлитых из металла, а не из протоплазмы.

— Черт меня побери, — пробормотал Кингсли.

— Да вы, ребята — роботы высший класс, вот что я вам скажу, — заявил Херб.

— Придержи язык, — рявкнул на него Гэри.

— А может, вы уже и не роботы, — предположила Кэролайн. — Может, за все эти годы вы превратились в реальных существ. Создатели наверняка снабдили вас электрохимическим мозгом, а ведь такой мозг, в сущности, почти не отличается от человеческого. Со временем он и станет настоящим, почти таким же эффективным, а в некоторых случаях даже более эффективным, чем протоплазменный. В конце концов, важны лишь мощность мышления, способность думать и принимать решения.

— Спасибо, — сказал Инженер. — Большое спасибо за добрые слова. Именно это я и хотел сказать вам.

— Послушайте, — вмешался Гэри. — Неужели это так важно? Роботы вы или существа с независимым мышлением. Если вы служите той же цели, если следуете тому же диктату совести, значит, творите то же будущее, что и существа, наделенные жизнью при рождении. Да и вообще, на мой взгляд, иногда предпочтительнее быть роботом, чем человеком.

— Вероятно, это и в самом деле не столь важно, — согласился Инженер. — Когда-то я вам уже говорил, что мы гордые существа, что нам доверено великое наследие. И именно гордость могла помешать нам признать нашу истинную сущность, но теперь я рад, что раскрыл этот секрет, потому что теперь вам будет легче понять все остальное.

— Остальное? — удивленно переспросил Томми. — Разве есть еще что-то?

— Есть, и немало, — ответил Инженер.

— Секундочку, — вмешался Кингсли. — Так вы утверждаете, будто Инженеры были созданы расой, жившей три миллиарда лет назад и что все это огромное время вы благополучно существовали?

— Не все. Нас сделали немного, по два-три на каждый корабль. Уже потом мы создавали других, копии самих себя. Но при этом каждый раз старались снабдить новые копии тем, чего не хватало нам самим. Например, воображением, большей инициативностью и расширенным диапазоном эмоционального восприятия.

— А вы один из оригинальных роботов, изготовленных еще на Плутоне? — спросила Кэролайн.

Инженер кивнул.

— Выходит, вы вечные и бессмертные, — сказал Кингсли.

— Не вечные и не бессмертные. Но если за моим телом ухаживать и заменять изношенные части, то, если не произойдет несчастного случая, я буду функционировать еще многие миллиарды лет.

Миллиарды лет, подумал Гэри. Такое человек и вообразить не в состоянии. Человеческий разум не может представить миллиард лет, тысячу лет или даже сотню. Обычно люди заглядывают в будущее всего на год-другой.

Но если Инженеры прожили три миллиарда лет, то как же вышло, что они не смогли создать гиперсферу, не сумели проникнуть за пределы Вселенной, чтобы узнать законы межпространства? Почему им для этого пришлось дожидаться появления человеческого разума?

— Я уже отвечал на эти вопросы, — сказал Инженер, — и отвечу снова. Все дело в воображении... умении заглянуть за край фактов, оценить вероятности, представить последствия и затем попытаться осуществить задуманное. Это нам недоступно. Мы скованы механистическим мышлением и такими же действиями. Мы не движемся далее доказанных фактов. Когда два факта порождают третий, мы воспринимаем его, но не в силах высказать предположения, собрать воедино несколько разрозненных фактов и сделать на их основе новый вывод. Таков ответ на ваш вопрос.

Гэри изумленно молчал. Он поначалу даже не понял, что Инженер сумел прочесть его мысли, обращенные к самому себе. Кэролайн взглянула на него с насмешливой улыбкой:

— Ты его о чем-то спросил?

— Полагаю, да, — ответил Гэри.

— А вы получали хоть какие-нибудь вести от других Инженеров? — спросил Кингсли. — Тех, кто летел на других кораблях?

— Нет, никогда. Вероятно, они отыскали другие планеты и теперь делают там ту же работу, что и мы. Мы пытались с ними связаться, но всякий раз безуспешно.

— А в чем заключается ваша работа? — спросил Гэри.

— Разве ты еще не догадался, Гэри? — ответила Кэролайн. — Они подготавливают новый дом для народа Инженеров. Я права? — обратилась она к Инженеру.

— Правы, — подтвердил Инженер.

— Но ведь никого из вашего народа давно нет в живых, — возразил Гэри. — Мы не нашли ни единого их следа в Солнечной системе, а уж они-то наверняка не отправились в свое время на поиски других планет. Все они умерли на Плутоне.

Он вспомнил обработанные каменные блоки, найденные Тедом Смитом на Плутоне. Миллиарды лет назад их высекли руки создателей Инженеров... они так и остались на Плутоне немым свидетельством величия расы, умершей еще тогда, когда планеты нашего Солнца только начали остывать.

— Они не мертвы, — возразил Инженер, и в его мысли почувствовалась какая-то особая теплота.

— Разве? — удивился Гэри. — И вы знаете, где они сейчас?

— Да, знаю. Некоторые из них находятся в этой комнате.

— В этой... — начала было Кэролайн, но тут же смолкла, едва до нее дошел смысл слов Инженера.

— Черт побери, но здесь нет никого, кроме нас, — не выдержал Херб. — А ведь мы — не ваш народ.

— Мой, — заявил Инженер. — Конечно, между вами и ними есть различия. Но вы очень близки к ним, очень сходны во многом. И вы, и они — существа из протоплазмы. У вас такая же форма тела и, я уверен, такой же обмен веществ. Но самое главное в том, как работает ваш разум.

— Так вот почему мы смогли понять вас, а вы — нас, — догадалась Кэролайн. — Поэтому вы оставили именно нас, отослав домой существ с остальных планет.

— Так вы утверждаете, — не поверил Кингсли, — что мы прямые потомки вашего народа, который в конце концов переселился на планеты нашей системы? Вряд ли подобное возможно, потому что нашими предками были весьма неуклюжие существа. У нас нет ни легенд, ни доказательств, подтверждающих такое происхождение.

— Я имел в виду несколько другое. Но, полагаю, вы задумывались над тем, как на вашей планете зародилась жизнь? Как вам известно, существует множество планетных систем, вовсе не знающих жизни. Планет, не моложе вашей Земли и в то же время совершенно безжизненных.

— Существует теория панспермии — переноса жизни при помощи спор... — начал Кингсли, но, оборвав себя на полуслове, ударил по столу массивным кулаком. — Точно! Теория спор жизни! Ведь те люди на Плутоне, когда их осталось совсем немного, когда планеты еще не были пригодны для обитания... Разве они, зная, что вскоре умрут, не могли гарантировать зарождение жизни на юных планетах, засеяв их спорами жизни?

— Так, я полагаю, и произошло, — подтвердил Инженер. — Именно этой теории я и придерживаюсь.

— Но даже если дело обстояло именно так, — не согласилась Кэролайн, — разве обязаны мы были развиться именно такими, какими стали? Почему мы стали почти точными копиями тех людей? Никогда не поверю, что они и это заложили в споры... Да они попросту не могли планировать на такой огромный срок вперед! Ну как могли они запланировать, что эволюция создаст расу, дублирующую их самих?!

— Они были очень древней и умной расой. И я не сомневаюсь, что в их возможностях было запланировать и такое.

— Интересно, — согласился Херб. — Но какое это имеет отношение к нам?

— Это делает вас наследниками моего народа, — заявил Инженер. — И означает также, что все, что мы здесь сделали, все, что мы имеем и знаем, — ваше. Мы заново отстроим город, сделаем его таким, чтобы в нем смогли жить люди. Все, что найдут или сделают другие Инженеры, тоже станет вашим. Для себя же мы не желаем ничего, кроме радости и удовлетворения при

мысли о том, что услужили вам, правильно распорядились доверенным нам наследством.

Все ошеломленно замолчали, не в силах поверить услышанному.

— Вы хотите сказать, — спросил Кингсли, — что, отстроив город, подарите его землянам?

— Именно так. Он ваш. У меня нет сомнений, что вы потомки моего народа. Я очень внимательно присматривался к вам с первого дня вашего появления здесь и вновь и вновь замечал мелкие особенности ваших поступков и поведения, тот образ мышления, который определенно связывает ваше происхождение с создавшими нас людьми.

Гэри задумался. Инженеры вручали человечеству наследство древнего народа — город и уже построенную цивилизацию, причем такой город и такую цивилизацию, какие землянам не по силам создать самостоятельно еще многие тысячи лет.

Но что-то здесь было не так, что-то не сходилось.

Он вспомнил слова Херба: «Город похож на место, дожидающееся того, кто никогда не придет». Херб попал в точку. Этот город был построен для более великой расы, умершей, вероятно, задолго до того, как первый из его камней лег на свое место. Расы настолько развитой, что по сравнению с ней человечество похоже на дикарей.

Он попытался вообразить, какой эффект этот город и такая цивилизация окажут на человечество. Представил жадность и ненависть, политические уловки, яростное торговое соперничество, социальное неравенство, приводящее к классовой борьбе, — все людские пороки... здесь, в белом городе под тремя солнцами. Нет, одно никак не стыковалось с другим!

— Мы не можем согласиться, — сказал он. — Мы еще не готовы. Все станет только хуже. Мы приобретем слишком большую власть, слишком много праздного досуга и слишком большое богатство. Они разобьют нашу цивилизацию вдребезги, а взамен взвалят на наши плечи непосильную пока ношу. Мы еще не настолько цивилизованы, мы попросту не доросли до такого уровня.

Кингсли метнул в него яростный взгляд.

— Но подумайте о научных знаниях! Подумайте о культурных достижениях! — выкрикнул он.

— Гэри прав, — подтвердила Кэролайн. — Мы еще не готовы.

— Когда-нибудь в будущем, — молвил Гэри. — Когда мы одолеем в себе первобытные страсти. Когда справимся с терзающими нас огромными социальными и экономическими проблемами. Когда научимся соблюдать Золотое Правило... когда избавимся хотя бы частично от похотливой подростковой жадности. Вот тогда, когда-нибудь, мы и будем готовы переселиться в этот город.

Он вспомнил старика на Древней Земле. Тот говорил что-то о том, как все остальные люди улетели к далекой звезде — в подготовленное для них место.

А ведь то место, о котором говорил старик, понял Гэри, и есть город, где они сейчас находятся. И это означает, что Древняя Земля, на которой они побывали, была реальной Землей... не планетой-тенью, а планетой, действительно существующей в будущем. А еще старик обмолвился, что люди улетели в этот город совсем недавно. Сам он отказался, сказав, что не может покинуть Землю.

Выходит, ждать придется долго. Дольше, чем ему думалось. Им предстоит долгое и горькое ожидание того дня, когда человечество может безопасно для себя перебраться на лучшую из планет, овладеть наследием, оставленным для нее расой, умершей во времена зарождения Солнечной системы.

— Вы поняли? — спросил он Инженера.

— Понял. Ваше решение означает, что нам придется снова ждать тех, ради кого мы работаем... и ожидание станет долгим.

— Вы ждали три миллиарда лет, — напомнил ему Гэри. — Подождите нас еще пару миллионов. Мы постараемся справиться побыстрее. У человечества немало хороших качеств, но мы пока еще не готовы.

— По-моему, вы сошли с ума, — с горечью произнес Кингсли.

— Неужели вы не понимаете, что́ сделают с этим городом люди, какие они сейчас? — спросила Кэролайн.

— Но вспомните о магнитной энергии, — взвыл Кингсли, — вспомните о многом другом! Подумайте, как новые знания помогут нам всем. Нам требуется вся

энергия, приборы и знания, которые мы только можем получить.

— Кое-какую информацию вы можете увезти с собой, — заметил Инженер. — Ту, которую сочтете необходимой. Мы станем наблюдать за вами, поддерживать связь все будущие годы — может статься, вам потребуется наша помощь.

Гэри встал из-за стола. Его ладонь легла на широкое металлическое плечо Инженера.

— А пока для вас есть работа, — сказал он. — Отстроить заново город. Разработать и создать энергетические станции, использующие энергию пятого измерения. Научиться контролировать и использовать эту энергию для переделки Вселенной. Если мы что-либо не сделаем, то настанет день, когда и наша Вселенная состарится, умрет тепловой смертью. Но, воспользовавшись вечной энергией межпространства, мы сможем переделать Вселенную, управлять ею, пользовать ее для своих нужд.

Всем показалось, что металлический человек гордо выпрямился.

— Все будет сделано, — пообещал он.

— Мы должны работать, но не ради только Человека, а ради всей Вселенной, — сказал Гэри.

— Правильно, — подтвердил Инженер.

Кингсли неуклюже поднялся.

— Пора возвращаться на Плутон, — сказал он. — Здесь наша работа завершена. — Он подошел к Инженеру. — Но прежде чем улететь, я хочу пожать вашу руку.

— Не понимаю, — ответил Инженер.

— Это знак уважения, — пояснила Кэролайн. — Уверение в дружбе. Определенный способ заключения соглашения.

— Прекрасно, — отозвался Инженер, протягивая руку Кингсли, и тут плавность его мыслей нарушилась. Впервые со дня их первой встречи в этом же помещении в них проявились эмоции. — Мы так счастливы, — сказал он. — Больше мы не будем одиноки, потому что сможем разговаривать с вами. Возможно, когда-нибудь я сам навещу вас.

— Прилетайте обязательно! — восторженно воскликнул Херб. — Я сам покажу вам все лучшие места на Земле.

— Ты идешь, Гэри? — спросила Кэролайн, но Гэри не ответил.

Когда-нибудь Человек вернется домой... в этот чудесный город из белого камня. Восхитится захватывающей дух высотой его башен, простором и самим городом — символом достижений разума, сверкающим в пока чужих для него небесах. Вернется домой на планету, где каждая частичка энергии, любая мыслимая роскошь и достижение будут принадлежать ему. Домой в место, выросшее из мечты... великой мечты великого ушедшего народа, который, умирая, завещал наследство всей своей жизни другой жизни — только зарождающейся. И, более того, оставил другое наследство в руках и умах добрых слуг, которые со временем передадут его людям.

Но этот город, все его гордые достижения не для него, не для Кэролайн, Кингсли, Херба или Томми. Ни для множества поколений, которые придут после них. До тех пор, пока человечество волочит за собой груз первобытного дикарства и ненависти, пока оно жестоко, злобно и бессердечно, никому из людей не ступить на мостовые этого города.

Прежде чем добраться до него, Человеку предстоит пройти долгие дороги, глотая горькую пыль, познать множество побед на межзвездных путях. Галактики напишут в небесах буквы новых алфавитов, а в хроники времени будут внесены записи о многих событиях. Новое станет рождаться, развиваться и умирать. Великие лидеры возвысятся, свершат предназначенное и канут в забытье. Зародятся вероучения, расцветут и рассыплются межзвездным прахом. Звезды, наблюдая с небес, увидят великие деяния, будут аплодировать великим свершениям, взирать на великие поражения и оплакивать горькие разочарования.

— Подумать только, — произнесла Кэролайн. — Мы возвращаемся домой!

— Да, — молвил Гэри. — Наконец-то мы возвращаемся домой.

ЗАЧЕМ ЗВАТЬ ИХ ОБРАТНО С НЕБЕС?

Глава 1

Присяжные радостно зашумели. Принтер выстреливал распечатку вердикта, строчки ровно ложились на бумажную полосу, затемняли ее.

Принтер замолк, и судья кивнул клерку. Тот подошел к присяжным и принял вердикт. Держа его обеими, по ритуалу, руками, он повернулся к судье.

— Подсудимый, — сказал судья, — встаньте лицом к Присяжным.

Франклин Чэпмэн дрожа поднялся, встала рядом с ним и Энн Харрисон. Она дотронулась до его руки и сквозь ткань рубашки уловила легкую дрожь.

Я должна была выполнить работу лучше, сказала она себе. Хотя, конечно, этим делом она занималась куда серьезнее, чем многими другими. Сердце ее лежало к этому человеку, такому жалкому, попавшему в ловушку. Может быть, думала она, женщина не должна защищать мужчину в суде. Может быть, раньше, когда присяжные еще были людьми... Но не здесь, где Присяжными стал компьютер, и обсуждению подлежат лишь нюансы закона.

— Теперь, — обратился к клерку судья, — зачтите вердикт.

Она взглянула на прокурора, сидящего за столом с лицом суровым, епископским — вполне подобающим судебному процессу. Орудие, вздохнула она, всего лишь орудие правосудия, как и Присяжные.

В помещении было сумрачно и тихо, в окна светило заходящее солнце. Сидевшие в первых рядах газетчики высматривали малейшее проявление чувств, любое, пусть незначительное движение, жест — любую зацепку, пригодную для сочинения историйки. Люди с камерами приготовились запечатлеть тот миг, когда вечность и небытие начнут бороться на весах.

Но Энн знала — колебания здесь почти невозможны. Защиту строить не на чем. Его приговорят к смерти.

Клерк приступил к чтению:

— Решение Присяжных по делу «Государство против Франклина Чэпмэна» состоит в следующем: Чэпмэн обвиняется в преступной небрежности и вопиющей служебной безответственности, которые повлекли за собой задержку доставки умершей Аманды Хэккет, что вызвало полное разрушение тела.

Утверждение обвиняемого, что он не может нести личную ответственность за техническое состояние транспорта, представляется неуместным. Он лично отвечал за доставку тела. Возможно, имеются лица, также несущие ответственность за допущенную халатность, но степень их вины не может оказать влияния на данное решение суда.

Обвиняемый признается виновным по каждому пункту обвинительного акта. В силу отсутствия смягчающих обстоятельств апелляция не предусмотрена.

Чэпмэн осел и замер на стуле. Он оцепенел, сидел прямо, крепко сцепив громадные руки, лицо его походило на слепок.

Он сразу все понял, подумала Энн Харрисон. Поэтому и оставался таким безучастным. Его не обнадежили ни ее адвокатские хлопоты, ни уверения. Она старалась поддержать его, но он ей не верил, и был прав.

— Имеет ли защитник ходатайство? — осведомился судья.

— С вашего позволения, ваша честь, — ответила Энн. Он хороший человек, сказала она себе. Старается быть добрым, а не получается. Закон не позволяет. Он выслушает, откажет, огласит приговор, и это — конец. Все очевидно, и апелляции нет.

Она взглянула на выжидающих газетчиков, посмотрела на объективы телекамер и ощутила, как кровь пульсирует в венах. Благоразумно ли, спросила она себя

в последний раз, то, что она намерена сказать? Тщетно, да, но есть ли в этом хоть какой-то смысл?

И тут, колеблясь в нерешительности, она поняла, что не должна смолчать, ведь это ее обязанность, долг, а не исполнить долг она не может.

— Ваша честь, — начала она, — мое ходатайство состоит в том, чтобы данный вердикт был отменен на основании предвзятости, имевшей место в ходе слушания.

Обвинитель вскочил с места.

Судья движением руки приказал ему сесть.

— Мисс Харрисон, — сказал судья, — я не вполне уверен, что уловил смысл ваших слов. Что вы понимаете под предвзятостью?

Она обогнула стол и подошла вплотную к судье.

— Я имею в виду, — продолжала Энн, — что основная улика связывается с неисправностью транспорта.

— Согласен с вами, — серьезно кивнул судья. — Но где здесь предубеждение?

— Ваша честь, — выдохнула Энн Харрисон, — ведь Присяжные тоже механические.

Обвинитель снова вскочил на ноги.

— Ваша честь! — завопил он. — Ваша честь!

Судья стукнул молоточком.

— Я все слышу, — строго заметил он обвинителю.

Газетчики встрепенулись, они строчили в блокнотах и переговаривались между собой. Линзы объективов, казалось, засверкали еще ослепительней.

Обвинитель сел. Шум стих, в зале повисла мертвая тишина.

— Мисс Харрисон, — осведомился судья, — значит ли это, что вы подвергаете сомнению объективность Присяжных?

— Да, ваша честь. В том, что касается механизмов. Я не утверждаю, что пристрастность была сознательной, но бессознательное предубеждение налицо.

— Смехотворно! — воскликнул обвинитель.

Судья махнул в его сторону молоточком:

— Успокойтесь!

— Да, я повторяю, — продолжила Энн, — могло сказаться бессознательное предубеждение. И далее, я утверждаю, что любому механическому устройству недостает качеств, без которых правосудие невозможно, а именно — чувства сострадания и человеческого

достоинства. Допустим, что закон олицетворяет сверхчеловеческий, всеобщий правопорядок, но...

— Мисс Харрисон, — прервал ее судья, — вы пытаетесь читать нотации суду.

— Приношу свои извинения, ваша честь.

— Вы закончили?

— Да, ваша честь.

— Что же, отлично. Я отклоняю ваше ходатайство. Имеются ли другие?

— Нет, ваша честь.

Она вернулась на свое место, но осталась стоять.

— В таком случае, — сказал судья, — не вижу причины откладывать вынесение приговора. Впрочем, подобными полномочиями я и не обладаю. В таких случаях закон высказывается вполне определенно. Обвиняемый, встаньте.

Чэпмэн медленно поднялся.

— Франклин Чэпмэн, — начал судья, — по приговору суда вы признаетесь виновным без права на апелляцию и лишаетесь сохранения вашего тела после смерти. Однако никоим другим образом ваши гражданские права ущемлены не будут.

Он стукнул молотком.

— Суд окончен.

Глава 2

Ночью кто-то написал лозунг на стене из красного кирпича. Крупная, исполненная желтым мелом, надпись вопрошала:

ЗАЧЕМ ИХ ЗВАТЬ ОБРАТНО С НЕБЕС?

Дэниэл Фрост пристроил свою изящную двухместную машину на стоянке возле Нетленного Центра, вышел и с минуту разглядывал буквы. С недавних пор таких воззваний стало появляться довольно много, и ему, отчасти из праздного любопытства, хотелось бы узнать, в чем тут дело. Маркус Эплтон, наверное, объяснил бы ему, только Эплтон — шеф отдела безопасности Нетленного Центра и человек занятой, так что в последнее время Фрост видел его лишь пару раз. Конечно, если происходит нечто существенное, Маркус, разумеется, в курсе. Трудно представить, успокаивал себя Фрост, что Маркус может быть о чем-либо не осведомлен.

К нему подошел работник автостоянки.

— Доброе утро, мистер Фрост, — поприветствовал он, поднеся руку к козырьку. — Улицы, похоже, нынче забиты.

Да, в самом деле. Магистрали были переполнены небольшими машинами, схожими с той, которую припарковал Фрост. Их плавные, изогнутые кузова сверкали

на утреннем солнце, и до стоянки доносилось слабое электрическое гудение множества моторов.

— Как обычно, — кивнул Фрост. — Кстати. Вы бы взглянули на задний бампер. Ткнулся там кто-то.

— Может, ему и досталось, — хмыкнул служащий. — Погляжу, конечно. А как насчет подвески, я могу заняться?

— Да ведь там все в порядке, — поморщился Фрост

— Все равно проверю. Много времени не отнимет, а к чему рисковать?

— Да, вы правы, — вздохнул Фрост. — Спасибо, Том.

— Нам вместе работать, — ответил тот. — Как это было: «Берегите друг друга!». Правильный девиз. Кажется, его сочинил кто-то из вашего отдела?

— Да, — согласился Фрост. — Не так давно. Девиз соучастия, одно из наших лучших достижений.

Он нагнулся, прихватил с сиденья портфель и сунул его под мышку. Изнутри портфель распирал пакет с ленчем. Фрост ступил на эскалатор, направляясь к одной из площадок, окружавших громадное здание Нетленного Центра. На эскалаторе он, как обычно, по непонятной для самого себя причине, запрокинул голову и прилип взглядом к устремленной ввысь громаде. Бывало, в непогоду вид на здание закрывали облака, но в ясный день конструкция стремилась в поднебесье, и верхние этажи словно растворялись в голубой дымке. Взглянув на сооружение, всякий ощущал головокружение при мысли, что создано это человеческими руками.

Фрост покачнулся и вовремя пришел в себя. Не следовало бы так заглядываться, попенял он себе. Или, по крайней мере, подождать с этим до площадки. Эскалатор шел всего в двух футах над землей, но если не глядеть под ноги, то можно упасть и сломать себе шею, ничего невозможного в этом нет. Фрост в сотый раз изумился, отчего никому не пришло в голову оградить эскалатор перилами.

Он доехал до площадки, сошел с эскалатора и присоединился к густой толпе, стремящейся в здание. Прижимая к себе портфель, он старался хоть как-то уберечь свой ленч, хотя знал, что шансы невелики — в толчее пакет всякий раз превращался в лепешку.

Может быть, прикинул он, сегодня стоит обойтись без обычного молока? Раздобыть к ленчу стакан воды,

этим и ограничиться. Фрост облизал пересохшие вдруг губы. Или можно сэкономить на чем-то другом? Очень уж он любил ежедневный стакан молока...

Впрочем, не в молоке дело, надо изыскать способ возместить стоимость ремонта машины. Эта трата не была запланирована и могла расстроить бюджет. А если Том установит, что надо чинить подвеску, то вот и еще один расход.

Фрост беззвучно застонал.

Но, разумеется, он сознавал, что человек не имеет права рисковать, и не только на дороге.

Ничего, что могло бы угрожать жизни! Никаких опрометчивых затей, никакого альпинизма, никаких полетов — только на практически безопасном вертолете, никаких автогонок и кровожадных видов спорта. Главное — надежность; ровность хода эскалаторов, ступеньки из эластичного материала — все, чтобы исключить несчастный случай. Даже воздух огражден от загрязнения: заводские дымы фильтруются, машины не чадят допотопным горючим, но работают на вечных батареях, приводящих в движение электромоторы.

Первая жизнь человека должна быть очень долгой, ведь это его единственная возможность составить себе капитал для следующей. И поскольку цель общества состоит именно в том, чтобы добиться ее максимального продления, то нельзя допускать, чтобы неосмотрительность или тяга к чрезмерной экономии (вроде постоянного желания избежать ремонта машины) отняли годы, необходимые для накопления средств, предназначенных для жизни второй.

Медленно продвигаясь вперед, он вспомнил, что сегодня совещание, так что придется убить час, а то и больше, выслушивая обычные разглагольствования Б. Д. об общеизвестных истинах. Когда же Б. Д. закончит, то уже руководители отделов и групп проектирования заведут разговор о своих проблемах, которые они вполне в состоянии разрешить и самостоятельно, но говорить о которых все равно станут — затем лишь, чтобы продемонстрировать свою преданность делу. Пустая трата времени, вздохнул Фрост, но как ее избежать? Вот уже несколько лет, начиная с тех пор, как он возглавил отдел общественной информации, каждую неделю приходилось убивать время на совещаниях, ерзая при мысли о делах, скопившихся на его столе.

Маркус Эплтон, подумал он, вот — единственный среди нас с характером. Совещаний тот избегал. Впрочем, он мог себе это позволить. Отдел безопасности — дело особое. Чтобы быть эффективной, безопасность должна располагать большей свободой, нежели остальные отделы Нетленного Центра.

Когда-то, вспомнил Фрост, ему хотелось обсудить на совещаниях и проблемы своего отдела. Но искушению он не поддался, и теперь был этому рад: все советы и предложения, как правило, оказываются полной ерундой. И, уж конечно, его жалобы не помешали бы сотрудникам других отделов сваливать на него работу, хоть мало-мальски имеющую отношение к его компетенции.

Главное, не уставал убеждать себя Фрост, делать свое дело, держать язык за зубами и сохранять всякую идущую в руки денежку.

Он задумался, кто именно сочинил лозунг на красной кирпичной стене. Такой он видел впервые, лозунг был удачнее предыдущих, и Фрост с удовольствием привлек бы к работе человека, который его придумал. Но искать автора — напрасный труд. Это наверняка работа Святых, а они — ребята упрямые. Фрост не мог понять, чего они добиваются, противопоставляя себя Нетленному Центру. Ведь Центр не действует против чьей-либо веры, Центр просто реализует долгосрочную биологическую программу, основанную исключительно на научном подходе.

Он поднялся по ступенькам, медленно протиснулся внутрь и оказался в вестибюле. Держась правой стороны, Фрост постепенно приближался к киоску, где торговали табаком, наркотиками и всякой всячиной.

У прилавка с наркотиками, как обычно, не протолкнуться. По дороге на службу люди заходят сюда, чтобы приобрести пилюли грез — галлюциногены, которые доставят им вечером несколько приятных часов. Фрост наркотики не употреблял и употреблять не собирался, ему это казалось глупой тратой денег. Тем не менее он допускал, что есть люди, которым необходимо компенсировать недостаток тех волнений и страстей, что были привычны когда-то — когда смерть постоянно дышала человеку в затылок, окончательная смерть. Для таких людей жизнь, наверное, бесцветна, скучна: они не знают стремления к цели, забыли о ней — об этой

прекрасной цели, забыли, что их теперешняя жизнь — лишь время подготовить себя к вечности.

Продираясь сквозь толпу, он наконец достиг киоска. Чарли, его владелец, завидев приближающегося Фроста, извлек из-под прилавка кляссер с марками.

— Доброе утро, мистер Фрост, — приветствовал он. — Есть кое-что специально для вас.

— Снова Швейцария, как я вижу, — хмыкнул Фрост.

— Чудесные марки, — убежденно сказал Чарли. — Рад, что их купите именно вы. Через сто лет не пожалеете.

Фрост взглянул на правый нижний угол кляссера. 1.30 — было написано там карандашом.

— Сегодня, — прикинул Чарли, — они стоят доллар восемьдесят пять.

Глава 3

Ночью ветер снова повалил крест. Беда в том, размышлял поутру Огден Рассел, протирая глаза от гноя, что песок ненадежен. Если бы найти подходящие валуны и навалить их у основания, тогда речной ветер ничего не сможет сделать.

Надо что-то предпринять, ведь не подобает кресту столь жалко крениться при всяком порыве ветра. Не соответствует это ни святости символа, ни набожности воздвигшего крест.

Сидя на песке, слушая веселое утреннее журчание реки, Рассел думал о том, мудро ли он поступил, избрав этот островок для своего одиночества. Одиночество ему удалось, но все же явно чего-то недоставало. Комфорта, вот чего. Но ведь, напомнил он себе, я искал здесь не комфорт. Комфорт остался там, в мире, от которого он отвернулся. Но он отринул и это, и многое другое — в поисках чего-то более возвышенного и значительного, в поисках того, чье существование ощущал, но все никак не мог обрести.

— Но, Господи, я ведь старался! — простонал он. — Боже мой, я ведь так старался!

Он встал и очень осторожно потянулся, все тело ломило от речной сырости, от ветра, от ночевок под ветхим одеялом. Да и как согреться, вся его одежда — лишь старые, обрезанные выше колен брюки.

Он потянулся и стал размышлять, следует ли заняться крестом до молитвы или молитва будет услышана и так. Наконец он решил, что крест есть крест, и не важно — установлен он или лежит на песке.

Стоя над рекой, он боролся с навязчивыми мыслями, пытаясь заглянуть себе в душу, проникнуть в вечную тайну мира, скрытого еще глубже души — вечно неуловимого и непостижимого. Но озарение не возникало, ответ не приходил, не приходил никогда. А сегодня — хуже прежнего; единственное, о чем он мог думать в это утро — обожженная, шелушащаяся кожа, ссадины от долгого стояния на коленях, голодные спазмы в желудке, и самое главное — попалась ли рыба на крючки расставленных с вечера снастей.

И если теперь, после месяца ожидания, думал он, ответа все еще нет, то его, наверное, просто не существует, и я ошибся в выборе пути, взывая к несуществующему, к несуществовавшему никогда Богу. А может, я звал не тем именем...

Хотя имя не может иметь никакого значения. Имя — это только имя, не более. Символ. Ведь, напомнил он себе, то, что я ищу, это просто — понимание и вера, глубина веры и мощь понимания, присущие людям и прежде. Для веры, несомненно, должно быть основание, и это основание можно отыскать. Не могло же ошибаться все человечество. Любая религия всегда нечто большее, чем просто вымысел человека, желающего заполнить мертвую пустоту своего сердца. Даже неандертальцы хоронили умерших лицом к восходу, кидали в могилу горсть красной охры — символ второй жизни, клали рядом с мертвецами их оружие и украшения — то, что понадобится им в будущем существовании.

Он должен узнать! Он заставит себя узнать! И он узнает, проникнув в тайны естества.

Жизнь, размышлял он, нечто большее, чем пребывание на этой земле, пусть даже сколь угодно долгое. Кроме пробужденной, обновленной и бессмертной плоти должна существовать и какая-то другая вечность.

Сегодня, сейчас он заново посвятит себя поиску. Он будет дольше стоять на коленях, искать будет глубже и, кроме поисков, не допустит в свою жизнь более ничего — и его день настанет! Где-то там, в будущем, есть час и мгновение, когда он обретет ясность и веру,

но никому не ведомо, когда этот час настанет — может быть, он уже близок.

Для этого ему понадобятся все силы, поэтому надо подкрепить плоть — немедленно, еще до молитвы. И тогда подкрепленный, с новыми силами он отправится на поиски истины.

Обогнув песчаный карьер, он дошел до ив, к которым были привязаны лески, и потянул за них. Они легко вышли из воды и оказались пустыми. Мощный приступ голода скрутил его тело. Что ж, опять придется довольствоваться моллюсками. От этой мысли он ощутил тошноту.

Глава 4

Б. Д. резко постучал карандашом по столу, подавая сигнал к началу совещания. Благожелательно оглядев присутствующих, он обратился к Эплтону:

— Рад видеть вас, Маркус. Вы у нас гость не частый, видимо, что-то серьезное?

— Да, Б. Д., — хмуро ответил Эплтон радушному Б. Д. — Проблема есть, и она не только моя.

— А как у нас дела с кампанией по бережливости, Дэн? — Б. Д. кинул взгляд на Фроста.

— Продвигаются, — ответил тот.

— Рассчитываем на вас. — Б. Д. стал серьезен. — Кампания должна быть эффективной. Я слышал, что капиталовложения в монеты и марки продолжают расти...

— Беда в том, — начал оправдываться Фрост, — что марки и монеты очень удобны для долговременных вложений...

Питер Лэйн, казначей, нервно заерзал на стуле:

— Чем скорее вы добьетесь хоть чего-то, тем лучше. Падает спрос на наши акции. — Лэйн недовольно оглядел собравшихся и произнес таким тоном, словно это было ругательство: — Марки и монеты...

— Мы могли бы положить этому конец, — заметил Маркус Эплтон. — Одно слово и никаких там памятных, юбилейных, благотворительных и прочих коллекционных выпусков.

— Но вы забываете, — повернулся к нему Фрост, — что дело не только в марках и монетах. Ведь есть еще и живопись, и фарфор, и многое другое. Да что угодно может вырасти в цене за короткое время! Торговлю не остановишь.

— Ничего мы не будем останавливать, — резко вмешался Б. Д. — И так уже полнó разговоров о том, что мы хотим завладеть миром.

— Думаю, что именно эти разговоры активизируют Святых. Какие-то они неприятные, хоть ничего особенного и не вытворяют, — заметил вице-президент Карсон Льюис, руководитель технологического отдела.

— Сегодня появилась новая надпись, — заявил Лэйн. — Весьма удачная, кстати.

— Уже нет, — процедил сквозь зубы Эплтон.

— Я понимаю, что уже нет, — съехидничал Лэйн. — Но бегать за этими людишками с ведром и тряпкой — как-то несерьезно.

— Не думаю, — скептически отозвался Льюис, — что возможны какие-либо другие меры. Идеально было бы покончить с ними раз и навсегда, но вряд ли это возможно. Впрочем, надеюсь, что Маркус со мной согласится, может быть, мы сумели бы отчасти управлять ими?

— Мне кажется, — поморщился Лэйн, — что мы могли бы поворачиваться и попроворнее. В последнее время эти лозунги появляются все чаще. У Святых, надо полагать, целый отряд ночных рисовальщиков. И не только здесь — повсюду. И в Чикаго, и по всему Западному побережью, и в Европе, и в Африке

— Когда-нибудь, — парировал Эплтон, — этому придет конец. Это я вам могу обещать. Зачинщиков не очень много, мы уймем их.

— Но только без шума, Маркус, — встревожился Б. Д. — Я настаиваю, чтобы все прошло тихо.

— Очень тихо, — сверкнул улыбкой Эплтон.

— Но ведь не только же лозунги, — не унимался Лэйн. — Еще и слухи!

— Слухи нам не вредят, — успокоил его Б. Д.

— Некоторые не вредят, конечно, — заметил Льюис. — Те, которые придумываются лишь затем, чтобы языки поупражнять. Но есть слухи и не беспочвенные Я имею в виду те, что касаются деятельности Нетленного Центра. Правда в них искажена до неузнаваемости

и уже одно это может нам повредить. Нам и нашему облику Сильно повредить. Но меня интересует другое: каким образом Святые добираются до подобных сведений? Я опасаюсь, что им удалось создать целую информационную сеть — и здесь, и в других отделениях Центра. Вот этому надо положить конец немедленно.

— Нельзя утверждать, — запротестовал Лэйн, — что все слухи распускаются Святыми. Кажется, мы им приписываем слишком многое. А это просто компания психопатов с дурацкими идеями.

— Если бы психопатов... — вмешался Эплтон. — Психопатов мы бы просто изолировали. Нет, это деятели весьма ловкие. Плохо, если мы их недооценим. Мой отдел занимается ими постоянно, и знаем о них мы уже довольно много. Так что вскоре...

— Склонен согласиться с вами, — перебил его Льюис, — в том, что это активная и хорошо организованная оппозиция. Мне представляется, что у них есть определенные связи с Бродягами, и если обстановка для кого-либо из Святых становится критической, то он просто уходит в пустыню и находит убежище у Бродяг.

— Бродяги более-менее являются тем, чем они представляются, — покачал головой Эплтон. — Вы слегка преувеличиваете, Карсон. Толку от Бродят никакого, это просто патологически неприспособленные люди, которые нигде не могут найти себе места. Да их всего-то что-то около одного процента.

— Меньше чем полпроцента, — уточнил Лэйн.

— Вот-вот, они составляют менее половины процента населения. Объявили себя свободными от нас, скитаются кучками по пустыне, как-то сводят концы с концами..

— Коллеги, — взял бразды правления в свои руки Б. Д. — Я полагаю, что мы слишком углубились в предмет, который обсуждали уже не раз, без особенных к гому же результатов. Полагаю, что Святых нам следует оставить на попечение отдела безопасности.

— Благодарю вас, Б. Д., — кивнул Эплтон.

— Итак, вернемся к основной проблеме, — пред ложил Б. Д.

— Пропала одна из наших сотрудниц, — тихо всту пил Чаунси Хилтон, глава отдела по исследованиям

времени. — У меня такое ощущение, что ей удалось найти что-то серьезное.

— Но если она на что-то напала, — взорвался Лэйн, — так что же она...

— Будьте добры, Питер, — успокоил его Б. Д. и оглядел собравшихся. — Давайте обсуждать спокойно. Прошу прощения, коллеги, что мы не известили вас немедленно. Не думаю, что это событие следовало замалчивать, но и поднимать особенный шум вокруг него тоже не хотелось, тем более что Маркус полагал...

— То есть Маркус ее уже ищет? — вмешался Лэйн.

— Шесть дней. Ни малейшей зацепки, — кивнул Эплтон.

— А не может быть так, — спросил Льюис, — что она просто уединилась, чтобы спокойно поработать?

— Мы думали об этом, — вздохнул Эплтон. — Она бы уведомила меня. Мона — работник чрезвычайно сознательный. Да и записи ее исчезли.

— Так если она отправилась работать, — возразил Льюис, — то, наверное, и забрала их с собой?

— Но не все же, — пожал плечами Хилтон, — только связанные с текущей работой, а пропали все. Да изъятия из проекта и не допускаются. В общем, наша безопасность оказалась недостаточно вездесущей.

— А вы проверяли мониторы? — полюбопытствовал Лэйн.

— А какой в этом толк? — удивился Эплтон. — Мониторы не имеют дела с идентификацией личности. Компьютер просто следит за человеком, когда тот в его секторе. Если сигнал изменился, значит, человек умер, и туда немедленно высылаются спасатели. Когда люди переходят из сектора в сектор, их сигналы воспринимаются другими компьютерами, вот и все.

— Значит, человек перемещается?..

— Да. Так ведь путешествуют очень многие. А Мона Кэмпбел могла и не трогаясь с места как-то укрыться.

— Наверное, ее похитили, — предположил Льюис.

— Вряд ли, — возразил Хилтон. — Вы забываете, что исчезли записи.

— То есть вы предполагаете, — вмешался Фрост, — что она намеренно покинула службу?

— Она сбежала, — вздохнул Хилтон.

— Вы действительно уверены, что она совершила открытие? — осведомился глава отдела космических исследований Говард Барнс.

— Похоже на то, — ответил Хилтон. — Она сообщила мне, весьма сдержанно, что приступает к новой серии расчетов. Я еще подумал — как странно, почему она так нервничает и все время оглядывается..

— Она сказала — расчеты? — переспросил Лэйн.

— Да. Потом я выяснил, что она работала с гамалийской математикой, помните, Говард?

— Да, — кивнул Барнс. — Одна из наших экспедиций обнаружила ее лет двадцать назад. На планете, некогда населенной человекоподобными. Чтобы пустить ее в дело, нужно было придавать ей земную форму, а на это ушло бы лет тысячу или больше.

— А из этой математики мы могли что-то использовать? — спросил Льюис.

— Наши парни пытались разобраться, — ответил Барнс. — Ничего у них не вышло. То есть это была математика, но настолько далекая от привычного представления о предмете, что всерьез взяться за нее никто так и не смог Экспедиция обнаружила и другие следы цивилизации, но не столь интересные. То есть они представляли интерес для антропологов и культурологов, но практического применения не имели. Математика хоть на что-то годилась. Все материалы были в книге, ну, это можно назвать книгой, притом достаточно сохранившейся, редко когда на планете находят что-то подобное. В общем, мы немного волновались, когда ждали возвращения экспедиции.

— И никто этот орешек не раскусил, — хмыкнул Лэйн. — Кроме, быть может, этой вот Моны Кэмпбел.

— Я почти уверен, что так оно и есть, — согласился Хилтон. — Она — личность весьма неординарная, и..

— А вы что же, не требуете от сотрудников регулярных промежуточных отчетов? — перебил его Лэйн.

— Разумеется, требуем. Но мы не заглядываем им через плечо. Вы же понимаете, какие могут быть последствия.

— Да, — вздохнул Барнс. — Они должны обладать некоторой свободой. Им надо дать почувствовать, что во время работы исследования как бы принадлежат лично им.

— Все вы, вступил Б. Д. — отдаете, разумеется, себе отчет в серьезности положения. При всем моем уважении к Говарду программа космических исследований — проект долгосрочный, и результаты принесет лет через триста—четыреста. А проект Времени необходимо претворять в жизнь незамедлительно. Ведь он обеспечит нам жизненное пространство, которое может понадобиться уже в следующем веке. Или даже раньше. Как только мы приступим к оживлениям, пространства потребуется больше, чем в состоянии предоставить Земля. И этот день, возможно, близок. Ребята из отдела бессмертия продвигаются очень неплохо — если я правильно понял то, что сообщил мне Энсон.

— Все так, — сказал Энсон Грейвз. — Мы чувствуем, что подобрались вплотную. Я бы так сказал, что максимум через десять лет...

— Через десять лет, — торжественно возвысил голос Б Д. — мы будем обладать бессмертием.

— Если только не возникнет ничего непредусмотренного, — предупредил Грейвз.

— Будем надеяться, что нет — Б. Д. оставался непоколебим. — Через десять лет у нас будет бессмертие. Материальные преобразователи разрешили проблему ресурсов. В свой срок будет осуществлена и жилищная программа. Главное — вопрос пространства. Чтобы заполучить его, и как можно скорее, необходим решающий прорыв во времени.

— А мы не ждем невозможного? — осторожно спросил Лэйн. — Вдруг окажется, что время нельзя расщепить? И тогда мы ничего не получим.

— Не могу с вами согласиться, — возразил Хилтон. — Думаю, Мона Кэмпбел разгадала тайну

— И сбежала, — съязвил Лэйн.

— Все это сводится к одному, — резюмировал Б Д. — Мону Кэмпбел нужно разыскать.

Он строго взглянул на Маркуса Эплтона:

— Вы понимаете, надеюсь, — Мона Кэмпбел должна быть найдена!

— Разумеется, — ответил Эплтон. — И хотел бы просить о содействии. Мы ее, конечно, отыщем, но можно бы и ускорить, если...

— Не понял, — вмешался Лэйн. — Ведь безопасность, кажется, полностью в ваших руках?

— Что касается общей работы, — кивнул Эплтон, — это так. Но ведь и у казначейства есть свои агенты

— Но совершенно для иных целей, — взорвался Лэйн. — Не для этого!

— Согласен с вами, — еще раз кивнул Эплтон. — Хотя, возможно, и они могли бы нам помочь. Но я имею в виду другой отдел. Дэн, — он повернулся и в упор посмотрел на Фроста, — вы создали отличную, прекрасно обученную разведку, и она была бы нам весьма полезна. У вас есть агентура, осведомители и

— Что-что? — переспросил Б. Д.

— Ах да, я запамятовал, — пожал плечами Эплтон. — Вы об этом можете и не знать. Чисто ведомственные дела. Дэн провел хорошую работу по организации такой группы, и она действует весьма эффективно Специализируется группа, как я понимаю, на выявлении всяких там криминальных публикаций, доводить которые до общего сведения не обязательно Ну конечно, занимается и кое-чем другим.

«Ах ты скотина... — выругался про себя Фрост — Грязная, паршивая скотина...»

— Что?! — закричал Б. Д. — Это правда?

— Да, — ответил Фрост. — Чистая правда.

— Но почему? — побагровел Б. Д. — Почему же вы?..

— Извините, Б. Д., — вздохнул Фрост — Если вам действительно интересно, то я готов вам все объяснить. Имеете ли вы представление о том, какое количество статей, могущих нанести ущерб Нетленному Центру, появилось бы в следующем году, если бы не предпринятые нами меры?

— Нет, — почти взвизгнул Б. Д. — Меня это не интересует. Мы переживем любые нападки, переживали и раньше.

— Потому и переживали, — усмехнулся Фрост, — что лишь небольшая часть их попадала в печать, причем не самые серьезные. Но были и такие, которые поставили бы нас в трудное положение. Так поступал не только я, но и мои предшественники.

— Послушайте, Б. Д. — вступился Лэйн, — мне кажется, Дэн кое в чем прав. Я полагаю...

— Вам кажется, а мне — нет, — не мог успокоиться Б. Д. — Мы не должны пытаться останавливать

и усмирять, мы не должны использовать цензуру. Нас обвинят в намерении управлять миром. Скажут, что...

— Но, Б. Д., — сердито перебил его Фрост, — ведь бессмысленно делать вид, будто Нетленный Центр не управляет планетой. Да, есть еще правительство, но руководим планетой мы. Мы прибрали к рукам инвестиции, мы завладели всеми крупными производствами и...

— Мог бы с вами поспорить, — проворчал Б. Д.

— Конечно, могли бы. Это не наш капитал. Это лишь деньги, которые нам доверены. Но распоряжаемся этими деньгами мы, мы решаем, как их использовать, и никто у нас не вправе требовать отчета.

— Кажется, — вмешался Лэйн, — мы ушли от темы.

— Я вовсе не имел намерения, — отметил Эплтон, — растревожить осиное гнездо.

— А по-моему, имели, — спокойно возразил ему Фрост. — Не знаю, что вами движет сейчас, Маркус, только за всю жизнь вы не сделали ничего без расчета.

— Маркус, между прочим, просил помощи, — попытался разрядить атмосферу Лэйн. — Что до меня, то я готов ее предоставить.

— А я — нет, — ответил Фрост. — Я не стану сотрудничать с человеком, который намеренно ставит меня в затруднительное положение. Эта работа велась в отделе задолго до моего вступления в должность и всегда под грифом «секретно».

— Не нравится мне все это, Дэн, — упрекнул его Б. Д.

— Конечно, вам это не должно нравиться, — повернулся к нему Фрост. — Ведь вы, извините за неловкое выражение, наше лицо, и я вовсе не хотел смутить вас.

— А вы знали? — Б. Д. обратился к Лэйну.

Тот кивнул:

— Да, казначейство выделяет фонды. А Маркус знал потому, что в его обязанности входит знать все. Но нас, посвященных, было только трое. Прошу прощения, сэр.

— С вами троими я поговорю позже, — приосанился Б. Д. — Я по-прежнему считаю, что действовать мы должны только открыто. Не следует забывать, что на нас возложена священная миссия. Наша организация всегда оправдывала это высокое доверие, и мы обязаны поддерживать свой престиж. Придет день, ради кото-

рого мы работаем, и тогда, хочу верить, мы сможем открыть людям не только наши книги, но и наши сердца.

Б. Д. сел на своего конька. На эту тему он мог распространяться часами.

Он бубнил и бубнил.

Фрост взглянул на Эплтона. Тот сидел сгорбившись, хмурый и напряженный.

Значит, не вышло, подумал Фрост Не получилось, как он хотел. Пришел сюда с информацией и выложил ее, а полностью не сработало. В чем тут дело, зачем я ему?

Между ним и Маркусом никогда не было вражды. Не сказать, что они были на дружеской ноге, друзей у Маркуса нет, но ведь они коллеги и, по крайней мере, друг друга уважали. Что-то происходит, размышлял Фрост, незаметное для меня. Ведь если бы ничего не происходило, то зачем Эплтону пытаться меня скомпрометировать?

Он очнулся от мыслей и вновь услышал Б. Д.

— И вот поэтому, говорю я вам, мы должны собрать все наши силы в кулак и разыскать Мону Кэмпбел, которая, возможно, обнаружила то, что мы ищем, что мы искали все эти годы... — Б. Д. остановился и вопрошающе оглядел собравшихся. Все молчали.

— Совещание окончено, — сказал Б. Д. и постучал по столу карандашом.

Глава 5

— Понимаете, в чем дело, — сказала владельцу похоронного бюро маленькая старушка. — Мы оба стареем. Лет у нас впереди не так много, хотя на здоровье пока не жалуемся.

Пожилой джентльмен усмехнулся и стукнул тростью об пол:

— Вот в том-то и дело, что наше здоровье слишком уж хорошее. Мы могли бы прожить еще лет по двадцать.

— И нам, надо сказать, — вновь вступила старушка, — это очень нравится. Джеймс упорно трудился всю жизнь, мы экономили и копили деньги. Так что теперь, когда он уже не может работать, мы просто спокойно сидим, беседуем, иногда ходим в гости. Но каждый день нам приходится думать о средствах. То немногое, что мы скопили, тает на глазах, мы не можем себе такого позволить.

— Глупо, — заявил старик. — Средства можно вложить во что-то стоящее.

— Вот именно, — закивала старушка. — Вложить их во что-то стоящее, а не проедать попусту.

— Вполне вас понимаю, — владелец лавки потер мягкие, слабые ладони. — Люди с этой проблемой приходят сюда постоянно, вам незачем волноваться.

Глава 6

Из окна офиса, расположенного на самом верху Нетленного Центра, Фрост глядел на пестрый ковер, в который при взгляде с такой высоты превращался Старый Нью-Йорк. Гудзон казался серебряной полоской, сияющей под утренним солнцем, а Манхэттен напоминал выцветшее лоскутное одеяло. Прежде он часто стоял так у окна, находя в раскинувшейся перед ним картине нечто символическое: взгляд на прошлое человечества с высоты будущего. Но сегодня ему было не до того — в мозгу, изводя и мучая, колотился один и только один вопрос.

Несомненно, Эплтон хотел скомпрометировать его, но зачем?! Действовал ли Эплтон в своих интересах или не только? Может, служебные интриги? Этот ответ наиболее правдоподобен, но долгие годы Фрост старательно и успешно избегал интриг. Возможно, кто-то хотел занять его место. Что же, многие бы хотели, но никто из них, он был абсолютно убежден, не мог разнюхать то, что сумел Маркус.

Означать это могло только одно — кто-то его боится, предполагая, что Фросту известно нечто, что может бросить тень, если и не на сам Нетленный Центр, то на кого-то из руководства.

Но ведь, если рассудить, это нелепо. Он занимался исключительно своими делами. Обращались к нему лишь

по вопросам, входящим в его компетенцию. В политике он участвовал опосредованно.

В чужие дела не лез, разве только сегодня утром нарушил это правило, сказав Б. Д., что глупо делать вид, будто Нетленный Центр не управляет миром. Конечно, это так, но лучше было бы попридержать язык. Но Эплтон его разозлил, и про здравый смысл он позабыл.

Эплтон сказал правду. Сеть агентов существовала, но создал ее не Фрост. Да и не очень-то она велика. Эплтон сильно раздул ее реальные масштабы из каких-то своих соображений.

Фрост отошел от окна и вернулся к столу. Пододвинул к себе стопку бумаг, которую оставила мисс Бил. Сверху как обычно лежал ежедневный отчет со статистикой естественного движения населения — дата и две короткие строчки:

Временно недееспособных: 96.674.321.458.

Дееспособных: 47.128.932.076.

Проглядев и скомкав листок, он отправил его в корзину и взял из стопки следующую бумагу.

Послышался шум, Фрост поднял глаза — в дверях кабинета стояла мисс Бил.

— Прошу прощения, шеф, — сказала она. — Вас не было, и я взяла почитать свежую газету.

— Пустяки, — махнул рукой Фрост. — Есть что-нибудь интересное?

— Сообщение про экспедицию к созвездию Лебедя. Они перепечатали наш вариант почти без изменений. На третьей странице.

— Не на первой? — удивился Фрост.

— Нет, там — дело Чэпмэна.

— Чэпмэна?

— Да. Тот тип, у которого сломалась спасательная машина.

— Ах этот. Да, на днях слышал в новостях.

— Вчера его приговорили, видела по телевизору.

— Ничего вчера не смотрел.

— Это было ужасно драматично, — оживилась мисс Бил. — Представляете, у него жена и дети, а теперь он не будет с ними во второй жизни. Просто кошмар.

— Что поделаешь, — пожал плечами Фрост. — Он нарушил закон и не исполнил простую вещь. Мы зависим от таких, как он.

— Да, конечно, — вздохнула мисс Бил, — но мне все равно не по себе, как представлю эту жуть — оказаться единственным из миллиардов, обреченным на смерть!

— Не он первый и не он последний, — напомнил ей Фрост.

Она положила газету на край стола и осторожно осведомилась:

— Я слышала, у вас были сегодня неприятности на совещании?

Фрост мрачно кивнул.

— Но не очень серьезные? — озаботилась мисс Бил.

— Нет, не слишком, — успокоил ее Фрост.

Секретарша повернулась и направилась к дверям.

— Мисс Бил, — остановил ее Фрост.

— Да? — обернулась та.

— Мне надо уйти пораньше. У нас на сегодня что-то запланировано?

— Две встречи. Но не очень важные, я перенесу.

— Благодарю вас.

— А если придет какой-нибудь секретный материал?

— Ну так положите его в сейф.

— Но они требуют...

— Знаю, знаю. Документ немедленно проверить и...

«Вот в чем дело!» — осенило Фроста, и он понял причину поведения Эплтона. Да, об этом он не подумал...

— Что-то случилось, мистер Фрост? — встревожилась секретарша.

— Нет, все в порядке. Если что-то поступит, положите в сейф, утром займусь.

— Хорошо, — произнесла она чуть натянуто, демонстрируя неодобрение, и вышла из кабинета.

А Фрост принялся вспоминать тот день — месяца три назад — когда курьер по ошибке вручил ему секретный документ, предназначенный для Питера Лэйна. Он, конечно, сам вернул конверт Лэйну и все вроде утряслось. Курьера, понятно, уволили, проступок был серьезен, но никакого напряжения между Фростом и Лэйном не возникло.

И все же случай не забылся, заметил Фрост. Была там одна бумага, листок, что выскользнул из конверта

и спланировал под стол — где он его и обнаружил, но уже после того, как вернул конверт Лэйну.

Он вспомнил, как стоял с этим листком в руке, раздумывая, что предпринять. Конечно, следовало бы вернуть его Лэйну, но тогда опять пришлось бы что-то объяснять, а ему показалось, что бумага не стоит таких переживаний. Это была какая-то рутинная, невесть зачем засекреченная чепуха из тех, что в изобилии циркулировали между отделами. Шифрованную форму переписки ввели давным-давно, смахивало все это на игру в шпионы — тем более что шифровать стоило лишь малую толику документов, а в большинстве случаев дело сводилось к обычной переписке между отделами. Но таковы были правила.

Поэтому, чтобы избежать новых объяснений, он просто отправил листок в ящик стола и забыл о нем, резонно предположив, что если бумага важная, то ее хватятся.

Однако он ошибался.

Но если сегодняшнее поведение Эплтона действительно связано с этим документом, то в историю вовлечен еще и Лэйн.

Фрост рывком выдвинул средний ящик стола — там бумаги не было. Если бы хоть примерно вспомнить, о чем шла речь!

Какой-то список...

Он наморщил лоб, пытаясь припомнить детали, но туман не рассеивался.

Фрост обшарил остальные ящики — бумаги не было нигде. Так вот как они узнали! — его прошиб холодный пот.

Кто-то залез к нему в стол...

Глава 7

Рекламный агент указал в сторону болота, покрытого чахлым подлеском.

— Двадцать акров, — сообщил он. — При нашей цене это великолепная сделка. Друзья мои, более удачного способа вложить средства вы не найдете. Через сто лет цена возрастет десятикратно. А через тысячу — если вы уцепитесь за эту землю всерьез — вы станете миллиардерами.

— Но ведь это какое-то болото, — поморщилась женщина. — Кому оно понадобится...

— Сегодня, — принялся увещевать ее агент, — вы платите за акр столько, сколько через сто лет вам заплатят за каждый квадратный метр. Представьте, сколько людей будет в мире, прикиньте общую площадь Земли, и все станет понятно. Как только мы достигнем бессмертия и начнутся оживления...

— Им земля не понадобится, — возразил муж. — Перемещения во времени позволят отправлять людей на миллион лет назад, а когда и там все заселят, то на два миллиона...

— Честно говоря, — заговорщицки понизил голос агент, — я бы на это не рассчитывал. В перемещениях во времени многие сомневаются. Конечно, Нетленный Центр этого добьется, если это возможно в принципе. В противном случае этот участок будет стоить бешеных

денег. Неважно, что болотистый. Человечеству потребуется любой клочок земли. Да и вообще, может статься, что Земля превратится в одно большое здание...

— Но есть еще космос, — не сдавалась женщина. — Планеты...

— Мадам, — приосанился агент, — давайте смотреть на вещи реально. Они болтаются в космосе уже сотни лет, но так и не отыскали ни одной подходящей планеты. Да, обнаруживают какие-то планетки, но всякую требуется окультурить, а на это уйдет прорва времени и средств.

— Ну, не знаю, — покачала головой женщина. — Мне кажется рискованным вкладывать деньги в эту пустошь.

— Пожалуй, — согласился муж. — Мы, собственно, хотели только взглянуть. Присмотреться, так сказать. Большую часть наших средств мы вкладываем в марки...

— То есть у нас их не так уж и много, — уточнила женщина. — Денег, я имею в виду.

— Да, — вкрадчиво согласился агент. — Марки — дело серьезное. Но как вы себе представляете дальнейшее? Вы их скупаете, надежно укрываете в каком-нибудь сейфе или подвале, а когда вас оживят, извлечете из тайника и попытаетесь с выгодой продать. Но марки нынче покупают все. Что будет с рынком? Да и хобби не вечны, а ну как тогда никому не будет дела до коллекционирования? Или, скажем, вдруг марки украдут? Даже если вы узнаете, кто это сделал, как вы докажете, что они ваши? У вас ведь нет на них никакого документа. А если они истлеют? Заведется какая-нибудь бактерия, например? Или от сырости? Что, мои дорогие, вы тогда скажете?

— Да... — хмыкнул муж. — Никогда об этом не задумывался. Земля-то никуда не денется, а права у нас сохранятся.

— Вот именно!— обрадовался агент. — Чтобы закрепить землю за собой навечно, вам всего-то потребуется открыть счет в Нетленном Центре, предоставить ее нам в аренду и выплачивать небольшие суммы для покрытия расходов по защите ваших прав. Вот видите, — он перевел дыхание, — как все просто. Неплохо мы придумали.

— Но, — вздохнула женщина, — если бы не болото...

— Да говорю же, — разгорячился агент, — нет никакой разницы, болото или что угодно. Со временем в ход пойдет любой клочок земли. Если и не через сто лет, то уж через тысячу — наверняка. Вы же, коли захотите, можете оговорить, что спать будете тысячу лет. Нетленный Центр всегда идет навстречу подобным пожеланиям. Тем более никто не знает, когда они приступят к оживлениям.

Глава 8

Швейцарские марки означали, что встреча состоится в парке в деловой части Манхэттена, а на кляссере было указано время — час тридцать.

Джо Гиббонс уже был там и встал навстречу Фросту.

— Ты немного опоздал, — укорил он вместо приветствия.

— Пришлось проверить, не следят ли за мной, — поморщился Фрост.

— Кому вдруг понадобилось? Раньше тебя не беспокоили.

— Что-то происходит в Центре.

— Маркус трясется? Боится, что ты составишь ему конкуренцию?

— Это нелепо, — скривился Фрост.

— Понятное дело. Но с таким ничтожеством, как Маркус, ни в чем нельзя быть уверенным.

Они присели на скамейку.

Пробежала белка, плавный одинокий звук выводила где-то над головами птица. Небо было голубым без изъяна, и маленький парк источал сладкий ленивый покой.

— Хорошо как, — вздохнул Фрост. — Надо почаще выбираться на улицу, дышать воздухом и ни о чем не думать.

— У меня к тебе дело, — насупился Гиббонс. — Не знаю, с чего начать.

У него был вид человека, которому предстоит неприятная работа, и он спешит с ней разделаться.

— Подобные варианты были и прежде, — продолжил он, — но я тебе не говорил. Был уверен, что ты откажешься.

— Откажусь?

— Дэн, — серьезно произнес Гиббонс. — У меня к тебе предложение.

— Оставь, — Фрост покачал головой.

— Я должен рассказать. Решать тебе — слишком серьезно. Это раньше я мог отказаться от твоего имени, но не теперь. Четверть миллиона, Дэн!

Фрост не шевельнулся. Ему вдруг почудилось, что голова превратилась в камень, сквозь который в мозг пробиваются резкие сигналы тревоги.

— Не знаю, — выдавил он наконец, лишь затем, чтобы собраться с мыслями.

— Все чисто, — продолжал Гиббонс. — Все устраиваю я. Оплата наличными, никаких чеков, никакой бухгалтерии. Все через меня, кроме выплаты.

— Значит, мне придется иметь дело с ними, — безучастно прокомментировал Фрост.

— Значит, да, — начал сердиться Гиббонс. — Но, Бог мой, четверть миллиона того стоит. Мне бы, кстати, четверть миллиона они не доверили. Да и ты не идиот, чтобы доверить. С такими деньжищами я бы тут же сбежал. Ничего бы не смог с собой поделать.

— А сколько полагается тебе?

— Нисколько, — Гиббонс хихикнул. — Весь куш твой, до последнего цента. Я имею только посреднические. Десять тысяч.

— Сухими из воды нам не выйти, — резко заметил Фрост.

— Извини, Дэн! Мое дело — передать. Я могу сказать, что ты отказался. Но я надеялся — десять тысяч, как никак.

— Джо, — нервно произнес Фрост, — мы долго работали вместе, были друзьями...

Он умолк. Он испугался — вдруг Джо под колпаком у Эплтона.

— Да, Дэн. Мы были друзьями. Я надеялся, ты поймешь. Мы могли бы выйти сухими. Мне это — раз плюнуть, тебе — немного сложнее.

Фрост кивнул:

— Да. Вложить деньги и устраниться.

— Нет, нет, — замахал руками Гиббонс. — Не так. Не устраниться — тогда заподозрят. Смерть подстроят вполне натурально. Десять тысяч из твоей доли, и я сделаю это сам ради тебя. Что поделаешь, сейчас такие расценки. Зато просто и аккуратно. Ну, разумеется, деньги нельзя помещать в акции Нетленного Центра. Во что-нибудь другое — в собрание живописи, например.

— Мне требуется время, — покачал головой Фрост.

— А если ты умирать не хочешь, — наставлял его Гиббонс, — то можно сблефовать. Не можешь же ты уследить за всем — проскочила книжка, не заметил... и все дела.

— Видимо, это нечто... — подумал вслух Фрост. — Четверть миллиона...

— Не буду темнить, Дэн, — гордо надулся Гиббонс. — Это — настоящая бомба. Пойдет нарасхват. Они рассчитывают на стомиллионный тираж!

— Ты неплохо осведомлен.

— Я их заставил рассказать, — кивнул Гиббонс. — Кота в мешке не покупаем. А куда им было деваться, другого выхода на тебя у них нет.

— Да, глубоко же ты влез.

— Ладно, — решился Гиббонс. — Начистоту. Я сказал, будто могу пойти к ним и сказать, что ты не согласился. Но так не выйдет. Если ты не подписываешься, мне туда хода нет. Ты отказываешься и уходишь, а я пускаюсь в бега.

— Да, побегать тебе придется... — согласился Фрост.

— Придется...

Замолчали. К ним прискакала белка, встала на задние лапки, передние прижала к груди и посмотрела своими бусинами.

— Автор, — заговорил наконец Гиббонс, — утверждает, что Нетленный Центр — фикция, а все его идеи — надувательство чистой воды. Никакой второй жизни нет, такой возможности не существует. А выдумали это лет двести тому назад, чтобы покончить с войнами.

— Погоди! — воскликнул Фрост. — Как они собираются это издать?! Они не могут...

— Могут, — оборвал его Гиббонс. — Конечно, если бы ты узнал, то мог бы воспрепятствовать, оказать давление и...

— Да нет, я имею в виду, что это не может быть правдой!

— А какая разница? — удивился Гиббонс. — Правда или нет, все равно прочтут. Людей заденет за живое. И никакой это не памфлет, у парня — научный подход. Он провел исследования и у него куча аргументов. Все подтверждено документально. Конечно, это может оказаться фальшивкой, только не похоже. За такую книжку любой издатель правую руку отдаст.

— Или четверть миллиона.

— Или четверть миллиона.

— Мы можем пресечь это сейчас, — прикинул Фрост. — Но как только книга попадет в киоски, ее уже не остановишь. На это рассчитывать нечего. Пропустить такую книгу я не могу. Этого мне не искупить.

— Но ведь можно обставить так, — напомнил Гиббонс, — что ничего искупать не придется.

— Даже если и так, — покачал головой Фрост, — они могут устроить ретроспекцию мозга. Сделать отметку, чтобы при оживлении мой мозг прочитали.

— Кто этим станет заниматься, — сплюнул Гиббонс. — Да в памяти, наверное, и не все сохраняется. Но, если тебя это так волнует, я готов уберечь твое доброе имя. Скажу, что узнал про книгу уже после твоей смерти.

— За отдельную плату, конечно.

— Дэн, — расстроился Гиббонс, — ведь ты сам сказал, что мы были друзьями. «За отдельную плату...» Друзья так не говорят. Я бы сделал это по дружбе.

— Да, еще одно, — вспомнил Фрост. — Кто издатель?

— Этого я тебе не могу сказать.

— Но как же я...

— Погоди, Дэн, подумай. Немедленный ответ мне не нужен. Давай встретимся ровно через сутки.

Фрост покачал головой:

— Сутки мне не нужны. Все решено.

Потрясенный Гиббонс остекленело вытаращился на Фроста.

— Я навещу тебя. Ты передумаешь. Четверть миллиона! Ты встанешь на ноги!

— Не могу... — Фрост поднялся. — Ты можешь, а я — нет.

И он не может, подумал Фрост.

Гудение в мозгу утихло, и на его место пришло кое-что похуже — холод испуга.

— Скажи Маркусу, — начал он было, но передумал. — Нет, не говори ему ничего. Маркус сам разузнает. Он понизит тебя в чине, Джо, не забывай. Поймает как-нибудь...

— Дэн! — возопил Гиббонс. — Ты о чем? Что ты хочешь сказать?!

— Ничего, — отмахнулся Фрост. — Абсолютно ничего. Но на твоем месте я бы пустился наутек немедленно.

Глава 9

Через полуоткрытую дверь канцелярии Никлос Найт увидел, что в церковь украдкой, почти испуганно вошел человек, обеими руками прижимая к груди шляпу.

Найт ласково улыбнулся — церковь была человеку в новинку, он чувствовал себя неловко и осторожно передвигался по храму, глядя по сторонам так, словно что-то неведомое угрожало ему из темных ниш.

Но в нем чувствовалось и почтение: казалось, он искал убежища или утешения. И это было непривычно — сюда приходили уверенные в себе люди, твердо знающие, что не найдут тут ничего, заходили, лишь отдавая дань обычаю.

Глядя на этого человека, Найт ощутил, как в глубине души что-то шевельнулось, и нахлынуло чувство, о котором он давно забыл, — жажда милосердия, пасторского сострадания.

Пасторское сострадание, вздохнул он. Кому теперь это нужно? Первый раз это чувство пришло к нему еще в семинарии, первый и последний — в жизни оно оказалось лишним.

Найт осторожно приподнялся и тихо ступил под своды храма.

Человек уже дошел до алтаря и, отойдя в сторону, присел на скамью. Прижимая по-прежнему к груди шляпу, он сидел выпрямившись, на самом краешке

скамьи и глядел прямо перед собой, огни свечей с алтаря мягкими бликами колыхались на его лице.

Он долго сидел не двигаясь, словно не дыша. Найту, стоящему в проходе, показалось, что он уловил боль, скрытую в этом напряженном выпрямленном теле.

Потом человек поднялся и, продолжая прижимать шляпу, направился к выходу. За это время — Найт был убежден — ни единый проблеск чувства не промелькнул на мертвенном лице посетителя.

Человек, пожелавший обрести здесь что-то, теперь уходил, ничего не найдя и, возможно, полагая, что не отыщет этого уже никогда. Найт последовал за ним к выходу.

— Друг мой, — мягко произнес Найт.

Человек замер и обернулся, страх отразился на его лице.

— Друг мой, — повторил Найт, — могу ли я чем-либо помочь вам?

Человек пробормотал что-то, но с места не двинулся. Найт подошел к нему.

— Вы нуждаетесь в помощи, — сказал он проникновенно. — Я здесь затем, чтобы вам помочь.

— Не знаю, — запнулся тот. — Я увидел, что дверь открыта, и вошел...

— Двери всегда открыты.

— Я подумал... Я надеялся...

— Мы все должны надеяться, — изрек Найт. — Все мы веруем.

— В том-то и дело. — Человек взглянул на него. — Я не верю. Как люди обретают веру? И во что они верят?

— В вечную жизнь, — сказал Найт. — Мы должны верить в нее. И еще во многое другое.

— Но ведь она и так есть, — человек неожиданно разразился грубоватым смешком. — Вечная жизнь у нас в кармане. Что в нее верить?!

— Не вечная жизнь, — поправил его Найт, — но лишь долгая жизнь. А кроме долгой, есть и другая, лучшая, совершенно иная.

— Вы верите в это, пастор? Вы ведь пастор?

— Да, пастор. И я верю в это.

— Тогда какой смысл в долгой? Не лучше ли...

— Не знаю, — покачал головой Найт. — Не могу претендовать на знание. Но и не сомневаюсь в намерениях Господа, допустившего ее.

— Но зачем Ему это?

— Затем, наверное, чтобы мы более подготовленными встретили ее конец.

— Но они говорят, — усмехнулся человек, — про вечную жизнь. О том, что умирать будет не надо. Какая же тогда польза от Бога? Зачем тогда еще какая-то жизнь?

— Что же, — рассудил Найт, — возможно. Но ведь это бессмертие может оказаться вовсе не тем, чего мы ждем, и нас ожидает отчаяние.

— А вы, пастор, как?

— Что? Я не понял.

— Какая жизнь нужна вам? Вы полезете в холодильник?

— Но, собственно...

— Ясно, — хмыкнул человек. — Всего доброго, пастор, и благодарю вас за заботу.

Глава 10

Фрост тяжело поднялся по ступенькам, вошел в свою комнату, закрыл дверь и повесил шляпу на крюк. Устало рухнув в старое, протертое кресло, он огляделся по сторонам. Впервые нищета и убожество комнаты бросились ему в глаза. Кровать в одном углу, плитка и шкафчик с продуктами — в другом. Истертый, местами в дырах, ковер едва прикрывал прогнивший пол. Небольшой стол перед единственным окном — здесь он ел и работал. Несколько стульев и узкий комод, открытая дверца платяного шкафа. Вот и вся обстановка.

Все мы так живем, подумал он. Не я один, миллиарды. Не потому, что нам так нравится, это наша плата за бессмертие.

Он полудремал наедине с горькими мыслями.

Четверть миллиона долларов, бормотал он, и я вынужден отказаться. Нет, признался он себе, не потому, что я выше этого, не в благородстве дело — в страхе. Это могла быть провокация, организованная Эплтоном.

Джо Гиббонс был моим другом и надежным сотрудником, но дружба вполне продается за подходящую сумму. Все мы — Фрост ощутил кислый привкус правды на языке — готовы продаться. Все, без исключения. И только потому, что человек должен платить за вторую жизнь, потому, что должен прийти в нее с капиталом.

Началось все это около двух столетий назад, в 1964 году, и придумал это человек по фамилии Эттинджер.

Эттинджер задумался: почему люди должны умирать от рака, если его научатся лечить лет через десять? Или от старости, когда преклонный возраст лишь род болезни, которая лет через сто будет побеждена?

Странно, сказал себе Эттинджер. Нелепое заблуждение, зачем умирать, когда есть выход.

На эту тему строили домыслы и раньше, но именно Эттинджер сказал: «Хватит болтать, давайте начнем. Разработаем технику, с помощью которой умирающих заморозят до момента, когда их болезни станут излечимы — тогда вернем их к жизни и вылечим рак, восстановим уставшие сердца, уничтожим следы разрушений, причиненные старостью. Дадим людям шанс».

Идея медленно завоевывала признание, лишь немногие отнеслись к ней всерьез, она стала излюбленной мишенью плоских острот в телевизионных шоу и потихоньку эксплуатировалась писателями.

Но, хоть и медленно, все шло своим чередом. Несколько десятков человек сутки напролет проводили исследования, изобретали технологии, производили установки и разрабатывали структуру организации, которая сможет контролировать и направлять события.

Шли годы, и в сознание людей проникала мысль, что смерть должна быть побеждена, что смерть — не конец, что возможна вторая жизнь — не только духовная, но и физическая. Что это возможно для всех, и само предприятие — вовсе не бред собачий.

Публично никто не рисковал заявить, что собирается лечь в холодильник — это все еще был слишком эксцентричный шаг. Однако постепенно все больше людей, не афишируя это, заключали контракты: они умерли, были заморожены и ожидали теперь воскрешения.

Каждый из них оставил после себя гроши, которые сумел наскрести в первой жизни, и теперь эти деньги дожидались своих хозяев.

Комиссия Конгресса в Вашингтоне не смогла прийти к единому мнению, с тем же успехом вопрос обсуждался и в Палате общин. Движение по-прежнему считалось экстравагантным, но отрицательных эмоций не вызывало. Оно себя не выпячивало, не навязывалось, поучать не стремилось. И хотя с годами оно все чаще становилось предметом частных разговоров и общественного интереса, официальные круги внимания на него не обращали — видимо, так и не поняв, как к нему следует

относиться. К тому же, как и в случае с НЛО, слишком уж все было противоречиво.

Никто не скажет точно, как и когда это произошло, но настал день и все поняли, что небольшое, зародившееся в 1964 году движение стало наиболее масштабным за всю историю человечества — во всех отношениях. Хотя бы по влиянию, которое оно оказывало на людей — уверенных уже не только в смысле самой программы, но и в успехе предприятия. Движение было массовое — если учесть миллиарды замороженных, которые ожидали воскрешения, и, возможно, самое крупное — по своему финансовому могуществу, ибо все замороженные отдали свои деньги на хранение в Нетленный Центр. Итак, в один прекрасный день мир проснулся и обнаружил, что Нетленный Центр стал крупнейшим акционером планеты и подчинил себе разнообразные индустрии.

Тогда только, слишком поздно, правительства осознали, что ничего уже не могут поделать с Нетленным Центром — при всем своем желании. Любая попытка ограничить деятельность Центра, — что-либо запретить ему, ввести контроль — стала теперь бессмысленной — он сконцентрировал в своих руках огромный капитал, и общественное мнение было на его стороне.

Сопротивления практически не возникало, и могущество Центра продолжало расти. И вот сегодня, размышлял Фрост, он сделался мировым правительством, финансовой опорой планеты и единственной надеждой человечества. Но надеждой, за которую заплачено с лихвой — она превратила людей в скаред, понуро тянувших свою лямку.

Фрост привык обходиться без молока, которое любил, и весь его ленч — два тоненьких бутерброда в бумажном пакете. И это ради того, чтобы каждую неделю откладывать бóльшую часть заработка в Нетленный Центр, с тем чтобы капитал продолжал расти и тогда, когда он, бездыханный, окажется в подвале. Его комната убога, он питается всякой дешевой дрянью и ни разу в жизни не был женат. Зато капитал растет с каждой неделей. Вся жизнь сосредоточилась на величине счета.

А сегодня он был готов продать весь Центр с потрохами за четверть миллиона — самому ему столько не

отложить и за всю жизнь. И он пошел бы на это, если бы не боязнь возможной ловушки. Но была ли ловушка?

Если провокация, то с какой целью? Что же такое стряслось, что Маркус Эплтон сделался его врагом?

Из-за попавшей к Фросту бумаги? Да что же в ней такого, что его нужно угробить, пока он не успел пустить ее в ход? Конечно, каждому понятно, если бумага важная, то тот, к кому она попала, не замедлит использовать ее себе во благо.

Он сунул листок в стол, а сегодня его там нет. Но если они забрали документ, то зачем им...

Стоп! Положил ли он бумагу в стол? Или второпях засунул в карман?

Фрост откинулся в кресле и попытался вспомнить, но ясность не приходила. В карман или в стол? Или в корзину для мусора? Не вспомнить.

Если он положил ее в карман, то... она здесь! Хотя нет, бумага могла попасть в карман другого костюма, но вряд ли, тот костюм он отутюжил неделю назад и повесил в шкаф. Значит, он вычищал карманы и все, что там обнаружил, сунул в ящик комода, чтобы потом рассортировать.

Тогда бумага еще у него. В ящике комода.

И если так, то документ еще не поздно использовать против Эплтона и Лэйна.

Он встал и подошел к комоду.

Рывком выдвинул ящик: да, вот эта кучка бумаг...

Затаив дыхание, он принялся их перебирать.

Вдруг раздался резкий стук в дверь. Фрост обернулся и замер — никто никогда не стучал в его дверь, никто никогда к нему не приходил.

Он запихал бумаги во внутренний карман пиджака и задвинул ящик.

Стук повторился более настойчиво.

Глава 11

«Всего доброго, пастор, — сказал человек — Всего доброго и спасибо за заботу» Испуганный, неуверенный человек приходил в поисках утешения и ушел несолоно хлебавши.

Ко мне обратились за помощью, вздохнул Никлос Найт, впервые за столько лет ко мне обратился за помощью человек, а я обманул его ожидания, ибо не было у меня надежды, которую я мог бы передать другому.

Это же так просто, понурился Найт. Так просто наделять людей уверенностью. Кому-то, но не ему Ему и самому ее не хватает.

Сгорбившись, он сидел за столом, свет маленькой лампочки отражался в полированной столешнице. Казалось, прошло уже немало времени. Одна мысль не давала ему покоя: он обманул ожидания человека — единственного, кому потребовалось его участие. Он обманул его, потому что сам был пуст, как весь этот мир. Он проповедовал веру, которой не имел. Он лицемерил, рассуждая о бессмертии духа, а сам не мог отречься от бессмертия тела, обещанного Нетленным Центром.

Церковь — не только храм, церковь олицетворяла собой нечто большее, объединяющее всех людей Ее отцы могли в чем-то ошибаться, но с незапамятных

времен — с колдунов в джунглях, с человеческих жертвоприношений в священных рощах — церковь оставалась неподвластной человеческому разумению. Она символизировала тайну жизни, духовный экстаз и ослепительный свет разума.

Но те времена прошли, сказал себе Найт. Церковь не может быть выше своих слуг. Сегодня уже никто не посвящает себя ей полностью, нет теперь готовых на муки, сильных в вере. Осталась лишь угасающая привычка.

Когда бы человек мог молиться, думал Найт, не словами (слова — лишь ритуал), а сердцем!

Он тяжело вздохнул, нащупал в кармане сутаны четки, достал их и положил перед собой на стол. Деревянные бусины были отполированы прикосновениями многих рук, тускло блестело металлическое распятие.

Люди еще молятся с четками — он знал, — но все реже и реже. Даже единственная, сохранившая еще остатки былого влияния, Римская Церковь близка к полному упадку, большинство людей, если и посещает богослужения, то — в Новой Церкви, выхолощенном подобии того, что было когда-то храмом.

Раньше была вера, вздохнул Найт. Слепая, неосознанная вера.

Четки достались ему от предков, прошли сквозь поколения, и он припомнил связанную с ними историю — какая-то его прабабка, жившая в маленькой европейской деревеньке, как-то отправилась в церковь. Внезапно хлынул ливень. Укрывшись от дождя в первом попавшемся доме, она кинула четки на двор, повелев дождю перестать. И дождь прекратился, и выглянуло солнце. До самой смерти она была убеждена, что именно четки прекратили ливень. И все остальные — после ее смерти — пересказывали эту историю, искренне веря в ее истинность.

Конечно, опять вздохнул Найт, это только красивая выдумка, но все же... Ему бы хоть часть такой веры, и он помог бы приходившему, единственному из тысяч, кому потребовалась вера.

Почему же он один ощутил необходимость в истинной вере? Какой психический механизм, какое чувство побудило его?

Он попытался вспомнить лицо этого человека. чуть расширенные от страха глаза, копна буйных волос, выступающие скулы. Лицо вроде бы знакомое, или настолько обычное, что кажется знакомым?

Да нет же! Вот оно — глядит на него с первой полосы сегодняшней газеты.

У человека, простонал Найт, чьи надежды он обманул, на всем свете не осталось ничего, кроме веры!

Этот человек, ушедший от него без ничего, потерявший последнюю надежду — а он, несомненно, утратил ее, — был не кто иной, как Франклин Чэпмэн.

Глава 12

Резким движением Фрост распахнул дверь, ожидая увидеть там кого угодно.

На пороге стояла женщина, на вид спокойная и уравновешенная, ее волосы тускло блестели в слабом свете лампочки.

— Мистер Фрост? — осведомилась она.

От удивления или скорее от облегчения Фрост затряс головой.

— Да, — сказал он. — Войдите.

Женщина переступила порог.

— Надеюсь, — произнесла она, — я не отниму у вас много времени. Меня зовут Энн Харрисон, я адвокат

— Энн Харрисон, — повторил Фрост. — Рад познакомиться. Это вы...

— Да, это я, — кивнула она. — Я защищала Франклина Чэпмэна.

— Я видел фотографию в газете. Мог бы сразу узнать.

— Мистер Фрост, — взглянула на него женщина, — буду с вами откровенна. Мне следовало вам позвонить, но я не была уверена, захотите ли вы со мной встретиться. Поэтому решила прийти. Надеюсь, вы меня не выставите.

— Что вы, — опешил Фрост. — Почему? Садитесь, пожалуйста.

Она села в кресло, где только что сидел Фрост

Красивая, разглядывал ее хозяин, но в ее красоте кроется сила. Изысканная твердость.

— Мне нужна ваша помощь, — начала Энн.

Фрост подошел к другому креслу, сел, но не торопился с ответом.

— Я не вполне понимаю, о чем речь, — ответил он наконец.

— Мне сказали, что вы человек, с которым можно разговаривать.

— Кто сказал?

— Не важно, — она покачала головой. — Говорят Вы меня выслушаете?

— Естественно. Как иначе я смогу помочь?

— Да, конечно, — вздохнула она. — Это касается Чэпмэна.

— Вы сделали для него все, что могли, — заметил Фрост. — Ничто не говорило в его пользу.

— В том-то и дело, — кивнула она. — Может быть, кто-то смог бы сделать и больше, но не я. Несправедливо все это.

— Но законно, — пожал плечами Фрост.

— Да, конечно. И я живу законом, точнее — обязана жить. Но юрист должен различать закон и справедливость, это не всегда одно и то же. Лишать человека права на вторую жизнь нельзя. Да, по независящим от него обстоятельствам Чэпмэн опоздал, и умершая потеряла свой шанс. Но почему он тоже должен быть лишен этого шанса? Это закон джунглей: око за око, зуб за зуб. Но мы же разумны, мы цивилизованы. Разве не существует милосердия? Разве нет сострадания? Неужели мы вернулись к первобытным нравам?

— Мы живем в промежутке, — потер лоб Фрост. — Мы на полпути между старым образом жизни и ее новыми условиями. Старые правила не применимы, а применять новые — рано. Поэтому потребовалось создать законы переходного периода, и среди них главенствующий — новые поколения обязаны заботиться о поколениях ушедших так, чтобы под угрозой не оказался план оживления. Если эта гарантия будет нарушена хотя бы однажды, мы подорвем доверие к себе. Поэтому необходим кодекс, предусматривающий самое строгое наказание нарушителям.

— Было бы лучше, — произнесла Харрисон, — если бы Чэпмэна допросили под наркозом. Я предлагала, даже настаивала, но он отказался. Есть люди, которые не могут выставлять свою жизнь на публичное разбирательство — даже себе во вред. В некоторых случаях такая проверка обязательна — при измене, например А в этом — нет. Лучше бы его проверили...

— Я пока не понимаю главного, — прервал ее Фрост. — Чем я могу помочь вам?

— Если бы я вас убедила, — сказала она, — что помилование возможно, вы могли бы посодействовать мне через Центр. Если бы Нетленный Центр обратился к суду...

— Погодите, — перебил Фрост, — я не собираюсь делать ничего подобного. Я занимаюсь связями с общественностью, а никак не с судом.

— Мистер Фрост, — вздохнула она. — Буду с вами совершенно откровенна. Я поняла, что вы — единственный человек в Центре, который уделит мне время и выслушает. Я пришла и не собираюсь лукавить. Я борюсь за своего клиента и сделаю все, чтобы помочь ему.

— Он знает, что вы здесь?

— Нет, он не одобрил бы, если бы узнал, — покачала она головой. — Он странноват, мистер Фрост. Он горд, упрям и ничего бы не стал просить. Но я — попрошу, если понадобится.

— Стали бы вы стараться ради любого другого клиента? — хмыкнул Фрост. — Вряд ли. В чем тут дело?

— Не в том, о чем вы думаете, — выпрямилась она. — Хотя я не в обиде, если вы действительно так подумали. Ему присуще крайне редкое сейчас чувство собственного достоинства, готовность встретить беду и не просить пощады. И это разрывает мне сердце, мистер Фрост. Он попал в капкан — в сети закона, который сочинили лет сто назад в приступе энтузиазма, решив, что ничто не должно омрачить золотой век. Может быть, и неплохой закон, да только устарел. Он служил для устрашения и предназначение свое выполнил. Я проверила — за все это время к смерти приговорено менее двадцати человек. Значит, свою миссию закон выполнил. Он способствовал устройству того общества, создать которое мы хотели или думали, что

хотим. Теперь нет никакого смысла в том, чтобы применять наказание в полной мере Но есть еще причина, почему меня это задело Я присутствовала, когда его лишали передатчика. Вы когда-нибудь видели

— Но это выходит далеко за пределы ваших обязанностей, — запротестовал Фрост — Вам не следовало быть там.

— Мистер Фрост, — напряглась она — Когда я берусь за очередное дело, то принимаю на себя определенные обязательства и защищаю своего клиента до конца. Я не снимаю свое попечение

— Как в этом случае, — заметил Фрост

— Да, — кивнула она. — Так вот, я стояла возле него и видела, как приговор приводят в исполнение. Физически — тут ничего страшного. Где-то у сердца — передатчик, его сигнал фиксируется мониторами, а когда биение пульса прекращается, в нужное место немедленно высылают спасателей. И они извлекли передатчик — маленькую металлическую вещицу — и швырнули на металлический поднос с инструментами. Но там лежал не просто кусочек металла, там лежала человеческая жизнь. Теперь его пульс не отмечается на мониторах, и, когда он умрет, не приедет никакая спасательная бригада. Вокруг рассуждают о тысячах лет жизни, о миллионах — все болтают о вечности. А для моего клиента нет ни тысячи, ни миллиона, ни вечности; ему осталось лет сорок, а то и меньше.

— А как бы поступили вы? — осведомился Фрост — Вшили бы передатчик обратно, будто ничего не произошло?

— Нет, конечно. Человек совершил преступление и должен ответить. Но правосудие не должно мстить. Почему бы не смягчить приговор до изгнания? Тяжело и это, но ведь не смерть?

— Не многим лучше смерти, — возразил Фрост. — Клеймятся обе щеки, человека вышвыривают из общества. Общение — запрещено, даже если ему угрожает смерть. Никаких прав, никакой собственности — только одежда, которая была на нем в момент приговора.

— Но это не смерть, — раскраснелась Энн Харрисон. — Остается передатчик. Спасатели прибудут вовремя...

— И вы полагаете, что я могу склонить к этому суд?

— Не совсем так, — вздохнула она. — Не так прямо. Но мне нужен друг в Центре. Чэпмэну нужен друг в Центре. Вы знаете, с кем переговорить, как это сделать. Если мне удастся убедить вас в своей правоте... И не поймите меня превратно, платить вам не будут. Просто нечем. Если вы этим займетесь, то лишь потому, что сочтете справедливым.

— Так я и думал, — умехнулся Фрост. — Подозреваю, что и вам не платят.

— Ни цента, — согласилась она. — Он хотел, конечно, но у него семья, и откладывать им удавалось не слишком много. Он показывал мне свои сбережения — гроши... Не могла же я отправить его жену во вторую жизнь нищей. Ему, понятно, сбережения не нужны. Работа у него пока есть, но, учитывая общественное мнение, долго он не продержится. А где ему искать новую..

— Не знаю, — задумался Фрост. — Я мог бы переговорить с...

Он запнулся. С кем он мог бы переговорить? С Маркусом Эплтоном, с Питером Лэйном? Но оба связаны с пропавшим документом, который, может статься, и не пропал вовсе. С Б. Д.? Вряд ли Б. Д., да и кто угодно, захотят его слушать.

— Мисс Харрисон, — он грустно улыбнулся ей, — кажется, вы пришли к единственному в Нетленном Центре человеку, который не в состоянии вам помочь.

— Простите меня, — смутилась она. — Я не собиралась требовать чего-то конкретного. Я буду признательна за любое участие. Даже если у вас только возникнет желание нам помочь. Это придаст мне уверенности, подаст знак, что на свете еще есть люди с чувством справедливости.

— Если я смогу, — тихо сказал Фрост, — я помогу. Но, поймите, я не могу рисковать. Именно теперь риск для меня невозможен.

— Этого вполне достаточно, — ожила Энн.

— Но я ничего не обещаю.

— Как я могу рассчитывать на это?! Вы просто сделаете, что сможете.

Напрасно, подумал Фрост. Он не имел права предлагать помощь, не его это дело. Да и как он мог обещать, зная, что ничего предпринять не сможет.

Но жалкая комнатенка показалась ему вдруг теплее и светлее. Возникло ощущение жизни, неведомое ранее. И сделала это сидящая в кресле женщина — но скоро она уйдет, теплота и свет рассеются, память затухнет, и комната вновь станет жалкой и постылой, как прежде.

— Мисс Харрисон, — спросил он внезапно. — Мог бы я пригласить вас куда-нибудь пообедать?

Она улыбнулась и покачала головой.

— Простите, — смутился Фрост, — я только...

— Вы не поняли, — остановила его Энн. — Не могу допустить, чтобы вы тратились на меня. Но, если у вас есть продукты, я могу приготовить...

Глава 13

Нестор Белтон захлопнул книгу и оттолкнул ее от себя. Зевнул, потер кулаками глаза.

Завтра экзамен, хорошо бы выспаться, но еще столько надо повторить, просмотреть хотя бы.

Такой экзамен раз в жизни бывает. В Школу консультантов поступят лучшие, а он с детства мечтал стать именно консультантом. Выбор оказался верным — сколько разговоров вокруг, что бессмертие вот-вот станет реальностью, что кто-то в Нетленном Центре сумел решить задачу, и дело лишь за технической реализацией.

А тогда начнутся оживления, и настанет черед консультантов. Долгие годы они находились в резерве, ждали этого часа, а многие так и не дождались, и теперь, как все прочие, ожидают в подвалах воскрешения.

Консультанты и специалисты по воскрешению — вот две группы людей, которые годами оставались сторонними наблюдателями. Эти группы обучались на средства Нетленного Центра, им, по сути, всю жизнь платили жалованье ни за что, их час еще не пробил.

Но они были готовы вступить в дело в любой момент Наготове были и тысячи пустующих домов, и гигантские, забитые продуктами магазины, и мощные конверторы — все ожидало Дня Воскрешения.

Да, Нетленный Центр повел дело так, восторженно подумал Белтон, как его мог повести лишь коллектив

единомышленников, людей увлеченных и бескорыстных. Почти двести лет Центр оберегал умерших, был ангелом-хранителем надежды человечества, архитектором грядущей жизни.

Он встал из-за стола и подошел к единственному в его студенческом закутке окну. Полная чуть скрытая облаками луна слабо освещала двор общежития. А дальше, к северо-западу, высилась громада Нетленного Центра.

Как здорово, в тысячный раз восхитился Белтон, что окно выходит на Центр! Один его вид вдохновляет, взглянешь на него — и словно получил благословение. Увидишь его — вспомнишь и ради чего учишься, и о триумфе, который через миллион лет (хотя некоторые говорят, что позже) увенчает человечество, медленно выползающее из трясины повседневной бессмысленности.

— Вечная жизнь... — прошептал Нестор Белтон. Не надо умирать, не надо стареть. Есть время для развития интеллекта, есть время обрести знания, необходимые для полного раскрытия человеческих возможностей. Копиться будет мудрость, а не годы. Будет время на все, что только можно вообразить. Сочинять великую музыку, писать грандиозные книги, создавать картины — такие, о которых художники всех времен могли только мечтать. Будет время на межзвездные перелеты, человек доберется до тайн атома и космоса, станет свидетелем разрушения высочайших гор и прихода на их место других. Он увидит, как мелеют реки и как образуются новые, а когда через десять миллиардов лет огненная смерть настигнет солнечную систему — уйдет в глубины пространства.

Нестор обхватил впалую грудь худыми руками.

— Вот заживем! — воскликнул он. И с ужасом вспомнил о прежних временах, когда люди умирали, даже не догадываясь о возможности новой жизни, и согревал их лишь слабый и неверный огонек средневековой веры.

Все эти несчастные ушли без уверенности, что смерть их — лишь временна: невзирая на всю свою веру, они страшились смерти и загоняли мысль о ней в самые потаенные уголки сознания, потому что мысли о небытие невыносимо ужасны.

Порыв ветра прошелся по карнизам, бесплотные тени пересекли двор, а на фоне черного неба смутно белел Нетленный Центр. Скоро рассвет, подумал Белтон. Да, конечно, уже поднимается заря — так, верно, часто казалось людям, сутками напролет работающим в Нетленном Центре. Но когда до завершения рукой подать — внезапное препятствие, неожиданная неудача Но теперь, судя по просачивающимся сведениям, близится настоящий рассвет, скоро человек достигнет своей цели, и путь его будет пройден до конца.

И он, Нестор Белтон, рассчитывает принять в этом участие. Он и остальные консультанты станут помогать вернувшимся в мир людям безболезненно включиться в современную культуру.

Но выполнить такую работу способен лишь человек, специально обученный — психолог, назубок знающий историю двух последних веков.

Впереди шесть долгих лет учебы — если завтра он получит отличную оценку.

Он еще раз взглянул на белеющее здание Центра и вновь склонился над книгой.

Глава 14

Свечи на обеденном столе почти догорели, их запах, смешанный с ароматом роз, заполнил убогую комнату — впрочем, уже не столь убогую, как прежде.

Свечи и розы создали непривычную обстановку чуточку экстравагантную. Фрост решил не жалеть денег — впервые он ел не в одиночестве, и этот вечер был самым приятным в его жизни.

Энн Харрисон больше не возвращалась к делу Чэпмэна, им хватало тем для разговора: европейская художественная выставка в Метрополитен-музее (как оказалось, оба посетили ее в прошлый уик-энд); новый исторический бестселлер, посвященный героическим дням зарождения космонавтики; вызывающее поведение уличных регулировщиков. Сошлись, что деньги следует вкладывать в вещи, а не в акции Нетленного Центра.

Энн родилась и выросла в Нью-Йорке, выучилась на адвоката в Колумбии, провела один отпуск во Франции, а другой — в Японии, но больше отпусков не брала, потому что не хотела транжирить время и деньги. Кроме того — адвокатская практика не дает никакой возможности отдыхать: так получается, что на одного человека работы приходится слишком много, а на двоих — слишком мало.

В свою очередь Фрост рассказал о том, как мальчиком проводил каникулы на дедушкиной ферме в Вис-

консине Не на ферме, конечно, ферм уже не существовало, там было что-то вроде кемпинга, куда отправляются на лето.

— Теперь там уже не отдохнешь, — вздохнул он. — Когда дед с бабушкой умерли, поместье продали крупной компании, занимающейся недвижимостью, а деньги обратили в акции Нетленного Центра. Несколько лет назад я был по делам в Чикаго и заехал взглянуть. Это на запад, дорога идет по отвесному берегу в сторону Бриджпорта — есть такой небольшой городок. Ну вот, постройки еще сохранились, но все заброшено, одичало..

— Странно, — тихо промолвила Энн, — что нет больше ферм. Земля приходит в запустение. Вам не кажется, что правительству следовало бы поддержать фермеров? Многим бы это дало работу.

— Мне тоже жаль, — покачал головой Фрост. — В фермах есть что-то прочное. Без них народ словно утрачивает опору. Хотя, конечно, не было никакого смысла сохранять их в прежнем виде. У нас теперь мощные конверторы, которые обеспечат всех, даже когда начнутся оживления. Фермерам бы новых людей не прокормить. Ну а что касается занятости...

— Да, знаю, — кивнула она. — Все должно быть наготове. Ряды новостроек, миллионы квартир и все пустые. Не только у нас, во всем мире. Когда я была в Японии, видела целые города из незаселенных зданий.

— Все это понадобится, — заметил Фрост. — Почти сто миллиардов замороженных, прибавьте сюда живых — половину от этого количества.

— Где мы их всех разместим? — пожала плечами она. — Я слышала, что...

— В небоскребах хотя бы. Здание Нетленного Центра лишь чуть более мили в высоту. Его и строили как экспериментальное — посмотреть, может ли такая махина вообще стоять. Оказалось, может. Сначала была небольшая осадка, но все обошлось. Повсюду такие здания не построишь — все зависит от почвы. Но инженеры утверждают, что если зарыться поглубже, то..

— Вы имеете в виду — жить под землей?

— Ну да, и там тоже. Закопаться настолько, чтобы достичь хорошей основы для фундамента, а оттуда строить вверх. Так в один дом можно будет поместить несколько миллионов человек.

— Но есть же предел.

— Конечно, — согласился Фрост. — Через несколько столетий все равно не останется ни одной свободной квартиры.

— И тогда начнутся перемещения во времени?

— Да. Мы рассчитываем на это.

— И вам удалось?..

— Нет, но мы уже близки.

— А бессмертие?

— Десять лет, — отчеканил Фрост. — В крайнем случае — двадцать.

— Но, Дэн, — осторожно осведомилась она. — Разумно ли держать людей замороженными, пока мы не обретем бессмертие? Мы умеем лечить рак, знаем, как восстанавливать сердце и омолаживать стариков. Оживления могли начаться сто лет назад, но мы лишь продолжаем складывать тела. Мы говорим: «Какая разница, пусть поспят немного дольше. Им же все равно» Может, пора разбудить их — дать им новую жизнь — вот ведь удивятся?

— Не знаю, — рассмеялся Фрост, — не стану спорить. И так слишком много слов было сказано по этому поводу впустую. Но что изменится, если мы начнем?

— Но вы представьте, миллиарды умерших — сколько времени это отнимет! Каждого надо подвергнуть обработке...

— Да, я знаю. Но готовы тысячи специалистов по оживлению, готовы консультанты.

— Но время!..

— Да, времени потребуется много. Проще, конечно, было поступить так, как вначале и планировалось. Однако вмешалась Служба социальной защиты. И они правы, ждать — единственный честный способ, ведь мы не можем назначать цену за оживление. Все это сильно усложняет дело, и не исключена возможность экономического хаоса.

— Это необходимо уладить, — вздохнула она. — Необходимо... Как вы сказали — единственный честный способ. Да, нельзя давать бессмертие лишь тем, кто в состоянии за него заплатить.

— Но подумайте об Индии, — грустно произнес Фрост. — Подумайте об Африке, о Китае Люди до сих пор не в состоянии прокормить себя, выручают лишь международные программы помощи. У них нет ни

гроша, чтобы отложить. И они придут в мир, в котором будут жить ничуть не лучше, чем теперь. Они опять столкнутся с голодом, снова встанут в очередь за благотворительной похлебкой. Бессмертие — это все, что предоставит им программа социальной защиты.

— Все равно лучше, чем смерть, — возразила она.

— Конечно, — согласился Фрост.

Она взглянула на часы.

— Жаль, мне пора идти. В самом деле — пора, давно уже. Не помню, когда получала такое удовольствие от вечера.

— Я бы хотел, чтобы вы задержались еще ненадолго.

Она покачала головой и встала из-за стола.

— Я вообще не собиралась задерживаться, но рада, что все так обернулось.

— Может быть, в другой раз? — осторожно предложил Фрост. — Я позвоню вам?

— Это было бы мило с вашей стороны, — улыбнулась она.

— Я вас провожу.

— У меня внизу ма́шина.

— Энн, — он помедлил. — Погодите.

Она остановилась в дверях и обернулась к нему.

— Я вот о чем подумал, — нерешительно начал Фрост. — Вы адвокат. Мне может понадобиться адвокат. Не согласитесь ли вы представлять мои интересы?

Она изумленно взглянула на него:

— С какой стати вам может понадобиться адвокат?

— Не знаю, — пожал плечами Фрост. — Может, и не понадобится. Дело вот в чем — кажется, ко мне попала одна бумага... То есть у меня целая пачка бумаг и эта, видимо, среди них... У меня такое чувство, что лучше бы я ее в глаза не видел.

— Дэн, о чем вы?

— Я не вполне уверен. Видите ли, ко мне попал документ или мне кажется, что он попал ко мне...

— Ну и что? Какой документ?

— Не знаю. Какая-то записка. Но она не должна была попасть ко мне, вот в чем дело.

— Избавьтесь от нее, — предложила Энн. — Сожгите. Зачем вам...

— Нет! — запротестовал Фрост. — Так нельзя. Она может оказаться важной.

— Но что в этой записке?

— Я видел ее лишь мельком. Тогда я ничего не понял, документ не показался мне важным...

— А теперь — кажется?

— Возможно, — кивнул он. — Не могу сказать точно.

Она нахмурилась — то ли в шутку, то ли всерьез.

— Не могу понять, при чем тут я.

— Я подумал, что если бы взять всю эту стопку бумаг, запечатать в конверт и отдать вам...

— Как адвокату?

Он умоляюще кивнул.

— Могу ли я узнать больше об этом документе? — колебалась Энн.

— Думаю, нет. Не хочу вас впутывать. Бумаги у меня в кармане. Перед вашим приходом я как раз пытался отыскать среди них ту, о которой идет речь. А вы постучали, и я сунул их в карман...

— Вы боялись, что пришли за документами?

— Да. Что-то в этом роде. Не знаю, с чего я так подумал. Но теперь мне кажется, что лучше не знать ни о содержании бумаги, ни о том, где она находится.

— Не вполне уверена, — медленно произнесла Энн, — что тут все в порядке с этикой и законностью.

— Понимаю вас, — вздохнул он. — Это была глупая идея. Забудем о ней.

— Дэн, — она взглянула ему в глаза.

— Да?

— Я просила вас об одолжении?

— А я не смог оказать его вам.

— Сделаете, что сможете.

— Не рассчитывайте на меня. Шансы тут...

— Вы попали в беду, Дэн?

— Пока еще нет. Но, кажется, могу попасть. Вы сделали плохой выбор, Энн. Пришли к человеку, который менее всего способен вам помочь.

— Я так не думаю, — улыбнулась она. — Ставлю на вас. А теперь давайте-ка сюда конверт...

Глава 15

Амос Хиклин подкинул еще одно полено в небольшой аккуратный костер, какие умеют раскладывать только лесники.

Он поужинал, сполоснул сковороду и кофейник в реке, хорошенько отдраил посуду песком и теперь мог, спокойно привалясь к дереву, неторопливо выкурить трубочку и поразмышлять о том, о сем. Было тихо, лишь где-то наверху завел свою ночную песню козодой — странный, чуть потусторонний звук повис в воздухе. В реке плеснула рыба.

Хиклин нагнулся к дровам, выбрал еще пару сучьев, кинул их в огонь. Устроился поудобнее и достал из кармана куртки трубку и кисет.

— Хорошо, — вздохнул он. — Июнь, прекрасная погода, светит луна, птица поет, да и москиты не донимают.

А завтра... Дурацкая идея — спрятать сокровище на речном острове. Как будто неизвестно, что случается с такими островами.

Но что поделать, за тем человеком гнались, что же ему оставалось? Зато есть и преимущества — кому взбредет в голову искать клад на острове? Острова эти не шире обычных песчаных отмелей и с годами сплошь порастают ивами.

Такие острова могут существовать десятилетиями, а могут исчезнуть за ночь — река неспокойная, часто меняет русло...

Все это походило на поиски иголки в стоге сена, но ставка была высока: в худшем случае он просто терял год жизни, а в лучшем — приобретал миллион долларов, по самым скромным подсчетам.

— Нефрит, — хмыкнул Хиклин. — Идиотская кража.

Даже в день ограбления — ни малейшего шанса перепродать его — кто не опознает уникальный музейный экспонат?

Хотя Стивен Фернесс, может, и не думал продавать краденое. Может, он хотел украсить этим добром свою комнату. Столько лет проработав в музее, запросто можно рехнуться от мысли, что столь изысканные предметы выставлены на потребу вульгарной толпе.

Что же, ему почти удалось обвести всех вокруг пальца. Если бы в деревенской забегаловке какой-то пронырливый фермерский отпрыск не опознал его по фотографии в газете, так он тогда, двести лет назад, и скрылся бы со всеми камешками.

Хотя и то сказать — его все-таки не поймали, и остаток своей жизни Фернесс, уже дряхлый, седой, кое-как сводя концы с концами, живя случайными весьма сомнительными приработками, провел в дешевых кабаках Нового Орлеана.

Вытянув ноги, Хиклин сидел в сгустившейся темноте, медленно попыхивая трубкой, пламя костра бросало отблески на его лицо.

Ну и глушь, вздохнул он. Так долго эту землю возделывали, а теперь что? Полное запустение.

Кому она теперь нужна? Разве что — потенциальное жизненное пространство, не более. Люди подались туда, где была работа — в гигантские мегаполисы. Все восточное побережье — сплошной муравейник. Гигантский промышленный район вокруг озера Мичиган разрастался и тоже стремился к восточному берегу. Разрастались и другие центры плотного заселения.

И вот тебе раз, ухмыльнулся Хиклин, я — один из немногих, вне всего этого. Но ведомый теми же мотивами, той же алчностью. Одно отличие: я — игрок, а остальные — серые посредственности.

Игра, подумал он. Что же, пусть игра. Но составленное на смертном одре письмо и приблизительно нацарапанный план, несмотря на весь свой романтизм, производили достоверное впечатление. Да и поиск уже подтвердил многое из последних слов Стивена Фернесса.

Сомнений не оставалось — именно он в 1972 году похитил из музея, где служил, коллекцию древних нефритов — целое состояние. На каком-то из островов, на этом участке реки, он ее спрятал, упаковав в бумагу и засунув в небольшой стальной чемодан.

Пишу вам, поскольку не хочу, чтобы они оказались утраченными навсегда, и молю Бога, чтобы вам удалось найти по моему описанию точное место...

Письмо предназначалось тому самому музею, откуда он выкрал коллекцию. Но он не отправил его — может, не было сил встать, а рядом никого не оказалось; может быть, не хватило денег на марку, а смерть уже стояла у порога.

Вместе с остальными пожитками письмо Хиклин обнаружил в старом чемоданчике Фернесса — собрате того, в котором покоились нефриты. Каким странным образом, размышлял Хиклин, ноги привели его в дом, где в тот дождливый день проходил аукцион, и наряду с прочим хламом был выставлен и этот чемодан. Почему никто даже не открыл его, чтобы поинтересоваться содержимым? Или открыл, но, увидев, хлам, не стал вдаваться в детали?

Пустой дождливый день, делать было совершенно нечего, хотелось просто найти сухое место, чтобы скоротать время. И странное ребячество, заставившее его вступить в торги — с начальной цены в 25 центов, которая так и не возросла, поскольку других претендентов на чемодан не нашлось.

Покуривая, Хиклин вспоминал, как ему захотелось прикинуться рассеянным и уйти, оставив чемоданчик в зале. Но неизвестно зачем он все-таки притащил его в свою комнату. Дел в тот вечер не было, он полез в чемодан и обнаружил письмо. Письмо заинтриговало его, и он стал собирать сведения о человеке по имени Стивен Фернесс.

И вот он здесь, возле реки, рядом с потрескивающим костром, слушает пение козодоя — он, единственный на свете, кто хотя бы примерно знает, где укрыты похищенные нефриты; наверное, один из немногих, кто вообще слышал о краже.

Даже по сей день, рассудил Хиклин, нефриты еще нельзя продать без риска. Могут сохраниться документы, да и музей стоит и поныне.

Но лет через пятьсот, через тысячу — никаких проблем не возникнет. Кража забудется, сведения о ней надежно затеряются в архивах.

Неплохой старт для второй жизни. Бриллианты или, скажем, рубины таких усилий не стоят. Нефриты — дело другое. Это — произведения искусства. Конверторы могут выпускать бриллианты тоннами, правда, точно так же они могут штамповать и нефриты, но предметы искусства им не воспроизвести.

Человек, подмигнул себе Хиклин, должен соображать, на что ставить, собираясь жить вечно.

Трубка захлюпала — табак прогорел. Он вынул ее изо рта и выбил пепел о каблук сапога. Затем поставил удочки, завтра будет рыба, осталась еще мука, так что лепешками он обеспечен. Хиклин поднялся и пошел к байдарке за шерстяным одеялом.

Крепкий сон, плотный завтрак — и снова на поиски острова с двумя соснами на берегу и отмелью, по очертаниям схожей с рыболовным крючком. Хотя, конечно, вряд ли отмель сохранилась в прежнем виде, зато сосны вполне могли остаться.

Он постоял у воды и взглянул на небо. Там не было ни единого облачка, мерцали звезды, почти полная луна висела над восточными скалами. Он вдохнул свежий воздух — чистый, чуть прохладный. Чудный будет завтра денек.

Глава 16

Стоя на тротуаре, Дэниэл Фрост проводил взглядом машину Энн, пока та, свернув за угол, не скрылась из виду.

Он вздохнул и стал подниматься по истертым ступенькам обратно в квартиру, но на полпути остановился и снова вышел на улицу.

Слишком ночь хороша, объяснил он себе, чтобы сидеть дома. Однако не в ночной красоте было дело, да и какая красота тут, в этом обшарпанном квартале?!

Не хотелось возвращаться в опостылевшие стены. Надо переждать, пусть память о вечере немного притупится...

Раньше Фрост никогда не думал, насколько же убого его жилье, до сегодняшнего вечера не думал — пока не вернулся из парка после встречи с Гиббонсом. А потом все вдруг волшебно изменилось — благодаря Энн. Да, он потратил сумасшедшие деньги на свечи и розы, но не они превратили жалкий угол в некое человеческое обиталище. Это все Энн, она придала его жилью тепло и уют.

В чем же дело? Почему сегодня его ужаснула эта жалкая комната? Не он один живет так, жить так — разумно. Есть крыша над головой, есть где уединиться, где приготовить себе пищу, где отдохнуть. Что еще? Комфорт? Какой комфорт, когда его интересует лишь рост вклада на счету!

Или не комната виновата, а сама эта жизнь вдруг показалась ему пустой и убогой? Но как так может быть, когда существует цель? Бессмертие!

Улица тонула во мраке, нарушаемом лишь редкими фонарями. Скучные дома по обеим сторонам казались мрачными призраками из прошлого — обветшалые строения, давным-давно утратившие свою прежнюю гордость, если та была им свойственна когда-либо.

Он шел по улице, и его шаги грохотали на всю округу, словно колотушка ночного сторожа. Дома стояли темные, лишь кое-где горел свет. Казалось, он — единственный пешеход на всей земле.

«Сидят по домам, отчего?» — задумался Фрост. А куда пойдешь? Кафе, концерты, спектакли — все денег стоит.

Хочешь следующий раз жить припеваючи — будь любезен не сори деньгами.

Пустынная улица и пустая комната — все, что нынешняя жизнь оставляет человеку.

Но не ошибся ли он? Не ослепило ли его сияние будущей жизни? Всегда один. И дома, и на улице.

Из дверного проема, к которому приближался Фрост, возникла человеческая фигура.

— Мистер Фрост? — осведомился незнакомец.

— Да. — Фрост остановился. — Что вам угодно?

В голосе незнакомца было что-то неприятное — какая-то наглость или, может быть, плохо скрытое высокомерие. Человек подошел ближе, но на вопрос Фроста не отвечал.

— Если вы не против, — начал Фрост, — я бы...

В этот миг что-то ужалило его в шею, боль была острой, горячей. Он поднял руку, чтобы смахнуть это что-то, но рука почему-то отяжелела и поднялась лишь до пояса. Кажется, он стал опускаться на землю, подламываясь на бок в медленном падении — словно прислонялся к ускользающей опоре. Странно, но это его ничуть не встревожило, отчего-то он был уверен, что ничего страшного нет, и он не ушибется о тротуар — все так медленно и мягко...

Незнакомец по-прежнему стоял в двух шагах, но к нему подошел другой; вот он-то — еще сумел сообразить Фрост — и подкрался сзади. Лиц видно не было, они стояли в полутьме...

Глава 17

Очнулся он в темном помещении, на жестком стуле, тусклый свет пробивался в щели и освещал какой-то странный агрегат.

Фрост был расслаблен и вял, двигаться ему не хотелось, и только немного беспокоило, что он ничего не узнаёт. Здесь он никогда не был.

Он снова прикрыл глаза, все поплыло, он ощущал лишь твердую спинку стула и пол. Что-то жужжало, гул был едва слышный — такой издает машина, работающая на холостом ходу. Щеки и лоб горели. Что же все-таки произошло? Где он? Но тут было так удобно и сонно, что беспокойства Фрост не ощущал. Он обмяк на стуле. Теперь к машинному гулу присоединились какие-то пощелкивания — как бы щелчки времени, проходящего сквозь него: не тиканье часов — именно времени. Странно, подумал Фрост, как так может быть, время ведь не шумит.

Зацепившись за мысль о времени, он чуть пошевелился и поднял руку, чтобы потрогать горящие щеки.

— Ваша честь, — произнесла окружавшая его темнота, — подсудимый пришел в себя.

Фрост приоткрыл глаза и попытался приподняться. Но в ногах не оказалось сил, а руки болтались как плети, да и вообще, оставаться в прежнем положении было приятнее.

Но кто-то сказал «ваша честь» и что-то о подсудимом, который очнулся. Непонятно, надо наконец узнать, где он очутился.

— Он может стоять?— спросил другой голос.

— Похоже, нет, ваша честь.

— Ладно, — сказал второй. — В конце концов — какая разница.

Фросту удалось повернуться и привалиться к спинке стула боком. Он увидел приглушенный свет чуть выше уровня глаз и там, под лампой, наполовину освещенное лицо какого-то призрака.

— Дэниэл Фрост, — обратилось к нему лицо. — Вы меня видите?

— Да, вижу, — выдавил Фрост.

— В состоянии ли вы слушать и понимать мои слова?

— Не знаю, — пробормотал Фрост. — Кажется, я спал... я не могу встать...

— Слишком много болтаете, — сказал первый голос.

— Оставьте его, — произнес призрак. — Дайте ему время. Он, похоже, в шоке.

Фрост безвольно сидел на стуле, а эти двое чего-то ждали.

Он, помнится, шел по улице, от стены отделился человек и заговорил с ним. Что-то ужалило в шею, он хотел поймать, но не дотянулся. Потом он падал, очень долго, но как упал — не помнил. Да, там были два человека, два — не один, и они безмолвно глядели, как он оседает на тротуар.

«Ваша честь» — сказали из темноты, то есть — обращались к судье, значит, этот агрегат — Присяжные, и тогда выходит, что призрак сидит на судейском месте.

Что за бред. Как он мог попасть в суд?

— Вам лучше? — осведомился судья.

— Кажется, да, — медленно ответил Фрост. — Но я не понимаю. Это что, суд?

— Да, — сказал голос из темноты. — Именно.

— А почему я здесь?

— Заткнитесь, — сказал тот же голос, — и вам объяснят.

Тот, в темноте, произнес это и захихикал. Смешки разбежались по комнате, как тараканы.

— Послушайте, пристав, — сказало лицо, нависшее над судейским местом, — успокойтесь. Это хоть и преступник, но я не вижу повода для насмешек.

Тот, в темноте, ничего не ответил.

Фрост, опираясь на спинку, попытался встать на ноги.

— Не понимаю, что происходит, — он сделал попытку повысить голос. — Я имею право знать. Я требую...

Ладонь призрака, вынырнув из темноты, пресекла дальнейшие вопросы.

— Вы имеете право, — пошевелило губами лицо. — Если вы будете слушать, то я вам объясню.

Две руки подхватили Фроста под мышки, поставили на ноги и не отпускали. Фросту наконец удалось схватиться за спинку стула и опереться на нее.

— Со мной все в порядке, — сказал он стоящему сзади.

Руки отпустили его, он остался стоять.

— Дэниэл Фрост, — начал судья. — Я изложу дело кратко и по существу. Вас доставили в суд и подвергли допросу под наркозом. Вы признаны виновным, приговор вам уже вынесен и приведен в исполнение — в полном соответствии с законом.

— Что такое? — вскричал Фрост. — Какой приговор? В чем я обвиняюсь?

— В измене, — сообщил судья.

— Какая измена? Ваша честь, вы, должно быть, сошли с ума...

— Не государственная... Измена человечеству.

Фрост до боли в пальцах сжал спинку стула. На него нахлынул ужас, мозг оцепенел. Слова переполняли его, но он крепко сжал губы и молчал.

Не время, осознал он каким-то краешком ума, еще оставшимся ясным, не надо говорить наспех, не надо эмоций. Он, возможно, и так уже сказал больше, чем следовало. Слова — это инструмент, ими надо пользоваться умело.

— Ваша честь, — наконец решился Фрост. — Я протестую. У вас нет оснований для...

— Есть, — прервал его судья. — Поразмыслите и поймете, что основания есть. Следует пресекать деятельность, ставящую под угрозу план продления человеческой жизни. Я вам процитирую...

— Нет надобности, — покачал головой Фрост. — Хотя я и не знаю, что вы имеете в виду. Впрочем, никакой измены с моей стороны быть не могло — я работаю именно ради продления жизни. Я — заведующий отделом в Нетленном Центре...

— При допросе под наркозом, — перебил его судья, — вы согласились с тем, что использовали свое положение, дабы попустительствовать разного рода издателям — очевидно, желая нанести ущерб этому плану.

— Ложь! — вскричал Фрост. — Все не так!

Призрак грустно покачал головой:

— Увы, именно так. Вы признались в этом. С чего бы вы стали наговаривать на себя?

— Суд... — горько произнес Фрост. — Среди ночи. Хватают на улице и насильно привозят сюда. Без официального ареста. Без адвоката. И, полагаю, без права на апелляцию.

— Вы абсолютно правы, — кивнул судья. — Без права на апелляцию. В соответствии с законом результат подобной экспертизы, вкупе с решением суда, является окончательным. Согласитесь, это самый надежный способ достичь правосудия.

— Правосудия?!

— Мистер Фрост, — укоризненно взглянул на него судья. — Я проявлял терпение. Учитывая ваше прежнее служебное положение, я был крайне снисходителен к вашим репликам — вряд ли уместным в суде. Могу уверить вас, что разбирательство велось должным образом и в полном соответствии с законом. Вы признаны виновным по обвинению в измене, приговор я вам сейчас зачитаю.

Призрачная рука ушла в темноту, извлекла оттуда очки и водрузила их на нос. Потом — все еще продолжая жить отдельно — рука подняла стопку шелестящих бумаг.

— Дэниэл Фрост, — начал судья, — решением суда вы признаны виновным по обвинению в измене человечеству. Факт измены составляет сознательный саботаж программы достижения бессмертия — не только для лиц, находящихся в данный момент в дееспособном состоянии, но и для тех, чьи тела находятся на сохранении. По приговору суда, в полном соответствии с законом вы, Дэниэл Фрост, изгоняетесь из общества, вследствие чего вам запрещено...

— Нет! — закричал Фрост. — Вы не можете так поступить! Это...

— Пристав! — крикнул судья.

Цепкие пальцы схватили Фроста за плечо.

— Заткнись, ты! И слушай, что тебе говорят.

— Вам запрещается общение, — продолжал судья, — и любого рода контакты с людьми, которым, в свою очередь, под угрозой аналогичного наказания, запрещается вступать в какие-либо связи с вами. Вы лишаетесь личного имущества, кроме — в целях соблюдения приличий — той одежды, которая находится на вас. Остальное имущество конфискуется. Вы также лишаетесь всех прав, кроме права на сохранение тела после смерти. Кроме того, чтобы окружающие были осведомлены о вашем положении изгнанника и могли бы избежать контакта с вами, у вас на щеках и лбу будет вытатуирована буква «О» красного цвета.

Судья отложил бумаги и снял очки.

— Хочу добавить еще вот что, — сказал он. — Из милосердия татуировка была нанесена, пока вы находились под действием наркотика. Процедура эта весьма болезненная, а в задачу суда не входило причинить вам дополнительные страдания или унижения. Но должен вас предостеречь. Суд понимает, что применением различных средств татуировка может быть сокрыта или даже сведена. Не советую вам поддаваться подобному соблазну. Наказанием за этот поступок будет лишение вас последнего из оставшихся у вас прав.

Он пристально взглянул на Фроста,

— Вам понятно?

— Да, — пробормотал Фрост, — мне понятно.

Судья потянулся за молоточком и стукнул по столу.

Звук глухо прозвучал в пустой комнате.

— Дело закрыто, — сказал он. — Пристав, вышвырните его на улицу. То есть я хотел сказать — отпустите.

Глава 18

Ночью крест опять рухнул.

Глава 19

Восточная часть неба начинала светлеть. Фрост нетвердо стоял на тротуаре, он еще не пришел в себя, наверное, продолжал действовать наркотик. Он ощущал странную смесь отчаяния, ужаса и жалости к самому себе.

Что-то тут не так, понял он. Дело не столько в приговоре, сколько в самом времени заседания суда — на исходе ночи. И в том еще, что в зале не было никого, кроме судьи и пристава — если они, конечно, таковыми являлись.

Дело сфабриковано. Маркус до него добрался. Есть в этой бумаге что-то, раз Маркус идет на все, лишь бы не дать ей всплыть.

Но что он теперь мог поделать? И сможет ли когда-нибудь? Кто теперь его выслушает? С кем он может поговорить? «Апелляция невозможна», — заявил призрак. Да, это так. Апелляцию ему не подать.

«Я могу оказаться скомпрометирован», — кажется, так сказал он Энн Харрисон.

— Энн, — прошептал Фрост.

Боже мой, ведь существовала Энн Харрисон. Не оказалась ли она — по своей воле или нет — просто наживкой? И не обмолвился ли он в суде о ней? Не сказал ли он, что документ мог попасть к Энн?

Под наркозом он, несомненно, выдал ее. Выдал бы, только вряд ли его допрашивали — тогда бы это был

настоящий суд и, конечно, его бы не осудили: он не мог наговорить на себя. Никакого допроса не было.

Чуть покачиваясь, он смотрел, как светало. Сомнения, вопросы — все перемешалось у него в голове.

Вычеркнут из человечества.

Никто.

Комок протоплазмы, оказавшийся на улице — без всего, без надежды.

С единственным правом — умереть по-человечески.

И это явно подстроено Эплтоном.

Вот на что тот рассчитывает! На то, что лишенный всех прав, он отринет последнее, которое у него осталось.

— Нет, Маркус этого не дождется, — сказал Фрост и себе, и ночи, и всему миру, в том числе — и Маркусу Эплтону.

Он неуверенно побрел по улице. До того как рассветет, ему следует найти укрытие. Укрыться от насмешек, гнева и бессердечной жестокости. Он должен скрыться не из мира, но от мира — он теперь не часть его, он ему враг. Любой может поднять на него руку, защита ему лишь ночь и одиночество. Ни закона, ни права для него более не существует.

Его переполнил холодный напор гнева и злости, гнева на то, что произошедшее оказалось возможным. Это было не цивилизованно, но кто утверждает, будто человечество цивилизованно?! Оно может исследовать космос в поисках пригодных для заселения планет, может ломать голову над тайнами времени, может бороться со смертью и стремиться к бессмертию, при этом продолжая оставаться сборищем дикарей.

Должен отыскаться способ победить варваров, должен найтись способ расквитаться с Эплтоном, и если он его отыщет, то использует — без малейшего колебания.

Но не теперь.

Сейчас надо лечь на дно.

Все будет в порядке, пока он сумеет держать себя в руках, понимал Фрост. Главное — не распускать нюни.

Он дошел до перекрестка и остановился, раздумывая, куда свернуть. Где-то на соседней улице взвыл электрический мотор — рейсовое такси, видимо.

Пойду к реке, решил он. Там проще всего укрыться, может быть, удастся и прикорнуть. А потом — искать еду

Подумав об этом, Фрост вздрогнул. И вот к этому сводится теперь его жизнь?! Прятаться и постоянно искать пропитание. А наступит зима, что тогда? Придется отправиться на юг, пробираясь по ночам сквозь гигантский мегаполис, в который превратились прибрежные города.

На востоке светлело, надо торопиться. Но к реке сворачивать не хотелось. Первый же шаг в ту сторону сделает его беглецом, и он боялся сделать этот шаг, потому что бег тогда уже не остановишь.

Он стоял, вглядывался в пустынную улицу и мучительно пытался найти другой путь. Не прятаться и искать правосудия? Какого? Правосудие с ним уже разобралось, а кто еще станет его слушать? Зачем? Все написано у него на лице!

Он устало свернул к реке. Если уж бежать, то, по крайней мере, быстрей, пока еще не поздно.

И тут кто-то обратился к нему:

— Мистер Фрост!

Он обернулся. Человек, который позвал его, стоял в тени здания. Вот он вышел на тротуар — согбенная уродливая фигура в большой, сплющенной шапке, пальто — сплошные лохмотья.

— Нет, — неуверенно пробормотал Фрост, — нет.

— Не волнуйтесь, мистер Фрост. Вам стоит пойти со мной.

— Но, — изумленно проговорил Фрост, — вы не можете знать меня. Вы не понимаете...

— Знаю, — хмыкнул человек в отрепьях. — Мы знаем, что вы нуждаетесь в помощи, и это все, что теперь важно. Идите за мной и старайтесь не отстать

Глава 20

От керосиновой лампы толку было немного Она освещала лишь пятачок вокруг себя, и сгорбленные тени людей роднились с полумраком, царящим в помещении.

Фрост остановился, ощутив на себе настороженные взгляды.

Друзья или враги? Там, на улице (в скольких кварталах отсюда это было?) человек, подошедший к нему, показался другом. «Вы нуждаетесь в помощи, — сказал он, — а остальное пока не важно».

Проводник подошел к теням у лампы, Фрост остался стоять на месте. Ноги гудели от ходьбы, он безумно устал, не прошло еще и действие наркотика. Игла это была или дротик — то, что вонзилось ему в шею, — но заправили инструмент неплохо.

Он наблюдал, как провожатый, присев на корточки, перешептывался с остальными. Фросту стало интересно, где он находится. Судя по запаху — в районе порта; наверное, погреб или подвал, они спустились вниз на несколько лестничных пролетов. Убежище, сообразил он, именно то, что он искал.

— Мистер Фрост, — произнес старческий голос, — почему бы вам не присоединиться к нам и присесть. Подозреваю, что вы устали.

Фрост проковылял вперед и сел на пол возле лампы. Глаза его пообвыкли и тени обрели плоть, серые пятна стали оформляться в лица.

— Спасибо, — кивнул он, — я в самом деле притомился.

— У вас была тяжелая ночь, — посочувствовал старик.

Фрост опять кивнул.

— Лео говорит, что вас отправили в изгнание.

— Я могу уйти, только скажите, — смутился Фрост. — Но дайте мне немного отдохнуть.

— Зачем вам уходить, — сказал проводник. — Вы теперь один из нас. Мы все изгои.

Фрост вскинул голову и посмотрел на говорившего. У того было сероватое лицо, на щеках и подбородке топорщилась двухдневная щетина, но татуировок видно не было.

— Он не имел в виду, что каждый из нас заклеймен, — пояснил старик. — Но все равно мы изгои. Мы, понимаете ли, несогласные. А нынче кто себе может это позволить? Мы не верим, вот какое дело. Хотя, можно сказать, что очень даже верим. Только не во все это, конечно.

— Я не понимаю, — сказал Фрост.

— Сразу видно, что вы не понимаете, где очутились, — хмыкнул старик.

— Конечно, нет, — раздраженно бросил Фрост, выведенный из себя насмешливым тоном. — Мне не сообщили.

— Вы в логове Святых. Взгляните-ка на нас хорошенько! Мы — те самые безумцы, которые вылезают на свет Божий по ночам и пишут на стенах всякие гадости. Это мы проповедуем на всех углах против Нетленного Центра. И раздаем листовки. Пока не подоспеет полиция и нас не разгонят.

— Послушайте, — устало произнес Фрост. — Мне все равно, кто вы. Я благодарен за то, что меня привели сюда, иначе не знаю, что бы я делал. Я собирался найти убежище, я знал, что должен спрятаться, но не знал где. И тут подошел этот человек и...

— О-хо-хо, — вздохнул старик. — Гонимая невинность, да и только. Откуда вам было знать, что делать! Естественно, могли угодить в беду. Хотя вам не стоило беспокоиться, мы за вами приглядывали.

— Приглядывали? Зачем?

— Слухи. Всякое гуляет по свету, а мы ко всему прислушиваемся. Это, можно сказать, наша обязанность — собирать слухи и сортировать их.

— Дайте мне сообразить... — встряхнул головой Фрост. — До вас дошло, что я стал кому-то неугоден?

— Да. Вы слишком много знаете. Но что вы такое узнали лишнее — нам установить не удалось.

— Значит, вы следите за многими?

— Да не так уж чтобы за многими, — сказал старик. — Хотя о Центре мы осведомлены неплохо, у нас там свои...

Конечно, подумал Фрост. Почему-то, несмотря на неожиданное участие, этот человек ему не нравился.

— Но вы устали, — заметил старец, — да, похоже, что и голодны.

Он поднялся и хлопнул в ладоши. Открылась какая-то дверь, и по комнате протянулась полоса света.

— Еды! — сказал он показавшейся в двери женщине. — Немного еды для нашего гостя.

Дверь закрылась, и старик придвинулся почти вплотную к Фросту. От него пахло немытым телом. Человек положил руки на колени, руки были грязны, ногти — нестрижены, под ними скопилась грязь.

— Могу себе представить, — произнес он, — что вы несколько разочарованы. Хотел бы, однако, чтобы это чувство оставило вас. На самом деле, мы люди добросердечные. Протестанты мы или диссиденты, какая разница, но мы хотим делать то, что считаем нужным, наш голос должен быть услышан.

— Конечно, — кивнул Фрост. — Но мне кажется, существуют и другие способы оказаться услышанным. Вы добиваетесь этого чуть ли не полвека, а то и дольше...

— И не слишком преуспели, вы хотите сказать.

— Да, пожалуй, — согласился Фрост.

— Да, мы знаем, что не можем победить, — присоединился другой мужчина, — у нас нет средств, чтобы победить. Но совесть говорит, что мы должны стоять на своем. Пока наш слабый голос еще слышат в этой пустыне, мы от своего не отступим.

Фрост не ответил. Он ощутил, что погружается в сладкую летаргию, и бороться с этим не мог.

Старик протянул грязную руку и положил ее на колено Фросту.

— Ты читал Библию, сынок?

— Да, местами. Большую часть...

— А зачем ты ее читал?

— Не знаю, — пожал плечами Фрост. — Потому что это человеческий документ. Или рассчитывал найти там душевное спокойствие, но в этом я не уверен. Да и вообще, это хорошая литература.

— Но ты читал без веры?

— Думаю, что так.

— Были времена, когда ее читали с благоговением Когда-то она являлась светом, надеждой, обещанием. А теперь вы говорите — хорошая литература. Это болтовня о бессмертии тела привела к такому... К чему теперь читать Библию, куда уж — верить ей, если бессмертие в руках государства. Государства! Каково? Бессмертие — это вечная жизнь, но кто может обещать такое, кто из смертных? Как вы можете это обещать?

— Вы ошибаетесь, — возразил Фрост, — я ничего подобного не обещал.

— Извините, я говорю вообще. Не вы, конечно Центр.

— Да и не сам Нетленный Центр, — заметил Фрост, — скорее просто человек. Он искал бы бессмертия, даже если бы Центра и в помине не было. Не в человеческой это натуре — желать и делать меньше, чем возможно. Да, он будет терпеть неудачи, но продолжит попытки.

— Это все от дьявола, — сказал старик. — Силы тьмы и зла всеми способами хотят уничтожить врожденную человеческую набожность.

— Возможно, — согласился Фрост. — Не хочу с вами спорить. Не теперь, может быть, в другой раз Поймите, я благодарен вам и...

— А скажите, кто бы еще протянул вам в такой момент руку помощи?

— Никто, — покачал головой Фрост. — Не могу представить, кто бы еще мог это сделать.

— А мы сделали, — самодовольно сказал старик. — Мы, бродяги. Мы, простые верующие.

— Да, — согласился Фрост. — И я отдаю вам должное

— А не задаете ли вы себе вопрос, почему мы поступили так?

— Пока нет, — сказал Фрост, — но задам еще

— Мы поступили так потому, что ценим не смертную плоть человека, но душу его. Вы, верно, заметили, что в старинных хрониках народ исчислялся по количеству душ, а не голов. Это могло показаться вам странным, нелепым, но тогда человек больше думал о Боге, о грядущей жизни и куда меньше был озабочен земными делами.

Дверь приоткрылась, и в помещение снова проник свет. Вошла изможденная ветхая старуха и передала старику тарелку и полбуханки хлеба.

— Спасибо, Мари, — кивнул тот, и женщина ушла.

— Ешьте. — Он поставил тарелку перед Фростом.

— Спасибо.

Взяв ложку, Фрост зачерпнул постный, водянистый суп.

— А теперь, как я понимаю, — продолжил старик, — всего через несколько лет человеку даже не придется проходить через смерть, чтобы достичь бессмертия. Стоит Нетленному Центру разработать соответствующую технологию, как человек окажется бессмертным. Будет себе вечно молодым, будто смерти и нет вовсе. Раз уж родились, то извольте жить вечно.

— В ближайшие годы, — поправил Фрост, — это еще не произойдет.

— Но когда произойдет, то все будет именно так?

— Видимо, да, — согласился Фрост. — Зачем же людям стареть и умирать, раз уж они могут оставаться вечно молодыми?!

— О суета сует! — запричитал старик. — Что за самонадеянность! Какая гордыня!

Фрост ему не ответил. Собственно, что тут было отвечать.

— Еще одно, сынок, — собеседник потянул его за рукав. — Ты веришь в Бога?

Фрост отложил ложку.

— Вы действительно хотите, чтобы я ответил?

— Да, — кивнул тот, — и честно.

— Не знаю, — помедлил Фрост. — Конечно, я не верю в того Бога, о котором думаете вы, — в благообразного джентльмена с белой бородой. Но в высшее существо — да, в такого Бога я, пожалуй, поверил бы. Должна быть какая-то сила, властвующая над миром. Мир слишком хорошо организован, чтобы было иначе. Когда думаешь о его устройстве — от атома до галак-

тик — кажется невероятным, чтобы отсутствовала высшая сила особого рода, благожелательная сила, которая поддерживает этот порядок.

— Порядок! — взорвался старик. — Вот что у вас на уме — порядок! Не святость, не благочестие...

— Простите, — поморщился Фрост, — вы хотели честного ответа. Я дал вам честный ответ. Поверьте на слово, я многим бы пожертвовал, чтобы иметь вашу веру — слепую, абсолютную, без тени сомнений. Но, пожалуй, я бы и тогда еще сомневался, что довольно одной только веры.

— Вера — все, что есть у человека, — спокойно произнес старец.

— Вы берете веру, — возразил Фрост, — и превращаете ее в добродетель. Добродетель незнания.

— Когда есть знание, — уверенно заявил старик, — тогда вера не нужна. А мы нуждаемся именно в вере.

Вдруг раздался крик «Полиция!», и послышались чьи-то торопливые шаги. Кто-то схватил со стены лампу, задул ее, и комната погрузилась во тьму.

Вскочил на ноги и Фрост. Он было двинулся за всеми, но, столкнувшись с кем-то впотьмах, отступил и внезапно почувствовал, как пол, слабо треснув, стал уходить из-под ног: давно прогнившие доски проломились. Он инстинктивно выбросил руку в поисках опоры и сумел ухватиться за край доски, но та не выдержала веса тела, и он полетел вниз.

Фрост с плеском упал в какую-то смердящую лужу, вонючие брызги окатили лицо. Он поднялся и сел на корточки; что тут где — не разобрать, грязь и темнота будто перемешались между собой.

Фрост взглянул вверх: дыры он не увидел, наверху слышался шум и затихающие голоса.

Наступила тишина, но вскоре пришел черед другим голосам — резким и злым. Хрустели доски — похоже, высаживали дверь, и та поддалась, над его головой загромыхали тяжелые шаги, острые лучи света затанцевали по стенам ямы.

Испугавшись, что кто-нибудь направит фонарь вниз и обнаружит его, Фрост осторожно двинулся вперед по щиколотку в зловонной воде.

Наверху кто-то шумно расхаживал, уходил в какие-то дальние помещения, возвращался. Доносились обрывки фраз.

— Опять улизнули, — произнес один голос. — Предупредил кто-то, не иначе.

— Ну и грязища, — сказал другой. — Впрочем, чего тут ожидать.

И еще один голос — узнав его, Фрост напрягся и еще дальше отступил в темноту.

— Парни, — сказал Маркус Эплтон, — они опять натянули нам нос. Ну ничего, они дождутся.

Ему отвечали, но слов было не разобрать.

— Никуда эти сучьи дети не денутся, — пообещал Эплтон. — Даже если это будет последним, что я успею сделать в своей жизни.

Голоса и шаги стали удаляться и вскоре стихли.

Тишину нарушали только капли воды, падающие в лужу.

Какой-то туннель, подумал он. Или затопленный фундамент.

Надо выбираться, но в потемках это не так-то просто. Выбора нет — надо попасть обратно наверх.

Он поднял руки и нащупал балку. Встал на цыпочки и сумел дотянуться до пола. На ощупь исследовав доски, он обнаружил край дыры. Теперь надо подпрыгнуть, ухватиться за что-нибудь и, надеясь, что доски выдержат, подтянуться. В комнате, подумал Фрост, я хоть на время окажусь в безопасности. Эплтон и его люди не вернутся, Святые не вернутся тоже, так что я наконец буду предоставлен самому себе.

Фрост постоял, собираясь с духом, и тут услышал писк и какую-то беготню — сквозь темноту к нему скользили невидимые тела, злобный и пронзительный писк озверевших от голода животных нарастал.

Кожа покрылась мурашками, волосы, казалось, встали дыбом.

Крысы! Его окружали крысы!

Страх придал силы, он прыгнул, уцепился, рывком подтянулся и очутился на полу.

Писк собравшихся внизу крыс перешел в общий вой.

Фрост лежал на полу, пока не унялась дрожь, затем поднялся на четвереньки, осторожно отполз в угол комнаты и замер там, оцепенев от ужаса.

Глава 21

Годфри Картрайт откинулся в мягком кресле и сцепил пальцы на затылке. Такую позу он принимал всякий раз, когда предстояло обсуждать серьезное дело, а ему хотелось казаться небрежным и не слишком заинтересованным.

— Странное дельце получается, — произнес он. — Ни один издатель в жизни не предлагал таких денег. Даже это надутое ничтожество Фрост не отказался бы от них, будь он уверен, что проскочит. Но Фрост канул, и Гиббонса тоже никто не сыщет. Похоже, не обошлось без Эплтона или кого-то вроде него. Немногие в Нетленном Центре знают, что цензура все еще существует. Но если разнюхал Эплтон, то дело дрянь — с ним шутки в сторону.

— То есть вы хотите сказать, что не будете издавать мою книгу? — уныло осведомился Гарри Гастингс.

— Господь с вами, — Картрайт взглянул на него с изумлением. — Да мы никогда и не говорили, что будем.

Гастингс сгорбился в кресле. Тут он ничего не мог поделать.

У него была круглая, лысая голова, смахивающая на бильярдный шар. Он носил очки с толстыми стеклами, глаза его косили. Бильярдный шар все время старался вылезти вперед, будто желал скатиться с плеч, и это, вкупе с косоглазием, придавало ему вид человека под

хмельком, который лезет из кожи вон, стараясь выглядеть трезвым.

— Но вы сказали...

— Я сказал, — Картрайт придал голосу твердости, — что, на мой взгляд, ваша книга разошлась бы. Я сказал, что, если ее издать, мы загребли бы кучу денег. Но я говорил, что сначала должен быть уверен, что мы протащим ее в печать. Я вовсе не хочу, чтобы Фрост пронюхал о ней в последний момент, когда мы уже угрохаем кучу денег. Вот когда книга уйдет в магазины — тогда уж Фросту ничего не сделать: поднимается скандал, а шум — единственное, чего Нетленный Центр не переносит.

— Но вы сказали... — затянул свое Гастингс.

— Конечно, я говорил, — кивнул Картрайт, — но мы не заключили договора. Я сказал, что он не может быть заключен, пока мы не поладим с Фростом. Иначе нет смысла. У Фроста полно сыщиков и весьма въедливых. А Джо Гиббонс среди них лучший — тем более что специализируется именно на нас. В нас он просто вцепился, снюхался, видимо, с кем-то из наших. Знал бы с кем — давно бы уволил. Но никуда не денешься, — мы не могли и шагу ступить, чтобы об этом не знал Гиббонс. Все, что я мог сделать, — попробовать пойти на сделку. Да, я говорил вам, что ваша книга из тех немногих, ради которых я пытался что-то сделать лично.

— Но труд, — с болью произнес Гастингс, — труд, который я вложил в нее. Двадцать лет. Вы понимаете, что такое двадцать лет исследований?! А написать ее?! Я вложил в нее всю свою жизнь, понимаете?

— Похоже, — мягко улыбнулся Картрайт, — вы сами верите во весь тот вздор, который понаписали.

— Конечно! — вспыхнул Гастингс. — Разве не ясно, что это правда? Я изучил массу документов и знаю, что это так. Любой разберется в косвенных свидетельствах. План Нетленного Центра — величайшая мистификация в истории человечества. Идея-то была совершенно иная. Надо было любым способом остановить войны. Ведь если вы заставите людей поверить, что их тела могут быть сохранены и оживлены потом — кто пойдет на войну? Какое правительство, какой народ дадут себя вовлечь в нее, ради чего? Какой шанс на бессмертие у того, кого взрывом разнесет в клочья?! Какие спасатели потащатся на поле боя?!

— Может быть, цель оправдывает средства. Наверное, мы не вправе осуждать обман. Мы уже сто лет не знаем, что такое война, и не поймем, как это ужасно.

— Да, но все уже позади. Настало время сказать людям правду...

Гастингс замолк и взглянул на Картрайта, по-прежнему развалившегося в кресле и сцепившего пальцы на затылке.

— Вы не верите?

Издатель снял руки с головы, нагнулся вперед и облокотился о стол.

— Гарри, — сказал он серьезно, — какая разница, верю я или нет? Не мое это дело, верить в то, что я издаю. Мое дело — чтобы книга разошлась, я должен быть в этом уверен. Большего от меня требовать вы не можете.

— Но вы говорите, что не хотите ее публиковать.

— Не совсем так, — покачал головой Картрайт. — Не могу опубликовать. Нетленный Центр мне не простит.

— Они не могут вас остановить.

— По закону — не могут. Но они начнут давить, и не только на меня — на служащих, на акционеров. А это — не шутки, должен вам сказать. Когда бы мне удалось книгу напечатать и отправить в продажу — я был бы чист. Тогда — это грех Фроста. Он был обязан предотвратить, но не предотвратил. Ответственность бы не лежала на моих плечах, в чем бы меня упрекнули — так в том, что я не разбираюсь в литературе. Это бы я перенес. Но при таком раскладе...

Он сделал безнадежный жест.

— Я мог бы поискать других издателей, — предположил Гастингс.

— Конечно, — согласился Картрайт.

— Вижу, вы считаете, что никто из них на книгу даже не взглянет.

— Конечно. Новости уже разошлись, и все знают, что я собирался подкупить Фроста, но у меня ничего не вышло, а Фрост исчез. Каждый издатель в городе об этом наслышан. Шепотки, знаете, бегают...

— Значит, мне никогда ее не опубликовать?

— Боюсь, что так. Идите себе домой и живите спокойно, гордясь, что раскопали нечто такое, к чему

никто и прикоснуться не может, что вы — единственный человек, который знает тайну. Можете быть довольны, что проницательны настолько, что обнаружили заговор, о существовании которого никто и не подозревал.

Гастингс еще сильней вытянул шею.

— В ваших словах насмешка, — насупился он. — Не уверен, что мне это по душе. Скажите, как вы действительно думаете? Какова ваша версия?

— Версия?

— Да. Что вы думаете о Нетленном Центре?

— Ну, — пожал плечами Картрайт, — что дурного в том, чтобы думать именно так, как они нам предлагают?

— Ничего. Удобная точка зрения, но — ложь.

— Большинство считает, что правда. Ходят, конечно, сплетни и всякие разговорчики, но это больше для развлечения. Какие теперь развлечения?! Вот люди и хватаются за все подряд. Вы только представьте, как люди проводили время двести лет назад — ночная жизнь, опера, театры, музыка, а еще спорт — футбол, бейсбол. И где все теперь? Что осталось? Платить за то, чтобы смотреть пьесу? Зачем? Можно сидеть дома и глазеть в телевизор. Платить, чтобы взглянуть, как гоняют мячик? Еще чего! Лучше на те же деньги прикупить акций Нетленного Центра. Платить безумную сумму, чтобы как-то по-особенному поесть? Сейчас идешь есть — и то не очень-то часто — и ешь, и никаких там фу-фу. Вот потому так хорошо расходятся книги. Книгу прочел, и ее может читать кто-то другой, а то еще и сам перечитаешь. А спектакль или игра — только на один раз. Потому все и сделались читателями и телезрителями. Куча удовольствий и почти что задаром. Дешевые развлечения, а как помогают убить время, Мы только и делаем, что убиваем время, Хватаемся за что угодно, лишь бы дотянуть наконец до холодильника. Отсюда слухи и сплетни. Люди научились высасывать удовольствие из чего угодно и до последней капельки.

— Вам бы самому книги писать, — посоветовал Гастингс.

— А то, — согласился Картрайт не без удовольствия. — Я бы мог. Ткнуть бы их всех мордой в грязь.

Они бы слопали, да еще бы и спасибо сказали, а уж разговоров бы на месяцы хватило.

— Значит, вы думаете, что моя книга.

— В нее многие поверили бы, — ободрил его Картрайт. — Все насквозь документировано и все такое. Впечатляющий вздор. Уж и не знаю, как вы этого добились.

— Вы мне все еще не верите, — пригорюнился автор. — Думаете, что все это я сфабриковал.

— Ну уж нет, — открестился Картрайт. — Этого я не говорил. — Он грустно взглянул в окно. — Плохо, — вздохнул он. — Миллиард уплывает. Не шучу, дружище. Мы бы сделали миллиард.

Глава 22

Спрятавшись за грудой ящиков, сваленных в переулке, Фрост поджидал, когда из задней двери захудалого ресторанчика выйдет человек, чтобы выкинуть отбросы в мусорные баки, стоящие вдоль стены.

Тот наконец появился, в руках у него была корзина и сверток. Сверток он положил на тротуар, снял с бака крышку и опорожнил корзину. Затем поднял сверток и приладил к ручке бака. Минуту он постоял, глядя по сторонам, — его белая куртка тускло светилась в слабом свете, — потом взял корзину и вернулся в ресторан.

Фрост вскочил, торопливо подбежал к баку и схватил сверток. Сунув его под мышку, он дошел до угла, переждал, пока мимо пройдут какие-то люди, и, перебежав через дорогу, нырнул в следующий переулок.

Изрядно попетляв по узким улочкам, он оказался позади небольшого полуразвалившегося строения — наверное, его хотели снести и уже начали работу, да раздумали. Здание было осевшее, неуютное, впрочем, оно не слишком отличалось от соседних домов.

Каменная лестница с проржавевшими изогнутыми перилами вела в подвал.

Шмыгнув в дом, Фрост скатился по лестнице. Дальше была дверь, висящая на одной ржавой петле.

Толкнув ее, Фрост попал в подвал и прикрыл дверь.

Он был дома. Это место он нашел дней десять назад, после того как перепробовал несколько других укрытий, те были гораздо хуже. Здесь же — прохладно и сухо, и не слишком донимали крысы. Место казалось надежно забытым и потому безопасным. Никто сюда даже близко не подходил.

— Привет, — сказал вдруг кто-то из темноты.

От неожиданности Фрост споткнулся, упал и выронил сверток.

— Не пугайтесь, — произнес голос. — Я знаю, кто вы. Не бойтесь, я ничего дурного вам не сделаю.

Фрост остался сидеть на полу. Надежда и страх смешались в его мозгу. Его опять разыскали Святые? Или этот человек из Нетленного Центра? Или от Эплтона?

— Как вы меня нашли? — с усилием выдавил он.

— Я вас искал. Расспрашивал всех. Вас видели в этом переулке. Вы ведь Фрост, да?

— Да, я Фрост...

Человек вышел из темноты. Скудный свет из подвального окна позволил увидеть его силуэт, но лица было не разобрать.

— Рад, что отыскал вас, Фрост, — повторил он. — Меня зовут Франклин Чэпмэн.

— Чэпмэн... погодите! Вы тот, который...

— Да. Мне рассказала о вас Энн Харрисон.

Фрост почувствовал, что сейчас расхохочется. Он попытался сдержаться, но ничего не вышло. Он безвольно сидел на полу и горько хохотал.

— Боже мой, — прошептал он, задыхаясь, — вы — тот самый человек, которому я обещал помочь.

— Да, — кивнул Чэпмэн. — Иногда события принимают довольно странный оборот.

Фрост несколько успокоился, но все еще сидел без сил на прежнем месте.

— Я рад, что вы пришли, — сказал он наконец, — хотя и не понимаю, зачем вам это понадобилось.

— Меня послала Энн. Она спросила, не смогу ли я отыскать вас. Она разузнала, что с вами случилось.

— Разузнала? Почему? А газеты? Стоило только проглядеть отчеты суда.

— Конечно. Так она и поступила. В газетах — ничего, ни единой строчки. Зато город полон слухов.

— Каких?

— Какой-то скандал в Центре. Вы исчезли, а Центр старается это замять.

— Все рассчитано, — кивнул Фрост. — Газеты предупреждены, а слухи распущены с тем, чтобы всем казалось, будто я дал деру. Как по-вашему, Центр знает, где я?

— Понятия не имею, — ответил Чэпмэн. — Хотя я много чего наслышался, пока вас искал. И я не единственный, кто задавал вопросы.

— У них не выйдет так, как им хочется. Они ждут, что я стану выпрашивать у них смерти.

— Большинство поступило бы только так.

— А я — нет. У меня было время обдумать. Буду жить здесь, дойду до ручки — тогда, может быть. Но не теперь.

Он помолчал, заговорил снова.

— Извините, Чэпмэн. Я сказал, не подумав. Мне не следовало заводить этот разговор.

— Мне все равно, — поморщился тот. — Это меня уже не волнует. Знаете, в конце концов, чем я хуже своих предков. Я привык, что ли, да и стараюсь не слишком уж думать об этом.

— Вы долго искали меня. Но ваша работа?

— Меня уволили. Я знал, что так будет.

— Сожалею...

— О, все обошлось. У меня контракт на телевидении, а издательство платит кому-то, чтобы он написал за меня книгу. Они хотели, чтобы я сам, но я сказал, что не справлюсь.

— Грязные свиньи, — сплюнул Фрост. — Все, лишь бы заморочить головы простакам.

— Конечно, — согласился Чэпмэн. — Но мне-то что?! У меня все в порядке. Надо было семью поднимать, жене денег отложить. Что я еще могу для нее сделать? Я их заставил платить. Сначала отказывался, но они не отставали, и я назвал сумму, на которую, мне казалось, они в жизни не пойдут. Пошли. Что же, я доволен. Старуха во второй жизни теперь не пропадет.

Фрост поднялся с пола и нащупал сверток.

— Каждую ночь мне оставляет это один из ресторана. Понятия не имею, кто он такой.

— Я говорил с ним, — сказал Чэпмэн, — Старенький такой, сухощавый. Он сказал, что видел, как вы каждую ночь роетесь в отбросах. Говорит, что никто не должен добывать себе пропитание так.

— Давайте сядем, — предложил Фрост. — Тут есть тахта, кто-то ее бросил. Я на ней сплю. Скрипит ужасно, и пружины выпирают, но все лучше, чем на полу.

— Очень плохо? — участливо осведомился Чэпмэн.

— Да как сказать... Сначала Святые прихватили меня на улице после суда и, кажется, спасли мне жизнь. Поговорил с каким-то старым идиотом, который выяснял, читал ли я Библию и верю ли в Бога. Потом заявился Эплтон со своей шайкой, устроил облаву. Они, думаю, хотели поймать кого-то из главарей Святых. Тот вроде был один из них. Я побежал, провалился сквозь гнилые доски, когда полиция ушла — выбрался. Пару дней просидел там — даже нос боялся высунуть. Но голод — не тетка, пришлось выйти. Вы представьте, что значит добывать еду в городе, когда даже нельзя встать с протянутой рукой, а украсть — духа не хватает.

— Никогда об этом не думал, — покачал головой Чэпмэн. — Но могу себе представить.

— Вот и остается потрошить мусорники. Тоже, знаете, не просто решиться. Но когда голоден, смиряешься и с этим. А через день-другой делаешься настоящим знатоком отбросов. Мест́а для ночлега тоже найти не просто, главное — приходится их часто менять. Тебя замечают, интересуются... Здесь я остался дольше, чем следовало бы — лучшее место из всех. Поэтому вы меня и нашли. Если бы я вел себя правильно, ничего бы у вас не вышло. — Фрост помолчал. — Борода растет. Бритвы нет, понимаете? Скоро зарастут щеки, а волосы покроют лоб. Татуировок не станет видно, тогда, наверное, осмелюсь выходить и днем. Говорить все равно ни с кем не стану, но не надо будет так скрываться. Может, на меня станут глазеть, а может быть, и не будут, в этом районе и без меня странных личностей хватает. Никогда с ними дела не имел, побаиваюсь. Тут надо искать свой путь, каждый выживает по-своему.

Он замолчал и взглянул на смутно белеющее в темноте лицо Чэпмэна.

— Простите, — вздохнул Фрост. — Я разболтался. Давно ни с кем не говорил.

— Продолжайте, — попросил Чэпмэн. — А я буду сидеть и слушать. Энн захочет узнать, как вы.

— Нет, — покачал головой Форст. — Не надо ее вовлекать. Пусть лучше держится в стороне. Что она может? Дело кончится тем, что Энн расстроится, вот и все. Пусть поскорей забудет обо мне.

— Нет, — вздохнул Чэпмен. — Да и я не забуду. Вы были единственный, кто захотел для меня что-то сделать.

— Но ничего не сделал. Да, по правде, ничего и не мог. Это был блеф. Я и тогда уже понимал.

— Послушайте, — повысил голос Чэпмэн, — какая разница? Мне все равно — могли, не могли. Хотели — вот что главное.

— Ладно. Но, ради Бога, держитесь от меня подальше. Не путайтесь со мной, мне совершенно не улыбается стать причиной ваших бед, а если вы будете со мной общаться — их не миновать. Никто для меня ничего сделать не может. Поняли? Если уж совсем припрет, то выход у меня, в конце концов, есть.

— Я не хочу, чтобы вы совсем легли на дно, — настаивал Чэпмэн. — Давайте уговоримся. Искать вас я не буду, но если вам понадобится помощь, договоримся, где вы меня найдете.

— За этим я не обращусь, — твердо сказал Фрост. — Но если вам так лучше, то...

— Вы останетесь тут?

— Вряд ли, но что мне стоит сюда прийти.

— В трех кварталах от этого места библиотека, знаете? И скамейка у входа.

Фрост кивнул.

— Я буду ждать вас там дважды в неделю. По средам и пятницам, например. С девяти до десяти вечера.

— Нет, так часто слишком обременительно для вас. Сколько все это продлится? Полгода, год? Два года?

— Хорошо, полгода. Если за полгода вы не появитесь, я буду знать, что вы уже не придете.

— Ну что за глупости, — поморщился Фрост. — Не собираюсь я с вами встречаться. И пытаться не буду, к чему вас вовлекать. Даже полгода — чересчур много.

Месяц — еще куда ни шло. Вообще, я собираюсь податься на юг. Не хочу, чтобы меня тут сцапали.

— Энн передала вам посылку, — сказал Чэпмэн, меняя тему разговора и давая тем самым понять, что его предложение остается в силе. — Там, за ящиком. Иголка, нитки, спички, ножницы, нож. Вам пригодится. Наверное, еще какая-нибудь еда.

— Скажите Энн, что я ей благодарен, — кивнул Фрост. — Но только пусть она не предпринимает ничего подобного впредь. Ничего больше не делайте для меня, и не пытайтесь.

— Я передам, — серьезно ответил Чэпмэн.

— И обязательно — благодарность. Но как вы согласились пойти меня разыскивать?

— А меня никто не уговаривал, — поморщился Чэпмэн. — Что я, дитя неразумное?! Но ответьте на один вопрос — что с вами произошло? Как это было? Вы говорили Энн, что вам, возможно, грозят неприятности. Но как вас могли осудить?

— Кому-то понадобилось...

— А больше вы ничего не скажете?

— Нет, не скажу. А то вы с Энн броситесь разбираться. Поймите, разобраться невозможно.

— Так что же, вы всем довольны и пальцем не пошевелите, чтобы...

— Не совсем так. Я собираюсь свести счеты с Эплтоном.

— Так, значит — Эплтон?

— А то кто же? Нет, вам в самом деле следует уйти отсюда — вот, я уже разговорился... Если останетесь, я вам выболтаю такое, чего вам лучше не знать.

— О'кей, — согласился Чэпмэн. — Раз вы так хотите, я ухожу. Жаль, мне не удалось убедить вас... — Он было повернулся, чтобы уйти, но остановился. — У меня есть револьвер. Если вы...

— Нет, — покачал головой Фрост. — Обойдусь. На тот свет я не спешу. Да и вам советую от него избавиться — к чему рисковать? Не дай Бог, опять потащат в суд — за хранение.

— Мне это до лампочки, — хмыкнул Чэпмэн. — Что я теряю? Еще меньше, чем вы.

Он уже открывал дверь.

— Чэпмэн, — мягко произнес Фрост.

— Да?

— Спасибо, что пришли. Извините, я немного не в себе.

— Я понимаю, — вздохнул Чэпмэн.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Фрост слышал, как Чэпмэн поднялся по лестнице, как вышел в переулок. Наконец его шаги стихли.

Глава 23

«Будет ли и через тысячу лет сирень пахнуть точно так же?» — размышляла Мона Кэмпбел. Перехватит ли дух у человека при виде луга, покрытого бледно-желтым ковром нарциссов? И останется ли вообще тогда место для сирени и нарциссов?

Она тихо раскачивалась в старом кресле-качалке, которое нашла на чердаке, снесла вниз, очистила от пыли и паутины — чтобы раскачиваться и глядеть в окно на чудо летних зеленых сумерек.

Скоро затеплятся светлячки, зарыдает козодой, от реки поднимется туман.

Она сидела, раскачивалась, и мягкое благословение летнего вечера нисходило на нее, и не было ничего важнее, чем просто сидеть, раскачиваться, глядеть в окно и видеть, как зеленые цвета темнеют, становятся сизыми, как чернеют тени и наступающая прохлада ночи стирает из памяти все, кроме ощущения дневной жары.

Вот и пришел час, — нашептывало ей сознание, изо всех сил старающееся напомнить о себе — и надо прийти наконец к решению.

Но шепоток затих в сгущающейся темноте, думать не хотелось, хотелось просто сидеть, растворяясь в тишине.

Фантазии, подумала Мона, все это только фантазии. Потому что в такой час, в сумерках, дышащих обновленной влажной землей, мысли могут быть лишь плодом

воображения. Потому что все — и светляки, и сумерки, и запахи — все говорит о цикличности, о жизни и смерти, об этих составных частях космического начала и конца.

Это надо запомнить надолго, сохранить в себе на те века, которые открылись перед человечеством — не перед всем родом, но перед каждым его представителем. Но она знала, что все забудет, ведь о таком думаешь не в молодости. Эти мысли — удел пожилых, безвкусно одетых людей, похожих на нее, слишком долго занимавшихся странными вещами. Зачем, например, ей — женщине — математика? Ей хватило бы и арифметики, чтобы вести семейный бюджет. А на что еще дается женщине жизнь?!

И почему она, Мона Кэмпбел, должна в одиночку искать ответ, дать который способен только Бог — если он существует?

Если бы только знать, каким станет мир через тысячу лет — не в бытовых проявлениях, это неважно, это внешнее, но как изменится сам человек? Что будет с миром, когда все человечество станет вечно молодым? Придет ли мудрость, когда не станет ни морщинистых лиц, ни седых волос? Не уничтожат ли ее неувядающая плоть и неутомимая мускулатура? А доброта, терпение, раздумья — они оставят человека? Сможет ли тогда человек сидеть в кресле-качалке, глядеть, как опускается вечер, и находить удовлетворение в приходе темноты?

Не окажется ли обманом вечная молодость? Не постигнет ли человечество вечная пустота, раздражение от бесконечности дней, разочарование в вечности? Что останется в человеке после десятитысячного бракосочетания, после миллиардного тыквенного пирога, после стотысячной весны с ее сиренью и нарциссами?

Что нужно человеку больше, чем жизнь?

Обойдется ли он меньшим, чем смерть?

Она не могла ответить на эти вопросы, а ответить была должна — хотя бы себе, если уж не остальным.

Мона медленно раскачивалась, и мягкое чудо вечера постепенно вытесняло все мысли.

Внизу, в долине, зажатой между гор, затарахтел первый козодой.

Глава 24

Теперь, когда борода стала густой и закрывала татуировки, Фрост отваживался выходить на улицу еще до темноты.

Как только толпы на улицах рассеивались, он, нахлобучив на голову старую, заношенную шляпу, выходил на промысел. С наступлением сумерек город принадлежал ему. Лишь немногие попадались на пути, но и те куда-то очень спешили — будто существовал закон, обязывающий приличных людей сидеть в это время по домам. И они неслись сломя голову в свои клетушки в гигантских жилых башнях, возвышающихся над городом, словно монументы, воздвигнутые доисторическими тиранами. Фрост, наблюдая за прохожими из-под полей надвинутой на глаза шляпы, прекрасно их понимал — не так давно он и сам был таким же. В жизни есть два дела — торопиться заработать все, что только можешь, и торопиться домой, чтобы, не дай Бог, не потратить лишнего по дороге.

Впрочем, если бы они и хотели удариться в мотовство, ничего бы у них не вышло; все былое кануло в Лету. Где теперь таинственная ночная жизнь города, какой она была полтора столетия назад? Все задавлены желанием жить вечно. Конечно, такое положение дел вполне устраивало Нетленный Центр (если только он сам не приложил к этому руку), ведь чем меньше тратят, тем больше денег попадет в его сейфы.

Итак, с окончанием дневных дел человеческое стадо разбегалось по домам и там старательно развлекалось. Например, читало газеты, полосы которых были заняты лишь очередными сенсациями и перемыванием чьих-нибудь косточек. Или книги — потому что книги были дешевы, и не только по цене, но и по содержанию. Или, как зачарованные, люди просиживали вечера перед телевизором. Или разглядывали марки, стоимость которых страшным образом возрастала с каждым годом. Ну, если не марки, то шахматные фигуры или что-нибудь еще.

Были и такие, кто прибегал к наркотикам, что продавались в любой аптеке и давали человеку пару часов жизни без повседневной монотонности. Потому что ничего нового уже давно не происходило. Когда-то в начале двадцатого века всех взволновали телефон, патефон. Потом появились самолеты и радио, потом — телевидение. А теперь ничего нового не изобретали. Прогресс касался лишь областей, связанных с Нетленным Центром.

Теперь человек был бедней, чем его прародители. Цивилизация оказалась в застое, и уклад человеческой жизни стал чем-то напоминать средневековый. Тогда, чтобы прокормить себя, крестьяне весь день гнули спины на полях, а на ночь, боясь темноты, забивались в лачуги с крепкими дверями.

Вот так и сегодня — торопиться днем и закрываться на ночь. Ночь переждать и снова включаться в гонку.

Но Фросту теперь некуда было спешить. Скрываться — да, но не спешить. Куда ему торопиться, ни одна из его забот этого не требовала. Каждый вечер он забирал свой пакет у бака, выискивал в урнах газеты, подбирал прочую ерунду, которая могла пригодиться. Читал и спал при дневном свете, а с наступлением темноты вновь отправлялся за добычей.

Фрост был не одинок в своих скитаниях по темным и пустым улицам. Иногда он позволял себе перекинуться с кем-нибудь словом, но, не желая ни на кого навлечь неприятности, долгих разговоров не затевал. Впрочем, на пустыре в районе порта он однажды посидел возле костра с двумя бродягами, поговорил с ними. Но, когда пришел туда назавтра, их там уже не нашел. Никаких отношений с себе подобными он не завязывал, да никто из них и не пытался сблизиться с ним. Все они были

одиночки, Фросту просто хотелось узнать — кто они, кем могли бы стать и зачем бродят по ночам. Но он знал, что спрашивать не должен, да ничего они ему и не скажут. И сам он не станет рассказывать о себе.

А что рассказывать-то? Кто он теперь? Уж никак не Дэниэл Фрост, не личность — ноль. Чем он лучше любого из тех миллионов, спящих на улицах Индии, тех, облаченных в отрепья, а то и вовсе нагих?! Чем он отличается от них, живущих впроголодь?!

Какое-то время Фрост ждал, что Святые снова разыщут его, но этого не произошло. Хотя он регулярно встречал следы их деятельности — лозунги, торопливо начертанные на стенах.

НЕ ПОПАДИСЬ НА КРЮЧОК, ПРИЯТЕЛЬ!

ЗАЧЕМ НАМ ЛЖЕБЕССМЕРТИЕ?

А КАК НАСЧЕТ ПРАПРАДЕДУШКИ?!

НАШИ ПРЕДКИ ДУРАКАМИ НЕ БЫЛИ,
А ВОТ МЫ — ПРОСТОФИЛИ!!!

И вновь и вновь повторялся тот самый:

ЗАЧЕМ ИХ ЗВАТЬ ОБРАТНО С НЕБЕС?

Профессиональный рекламщик, Фрост иной раз восхищался их работой. Все это выглядело куда свежее, чем тот замшелый вздор, который сочинял он со своими сотрудниками. Впрочем, их продукция тоже мелькала повсюду, светящиеся буквы украшали многие здания.

Часть лозунгов, надо признать, была позаимствована у рекламщиков XIX века:

НЕ РАСТОЧАЙТЕ — НЕ БУДЕТЕ НУЖДАТЬСЯ!

СБЕРЕЖЕННЫЙ ПЕННИ —
ЗАРАБОТАННЫЙ ПЕННИ!

Но и вновь сочиненные утверждали с той же серьезностью:

НЕ СОМНЕВАЙТЕСЬ, ЭТО ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО!

ТЕПЕРЬ ВЫ СМОЖЕТЕ ВЗЯТЬ С СОБОЙ ВСЕ!

ВЫ ВЕРНЫ ЦЕНТРУ — ЦЕНТР ВЕРЕН ВАМ!

Увы, все это представлялось теперь весьма банальным — для него, стороннего наблюдателя.

Итак, он рыскал по улицам один, без особенной цели. Уже не убегал. Не нервничал, как хищник в клетке, но странствовал и ощущал, что стал — пусть и не по своей воле — жить так, как и подобает. Впервые он разглядел сквозь городское зарево звезды, восхитился их чудом и задумался о том, как они далеки, прислушался к говору реки, плавно катившей свои волны: теперь у него было время смотреть по сторонам.

Но так бывало не всегда. Иной раз накатывал приступ гнева, а остыв, он принимался строить многоходовые, фантастические и на удивление нелепые планы мести — именно мести, а не возвращения в круг нормальных граждан.

Так он и жил. Спал, бродил по улицам и питался тем, что оставлял для него человек из ресторана — полбуханки черствого хлеба, залежалый кусок пирога, что-нибудь еще. Теперь он ожидал его в переулке, вовсе не заботясь о том, чтобы остаться незамеченным. Человек выходил со свертком, он приветствовал его взмахом руки, человек отвечал тем же. Они не разговаривали, не пытались сблизиться, был только этот дружеский жест, но Фросту казалось, что человек этот — его старинный приятель.

Однажды Фрост решился на паломничество туда, где жил до суда, но, не дойдя квартала, повернул обратно. Он понял, что возвращаться незачем, там ничего уже не осталось.

Его имя в подъезде, конечно, заменено другим, другая, но абсолютно такая же машина припаркована на стоянке — в ряду таких же, уткнувшихся носами в кирпичную стенку соседнего дома. А его машина давно увезена по акту о конфискации. Сам дом? Что ему до дома? Сейчас ему куда милее подвал, в котором он обитает.

Вернувшись в подвал, он принялся заново обдумывать свое положение. Что же делать? Но в голову не приходило ничего нового. Впереди брезжил только один путь — в холодильник, где, верно, будет не так уж плохо. Но ему это не подходило. Потому что если он отправится туда сейчас, то выйдет оттуда нищим, и вторая жизнь у него будет не лучше, чем у пеона из Южной Америки. Не лучше, чем у нищего индуса. Но

если он останется жить, то, как знать, может, удастся составить себе состояние — хоть какое, лишь бы не начинать вторую жизнь с нуля.

Скорее всего ему не светит сделаться миллионером. Но хоть бы не стоять в очереди за благотворительной похлебкой и не дрожать без крова над головой. В том мире, где придется родиться заново, лучше быть мертвым, чем нищим.

Он содрогнулся, подумав о том, как это страшно — оказаться бедным в блестящем богатом обществе; там, где люди проснувшись обнаружат, что их сбережения увеличились многократно. И богатство их будет прочным, потому что, когда держатели акций Нетленного Центра вернутся к жизни, вся Земля станет собственностью Центра. Тогда те, у кого были акции, разбогатеют, у других же не останется ни малейшего шанса выбраться из нищеты.

Хотя бы поэтому он не отправится туда, в склепы, по своей воле. Есть и еще одна причина: Маркус Эплтон, ведь тот спит и видит, что Фрост поступит именно так.

Думая о будущем, Фрост видел перед собой бесконечную дорогу, где дни казались деревьями вдоль обочины. Другой дороги не было, а эта вела в никуда.

День он проспал, а к вечеру снова отправился за свертком.

Была уже ночь, когда он вошел в переулок. Свертка не было, он пришел рано. Человек еще не выходил.

Фрост отошел в темный угол возле стены, сел на корточки и стал ждать.

Мягко ступая, подошел кот, был он какой-то настороженный и недоверчивый. Замер, уставился на Фроста. Решив, что тот опасности не представляет, кот принялся умываться.

Задняя дверь ресторана открылась, в ночь упала полоса света. Человек вышел, его белая куртка сияла на свету, в правой руке он держал корзинку с мусором, в левой — пакет.

Фрост поднялся, чтобы пойти навстречу.

Вдруг где-то рядом хлопнул выстрел, человек распрямился, дернулся, его голова запрокинулась. Корзина выпала, перевернулась, разбрасывая мусор.

Человек согнулся пополам и рухнул на дорожку, а корзина еще крутилась, пока, наткнувшись на тело, не замерла.

Фрост по инерции сделал еще шаг вперед.

Кот убежал. Тишина — ни шагов, ни криков.

В голове моментально пронеслось — ловушка!

Человек убит выстрелом в голову, поврежден мозг (черное пятно залило его лицо), и это не оставляет шансов на воскрешение. У него уже не будет второй жизни.

В переулке убит человек. Кто был в переулке? Фрост. Он не вооружен? Какая ерунда, револьвер непременно найдется.

Приехали, подумал Фрост. Здесь пахнет уже не изгнанием, а смертью. Он убил человека выстрелом в голову. Что он заслуживает? Смешной вопрос...

Но он не убивал! А кого это волнует? Кого в тот раз интересовало, что никакой измены он не совершал?

Фрост обернулся и посмотрел вверх.

Двухэтажное здание, в высоту футов тридцать или чуть меньше. Но здесь, прямо перед его глазами, был когда-то навес над входом — на стене остался похожий на перевернутую букву «V» ряд кирпичей, наполовину выступающих из стены.

Фрост разбежался и подпрыгнул. Сумел уцепиться за нижний кирпич и замер, ожидая, что тот под его тяжестью обломится либо выскочит из кладки. Нет, кирпич держался крепко. Он протянул вторую руку и ухватился за следующий кирпич, подтянулся, правой рукой ухватился за третий и левой дотянулся до четвертого.

Так в спешке он карабкался наверх, мышцы неожиданно наполнились силой, нервы собрались в комок.

Уцепившись за пятый кирпич и поставив на нижний ногу, он вытолкнул себя вверх. Оперся локтями о край стены, быстро подтянулся и плашмя рухнул на крышу. Парапет в два фута высотой скрывал его от тех, кто мог оказаться на улице.

Он лежал, тяжело дыша, прижавшись к крыше, а в переулке уже раздавались звуки чьих-то шагов и крики.

Здесь оставаться нельзя. Надо уносить ноги — не только с крыши, из переулка, из района. Не найдя никого внизу, они примутся обшаривать крыши. К этому времени надо успеть удрать.

Фрост осмотрелся. Какое-то возвышение на крыше его заинтересовало, и он пополз туда.

Крики внизу усилились, к ним добавился вой спасательной машины. Приехали они вовремя, вот только человеку, лежащему там, прока от этого мало.

Фрост дополз до возвышения и увидел, что это крышка люка, квадратная, деревянная, обшитая жестью.

Пригнана она была на славу. Фрост изловчился, уцепился за край и дернул. Кажется, поддалась. Он дернул сильнее, крышка слетела. Что там внизу?

Темень кромешная. Фрост с облегчением вздохнул, хотя радоваться было еще рано — там могло оказаться что угодно.

Он оттащил крышку в сторону, свесил ноги и повис на руках. Конечно, он понимал, что там, внизу будет пол, но все равно ощущал себя повисшим над бездной.

Отпустил руки. Летел фута два или около того. Что-то сломалось под ним при падении. Больно. Фрост вжался в пол, вслушиваясь в звуки.

Сирена замолкла, и воцарилась тревожная тишина. На улице закричал какой-то мужчина, но здесь, в этом здании, было совершенно тихо.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и Фрост различал уже какие-то смутные очертания. Слабый свет проникал в помещение — очень большое, занимавшее весь второй этаж дома. Высокие, вытянутые окна выходили на улицу.

Какая-то мебель. Гнутые стулья, приземистые столы, составленные в ряд ящики. Похоже, он очутился в демонстрационном зале второразрядного магазина.

Надо бы поставить крышку на место, подумал он. Ее увидят и сразу поймут, куда он делся. Но как? Искать лестницу? Где?

Не мог он терять время. Надо немедленно выбраться отсюда.

Фрост проковылял по комнате и, отыскав выход, спустился вниз.

Там было гораздо светлее.

Подошел к двери, освободил запор, слегка приоткрыл. Поглядел на улицу. Улица казалась пустой.

Выскользнув наружу, дверь он оставил приоткрытой — вдруг придется вернуться. Прижался к фасаду и осмотрелся. Пусто.

Перебежал на другую сторону, добрался до угла, свернул и перешел на быстрый шаг. Через два квартала

ему встретился пешеход, но тот на него даже не взглянул. Появилось несколько машин, он шмыгнул в подворотню и переждал, пока те проедут.

Через полчаса он понял, что пронесло.

Надолго ли? Опять придется скрываться.

В подвале? Нет, люди Эплтона выследили его — как бы иначе они могли подстроить ему сегодняшнее? Да, еще немного — и Фрост никому бы уже не был опасен.

Но кому и чем он опасен? О чем, наконец, шла речь в той записке? Да и вообще, попала ли записка в конверт, который он отдал Энн?

Вспомнив о ней, Фрост запаниковал. Если Эплтон узнает, что бумага у нее, Энн грозит смертельная опасность. Любой, кто соприкасался с ним, нынче в опасности.

Человек из ресторана не сделал ничего, только проявил сострадание к незнакомцу и теперь лежал бездыханный — лишь потому, что его смерть помогала загнать в угол того, кому он помогал.

Эплтон знает, что Энн говорила с ним. Скорее всего именно тогдашний ее приход и повлек за собой его арест и осуждение.

Может быть, подумал Фрост, следует предупредить ее? Но как? Позвонить? Но у него нет денег. Да и телефон наверняка прослушивается. А за ней самой следят.

Пойти на встречу с Чэпмэном? Но и это опасно — не так для него, как для Чэпмэна и Энн. Эплтон мог проведать, что его посетил Чэпмэн, и тут уж не нужно особой сообразительности, чтобы связать все с Энн.

Лучшее, что он мог сделать, — держаться подальше от обоих.

Их бы предостеречь, да только попытайся он это сделать, причинит им больше вреда, чем не предпринимая ничего.

Бумага, думал Фрост. Если бы у Энн не было этой бумаги! Тогда она была бы в безопасности, но документ вернулся бы в руки Эплтона и Лэйна. Его квартиру, несомненно, перевернули вверх дном в поисках зловещего листочка.

Что там было? Одна строчка. Что-то внести в список. Список. Он не мог вспомнить, в мозгу — стоило лишь об этом подумать — образовывалась пустота.

Бессмыслица. Что за список? Что такого могло быть в каком-то списке, чтобы не только уничтожить его, но и травить всех, кто находится с ним в связи?

Все началось с глупого инцидента, с оплошности курьера. Вся путаница, которая последовала потом, — возвращение пакета Лэйну, объяснения... Надо было вернуть и эту бумажку, но она показалась такой чепуховой, что он решил...

От каких странных мелочей зависит человеческая судьба, подумал Фрост, и отправился в долгий и безысходный путь, стараясь держаться в тени.

Главное сейчас, понимал он, как можно дальше уйти от переулка. Но до рассвета он должен найти укрытие, а ночью опять в бега.

Глава 25

Два человека преклонных лет встретились в парке, чтобы сыграть в шашки.

— Вы слышали последние новости из Центра? — осведомился один, одетый с некоторой долей экстравагантности.

— Столько всего, — отвечал другой, расставляя шашки, — что уже не знаешь, чему и верить. Теперь они заявляют, что когда им удастся решить проблему бессмертия, то умирать уже вообще будет не надо. Они просто выстроят всех в очередь, сделают укольчик в руку, и мы станем опять молодыми, но жить будем уже вечно. Вы об этом?

— Нет, — покачал головой экстравагантный. — Совсем о другом. Новость из первых рук. У моего племянника зять работает в одной из лабораторий Центра. Так вот, он рассказывал... Знаете, кажется, многих ожидает бо-о-о-льшой сюрприз!

— Какой еще сюрприз?

— Ну, возможно, я употребил не совсем то слово. Может, никто и не удивится. Когда смерть не за горами, ничему уже особенно не удивляешься.

— Опять вокруг да около, — недовольно пробурчал партнер, — что бы вам прямо не сказать, о чем речь.

— Я, скажем, предварительно ввожу вас в курс дела.

— Ну так к делу и начнем играть.

— Кажется, — заявил экстравагантный, — они обнаружили, что есть такой сорт бактерий, он, помнится, так и сказал — бактерий, которые живут внутри мозга. И, представьте, эти бактерии прекрасно себя чувствуют, когда тело заморожено. Мозг просто ледышка, а их ничем не проймешь. Живут себе, размножаются и поедают мозг.

— Не верю я этому, — покачал головой второй. — Такую чепуху все время болтают. Уверяю вас, Джон, ни капли истины тут нет. Не удивлюсь, если такие истории сочиняют Святые, им лишь бы нас одурачить. Раз эти бактерии у нас в мозгу, так чего они не съедят его, пока мы еще теплые?

— Вот в том-то и дело! — обрадовался Джон. — Пока мы живы, в мозгу есть антитела, что ли? Так те бактерии у них под контролем. А когда мозг заморожен, антитела не производятся и бактериям полное раздолье. Представляете, в подвалах навалом людей, у которых уже вообще нет мозга, а только череп, и там кишмя кишат бактерии!

Глава 26

Фрост принял решение. Для начала нужно было угнать автомобиль.

Это оказалось непросто. Предстояло найти машину, хозяин которой по забывчивости оставил бы ключ. Фрост знал, что есть способ включить зажигание и без ключа, но как именно — понятия не имел. Кроме того, он беспричинно боялся электричества и возиться с проводами не хотел.

На четвертую ночь поисков он обнаружил такую машину, припаркованную возле продовольственного рынка. Фрост разведал обстановку и удостоверился в том, что поднимать тревогу некому. Скорее всего владелец машины допоздна торгует на рынке. В глубине площади, правда, светились окна, но они были расположены слишком высоко и, чтобы заглянуть в них, надо было обладать недюжинным ростом. Да и вряд ли кто станет глазеть на улицу.

Он завел мотор и, затаив дыхание, вывел машину со стоянки. Дыхание восстановилось, лишь когда он проехал пару кварталов.

Спустя полчаса он притормозил, порылся в сумке с инструментами и обнаружил маленькую отвертку. Проехав еще милю, выбрал место потемнее — на бульваре, в тени огромных вязов, и остановился вплотную к другой машине. Тихо, почти на ощупь поменял у машин номерные знаки.

Отъезжая, он подумал, что эта подмена — пустая трата времени, но все же, когда через пару часов машины хватятся, смена знаков, пожалуй, увеличит его шансы улизнуть.

Здесь, на западной окраине города движение было небольшим. Он часто разгуливал здесь в поисках автомобиля и решил, что лучшего места для убежища не сыскать. Здесь начинались обширные земельные угодья, давно уже не возделываемые, но еще не захваченные городом. Кроме того, он чувствовал, что Эплтон не предполагает, что он может покинуть город.

Фрост знал, что вдали от города возникнут новые проблемы. Пища, например. Но у него была смутная, ни на чем не основанная уверенность, что он справится. Приближается сезон грибов и ягод, он мог наловить рыбы и даже поставить ловушки на зверьков. Благодаря Энн он был теперь мало-мальски экипирован. Его карманы раздувались от всякой всячины, переданной Чэпмэном: рыболовные крючки и леска, зажигалка с запасным баллончиком, кремнями и фитилями, тяжелый складной нож, маленькие ножницы, расческа, консервный нож (от которого, впрочем, в глуши не было никакого толку) и маленькая аптечка. С этим он не пропадет, хотя и не известно, как все обернется.

Теперь он не позволял себе задумываться о побочных делах. Главное — выбраться из города и отыскать место, где не придется прятаться от всех подряд.

Мысль о бегстве из города возникла после случая у ресторана. Позже он решил, что отправится на запад — на ту самую ферму, где проводил каникулы в детстве. Почему? Он не знал, более того — понимал, что отправляться туда глупо, но что-то толкало его именно туда.

Днем, таясь в убежищах, Фрост пытался разобраться в причинах, побуждающих его направиться к местам детства. Зачем? Что это, потребность прибиться хоть к чему-то знакомому? Неосознанное, но настоятельное желание постоять на земле, которую знаешь и которая знает тебя? Найти свои корни, какими бы слабыми и неглубокими они ни были?

Он не мог понять. Только чувствовал, что существует нечто более сильное, чем здравый смысл. Что ж, он едет туда.

Он мог ехать по одной из центральных магистралей, но не смог заставить себя показаться на людях — вдруг кто-нибудь случайно узнает его.

Без карты, ориентируясь только по луне — строго на запад, он ехал в сторону заброшенной фермы.

Час или дольше он пробирался жилыми кварталами, перемежающимися небольшими торговыми центрами. После начали попадаться большие открытые поля, лежащие между крохотными поселениями. Он ехал уже не по улице, а по дороге — узкой, с плохим покрытием. Вскоре и она кончилось. Дома попадались все реже, а потом и вовсе исчезли. На черном небе вырисовывались кроны деревьев.

На перевале через оголенный гребень горы, куда, петляя, привела его дорога, он остановился и вышел из машины, чтобы оглядеться.

Позади, сколько хватал взгляд — мерцали огни оставленного города. Впереди — темнота без единого проблеска света.

Он большими глотками вдыхал воздух — воздух, в котором были свежесть и прохлада свободной земли. Пахло соснами и пылью. Ну, вот и все — он сделал это. Город позади.

Фрост снова забрался в машину. Дорога не становилась лучше, но вела строго на запад. На рассвете он съехал с нее, проехал по старому, заросшему сорняками и кустарником полю и остановился у дубовой рощи.

Выбрался из машины и потянулся, желудок сводило от голода, но это было ничто по сравнению с обретенной свободой.

Глава 27

Прождав час, Энн Харрисон вошла в кабинет Маркуса Эплтона. Тот был любезен и производил впечатление умного и процветающего бизнесмена.

— Мисс Харрисон, — приподнялся ей навстречу Эплтон, — очень рад видеть вас. Наслышан, наслышан — в связи с известной проблемой, которую вы подняли на некоем судебном процессе.

— Моему клиенту это не помогло, — заметила она.

— И все же об этом стоило заговорить. По крайней мере, видно, что правосудие эволюционирует.

— Благодарю за комплимент, — ответила Энн, — если, конечно, это комплимент.

— О, несомненно, — расцвел Эплтон. — Я совершенно искренен. Но чем обязан? Что я могу сделать для вас?

— Во-первых, — деловито приступила Энн, — уберите прослушивание. Во-вторых, отзовите своих ищеек, которых вы приставили следить за мной. И скажите мне, что все это означает.

— Но, моя дорогая юная леди...

— Не тратьте силы на возражения, — прервала его Энн. — Я знаю, что прослушивающие устройства у вас есть. Скорее всего, на центральном коммутаторе. Я составила иск против вас и вашей службы, вы вмешиваетесь в мою жизнь, а также — в жизнь моих клиентов. Что, как вы понимаете, в данном случае гораздо серьезней.

— У вас ничего не выйдет, — грубо оборвал ее Эплтон.

— Почему же? Мне так не кажется, — пожала плечами Энн. — Какой суд пройдет мимо такого: вмешательство в отношения адвоката и клиента? Это, что ни говорите, подрывает сами основы правосудия.

— У вас нет доказательств.

— Почему же, есть. Но я не собираюсь обсуждать их с вами. Впрочем, если они недостаточны, хотя мне кажутся вполне убедительными, суд назначит расследование.

— Еще чего! — взорвался Эплтон. — Делать суду больше нечего, как рассматривать любое вздорное обвинение...

— Конечно. Но подобного рода...

— А чем дело кончится, знаете? Вас лишат практики.

— Может быть, — согласилась Энн, — если вы умеете манипулировать судьями. Но я не думаю, что ваши дела настолько блестящи.

— Манипулировать судьями! — прошипел Эплтон.

— Ну да, — кивнула Энн. — Судьями и редакторами газет. Но слухи-то вы контролировать не умеете. Если суд не даст мне слова, если газеты смолчат — запашок все равно останется. И такой, поверьте, мистер Эплтон, какого вы еще не нюхали, уж я позабочусь об этом.

— Вы мне угрожаете? — спросил он пронзительным голосом, похожим на скрип.

— Нет, что вы, — возразила Энн. — Не думаю, что до этого дойдет. Пока я еще верю в правосудие. Я еще верю, что суды имеют отношение к правосудию. И не верю, что вам удалось нацепить намордник на все газеты.

— Не высоко же вы цените Нетленный Центр.

— А, собственно, почему я должна ценить его высоко? Вы все сожрали, все подавили. Вы остановили прогресс и превратили людей в олухов. Есть еще правительства, но эти тени живут только вашими желаниями. И все оправдывается тем, что вы предлагаете человечеству нечто! Не слишком ли высокая цена?

— Хорошо, — вздохнул Эплтон. — Если ваш телефон прослушивается и мы это прекратим, если я уберу тех, кого вы называете ищейками, то что тогда?

— Но, конечно, вы этого не сделаете, — усмехнулась Энн. — Но если бы и сделали, то остается еще одно. Сообщить мне причину!

— Мисс Харрисон, — осторожно начал Эплтон. — Буду столь же откровенен. Если мы и оказывали вам непродолжительное внимание особого рода, то только потому, что заинтересовались вашими отношениями с Дэниэлом Фростом.

— А какие у меня с ним отношения? Я его видела всего-то раз.

— Вы посещали его?

— Да, я заходила к нему просить помощи для моего клиента,

— Для этого Чэпмэна?

— Мне бы не хотелось, чтобы вы говорили о Чэпмэне в таком тоне. Человек осужден по устаревшему и жестокому закону, который является прямым следствием того дикого образа жизни, который Нетленный Центр навязал всему миру.

— Вы просили Фроста помочь Чэпмэну?

— Он сказал мне, — кивнула она, — что ничего не может сделать, но, если в будущем такой случай ему представится, он им воспользуется.

— Так Фрост не ваш клиент?

— С чего вы взяли?

— Он передал вам документы.

— Он передал мне какой-то конверт. Запечатанный. Понятия не имею, что там.

— Но он не стал вашим клиентом?

— Мистер Эплтон, о чем вы? Один человек доверил другому человеку конверт. Всего-то. При чем тут какие-то юридические отношения?

— Где конверт?

— Как? — удивилась Энн. — Я полагала, что у вас. Кто-то из ваших людей основательно порылся в моем кабинете, да и во всей квартире. Если не у вас, то уж не знаю, где он может быть.

Эплтон замер и, не мигая, уставился на Энн.

— Мисс Харрисон, — сказал он наконец. — Вы самый хладнокровный посетитель из всех, кто когда-либо побывал здесь.

— Что поделаешь, — усмехнулась она, — когда входишь в клетку со львом, то льва бояться не следует.

— Вы и я, — Эплтон лениво постучал ручкой по столу, — люди одной породы. Вы пришли сюда, чтобы заключить сделку.

— Я пришла, — поправила она, — чтобы согнать вас с моей шеи.

— Конверт, — предложил он, — и Фрост восстановлен.

— Приговор отменен? — саркастически улыбнулась она. — Татуировки сведены? Возвращены имущество и работа, воспоминания стерты, слухи рассеяны?..

— Мы можем договориться, — кивнул Эплтон.

— Это очень мило с вашей стороны, — заметила она. — Ведь вы могли запросто убрать его.

— Мисс Харрисон, — грустно произнес Эплтон. — Похоже, вы считаете нас чудовищами.

— Конечно, — согласилась она.

— Конверт? — спросил он.

— Думаю, он у вас.

— А если нет?

— Тогда не знаю. И все это, в любом случае, бессмысленно. Я пришла сюда не затем, чтобы, как вы выразились, заключить сделку.

— Но раз уж вы тут?

— Не имею полномочий. Такие разговоры должны вестись с самим Фростом.

— Вы можете ему передать.

— Да, — произнесла она беспечно. — Могла бы..

Эплтон подался вперед слишком быстро, выдав свое нетерпение.

— Тогда, может быть, вы это сделаете?

— Я не договорила. Могла бы — если бы знала, где он теперь. Право же, мистер Эплтон, не вижу в этом смысла. Мне все это неинтересно, и я сомневаюсь, что интересно и самому Фросту.

— Но Фрост...

— Вряд ли он вам доверяет.

Она поднялась и пошла к дверям.

Эплтон неуклюже вскочил и заторопился за ней.

— А что до того дельца... — начал было он.

— Я решила, — оборвала его Энн, — что подам свой иск. Мне стало ясно, что доверять вам я не могу

Уже в лифте ее начали одолевать сомнения: ну, и чего, собственно, она достигла? Дала понять, что обна-

ружила слежку, это — раз. И узнала, что Эплтон, как и она, не осведомлен о том, где теперь Фрост.

Она прошла через вестибюль, вышла на улицу и направилась к стоянке; там, возле ее машины, стоял какой-то человек — высокий и худой. Он был сед, лицо избороздили морщины.

Увидев Энн, он отворил перед ней дверь машины и сказал:

— Мисс Харрисон, мы не знакомы, но я — ваш друг, а вы нуждаетесь в друзьях. Вы говорили с Эплтоном...

— Будьте добры, оставьте меня в покое, — резко ответила Энн.

— Меня зовут Джордж Саттон, — сказал он, склонившись к ее уху. — Я из Святых. Эплтон бы многое дал, чтобы заполучить меня. Я родился Святым и останусь им навсегда. Не верите — взгляните.

Саттон распахнул рубашку и показал на правую сторону груди.

— Видите, нет шрама, — пояснил он. — Мне не вшивали передатчик.

— Но шрам мог исчезнуть.

— Нет, — покачал головой Саттон. — Следы остаются. Вы растете; и вам вшивают новые передатчики. А последний — когда вам уже лет двадцать. Шрамы не исчезают.

— Забирайтесь в машину, — приказала Энн, — не то вас заметят. Но если вы не из Святых...

— Вы думаете, я из Нетленного Центра? Но...

— Полезайте же, — оборвала его объяснения Энн.

На улице машина моментально растворилась в общем потоке.

— Я видел Дэниэла Фроста, — начал Саттон. — В ту, первую ночь. Один из моих людей привел его, и я с ним говорил.

— О чем?

— О многом. О наших лозунгах, например. Он считает эту работу простым мальчишеством. Я спросил его и о том, верит ли он в Бога. Я всегда спрашиваю об этом людей. Мисс, это странный вопрос — о чем мы говорили? Какая разница?

— Разницы нет, я знаю, о чем шла речь.

— Вы его видели?

— Нет, я его не видела.

— А кто?

— Другой человек. Дан рассказал ему о вашем разговоре, о Библии, о Боге.

— Значит, теперь вы мне верите?

— Не знаю, — бесстрастно произнесла она. — Кажется, хотя и не вполне. Я не уверена ни в чем. Это кошмар: ничего не знаешь, находишься под наблюдением. Я знала, что они следят за мной, я их видела. Поняла, что телефон прослушивается. Не смогла смириться, потому и пошла к Эплтону. Но ведь и вы — тоже следили!

Он кивнул:

— Да. За вами, за Фростом и за тем человеком — за Чэпмэном. Мисс, мы не только пишем лозунги на стенах. Мы делаем и многое другое, мы боремся с Нетленным Центром любыми способами.

— Зачем?

— Они наши враги, враги человечества. Мы — все, что осталось от прежнего мира, а теперь мы — подполье, и туда нас загнали они.

— Да я не это имела в виду. Зачем вы следили за нами?

— Но, поймите, мы можем помочь вам. Мы были рядом, когда произошло убийство около ресторана. Мы помогли бы Фросту, но он обошелся и без нас.

— Вы знаете, где он?

— Нет. Мы знаем только, что он угнал машину. Видимо, покинул город. Мы потеряли его из виду, когда он направился на запад.

— И вы решили, что знаю я.

— Нет, не совсем так. Мы бы не пошли на контакт с вами, не пойди вы к Эплтону.

— Какая связь? Что же, я не могу...

— Нет, конечно же. Но теперь Эплтону известно, что вы знаете о слежке. Пока вы изображали из себя дурочку, вы были в безопасности.

— А теперь — нет?

— Вам не под силу воевать с Центром. Никто из людей на это не способен. Несчастный случай, что угодно. Мы уже насмотрелись на то, как это бывает.

— Но что ему от меня нужно?

— Да не нужно ему от вас ничего, ему нужно, чтобы вас не было. Он уберет вас, уберет Фроста и будет чист, как стеклышко.

— Вы что-то знаете?

— Мисс, — тяжело вздохнул Саттон, — я был бы идиотом, когда бы не имел своих каналов в Центре.

Вот оно как, подумала она. Не религиозные фанатики, не простодушные сочинители лозунгов, а хорошо организованные мятежники, которые годами остаются в тени, доставляя Центру больше неприятностей, чем кто-либо еще.

Но и они обречены. Никто не может устоять против структуры, которая, по сути, стала владелицей всего мира, да еще и обещает вечную жизнь.

Но в такой гигантской структуре неизбежно сыщутся «каналы». Их найдут не только Святые, а любой, кому это понадобится. Потому что существует алчность, а раз так — всегда отыщутся те, кто пойдет на это, лишь бы улучшить свои виды на вторую жизнь.

— Полагаю, что должна быть вам благодарна, — сказала Энн.

— Не за что.

— Где вас высадить?

— Мисс Харрисон, хочу сказать вам еще несколько слов и надеюсь, что вы меня выслушаете.

— Да, конечно.

— Та бумага...

— Так она и вам нужна?

— Если с вами что-то произойдет, если вдруг...

— Нет, — твердо сказала Энн. — Бумага не моя. Она принадлежит Дэниэлу Фросту.

— Но если документ пропадет? Разве вы не понимаете, что это оружие? Я не знаю, что в нем, но...

— Понятно. Вы используете все, что попадает вам в руки. Неважно что и неважно — каким образом.

— Не слишком лестно для нас, но, признаюсь, дела обстоят именно так.

— Мистер Саттон, — сказала Энн. — Я бы хотела, чтобы вы вышли.

— Если вы так хотите, мисс.

— Да, я так хочу. И оставьте меня в покое. За мной и так уже следят, а сразу с двух сторон — это уже многовато.

Визит к Эплтону был ошибкой, поняла она. Какой там суд, дела такого сорта к суду не имеют отношения! И в блефе, как бы тот ни был удачен, тоже нет ничего хорошего. Слишком высока ставка, слишком много лю-

дей тут завязано. Со всеми не сблефуешь, от всех не спрячешься.

Выход? Возвращаться домой или в контору она уже не может, остается единственное...

Она притормозила, и Саттон тяжело выбрался на тротуар.

— Спасибо, что подвезли, — не без ехидства поблагодарил он.

— Что вы, что вы, — механически ответила она.

У нее были с собой какие-то деньги, кредитная карточка, так что возвращаться действительно незачем.

Ну вот, в бегах, усмехнулась она. Впрочем, не совсем так. Ехать к кому-то — это не то же самое, что от кого-то убегать. Слава Богу, хотя бы с ним пока все в порядке...

Глава 28

Остался позади Чикаго с окутанными туманом громадами каменных башен, теснящимися вдоль озера. Теперь Фрост продвигался на север по узким, петляющим дорогам. Временами они сужались до того, что становились непроходимыми. Тогда он возвращался и искал другой путь — другую едва приметную в траве дорогу, которая вела в нужном направлении.

И так на протяжении всего пути от восточного берега, в час по чайной ложке. Хотя, собственно, куда спешить? У него нет никакой причины — не переставал он удивляться — ехать именно туда. Это место он выбрал, положившись целиком на эмоции, без какого-то особого умысла. Что он там найдет? Покой? Возможность заново обрести себя? Это лишь фантазии. Он приедет, а там окажется пусто и скучно, и само место ничем не отличается от любого другого. Странно, но он все равно продолжал свой путь — ведомый каким-то смутным внутренним побуждением.

Людей Фрост встречал редко. Земли, по которым он проезжал, были заброшены. Изредка натыкался он на какую-нибудь нищую семейку, которая нашла себе пристанище в одном из покинутых фермерских домов. Иногда попадались мелкие деревушки, все еще обитаемые — какие-то люди упорно отказывались присоединиться к остальным, уйти в мегаполисы, и существовали

на крошечных островках среди пустых и обветшалых строений.

Временами он видел спасательные станции: машины, вертолеты стояли, готовые отправиться за телом в тот самый миг, когда вмонтированный в плоть передатчик прекратит подавать сигналы, что сердце человека еще бьется — определив на мониторе место его смерти.

Какая там у них работа, думал Фрост. Месяцы, наверное, проходят без единого вызова: считанные единицы умирают в квадрате, что обслуживает станция.

Но даже в местах, которые полностью обезлюдели, станции существовали — были ведь и путешественники.

Потому что, невзирая на все слухи и сплетни, Нетленный Центр поддерживал веру в себя, продолжая традиции, заложенные в момент его основания.

Так и должно быть, говорил себе Фрост, ощущая прилив гордости. И никак иначе: эта вера — единственный фундамент, на котором может быть воздвигнута столь прочная социальная структура.

Разбитые дороги не позволяли ехать быстро. А еще приходилось останавливаться, чтобы раздобыть пропитание.

Он собирал ягоды, наведывался в старые, но еще плодоносящие сады. Рыбачил — не без успеха — в мелких ручьях и небольших речках. Даже попытался сделать лук из орехового прута. Вырезал ясеневые стрелы и часами тренировался в стрельбе. Но это оказалось пустой тратой времени — лук получился корявый и бил неточно. Правда, ему удалось подстрелить крота — старого и жилистого. Но все-таки это было мясо, настоящее мясо — впервые за многие недели скитаний.

В заброшенном фермерском доме он отыскал котелок, ржавый, но целый. Несколькими днями позже на берегу мутного пруда поймал черепаху, неосмотрительно отошедшую слишком далеко от воды, и сварил себе суп. Вкус был сомнителен, но какая разница, главное — еда.

Наступили праздные времена. Он не прятался, не убегал, медленно продвигаясь по длинной, извилистой дороге — хорошее время. Найдя удачное место, он останавливался на несколько дней — отдыхал, рыба-

чил, купался, пытался заготовить провизию впрок: даже коптил рыбу — впрочем, эксперимент не удался.

Назад Фрост уже не оглядывался. Конечно, Маркус Эплтон продолжал охотиться за ним, но он мог еще не сообразить, что его жертва покинула город. Конечно, кражу машины давно обнаружили; возможно, нашлась и та машина, с которой он снял номера. Ну и что? Как это могло привести преследователей к нему? Да и то — опознать машину — труд нелегкий, слишком они все похожи. Впрочем, как могло быть иначе, когда их выпускала единственная компания, вовсе не заботящаяся о расширении ассортимента: покупали и так, других ведь не было.

Фрост добрался до реки. Начинались знакомые места. Старый железный мост, рыжий от ржавчины, все еще нависал над водой, к востоку сгрудились серые, пожухлые здания покинутой деревни, а на запад от моста — вдоль реки — тянулась старая проселочная дорога.

Двадцать миль, прикинул Фрост, всего двадцать миль, и он дома. Хотя какой там дом — просто место, где когда-то бывал.

Фрост свернул на дорогу; узкая колея почти сплошь заросла травой, по обочинам буйствовал кустарник, ветви скребли по корпусу машины.

Ярдов через сто деревья кончились, уступив место небольшому лугу, который был когда-то кукурузным полем. За лугом вновь начинались заросли. Неподалеку, на вершине холма, среди разросшегося кустарника стояли два полуразрушенных строения.

А возле дороги раскинулся лагерь. Грязные, залатанные палатки были расположены кругом; от костров вились струйки голубого дыма. Три или четыре полуразбитые машины стояли чуть поодаль, рядом переминались какие-то животные. Лошади, наверное, подумал Фрост, хотя никогда в жизни не видел лошадей. И еще там были люди и собаки. Все обернулись в его сторону, и некоторые бросились ему наперерез с пронзительными ликующими воплями.

Фрост мигом понял, что наткнулся на лагерь Бродяг, на один из тех странных и опасных кланов, которые годами странствовали по необжитой земле; на людей, которые противились любым попыткам привязать их к

общепринятой жизни. Их было очень немного, но на одну из этих банд он умудрился-таки напороться!

Фрост было притормозил, но тут же резко прибавил скорость, надеясь, что сумеет опередить людей.

На мгновение показалось, что он успевает, он уже обгонял вырвавшихся вперед, видел их орущие лица — бородатые, грязные; рты, оскаленные в крике. Но...

Толпа врезалась в машину, как врезаются головой в забор. Машина подпрыгнула, сбилась с колеи и стала крениться на бок, два колеса, еще сохранившие сцепление с землей, волокли ее вперед, и тут толпа окончательно ее перевернула.

Машина рухнула на траву, проскользила по ней и замерла. Кто-то рывком открыл дверь и протянул руки, чтобы выдернуть Фроста наружу. Его выволокли и повалили на землю, потом поставили на ноги. Бродяги окружили его, но их лица были уже не злобными, а даже веселыми.

Стоявший в центре оборванец многозначительно подмигнул ему.

— Это так мило с вашей стороны — предоставить нам машину, — сообщил он. — Видит Бог, мы так в ней нуждались! Старые уже едва передвигаются.

Фрост не отвечал. Он оглядывал собравшихся: все они безудержно хохотали. Здесь же болтались и дети, неуклюжие и грязные мальчишки, глупо таращившие на него глаза.

— Лошади — дело хорошее, — продолжал главный, — но с ними много возни. Милю едешь, две несешь, да и корми их все время. Нет, машинки — куда лучше.

Фрост, не зная, как держаться, продолжал молчать. Понятно, что машины ему не видать как своих ушей, и с этим уж ничего не поделать. Пока что они радовались удаче и его оторопи, но скажи он что-нибудь не то, они моментально покажут зубы.

— Па! — закричал какой-то мальчишка. — Что это у него на лбу? Что за красный кружок?

Смех прекратился, и наступила тишина. Лица помрачнели.

— Изгнан! — закричал вожак. — Он — изгнанник!

Фрост повернулся и неожиданно метнулся в сторону. Схватившись за верх машины, он перемахнул через нее. Споткнулся, упал и увидел, что бродяги уже с двух сторон обегают машину. Ловушка! Впереди — река, с

флангов — эти люди. Они опять гоготали, только в смехе на этот раз звучала угроза, и он смахивал на истеричный вой гиен.

Мимо просвистели камни, он пригнулся, чтобы укрыть голову, но один камень все же угодил в щеку, ударив так, что Фросту на миг показалось, будто отваливается голова. Все окуталось туманом, и он рухнул лицом вниз, не ощущая, как его хватают грязные руки, поднимают и куда-то несут. Он слышал только чей-то низкий голос, выделяющийся среди остальных.

— Погодите, ребята, — командовал тот, — еще не кидайте. Он пойдет ко дну, если мы не снимем с него ботинки!

— Конечно, — закричал другой, пронзительный голос, — надо дать ему шанс! Снимайте ботинки!

С Фроста стянули ботинки, он попытался что-то крикнуть, но смог лишь нечленораздельно прохрипеть.

— Штаны! Боже мой, ведь штаны утонут!— не унимался бас.

— Ребята, — вступил кто-то еще, — если он утопнет, то нам его не вытащить!

Фрост сопротивлялся, но их было слишком много. Что он мог сделать? С него содрали и брюки, и пиджак, и рубашку, и все остальное.

Четверо схватили его за руки и за ноги, а в стороне кто-то принялся считать:

— Раз! Два!

Его раскачали и на счет «три» отпустили, и он, совершенно голый, взлетел над рекой и увидел, как навстречу ему падает вода.

Он рухнул плашмя, и вода обожгла его. Теряя сознание, он погрузился в холодную зеленую глубину, но собрался, вынырнул на поверхность и быстро заколотил руками и ногами — скорее инстинктивно, чем желая удержаться на плаву. Что-то толкнуло его, он попытался отпихнуть это от себя и оцарапал руку чем-то шершавым. Бревно. Он вцепился в него и поплыл, глядя назад и медленно приходя в себя.

Бродяги на берегу исполняли разудалый воинственный танец, орали что-то ему вслед, а один размахивал его брюками, словно скальпом.

Глава 29

Опять ночью крест повалился.

Огден Рассел сел и потер глаза, чтобы окончательно проснуться. Он смотрел на поваленный крест и думал, что это уже невыносимо. Пора, наверное, смириться. Он делал все, что мог, — подбирал на берегу куски дерева и подпирал его; нашел несколько валунов, потратил уйму сил и времени и притащил их на отмель, чтобы привалить к основанию креста. Тщетно. Он копал яму за ямой, одна глубже другой, и старательно утрамбовывал песок...

Ничто не помогало. Каждую ночь крест валился. «Или это знак?» — подумал он. Ему дают понять, что пора оставить попытки, дорога к вере для него закрыта? Но, может быть, это только проверка — заслуживает ли он благодати?

Чем он плох? Где ошибается? Что делает не так? Долгие часы он проводил на коленях, солнце превратило его кожу в шелушащийся лишай.

Он молился и стенал, и взывал к Богу, он охрип и ноги его уже плохо сгибались. Изо дня в день он изгонял из себя все желания и потребности, и изгнал; все это должно было бы смягчить и каменное сердце.

Питался он лишь моллюсками и случайной рыбой, ягодами и водорослями, тело его ссохлось до костей и постоянно болело.

Но ничего не происходило.

Ни единого ободряющего признака.

Бог продолжал отвергать его.

Но и это еще не все беды.

У него кончалось топливо. Он сжег два последних сосновых пня, которые обнаружил возле ивовых зарослей, на песчаном пляже. Он выкорчевал все корни, до которых мог добраться, и теперь все его запасы — обломок подобранной на берегу доски и сухой ивняк, толку от которого никакого — ветви моментально прогорали, почти не давая тепла.

Вдобавок все лето тут сновал какой-то тип на каноэ: да еще постоянно пытался заговорить с ним, не понимая, что ни один посвятивший себя Богу отшельник никогда не нарушит обет молчания. Он скрылся от людей и отвернулся от жизни. Пришел сюда, чтобы стать свободным от них, а мир все не дает ему покоя — вторгаясь и сюда, приняв облик человека, гоняющего на каноэ вверх-вниз по реке и, похоже, шпионящего за ним, хотя кому это надо — шпионить за бедным и оборванным отшельником.

Рассел медленно поднялся на ноги и попытался отряхнуть песок со спины.

Взглянул на крест, понимая, что опять надо изобретать что-то новое. Лучшее, что он может сделать, — это сплавать на другой берег и раздобыть там какую-нибудь жердь, чтобы подпереть крест. Если удастся, то верхняя часть креста перестанет перевешивать и вся конструкция станет устойчивой.

Он прошел по песку к берегу, встал на колени, набрал в пригоршни воды и принялся умываться. Потом, оставаясь на коленях, оглядел еще покрытую туманом реку, неторопливо текущую на фоне леса, вплотную подступающего к противоположному берегу.

Я вел себя правильно, думал Рассел. Следовал всем древним правилам отшельников. Пришел на голое место, в глушь и обрел одиночество. Своими руками сделал крест и установил его. Соблюдал пост и молился, смиряя и плоть и дух.

Только одно. Только одно могло быть причиной несчастий. Все эти недели он помнил об этом, хоть и старался забыть, стереть из памяти.

Но забыть не удавалось. Сегодня, в тишине только что народившегося дня, он понял это окончательно.

Передатчик в груди!

Может ли он обрести духовную вечность, когда продолжает цепляться за вечность физическую? Что же, он играет с Богом в карты, припрятав в рукаве козырного туза?

Должен ли он стать снова смертным, прежде чем сможет надеяться на то, что его молитва будет услышана?

В изнеможении Рассел уткнулся лицом в песок.

Сырой песок терся о щеку, забивался в рот.

— Боже, — прошептал он в ужасе, — только не это, только не это...

Глава 30

Донимали мухи и москиты, а плотная, выбитая земля колеи, по которой шел Фрост, раскалилась так, что обжигала подошвы.

После того как ему удалось подгрести к берегу и выбраться на твердую землю, Фрост чуть ли не милю пробирался сквозь прибрежную поросль, пока не оказался на дороге. Несколько раз он падал в крапиву и, несмотря на все старания выбрать путь попроще, был вынужден продираться сквозь заросли ядовитого плюща. Крапивная сыпь уже горела огнем, и россыпь волдырей от плюща не замедлит появиться через день-другой. Ничего не скажешь, дело дрянь.

Какое-то время он боялся, что Бродяги, продолжая развлечение, погонятся за ним, но им, верно, было не до Фроста. Они уже повеселились, да к тому же разжились его скарбом. Нет, они, конечно, не были злодеями, были бы, так не брел бы он теперь по этой колее, окутанный облаком москитов, непрерывно почесывая крапивные ожоги.

Он подошел к старому каменному мостику — камень уже крошился и рассыпался. Внизу неторопливо тек ручей, глубиной всего в несколько дюймов, с черным илистым дном.

Фрост перешел через мост, усиленно размахивая руками, чтобы хоть как-то осложнить пиршество кровососам. Безнадежно. Он хлопнул себя по шее и посмот-

рел на руку — та была испачкана кровью: насекомые были настолько голодны, что не обращали никакого внимания на его удары.

День клонился к вечеру, и Фрост понял, что дальше будет только хуже. Сгустятся сумерки, мухи исчезнут, но москиты поднимутся тучами из болот. Эти, что пировали на нем теперь, были только небольшим передовым отрядом, основные силы явятся с наступлением вечера. Что останется от него к утру? Глаз будет не раскрыть из-за отеков.

Фрост несколько рассеянно задумался — а в состоянии ли москиты совсем заесть человека?

Если бы он мог развести костер, то его бы спас дым. На речной отмели свежий ветер развеял бы эти полчища. Или, если взобраться на какую-нибудь гору, то там, на ветру, он тоже избавился бы от паразитов.

Но костра развести Фрост не мог. А мысль о том, что надо карабкаться на вершину или тащиться назад к реке через заросли, заставила его содрогнуться. Опять топь, ядовитый хмель, не дай Бог, еще и гремучие змеи, да если он даже и доберется до берега, то отмели может и не достичь — та могла оказаться довольно далеко, а пловцом он был никудышным.

Но что-то делать надо. Было уже поздно и времени на философствования не оставалось.

Он стоял на дороге и глядел на утыканные деревьями обрывы, на подлесок, что карабкался наверх между камней.

Есть другой выход, сообразил он. Повернулся и пошел к мосту. Спустился к воде. Зачерпнул пригоршню ила. Ил был черный, густой и жутко вонял. Фрост размазал его по груди, по рукам, полными пригоршнями покидал на спину. Затем, уже аккуратнее, нанес на лицо. Ил пристал, и жить стало легче: пронзительный писк москитов по-прежнему звенел в ушах, они кишели у него перед глазами, но на тело уже не садились. То ли потому, что грязь была прохладной, то ли она действительно обладала антисептическими свойствами, но зуд заметно уменьшился.

Здесь, подумал Фрост, в этом захолустье, я оказался в положении куда худшем, чем если бы оставался на улицах родного города. Голый дикарь на берегу грязного ручья.

У него не было ничего, абсолютно ничего. Здесь, почти в конце своей дороги, он оказался побежден окончательно. Раньше у него оставалась хоть смутная и неопределенная надежда, теперь же не стало и ее. Что делать? Снаряжения никакого и никакой возможности его раздобыть?

Может быть, утром вернуться на дорогу и присоединиться к Бродягам — если те еще не покинули окрестности и если они позволят присоединиться? Но такую жизнь он себе не представлял, хотя они, по крайней мере, дадут ему штаны, а то и башмаки. Найдется какая-нибудь еда, какое-нибудь занятие.

Скорее всего так и выйдет, хотя они его и прогнали, когда увидели, что он — изгнанник. Да, никто, даже Бродяги, не могли иметь с ним дела, но оставалась надежда, что они его не отринут. Разрешат присоединиться, пусть даже в качестве козла отпущения, в качестве шута, кого угодно.

Фрост вздрогнул, когда подумал о том, насколько же у него пропала вера в себя, что стало с его чувством собственного достоинства. Ведь он всерьез рассматривает этот вариант.

Или, может быть, настала пора выбрать последний, отчаянный путь, отыскать ближайшую станцию и обратиться туда... за смертью. А после, лет через пятьдесят, через сто или тысячу проснуться и обнаружить себя в положении, ничем не лучшем, чем теперь. Да, с него сведут татуировки, но и все. Впрочем, одежду тоже дадут, и он встанет в очередь за бесплатным супом. Ни чувства собственного достоинства, ни надежд, ничего! Но бессмертие, у него будет бессмертие!

Он поднялся и пошел вверх по ручью, где раньше заметил несколько кустов ежевики. Собрал пару горстей, съел и вернулся на прежнее место. Сел на корточки. Автоматически продолжил черпать грязь из ручья, нанося ее на тело там, где она лежала неровно или тонким слоем.

Сейчас ему было нечего делать. Сумерки уже сгущались, и москиты роились тучами. Придется провести ночь здесь, а утром — позавтракать ежевикой, привести в порядок свой грязевой покров и, наконец, решиться хоть на что-то.

Опустились сумерки, и затеплились светлячки, они усеяли откосы и густые речные заросли мерцающими холодными огоньками.

Затянул свою песню козодой, из чащи ему ответил еще один. Где-то возле реки зафыркал енот. Восток засиял золотом, и на небеса выкатилась почти полная луна. Жалобный вой москитов заполнил все закутки ночи. Они старались залезть Фросту в уши, в глаза... Временами он дремал, вздрагивал, просыпался и, не понимая где находится, пугался. Маленькие ночные зверьки вылезли из нор и шелестели в траве. На дорогу выскочил заяц и, склонив вперед длинные уши, долго и серьезно разглядывал странную фигуру, съежившуюся возле ручья. Вдали кто-то истерично затявкал, с крутого обрыва завопил дикий кот, и от этого звука Фрост похолодел.

Он дремал и просыпался. Когда просыпался — чтобы уйти от реальности, мыслями возвращался к прежним дням. К тому человеку, который оставлял ему еду, к ночному визиту Чэпмэна в подвал, к морщинистому старику, расспрашивавшему, верит ли он в Бога. К ужину с Энн Харрисон при свечах.

И почему, думал он, тот человек его кормил? Его, которого он никогда не знал и с которым так и не заговорил? Есть ли хоть какой-то смысл в такой жалкой жизни? В этой жизни есть цель — бессмертие, но как может цель породить столь бессмысленное существование?!

Он словно бы начинал понимать, что именно и как надо сделать, неясно и отдаленно ощущал какую-то ответственность — неведомую прежде. Пришла она к нему не сразу, постепенно, будто это был урок, который он осваивал с великим трудом.

Он не должен возвращаться к Бродягам. Он не должен идти за смертью. У него есть куда идти. Он отправился в путь, чтобы добраться до заброшенной фермы — хотя и не знал зачем. Ему показалось теперь, что не он один вовлечен в это, казалось бы, нелепое путешествие, но и Энн, и Чэпмэн, и тот человек, что задавал ему вопросы о Боге, и тот, что погиб в переулке, — все. Почему?

Он попытался разобраться, но внезапно понял, что это глупо. Надо просто следовать выбранному пути и не задавать лишних вопросов.

Наступило утро, и он поднялся вверх по ручью, чтобы позавтракать ежевикой. Затем тщательно обновил свою одежду из грязи и отправился дальше.

Пройдя около пятнадцати миль, он увидел знакомый овраг, скоро — ферма. Фрост попытался припомнить приметы, но вспомнил единственную: неподалеку от дороги должен быть родник — холодная, как лед, струя воды стекала со склона и через дренажную трубу шла под дорогой, впадая в маленький пруд. Там надо свернуть и подняться в гору.

Крапивные волдыри прошли. Москиты и мухи ничего не могли поделать с коркой грязи, присохшей к телу, и не слишком докучали.

Фрост устало ковылял вперед, медленно тянулся день. В животе урчало, Фрост стал было высматривать по обочинам грибы, — когда-то с дедушкой они частенько бродили по лесу, — и грибы были, и вроде такие же, как они собирали когда-то, но кто знает... Голод и сомнения затеяли борьбу, и сомнения победили — он побрел дальше.

Воздух становился все жарче, со стороны реки доносилось карканье ворон. Фрост шел в колеблющемся мареве — сюда не долетало ни малейшего ветерка, было душно. Грязь высохла и пластами отваливалась, сбегала с ручейками пота. Но москитов стало меньше, они скрылись в придорожной тени.

Полдень. Солнце стояло в зените, чуть склоняясь к востоку. На западе громоздились тучи, но воздух попрежнему был недвижим. Все замерло, стояла ватная тишина.

Дело к буре, вспомнил Фрост бабушкины приметы.

Уже более часа он пытался увидеть хоть что-то знакомое, взбирался на вершины холмов, пытаясь что-то разглядеть впереди, но тщетно. Дорога знай себе вилась вперед сквозь бесконечную стену зелени, и каждая следующая миля ничем не отличалась от предыдущей.

День неторопливо тянулся, а тучи на западе поднимались все выше и выше. Наконец они закрыли солнце, и сразу похолодало.

Фрост продолжал брести вперед. Шаг, еще шаг — до бесконечности.

Внезапно он услышал шум воды, остановился и посмотрел вокруг. Да, вот он, ручей, и именно такие

очертания были у скалы слева. И те же самые кедры растут на уступе, чуть ниже вершины.

Это место словно бы встало во всех подробностях перед ним из прошлого — оно оказалось настолько знакомым, что Фрост опешил. Но, хотя все здесь и было до боли знакомо, что-то показалось ему странным.

Вот что: с дерева, стоявшего поодаль, свешивалась какая-то тряпка. От дороги к роднику вела тропка, и резко пахло чем-то непонятным.

Фрост напрягся, ощущение опасности сдавило голову.

Солнце уже полностью спряталось за тучами, вокруг потемнело, и вновь объявились москиты.

На дереве висит рюкзак, понял Фрост. А запах... так пахнет остывший пепел. Кто-то разводил здесь костер и ушел, забыв рюкзак на дереве. Только непонятно — ушел совсем или еще вернется? Но там, где висит рюкзак, может найтись и еда.

Фрост сошел с дороги и осторожно побрел вперед. Выбрался из окаймлявших тропу зарослей и увидел небольшую утоптанную площадку.

Там кто-то был. Человек лежал на боку, подтянув одну ногу к животу. Даже издали Фрост разглядел, что другая нога чуть ли не вдвое толще, распухла так, что ткань брюк лоснилась. Из-под закатанной штанины выглядывала оголенная плоть — багрово-черное мясо.

Умер, подумал было Фрост. Но как давно? Где спасатели?

Фрост сделал шаг вперед, наступил на какую-то ветку, та хрустнула.

Человек слабо пошевелился, силясь повернуться на спину. Он попытался взглянуть туда, откуда донесся звук, его лицо выглядело как раздувшаяся маска. Глаза заплыли. Губы шевельнулись, но не издали ни звука; из них сочилась, стекая на бороду, кровь.

Погасший костер был холмиком серого пепла, рядом лежал котелок.

Фрост шагнул к костру, схватил котелок, сбегал к роднику и вернулся с водой.

Он встал на колени, бережно приподнял человека и поднес котелок к его рту. Человек стал пить, пуская слюни и давясь водой.

Фрост поставил котелок на землю и опустил человека.

Долгий раскат грома заполнил долину, грохот эхом отразился в утесах. Фрост взглянул вверх. Тучи сгущались. Гроза, собиравшаяся весь день, вот-вот разразится.

Фрост поднялся, подошел к дереву и отцепил рюкзак. Вытряхнул содержимое на землю: пара брюк, рубашка, носки, несколько банок консервов, еще какой-то хлам. А к дереву была прислонена удочка.

Он вернулся к лежащему, тот ухватился за него, точно слепой. Фрост поднял его и снова дал напиться.

— Змея, — еле слышно прошептал человек.

Вновь загрохотал гром, становилось все темнее.

Змея... Наверное, гремучая. Когда земля приходит в запустение, всегда откуда-то появляются гремучие змеи.

— Я должен потревожить вас, — сказал Фрост. — Я должен отнести вас, это может быть больно, но...

Тот не отвечал.

Фрост взглянул ему в лицо. Он казался спящим. Скорее всего он был в коме — и неизвестно, сколько времени он пролежал здесь.

Ничего другого не остается, понял Фрост. Надо отнести его в дом на вершине утеса, под кров, удобно уложить, накормить чем-нибудь. Гроза разразится в любую минуту, здесь оставлять его нельзя.

Но надо одеться: башмаки, брюки, рубашку — все, что вывалилось из рюкзака. И спички — Фрост надеялся, что там сыщутся спички или зажигалка. Он должен захватить с собой котелок, привязать его, что ли, к ремню? Надо будет в чем-то разогревать консервы.

Две мили, прикинул он. Самое малое — две мили, и всю дорогу — в гору по камням.

Но делать нечего, на карту поставлена человеческая жизнь. Незнакомец заметался.

— Хотите еще воды? — спросил Фрост.

Тот, казалось, не слышал.

— Нефрит, — бормотал он, — горы нефрита...

Глава 31

Франклин Чэпмэн сидел на лавочке возле библиотеки, как сидел после встречи с Фростом каждую среду и пятницу, когда внезапный приступ боли скрутил его тело. Уличные огни и горящие окна в доме напротив на мгновение померкли, а потом улица словно сдвинулась с места и завертелась перед глазами. Горячая вспышка прошила грудь точно иглой.

Он сжался, прижал руки к животу и, уронив голову, замер. Постепенно и медленно боль стала покидать тело, только вот рука оставалась бесчувственной.

Чэпмэн осторожно выпрямился, ему стало страшно, он понял причину боли. Надо идти домой, а лучше — остановить такси и поехать в больницу.

Нет, рано, сказал он себе. Осталось немного. Они договорились, что он будет ждать с девяти до десяти. Вдруг он понадобится Фросту именно сегодня?

Хотя о нем ни слуху ни духу с той ночи, когда за рестораном убили повара. Пропала и Энн Харрисон — даже не сказав ему, что уезжает.

Что с ними могло стрястись?

Он вздохнул и положил ноющую руку на колено.

Боль пронзила его снова, и он опять согнулся.

Постепенно ему удалось перевести дыхание, боль вновь покидала его, оставляя после себя слабость и дрожь.

Я не должен умирать, сказал он себе. Умирать мне никак не годится.

Он с трудом поднялся и встал, сгорбившись возле скамейки. На улице появился огонек такси. Чэпмэн пробежал, спотыкаясь, по пешеходной дорожке и махнул рукой подъезжавшей машине.

Такси остановилось, и водитель перегнулся назад, чтобы открыть ему дверь. Чэпмэн с трудом втиснулся внутрь и тяжело опустился на сиденье. В горле свистело, он тяжело дышал.

— Куда, мистер?

— Отвезите меня... — начал Чэпмэн и осекся. — Нет, не в госпиталь. Не сразу. Сначала — в другое место.

Таксист так и сидел полуобернувшись к нему, пристально глядя на пассажира.

— С вами все в порядке, мистер?

— Да, конечно.

— Вы выглядите неважно.

— Нет, ничего, — пробормотал Чэпмэн. Думать было тяжело, очень тяжело собирать мысли, они такие мутные и медленные.

— Мне надо на почту, — наконец сумел выдавить он.

— Здесь рядом, — сказал таксист. — Но там закрыто.

— Нет, — поморщился Чэпмэн, — не туда, я скажу, куда ехать.

Он назвал адрес.

Водитель взглянул на него с подозрением.

— Мистер, мне кажется, что вам плохо.

— Нет, все в порядке, — отрезал Чэпмэн.

Он откинулся на спинку и глядел, как улица скользит мимо него. Витрины лавочек и магазинов были темны. Свет горел лишь в окнах жилых домов. Впереди — церковь, с крестом, блестящим в лунном свете. Однажды, вспомнил Чэпмэн, я заходил туда, но зачем?

Город с наступлением ночи затих. Чэпмэн смотрел, как он проплывает мимо, и было так спокойно. Земля и жизнь, подумал он, как они хороши!

Пятна света, которые бросали на тротуар фонари, мягко ступающий кот, громадные рекламы над магазинами — все это он видел и раньше, только по-настоящему — никогда. И сейчас, откинувшись на сиденье такси, он увидел их впервые, понял, до чего сжился с

городом. Это было словно прощание, и Чэпмэн вглядывался в сумерки, словно желая запомнить все до мелочей на долгие годы предстоящей разлуки.

Но он никуда не уезжает. Ему надо на почту, а потом в больницу. Из больницы он позвонит домой, иначе Элис станет беспокоиться, хотя у нее хватает и других поводов для этого. Зато никаких проблем с деньгами, с гордостью вспомнил он, и стал думать о книге, о том, что жена теперь надежно обеспечена.

Тревожила рука. Чувствовал он себя не так уж и плохо, только вот рука... Да, он немного слаб и дрожит, но по-настоящему его беспокоит только рука.

Такси подъехало к тротуару.

— Приехали, — сказал водитель, — Вас подождать?

— Да, — согласился Чэпмэн. — Я тут же вернусь. Он поднялся по ступенькам — нетвердо, с остановками, оказалось, такой подъем требует нешуточных усилий. Чэпмэн приволакивал ногу и часто дышал, но наконец добрался до двери, вошел в вестибюль и отыскал ящик, который абонировал несколько недель назад. Конверт — он увидел — был еще там, всего один конверт.

Он медленно повернул ручку, но замок не сработал; снова... на сей раз — успешно. Протянул руку и достал конверт.

Повернулся, и опять боль обрушилась на него — жестокая, кошмарная. Оглушительная тьма сомкнулась над ним, он рухнул на пол, даже не ощутив удара.

Вспыхнули яркие огни, словно предвещая рассвет новой жизни, и медленно и плавно Чэпмэн погрузился в состояние, называемое смертью.

Глава 32

Гроза разразилась через несколько минут после того, как он тронулся в путь. С человеком на плечах, Фрост с трудом пробирался вперед, а в небе сверкали молнии, грохотал гром, сплошной стеной падала вода, и земля под ногами, казалось, ползет вниз вместе со стремящимся по ней потоком. Деревья метались, как великаны в горячке, и наверху, в отвесных скалах, в паузах между раскатами грома завывал ветер.

Мужчина был большой и тяжелый, Фросту приходилось часто останавливаться и отдыхать. Шаг за шагом он карабкался по опасной крутизне обрыва, а размокающая земля расползалась под ногами.

Он слышал кошмарный грохот низвергающихся потоков воды, как в воронку, летящих в ущелье между склонами. Наверное, площадка, на которой он обнаружил мужчину, была уже на фут покрыта водой.

С началом грозы вовсе потемнело, и Фрост видел лишь на несколько ярдов перед собой. О расстоянии, которое еще предстояло пройти, думать он не смел. Думать было можно только о следующем шаге, каждый раз — о следующем шаге. Время исчезло, мир сузился до двух ярдов, и Фрост двигался вперед, окруженный сырой вечностью.

Вдруг, совершенно неожиданно, лес кончился. Только что он шел среди деревьев, сделал шаг — перед ним луг, с травой по колено, склонившейся под сильным

ветром. Белесые стебли призрачно светились в сумерках, а над ними — сплошные струи неунимающегося дождя.

На холме над лугом стоял дом, окруженный исхлестанными грозой деревьями, а перед домом — какой-то невнятный горб, кажется, сарай.

Фрост ступил на луг, здесь земля была уже не такой вязкой, а близость дома придавала силы.

Он пересек луг и впервые за все время почувствовал, что несет человека, именно человека. Когда он карабкался в гору, это была только ноша, просто тяжелый груз. А теперь безжизненное нечто снова стало человеком.

Он дошел до деревьев, молнии продолжали дергаться в небе, ветер без устали хлестал по лицу.

Дом выглядел как прежде. Все вспомнилось, даже здесь, стоя под дождем, он мог представить себе два кресла-качалки, выставленные на крыльцо, и двух стариков, сидящих в сумерках и глядящих в сторону речной долины.

Он встал на ступеньку, та заскрипела, но выдержала. Дверь. Раньше это не приходило ему в голову, а теперь Фрост задумался — не заперта ли? Господи, какая разница, все равно он войдет, даже если придется разбить окно. Этот человек должен оказаться под крышей. Но, едва он потянулся к ручке, дверь открылась и чей-то голос произнес: «Кладите его сюда».

Возле стены Фрост увидел что-то похожее на койку. Наклонившись, он положил больного и выпрямился. Руки одеревенели, ныла каждая мышца. Комната на мгновение поплыла перед глазами, но вскоре все пришло в порядок.

Человек, открывший дверь, стоял к нему спиной возле стола в другом конце комнаты. Затеплился язычок пламени, свеча разгорелась — Фрост впервые видел свечу после того вечера с Энн.

Человек обернулся, это была женщина лет шестидесяти. Простоватое, но волевое лицо, волосы собраны в пучок; поношенный свитер с дырой на локте...

— Что с ним? — спросила она.

— Змея. Я нашел его в лесу, одного.

Она взяла свечу и, подойдя к Фросту, передала ему.

— Подержите, я взгляну.

Она склонилась над лежащим.

— Нога, — пояснил Фрост.

— Вижу.

Женщина протянула руки и взялась за обтрепанные края штанины. Дернула в стороны, и ткань с треском разошлась. Рванула еще раз.

— Держите свет ниже.

— Да, мэм, — кивнул Фрост.

Нога была покрыта черными и красными пятнами. Вздувшаяся кожа глянцево блестела, из нескольких открытых ран сочился гной.

— Он давно в таком состоянии?

— Не знаю. Я нашел его днем.

— Вы его тащили в гору? В такую грозу?

— А что оставалось? Не бросать же его там.

— Чем тут поможешь... — вздохнула она. — Только помыть. Покормить. Устроить поудобнее.

— Лекарств, конечно, нет?

— В десяти милях отсюда спасательная станция. А у меня — машина. Когда гроза прекратится, отвезем его туда. Сейчас нельзя — дорога плохая, можем застрять. А оттуда они отправят его на вертолете в Чикаго.

Она повернулась и пошла на кухню.

— Я разведу огонь, — сказала она. — Вскипячу воду. Вы его отмойте пока немного. Постараемся что-нибудь в него влить.

— Он говорил о каком-то нефрите, — пробормотал Фрост. — Будто мертвеца тащил... Шел и думал, что он замерз, но нет, жив.

— Да, плохо умирать в такую погоду, — согласилась она. — И в таком месте. Спасатели бы не сумели добраться вовремя.

— Это точно.

— Вы шли именно сюда? Вы знали, куда шли?

— Когда-то, очень давно, я жил здесь. Я не знал, что дом занят.

— Простите, я осмелилась... Мне показалось, что никто не будет против.

— Да нет, что вы...

— Похоже, вам самому надо поесть, — поняла она, взглянув на Фроста. — Да и отдых не помешает.

— Простите, мэм, — Фрост отступил на шаг. — Должен вас предупредить. Я — изгнанник. Мне с вами говорить не положено, и никто...

Она отмахнулась от его слов.

— Я знаю, что это значит. Не надо объяснять.

— Я не объясняю. Я только хочу, чтобы все было ясно. Здесь плохой свет, и вы могли не заметить отметин. Борода закрывает самые заметные. Я побуду здесь, помогу вам с этим человеком и уйду. Не хочу навлечь на вас неприятности.

— Молодой человек, — поморщилась она. — Какое мне дело, что вы изгнаны. Да вряд ли в этой глуши вообще кому-то есть до этого дело.

— Но я не хочу...

— Послушайте, раз уж вы изгнаны, то что вас заставило возиться с ним?

— Я не мог его оставить. Я не мог дать ему умереть там...

— Могли, — усмехнулась она. — Вы изгнаны, и это — не ваша забота.

— Но, мэм...

— Где-то я вас раньше видела, — медленно произнесла она. — Только без бороды. Я подумала об этом сразу, когда увидела вас на свету, но...

— Вряд ли, мэм... Впрочем, меня зовут Дэниэл Фрост, и...

— Дэниэл Фрост из Нетленного Центра?

— Да, но...

— Радио. У меня тут приемник, и я слушаю новости. Они сказали, что вы исчезли. Сказали, что разразился какой-то скандал. Но то, что вас изгнали, об этом — ни слова. Да, теперь я вспомнила, где видела вас — на новогоднем балу, год назад.

— То есть?

— Ну да. В Центре, в Нью-Йорке. Вы могли меня не запомнить, нас не представили. Я работаю в отделе исследований Времени.

— О Боже! — вскричал Фрост. Он наконец догадался, кто эта женщина. Это о ней Б. Д. говорил, что она пропала и ее необходимо найти.

— Я рада, что встретилась с вами, Дэниэл Фрост. Меня зовут Мона Кэмпбел.

Глава 33

Энн Харрисон поняла, что опять выбрала дорогу, ведущую в тупик, но поделать ничего не могла, оставалось ехать вперед, пока не удастся развернуться. Тогда — назад до развилки и снова пытать счастье.

Когда-то давно все дороги были пронумерованы и снабжены указателями, а на любой станции обслуживания имелись карты. Теперь же многие указатели исчезли, а станции обслуживания пропали вовсе. К чему они, при таких машинах?

Ничего не оставалось, как тыкаться наобум, чтобы попасть наконец на дорогу, ведущую более-менее в нужном направлении. Ошибаться, петлять, возвращаться, теряя уйму времени и никогда не зная, где находишься.

Иногда попадались люди, которых можно было расспросить, редко — небольшие городки, которые можно было опознать, во всех остальных случаях оставалось ехать наугад.

День был теплый, и буйная поросль сжимала дорогу с обеих сторон, превращая ее в туннель, где даже с открытыми окнами нечем дышать.

Дорога сделалась еще уже и теперь смахивала на траншею. Справа круто возвышалась гора, густо поросшая деревьями и подлеском, серые валуны, покрытые лишаями мха, высовывались из травы. Слева же —

почва резко уходила под уклон и, точно так же, была усеяна валунами и утыкана деревьями.

Энн решила так: если через пять минут она не найдет места, чтобы развернуться, то вернется к развилке задним ходом. Это, конечно, медленно и рискованно — слишком узка колея, поэтому ей хотелось надеяться, что все обойдется.

Но деревья все ниже склонялись к дороге и скребли ветвями по машине.

Гнездо она увидела слишком поздно и сразу не сообразила, что это такое. Какой-то серый мяч, похожий на комок выгоревшей на солнце оберточной бумаги, свешивался с ветвей прямо перед лобовым стеклом. Он скользнул по стеклу, обогнул его, ветка спружинила, и комок влетел внутрь машины, ударился о сиденье и взорвался с жужжащим воем.

Тут только она поняла, что это — осиное гнездо.

Осы облепили лицо, запутались в волосах. Энн закричала и стала размахивать руками, чтобы их отогнать. Машина накренилась и соскочила с дороги. Врезалась в дерево, отскочила, ударилась о валун, опять дернулась вперед и нелепо замерла почти в вертикальном положении, застряв между двумя деревьями.

Энн нашарила ручку, открыла дверь и скатилась с сиденья на землю. Вскочила и куда-то побежала, хлопая себя руками. Спотыкалась и падала, каталась по земле, пока не пришла в себя, ударившись о ствол дерева.

Одна оса все еще ползла по лбу, другая зудела в волосах. Очень сильно болели два укуса — на шее и на щеке.

Оса со лба улетела. Энн села и потрясла головой, жужжание прекратилось.

Она встала и, оглядев себя, обнаружила массу синяков, ссадин и укусов. Тупо ныла лодыжка. С опаской села на поваленное дерево, под ее весом полусгнивший ствол скрипнул, и на землю посыпалась труха.

Кругом была глушь — сырая, зеленая. Тишина, все замерло, никому не было до нее дела.

Она почувствовала, что вот-вот закричит. Не время теперь распускаться, приструнила она себя. Надо быстро собраться с мыслями, прийти в себя, подняться в гору и выяснить, в каком состоянии машина. Хотя, даже если она и не разбита вдребезги, вытащить на дорогу ее все равно не удастся.

Было, конечно, глупо отправляться в путешествие. Но ее вынудили к этому две вещи — необходимость спрятаться от Нетленного Центра и слабая надежда, что она догадалась, где находится Фрост.

«А что Фрост?» — подумала Энн. Видела его лишь раз, приготовила ему обед и сидела с ним за столом, украшенным красными розами и свечами. С ним было легко. Он обещал помочь, хотя и знал, что вряд ли сможет, но помочь хотел — даже несмотря на то, что сам глядел в лицо опасности. И он сказал тогда, что в детстве часто проводил лето на ферме под Бриджпортом в Висконсине.

Человек, который стал парией, изгнанником.

Она прямо-таки чемпион среди неудачников, главный адвокат по части проигранных процессов. И что в результате? А то, что она тут — в незнакомой глуши, на заброшенной дороге в сотне милях от ближайшего жилья. Да еще — искусанная осами, вся в синяках и с разбитой ногой. Круглая дура.

Энн заставила себя встать и минуту прислушивалась к боли в лодыжке. Немного ноет, но жить можно.

Она медленно побрела в гору. Ноги погружались в черную почву, устланную ковром из мертвых листьев, скопившихся здесь за многие листопады. Обходила валуны, хватаясь за молодые деревца и ветви, чтобы не соскользнуть вниз. Иногда мимо жужжа пролетала оса, но рой, похоже, успел уже где-то пристроиться.

Наконец она добралась до машины. Вопросов не осталось: колесо ударилось о валун и было безнадежно покорежено.

Энн стояла возле машины, соображая что же делать дальше. Спальный мешок, конечно, легкий, но слишком громоздкий, чтобы с ним разгуливать. Надо взять еду, сколько сможет, топорик, спички, запасную пару обуви.

Не оставаться же здесь. Где-нибудь она отыщет помощь. Может быть, удастся даже починить машину. А починит, что тогда? Она проехала всего-то несколько сотен миль, осталось — намного больше. Продолжать безумную одиссею или возвращаться в Манхэттен?

Новый звук заставил ее вздрогнуть — мягкий звук дерева, трущегося о металл, и слабое жужжание, которое мог издавать только электрический мотор.

Кто-то едет! Ее выследили!

Страх обрушился на нее, и она припала к земле, сжавшись ничком возле разбитой машины, когда другая, пока еще скрытая зеленью, тихо вползла на дорогу.

Выследили!.. Ведь эта дорога никуда не ведет.

Сейчас машина доберется до гнезда и что начнется? Вряд ли осы будут довольны, что их опять потревожили.

Но вот ветви перестали хлестать кузов: мотор жужжал уже на холостом ходу. Не доехав до гнезда, машина остановилась,

Хлопнула дверь, и зашуршали чьи-то неторопливые шаги. Человек остановился. Повисла жуткая тишина. Опять шелест шагов по листьям, снова тишина.

Человек прокашлялся, собираясь заговорить, но передумал, словно не хотел нарушать безмолвие леса.

Какое-то время он топтался на месте.

— Мисс Харрисон, где вы?

От удивления она приподнялась. Этот голос она уже слышала, да, несомненно!

— Мистер Саттон? — сказала она так спокойно, как только могла. — Я здесь. Осторожнее, гнездо.

— Какое гнездо?

— Осиное. На дереве, как раз перед вами.

— А с вами все в порядке?

— Относительно. Немного покусали. Понимаете, я врезалась в гнездо, машина сошла с дороги...

Она заставила себя замолчать. Слова вырывались слишком уж бесконтрольно. Надо взять себя в руки, истерики ей только не хватало...

Саттон сошел с дороги и спускался вниз, направляясь к ней.

Она видела, как он идет — большой, грубоватый человек с морщинистым лицом.

Он остановился и осмотрел машину.

— Отъездилась, — хмыкнул он.

— Колесо разбито.

— Да, заставили вы меня погоняться за вами...

— Но зачем? И как вы меня разыскали?

— Просто повезло, — сказал он недовольно. — Десятка два наших людей ищут вас повсюду. А мне просто повезло. Я поговорил вчера с людьми из деревни.

Он помолчал и добавил:

— Там, в доме, у развилки... Они сказали, что вы поехали сюда. Они удивились, здесь, собственно, никакой дороги и нет.

— Я дом не видела.

— Он чуть в стороне от дороги, наверху холма. Ко мне выбежала собака, только потому я его и заметил.

Энн встала.

— Что дальше? Зачем вы ехали за мной?

— Вы нам нужны. Есть вещь, которую можете сделать только вы. Дело в том, что умер Франклин Чэпмэн.

— Что?!

— Инфаркт.

— Конверт! — закричала она. — Чэпмэн был единственный, кто знал...

— С этим все в порядке. Конверт у нас. Мы за ним наблюдали. Таксист отвез его на почту...

— Да, письмо было там, — кивнула она. — Я попросила его абонировать ящик под вымышленным именем, дала ему конверт, он отправил его сам себе и оставил лежать в ящике. Так, чтобы я не знала, где именно хранится письмо.

— Таксист был из наших, — пояснил Саттон. — Мы внимательно следили за Чэпмэном. Он казался больным, когда садился в машину.

— Бедный Франклин, — вздохнула она.

— Он умер мгновенно. Никогда не знаешь...

— Но у него нет второй жизни...

— Знаете, его вторая жизнь куда лучше, чем та, которую сочинил Нетленный Центр...

Глава 34

Фрост сидел на крыльце и глядел на долину. Начинающиеся сумерки окутывали реку, низинную темную землю; над изломанной кромкой леса косо летела стая ворон, отправляясь куда-то на ночлег. На другой стороне реки тонкой светлой лентой между покатых холмов извивалась старая дорога.

Ниже по склону стоял сарай, стропила подгнили, крыша проваливалась. Рядом с сараем громоздилось какое-то сельскохозяйственное оборудование. На дальнем краю коричневато-желтого поля мелькнула тень то ли собаки, то ли койота.

Когда-то, вспоминал Фрост, лужайка перед домом была подстрижена, и повсюду красовались ухоженные цветочные клумбы. Изгородь регулярно красили и чинили, а теперь вся краска облезла, да и половина реек сгнила. Ворота главного въезда покосились, створка висела на одной петле.

Машина Моны Кэмпбел стояла, утопая в высокой траве, полностью скрывшей колеса, вытянувшейся почти до окон.

Машина тут неуместна, подумал Фрост. Человек бросил эту землю, и земле надо дать время прийти в себя после долгого рабства у человека.

Позади него мягко скрипнула дверь, Мона Кэмпбел вышла на крыльцо и села рядом.

— Приятный вид, — сказала она. — Вы не находите?

Фрост кивнул.

— Думаю, вам есть что вспомнить о днях, проведенных здесь.

— Да, конечно, — вздохнул Фрост. — Но это было так давно.

— Не так уж и давно, — возразила она. — Всего-то лет двадцать или того меньше.

— Здесь пусто. Одиноко. Все не так, как раньше. Но я не удивлен. Так и думал.

— Но вы пришли сюда. Вы искали здесь защиту.

— Что-то толкало меня сюда, что-то заставило поступить так. Не знаю что, но — так было.

Они посидели минуту в молчании, он увидел, как ее руки свободно и спокойно лежат на коленях — руки, уже покрытые морщинами, но все еще сильные и ловкие. Когда-то, подумал Фрост, эти руки были красивы, даже и теперь они еще не потеряли своей красоты.

— Мистер Фрост, — спросила она, глядя мимо него. — Вы ведь не убивали того человека из ресторана?

— Нет. Конечно, нет.

— Так я и думала. Зачем вам убивать — разве только из-за отметин на вашем лице. А вам не приходило в голову, что вы можете восстановиться в правах, если сдадите меня властям?

— Да, — кивнул Фрост. — Приходило..

— И что же?

— Ничего. Когда загнан в угол, то думаешь обо всем подряд, даже о том, что не имеет к тебе никакого отношения. Да и что толку...

— Почему же? — удивилась она. — Могу предположить, что они были бы рады.

В каком-то сумрачном овраге расходился козодой. Они сидели на ступеньках и слушали.

— Завтра, — неожиданно прервал молчание Фрост, — я уйду. У вас и так хватает неприятностей. В конце концов, я отдохнул, я отъелся, пора и в дорогу Вам бы тоже впору трогаться. В убежищах не стоит засиживаться.

— Зачем?— удивилась она. — Опасности никакой. Они не знают, где я, да и откуда им узнать?

— Но вы повезете Хиклина на спасательную станцию.

— Ночью. Они даже не взглянут на меня. Скажу, что проезжала мимо и нашла его возле дороги.

— Но он может заговорить.

— Ну так и что?! Вспомните, он почти все время бредил. Какие-то горы нефрита...

— Так вы не вернетесь в Центр? Никогда?

— Нет.

— Что же вы станете делать?

— Не знаю, — вздохнула она. — Но обратно я не собираюсь. Возвращаться туда, это какой-то абсурд. Там, понимаете, фантазии, сплошные фантазии. А когда вы столкнулись с реальной жизнью, когда, просыпаясь на рассвете, видите эту землю, туман...

Она повернула к нему голову и внимательно посмотрела.

— Вы меня не понимаете, не так ли?

Он покачал головой:

— Может быть, мы живем дурно. Думаю, это мы уже осознаем. Но все мы живем ради второй жизни, вот что важно, и в это я верю. Может быть, у нас получается плохо. Следующие поколения научатся жить умнее. Что же, мы живем, как можем.

— И после всего, что стряслось с вами, после изгнания, после того, как вас ложно обвинили, даже после того, как вас изобразили убийцей, вы еще верите в Нетленный Центр?

— Но это дело рук нескольких людей. Отсюда не следует, что ошибочны принципы, на которых построен Центр. Для меня ничего не изменилось, я готов и сегодня подписаться под ними.

— Я должна заставить вас понять, — медленно произнесла она. — Не знаю, почему для меня это важно, но я должна сделать так, чтобы вы поняли.

Он взглянул на нее: напряженное лицо старой девы, волосы нелепо стянуты на затылке. Тонкие прямые губы, бесцветные глаза, лицо, словно освещенное изнутри, самоотверженность, казавшаяся совершенно неуместной... Лицо школьной учительницы, подумал Фрост. Но за ним прячется ум, надежный, как хронометр за тысячу долларов.

— Может быть, — мягко начал он, — дело в том, что вы о чем-то умалчиваете?

— Вы имеете в виду причину, по которой я сбежала? Почему я забрала с собой все материалы?

— Да, — кивнул Фрост. — Но вы не обязаны рассказывать мне об этом. Раньше мне было интересно, а сейчас уже неважно.

— Я сбежала потому, — решилась она, — что хотела удостовериться...

— В том, что ваше открытие действительно верно?

— Да, примерно. Я воздерживалась от предварительных сообщений, но приближалось время отчета, а что я могла сказать? Даже не так, а — как я могла сказать?! И я решила, что в определенных ситуациях у ученого есть право не говорить ничего до появления окончательных результатов. Словом, я запаниковала — ну, не совсем чтобы уж по-настоящему. Подумала, что если на время исчезнуть, то...

— То есть вы собирались вернуться?

Она кивнула:

— Именно. Но теперь возвращаться я не могу. Я обнаружила куда больше, чем хотела.

— Что путешествия во времени означают куда большее, чем мы себе представляли?

— Нет, — отмахнулась она. — Все, как и думали. А точнее — не означают вообще ничего. Они просто невозможны.

— Невозможны?!

— Да. Вы не можете двигаться по времени, сквозь него, вокруг него. Вы им не можете манипулировать вообще. Оно слишком вплетено в то, что можно назвать универсальной матрицей. Пользоваться им мы не можем. Нам остается колонизировать другие планеты, строить города-спутники в пространстве, превратить Землю в один дом. Конечно, использовать время было бы удобнее всего, потому-то Нетленный Центр так за него и цеплялся.

— Но вы уверены? Откуда вы знаете?

— Математика. Не наша, гамалийская.

— Я слышал, что вы работали с ней.

— Гамалийцы, — начала она неторопливо, — слегка странноваты. Их, понимаете ли, интересовало не столько космическое пространство, сколько то, как все это устроено. Они полезли в самую суть, а для этого создали колоссальную математику. — Она положила руку на плечо Фросту. — Мне кажется, что в конце концов они докопаются до абсолютной истины. Если

таковая вообще существует. А я думаю, что должна существовать.

— Но остальные математики...

— Да, они тоже пытались работать с гамалийской. Но оказывались в тупике — потому что рассматривали ее как систему формальных структур. Они видели только символы, формулы и искали физический смысл всего этого. У нас ведь математика теперь только прикладная...

— Но, значит, нам опять надо ждать! — вскричал Фрост. — Люди в подвалах должны ждать, пока мы не построим жилье, пока не найдем пригодные для жизни планеты! Это же десятки и сотни лет! — Он взглянул на нее чуть ли не в слезах. — Нам это не потянуть.

Кошмарно. Слишком долго они ждали успеха и думали, что до бессмертия рукой подать. Они надеялись, что время предоставит им неограниченные пространства для жизни. И теперь эти надежды рухнули.

— Время, — продолжала Кэмпбел, — одна из составляющих универсальной матрицы. Кроме него — пространство и материя как энергия. Вот и все. И они переплетены друг с другом. Разделить их нельзя — во всяком случае, мы не можем, потому что сами состоим из них.

— Но мы сумели преодолеть ограничение Эйнштейна, — промямлил Фрост. — Мы сделали то, что считалось теоретически невозможным. Может, все же...

— Не знаю, — пожала плечами она. — Но думаю, вряд ли.

— А вас это не расстраивает?!

— Расстраиваться? Зачем? Я не договорила: жизнь — такая же составляющая матрицы. Или надо сказать так: жизнь-смерть, как я говорила, — материя-энергия, хотя это и не вполне точно.

— Жизнь-смерть?

— Да, в общем это похоже на «материю-энергию». Можете, если хотите, назвать это законом сохранения жизни.

Фрост, пошатываясь, поднялся и сошел с крыльца. Минуту он молчал, глядя перед собой, затем обернулся к Кэмпбел:

— Вы считаете, что все, чем мы занимались, было напрасно?

— Не знаю, — ответила она. — Я пыталась понять это, но к ответу не пришла. Может, и не приду. Я знаю только, что жизнь никуда не исчезает, не гасится и не задувается, как свечка. Смерть — это только превращение. Жизнь остается, но становится другой. Точно так же, как материя становится энергией, а энергия — материей.

— Значит, мы идем все дальше и дальше?

— Кто «мы»?

Да, верно, подумал Фрост.

Что такое «мы»? Кроха сознания, возомнившего себя противостоящим холодной безбрежности безразличного к ней космоса? Крупинка, решившая, что она что-то значит, когда не значит ничего! Маленькое, дрожащее «я», которое думает, что вселенная вращается вокруг него, хотя та не имеет и понятия о нем?

Нет, совсем не так, решил Фрост. Потому что если ее слова верны, то каждое такое «я» и есть основа мироздания, его цель и назначение.

— Что вы думаете делать со всем этим? — спросил он вслух.

Она пожала плечами:

— А как по-вашему? Что станется с Нетленным Центром, если я опубликую свои результаты? Что будет с людьми?

— Не знаю.

— Что я им скажу? Не больше чем сказала вам: жизнь — продолжается, она не может исчезнуть; она столь же вечна, как пространство и время, потому что вместе с ними образует основу мироздания. Только это — жизнь бесконечна, и никаких конкретных надежд и обещаний. Я не могу даже сказать им, что смерть — это, кажется, лучшее, что произойдет с нами.

— Это правда?

— Я бы очень хотела так думать.

— Но кто-нибудь другой, лет через двадцать, через пятьдесят, даже через сто, докопается до того, что обнаружили вы. Нетленный Центр уверен, что вы что-то нашли. Они знают, что вы работали с гамалийской математикой, и усадят толпу людей заниматься тем же. И кто-то из них непременно разберется.

Мона Кэмпбел спокойно сидела на ступеньках.

— Что же, — сказала она, помолчав. — Вот они пускай и говорят. А я не могу представить себя в роли

такого героя, который единым махом перечеркивает все, что человечество воздвигало две сотни лет.

— Но вы же замените это новой надеждой! Вы только подтвердите истинность того, во что человечество верило века!

— Поздно. Мы уже кроим собственное бессмертие, свою вечность. Оно у нас в руках. Как теперь заставить людей отказаться от него?!

— Поэтому вы и не возвращаетесь? Не потому, что не хотите сказать людям, что путешествия во времени невозможны, но потому, что тогда они узнают, что жизнь и так вечна, без всяких выдумок?

— Конечно, — вздохнула она. — Не могу же я превратить человечество в сборище дураков.

Глава 35

Огден Рассел наткнулся на что-то, похожее на камень, и прекратил копать. Копал он руками и глубокую яму выкопать не мог. Доконает его в конце концов этот крест

Он распрямился — края ямы доходили до бедер. Он взглянул на лежащий крест — да, яма явно маловата для него, нужно раза в два глубже хотя бы. Опять надо отступать на несколько футов в сторону и приниматься за дело снова, потому что если он и выкопает валун, то как вытащит его наружу?

Рассел устало прислонился к стенке, лягнул камень пяткой и тут сообразил, что препятствие не слишком-то похоже на валун.

Он удивленно хмыкнул. А что же это, если не камень? Рассел присел на корточки, скорчился в тесном пространстве и ощупал странный предмет. Какая-то явно плоская поверхность. Он надавил — пружинит.

Озадаченный, он торопливо выгреб несколько горстей песка и обнаружил, что ниже предмета копать он может совершенно свободно.

Порылся еще, нащупал края предмета, ухватился за них и, изо всех оставшихся сил, насколько позволяло неудобное положение, дернул. Предмет, который он было принял за камень, подался вверх, и Рассел увидел, что это — изъеденный ржавчиной кусок металла

Под ним открылась полость, из которой выглядывали пожелтевшие свертки.

Рассел взял в руки один. Бумага была старой, ломкой и рассыпалась от прикосновения. В его руках оказался необычайно изящный предмет, украшенный тончайшей резьбой.

Выпрямившись, он подставил его под луч солнца и увидел, что держит в руках пластину гравированного нефрита. На синевато-зеленом фоне плыл белый карп, каждая чешуйка его была верхом совершенства. Рука Рассела задрожала.

Перед ним была красота, сокровище и — если остальные свертки содержали в себе такие же вещи — перед ним было богатство, о котором и мечтать-то могли немногие.

Рассел осторожно положил пластину на песок и наклонился, чтобы достать остальные свертки. Так на песке оказались около двух дюжин пластин.

Он смотрел на них, сияющих в солнечном свете, туман застилал ему глаза, а слезы текли по щекам.

Неделями он молился, неделями страдал, питался моллюсками, которые вызывали в нем отвращение, мерз, стирал в кровь колени, а все это время под его ногами лежало сокровище — таинственный клад, который ждал и дождался своего часа. А если бы он не стал копать новую яму для креста?

Сокровище, думал Рассел. Не то, что он искал, но, несомненно, это было богатство, которое позволит ему войти во вторую жизнь, обладая завидным финансовым положением.

Он выбрался из ямы и присел возле нефрита, осторожно разглядывая, боясь прикоснуться — все еще не веря своим глазам.

Сокровище, повторял он. Он не искал его, но нашел.

Или это новое испытание, вздрогнул Рассел. Такое же, как испытание моллюсками, как крест, как все несчастия, которые он уже претерпел. Вдруг Всевышний с умыслом навел его на драгоценности, чтобы проверить — достоин ли он сокровища совсем иного?

А он проявляет слабость, когда следует немедленно схватить найденное и зашвырнуть подальше в реку? И вернуться к трудам, прочно установить крест, который не свалит никакой ветер? А потом, в качестве последнего свидетельства, вырвать из груди передатчик и

зашвырнуть в реку, чтобы оборвать последнюю связь с миром?

Рассел упал на песок и в неистовстве катался по нему, обхватив себя руками.

«Неужели этому не будет конца?» — вопрошал он себя. — Неужели нет предела унижениям, сквозь которые должен пройти человек?»

Все книги сходились на том, что Бог — добр и милосерден. Он хочет победить зло в людских душах, хочет приблизить их к себе. Эта дорога всегда открыта, всегда ясна, и стоит лишь следовать ею, чтобы облечься в вечное сияние.

Но здесь, на этом острове, милосердием и не пахло. Путь не открывался, он сумел найти лишь нефрит в ржавых останках какого-то ящика — что это значит? Даже если находка и была устроена божественным вмешательством?

Но, спросил он себя, зачем Богу вмешиваться в его жизнь? Почему Бог должен беспокоиться о нем? К чему Господу один никчемный и бестолковый человечишко, когда у Него есть миллиарды других? Почему же он, Рассел, так ожидает внимания к себе? Не есть ли подобное ожидание просто проявление суетности, что и само по себе — грех?

Рассел взял в руку одну из пластин и размахнулся для броска. Рыдания сотрясали его, лицо было мокрым от слез.

И тут он понял, что проиграл. Потому что от него требуют заплатить цену, на которую его плотская природа не согласится никогда.

Глава 36

Ночью Мона Кэмпбел уехала, на влажной траве не осталось даже следов от колес. Она не вернется, понял Фрост, исчезло пальто, которое постоянно висело на гвозде за дверью, не осталось и намека на то, что она когда-либо была здесь.

Дом пуст. Не потому, что в нем никого не осталось, а потому что он уже не предназначен для людей, он принадлежит прошлому. Людям такие дома уже не нужны, теперь они живут в гигантских сооружениях из бетона и стали, боятся одиночества и не выносят вида незастроенной земли. Впрочем, такой скоро и не останется вовсе, вся планета превратится в один единый дом, вмещающий в себя десятки миллиардов живых существ, но и этого будет мало. Люди станут жить в городах-спутниках, кружащих в космосе, отправятся к другим планетам и приспособят их для себя. Приберут к рукам последний клочок пространства. А что им остается? Мечта о перемещениях во времени умерла.

Фрост стоял на крыльце и смотрел на эту заброшенную землю. За изгородью высоко в небо взметнули кроны деревья, Фрост их помнил — когда он был маленьким, они тоже были еще совсем молодыми. Изгородь покосилась, скоро развалится совсем, а чуть позже — трухой станут и дом, и сарай.

Мона Кэмпбел уехала, скоро и он уйдет отсюда. Не потому, что ему есть куда идти, а просто нет у него

причин оставаться здесь. Он побредет куда глаза глядят, прочь отсюда. Как-нибудь он поладит со своей судьбой. Скорее всего направится на юг, здесь через несколько месяцев похолодает и выпадет снег.

Или на юго-запад, подумал он. В пустыню, в горы — он часто думал о тех краях.

Мона Кэмпбелл уехала, почему? Опасалась, что он выдаст ее, рассчитывая на прощение властей? Или поняла, что не должна была говорить ему о своей работе, а рассказав, почувствовала себя уязвимой?

Нет, она ушла не затем, чтобы уберечься, но чтобы спасти мир. Она пошла своим путем, потому что не могла допустить, чтобы человечество узнало, что два последних столетия занималось ерундой. И потому, что надежда, которую она нашла в математике, оказалась слишком хрупкой и слишком сложной для большинства, привыкшего к простому устройству будущего мира, который человечество для себя сочинило.

Святые были правы, подумал Фрост, как было право человечество, в течение многих веков придерживаясь веры. Хотя, он был уверен, Святые отвергли бы доказательство Моны — нет в нем ни вечной славы, ни звука серебряной трубы архангела.

Оно не обещает ничего, кроме жизни, уходящей в вечность. Ни слова о том, какой эта жизнь будет, ни малейшего намека на то, кем там станет человек. Но это — доказательство, решил Фрост, и это лучше веры. Вера никогда ничего не могла противопоставить фактам.

Фрост сошел с крыльца и направился к покосившимся воротам. Собираться незачем, все что у него есть — одежда, одежда Хиклина, и планов строить не надо — какие планы, когда нет цели?

Он дошел до калитки, потянул на себя, и тут из-за деревьев неожиданно вынырнула машина.

Фрост в изумлении замер, первое, что пришло в голову, — возвращается Мона Кэмпбел.

Но в машине было два человека, и оба — мужчины. Машина подъехала к калитке и остановилась.

Дверь открылась и один из них вышел наружу.

— Привет, Дэн! — сказал Маркус Эплтон. — Как я рад увидеть тебя здесь! Вот уж не рассчитывал!

Он был приветлив и обходителен, словно увидел закадычного друга.

— Да, в самом деле, — согласился Фрост, — я не раз ожидал, что вы вот-вот выскочите из-за угла. Но, признаюсь, не сегодня.

— Ладно, чего там, — улыбнулся Эплтон. — Какая разница. Мне это как раз по душе. Не ожидал, что застукаю сразу вас обоих.

— Обоих? — изумился Фрост. — Кого еще, Маркус?

Водитель выбрался через другую дверь и подходил к ним. Это был немного косящий громила, за поясом у него торчал револьвер.

— Кларенс, — обратился к нему Эплтон. — Пойди-ка в дом и приведи сюда девицу Кэмпбел.

Фрост отступил в сторону, чтобы пропустить Кларенса. Он видел, как тот пересек двор, поднялся по ступенькам и скрылся в доме. Фрост обернулся к Эплтону:

— Маркус, кого вы хотите тут найти?

Эплтон ухмыльнулся:

— Не прикидывайся. Мону Кэмпбел, ты должен ее помнить.

— Да, конечно. Женщина из отдела исследований Времени. Та, что исчезла.

Эплтон кивнул:

— Парни со спасательной станции несколько недель назад засекли, что тут кто-то живет — летели по делам мимо. После, через неделю или около того, женщина, которую они здесь видели, привезла к ним человека, которого укусила змея. Она сказала, что нашла его на дороге. Было темно, как следует они ее не рассмотрели, но и этого достаточно.

— Увы, вы ошиблись. Никого кроме меня тут нет и не было.

— Дэн, — сказал Эплтон. — На тебе висит обвинение в убийстве. Если ты можешь нам что-то сообщить, то сообщай, и мы тебя не видели. Скатертью дорожка.

— И далеко я уйду? Так, чтобы стрелять было удобнее?

Эплтон покачал головой:

— Нет. Дело есть дело. Ты нам, конечно, нужен, но не так, как она.

— Мне нечего сказать, Маркус. А если бы было — я увел бы у вас это дельце из-под носа. Но ее тут не было.

Кларенс вышел из дома и тяжело зашагал к калитке.

— Там пусто, Маркус, — сказал он разочарованно. — Никаких следов.

— Ну ладно, — кивнул Маркус. — Значит, где-то спряталась.

— Не в доме, — настаивал Кларенс.

— А как ты думаешь, — спросил Эплтон, — этот парень может что-то знать?

Кларенс взглянул на Фроста:

— Этот — может. Очень даже может.

— Беда в том, что он сегодня неразговорчив.

Кларенс резко взмахнул рукой, уклониться было невозможно. Фрост отлетел назад, ударился о забор и упал. Кларенс шагнул к нему, нагнулся, схватил за рубашку, рывком поднял и снова замахнулся.

Словно что-то взорвалось в голове у Фроста. Очнувшись, он обнаружил себя стоящим на четвереньках, во рту солоноватый привкус крови.

К нему протянулись чьи-то руки, вновь рывком поставили на ноги. Фрост качался, стараясь держаться прямо.

— Погоди, — сказал Эплтон. — Не все сразу. Может, его настроение изменилось.

— Еще? — обратился он к Фросту.

— Черт вас дери, — ответил Фрост.

Его ударили снова, он опять свалился на землю и там, приходя в себя, почему-то пытался сообразить — зачем он сказал то, что сказал? Это было уж вовсе глупо, дерзить он не собирался, но вот сказал, совершенно не подумав о последствиях.

Он сел и уставился на мучителей. Эплтон, казалось, перестал относиться к происходящему, как к развлечению. Кларенс был готов продолжать.

Фрост поднял руку и вытер лицо. Рука окрасилась кровью.

— Дэн, не валяй дурака, — принялся увещевать Эплтон. — Все, что от тебя требуется, — сказать, где Кэмпбел. И катись на все четыре стороны. Мы тебя не видали.

Фрост покачал головой.

— Если не заговоришь, — внес ясность Эплтон, — то Кларенс уходит тебя до смерти. Он эту работенку любит. Управляется он быстро, а я вот что еще подумал — ребята со станции могут вовремя не поспеть.

Знаешь, как иной раз бывает. Чуть-чуть опоздают. Ужасно, конечно, да что поделаешь.

Кларенс приблизился.

— Я серьезно, Дэн, — сказал Эплтон. — Шутки в сторону.

Фрост изо всех сил пытался встать на ноги. Кларенс приблизился еще на шаг. Фрост кинулся на эти две, похожие на столбы, ноги, почувствовал, как врезается в них, и растянулся лицом вниз. Отскочил в сторону, встал на ноги и выпрямился.

Кларенс лежал на земле. Из раны на голове хлестала кровь — кажется, он ударился о забор.

Эплтон бросился на Фроста, Фрост попытался отступить, но Маркус ударил его головой в живот, и он рухнул. Эплтон оказался сверху, обхватил горло Фроста руками и стал душить. Фрост видел снизу сузившиеся глаза и ощерившийся рот.

Издалека, кажется, донесся раскат грома. Но у Фроста гудело в голове, и он не был уверен в этом. Руки на его горле сжимались, как тиски. Он сумел высвободить руку и выбросил ее вперед, но в ударе не было силы. Он ударил еще и еще, но пальцы не разжимались.

Взявшийся ниоткуда ветер закружил в воздухе пыль и мелкие камешки. Фрост увидел, что Эплтон старается отвернуть лицо от ветра, потом он отнял руки от горла Фроста и куда-то пропал.

Фрост, пошатываясь, встал на ноги. Рядом с машиной садился вертолет. Из кабины выскочили два вооруженных человека. Маркус Эплтон стоял, уронив руки вдоль тела. Кларенс по-прежнему лежал на земле.

Винты замерли, и воцарилась тишина. «Служба спасения» — было написано на корпусе вертолета.

Один из мужчин направил оружие на Эплтона.

— Мистер Эплтон, — сказал он, — если вы вооружены, то бросьте оружие.

— У меня нет оружия, — ответил Эплтон. — Я его никогда не ношу.

Это сон, подумал Фрост. Слишком фантастично, чтобы оказаться явью.

— По чьему приказу, — не теряя хладнокровия, осведомился Эплтон, — вы меня арестовываете?

В его голосе прозвучала насмешка, он явно не верил в происходящее. Кто может арестовать Маркуса Эплтона?

— Это по моему приказу, Маркус, — раздался другой голос.

Фрост обернулся и увидел, что на трапе появился Б. Д.

— Как это вы рискнули покинуть свой кабинет, Б. Д.? — ехидно спросил Эплтон.

Б. Д. не ответил, он повернулся к Фросту:

— Как вы, Дэн?

Фрост поднял руку и вытер лицо.

— Я в порядке. Рад видеть вас, Б. Д.

Второй человек с револьвером на изготовку подошел к Кларенсу, встряхнул его, поставил на ноги и обезоружил.

Кларенс нетвердо держался на ногах и прижимал руку к дырке в голове.

Б. Д. сошел вниз, в дверях вертолета возникла Энн Харрисон.

Фрост пошел к ней. Он был словно в тумане, ног не чувствовал и был немало удивлен, что вообще способен передвигаться. Но шел, да и чувствовал себя, в общем, неплохо.

— Энн, — спросил он, — что происходит?

Она подошла к нему.

— Что они с тобой сделали?

— Пока еще ничего. Но начали неплохо. Что все это означает?

— Бумага. Та самая бумага.

— Она была в том конверте?

Энн кивнула.

— Такая глупость. Там было всего-то: «Поместите 2468934 в список». Странно, я до сих пор помню все цифры. Вспомнили? Вы говорили, что прочли ее, но забыли.

— Да, что-то вносилось в список. Но о чем это?

— Очень просто, — пояснил подошедший к ним Б. Д. — Число — это идентификационный номер тела в холодильнике. А список — в него вносились люди, которые не будут оживлены. Все записи и сведения о них исчезали.

— Зачем?

— У них были слишком крупные вклады, — сказал Б. Д. — И эти деньги можно было перевести на другой счет. Перечислить и стереть запись. Вклад невозможно обнаружить в случае, если не оживить владельца.

— Лэйн! — сообразил Фрост.

— Ну конечно. Казначей. Он мог проделывать такие операции. А Маркус выискивал жертвы — тех, у кого нет близких родственников и друзей. Таких никто не хватится. Полная гарантия.

— Вы, конечно, понимаете, Б. Д., — хладнокровно сказал Эплтон, — что я возбужу против вас дело. Я пущу вас по миру. Заберу все, что у вас есть. Вы позволили себе клевету при свидетелях.

— Весьма сомневаюсь в успехе вашего начинания, — парировал Б. Д. — Дело в том, что мы имеем признание Лэйна. — Он кивнул конвойным. — Забирайте их. — Те стали подталкивать Кларенса и Эплтона вверх по трапу. — Вы возвращаетесь с нами, Дэн?

Фрост замешкался.

— Татуировки сводятся, Дэн, — стал объяснять Б. Д. — Дается официальное заявление о случившемся. Вас ждет ваша работа. У нас есть доказательства того, что суд был незаконен. И я полагаю, что Нетленный Центр сможет возместить вам ущерб, а также достаточно вещественно выразит свою благодарность за то, что вы сделали для нас, перехватив эту бумагу...

— Но я не делал этого...

— Ну-ну, — укоряюще взглянул на него Б. Д., — не скромничайте. Мисс Харрисон нам все рассказала. Это она передала нам документ, да еще и выяснила, что́ там имелось в виду. Я бы сказал так, что Нетленный Центр просто в неоплатном долгу перед вами...

Он повернулся и пошел к вертолету.

— На самом деле, это вовсе не я, — смутилась Энн. — Но я не могла рассказать им, кто это сделал. Джордж Саттон — вот кто разобрался.

— Погодите, — сказал Фрост. — Джордж Саттон? Кто это?

— Тот человек, с которым вы однажды ночью беседовали о Библии. Помните? Святой. Высокий, седой старик.

— Дэн! — Б. Д. обернулся в их сторону, стоя на пороге кабины.

— Да, Б. Д.?

— Маркус приезжал сюда, чтобы найти Мону Кэмпбел. Сказал, что у него есть сведения, будто она тут. Он говорил, что та скрывается в заброшенном фермерском доме. Не в этом ли?

— То же самое он говорил и мне, — спокойно ответил Фрост. — Похоже, он решил, что я о ней что-то знаю.

— Но?

Фрост покачал головой:

— Ничего.

— Ну ладно, — тяжело вздохнул Б. Д. — Когда-нибудь мы ее отыщем.

Он скрылся в кабине.

— Подумать только, — улыбнулась Энн. — Вы возвращаетесь. Я опять смогу приготовить вам ужин.

— А я выйду и куплю красные розы и свечи, — добавил Фрост.

Он вспомнил тепло и ощущение жизни, которые эта женщина сумела придать неуютной комнате. Вспомнил и о том, как пустота и горечь исчезли в ее присутствии, как возникло дружелюбное общение, которого он никогда прежде не знал.

Любовь? А как поймешь? В первой жизни едва ли есть место для любви. У него не хватило времени даже на то, чтобы понять, что же это такое. А наступит ли это время во второй жизни? Времени там будет вдоволь, но не заполнит ли и его человек холодом своих расчетов? Не возьмет ли он за основу то, как жил в первой?

Энн повернулась к нему, и он увидел, что она плачет

— Все станет по-прежнему, — прошептала она.

— Да, — кивнул он. — Все будет точно так же.

Хотя знал, что прежнего уже не вернуть. Земля уже никогда не станет такой же. Мона Кэмпбел открыла истину, о которой не сообщит никогда, но через несколько лет то же самое обнаружат и другие. Мир узнает все.

Рухнет привычная уверенность в жизни, Нетленный Центр обретет соперника, и мир опять примется балансировать между двух мнений и вер.

— Дэн, — сказала Энн. — Поцелуй меня, пожалуйста, и пойдем в вертолет. А то Б.Д., чего доброго, начнет волноваться.

Глава 37

Возле дороги сидел человек и глядел вдаль, но глаза его были пусты. На нем были только брюки, обрезанные значительно выше колен. Длинные волосы свисали до плеч, спутанная борода была полна песка. Его кожа выгорела, он выглядел изможденным.

Мона Кэмпбел притормозила и вышла из машины. С минуту она рассматривала человека. Вряд ли он замечал ее, он выглядел совершенно потерянным и, казалось, жив только по привычке.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила она.

Он вздрогнул и посмотрел в ее сторону.

— Что с вами? — спросила она. — Вам плохо?

— Плохо, — повторил он неожиданно резким голосом, — что значит — плохо? Вы умеете отличить, что плохо?

— Иногда, — сказала она. — Но не всегда, конечно.

— Если бы я остался, — вдруг запричитал он, — если бы молился усерднее, если бы выкопал такую яму, чтобы крест не падал...

Он затих и снова уставился в никуда. Только теперь она заметила мешок, который валялся подле него на земле. Мешок, похоже, был сделан из материи, кото-

рую он оторвал от своих брюк. Внутри мешка в беспорядке были свалены кусочки нефрита.

— Вы голодны?— спросила она, — Вы здоровы? Вы уверены, что вам не требуется помощь?

Господи, подумала она, зачем надо было останавливаться...

Человек еле заметно пошевелился, губы приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, но передумал.

— Если вам не нужна помощь, то я поеду, — сказала она и повернулась, чтобы уйти.

— Подождите, — сказал он.

Кэмпбел остановилась.

На нее смотрели воспаленные глаза.

— Скажите мне, — проговорил человек, — есть ли истина?

Она почувствовала, что вопрос не праздный.

— Думаю, да, — ответила она серьезно. — В математике, например.

— Я искал истину, — сказал он, — а нашел вот это. — Он пнул мешок, и пластины разлетелись по песку. — И что, так всегда? Вы ищете истину, а обнаруживаете идиотский приз. Но и эту подачку вы заберете, все лучше, чем ничего.

Она отвернулась. Он был безумен.

— Нефрит, — сказала она, — странно, один тут уже гонялся за нефритом...

— Вы не понимаете, — пробормотал он.

Она покачала головой, очень желая уехать.

— Вы сказали, что истина есть в математике. Что же, по-вашему, Бог — математик?

— Не знаю, — сказала она. — Я остановилась лишь затем, чтобы спросить, не нужна ли вам помощь.

— Куда вам кому-то помочь, — ухмыльнулся он, — вы и себе-то помочь не сможете. Нам всем помогали когда-то. А теперь — нет. С этим уже ничего не поделать. Я знаю, я пробовал.

— Почему же, — мягко произнесла она, — есть такое уравнение с одной забытой планеты...

Он приподнялся и пронзительно закричал:

— Нет пути, говорю вам! Нет! Существовал лишь один путь, а теперь и он не годится!

Она бросилась к машине. Там остановилась и посмотрела назад. Человек уже опустился на землю, но

все еще глядел в ее сторону, и в глазах его читался неописуемый ужас.

Она попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле.

И через разделявшее их расстояние он прошептал, словно это была тайна, которую он решился ей раскрыть:

— Мы покинуты, — прозвучал жуткий шепот. — Бог оставил нас.

КИМОН

ПОСЛЕДНИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Через тридцать лет, через многие миллионы написанных слов, наконец наступил день, когда он не смог написать больше ни строчки.

Ему больше нечего было сказать. Он все сказал.

Последняя из длинной серии книг, законченная несколько месяцев тому назад, должна была вот-вот выйти из печати, и он ощущал внутри себя такую пустоту, словно из него выпустили всю кровь.

Он сидел у окна в своем кабинете, ожидая визита сотрудника журнала новостей, и его взгляд вяло блуждал по большой лужайке с разбросанными по ней кустами бересклета, березками и жизнерадостными клумбами с тюльпанами. Он спрашивал себя, почему его так беспокоит мысль о неспособности писать дальше — ведь он и так уже сказал гораздо больше, чем основная масса его собратьев по перу. И он говорил обычно без иносказаний, со всей искренностью, пусть и в романизированной форме, и — по крайней мере, он надеялся на это — достаточно убедительно.

Сегодня он занимал в мировой литературе надежное, устойчивое положение. Поэтому он пытался убедить себя, что все идет к лучшему, что он может остановиться теперь, когда достиг вершины в своем искусстве. Это было несравненно правильнее, чем если бы он постепенно подошел к закату жизни, позволив туману старческого слабоумия ослабить блеск своего творчества.

И все же потребность писать дальше продолжала беспокоить его. У него было ощущение, что прекратить писать — это все равно что совершить предательство. Хотя он и не имел ни малейшего представления, кого он предавал таким образом. Среди его переживаний было еще нечто вроде чувства уязвленного самолюбия и, может быть, ощущения легкой паники, подобного тому, что испытывает человек, у которого внезапно резко ухудшилось зрение.

Но все это следовало считать просто глупостями. За тридцать лет, посвященных литературе, он достойно завершил труд целой жизни. И он совсем неплохо прожил эту жизнь. Не то чтобы слишком бурно или в чем-то легкомысленно, но так, что сейчас он с полным основанием мог испытывать чувство удовлетворения.

Он обвел взглядом рабочий кабинет, подумав при этом, насколько комната способна приобрести отпечаток личности живущего в ней: ряды переплетенных в кожу книг, сдержанная элегантность письменного стола из массивного дуба, пушистый ковер на полу, старые уютные кресла — каждый предмет обстановки создавал и укреплял уверенность в том, что он находится именно там, где и должен находиться.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Харрингтон.

Дверь открылась, и на пороге появился Адамс: согбенная фигура, белые как снег волосы. Идеальный образ старого верного слуги.

— Вас спрашивает господин из «Ситуации», сэр.

— Отлично, — бросил Харрингтон. — Просите его, пожалуйста.

«Отлично» было просто стандартным выражением, приличествующим обстоятельствам, потому что ему вовсе не хотелось видеть этого посланника прессы. Но договоренность о встрече была достигнута несколько недель тому назад, и сейчас ему не оставалось ничего другого, как примириться с визитом.

Вошедший походил скорее на воротилу крупного бизнеса, чем на редактора журнала. Харрингтон неожиданно подумал: трудно представить, что именно этот человек способен писать в том сжатом, резком стиле, создавшем популярность «Ситуации».

— Джон Леонард, — произнес мужчина, пожимая руку Харрингтону.

— Рад видеть вас, — ответил Харрингтон тем любезным дружелюбным тоном, который привык применять при деловых встречах. — Садитесь, прошу вас. Мне представляется, что я хорошо знаю вас, журналистов. Я уже много лет подряд регулярно читаю ваш журнал. Как только он приходит, я сразу же принимаюсь искать статью Харви.

Леонард негромко рассмеялся.

— Похоже, что Харви — наш самый популярный хроникер, наша главная приманка для читателя, — сказал он. — Все, кто приходит к нам в редакцию, обязательно стремятся повидаться с ним. — Он устроился в предложенном ему кресле. — Прежде всего, я должен передать вам привет от мистера Уайта.

— Это очень любезно с его стороны, — ответил Харрингтон. — Поблагодарите его от моего имени. Я не встречался с ним уже столько лет...

Подумав об Уайте, Харрингтон вспомнил, что он и видел-то Престона Уайта всего один раз и что было это лет двадцать тому назад. Насколько ему помнилось, Уайт обладает сильной, энергичной натурой, большим даром убеждения, настойчивостью и упорством; короче говоря, он был точным отражением характера своего журнала.

— В прошлом месяце, — продолжал Леонард, — я встречался с другим вашим знакомым. Я имею в виду сенатора Джонсона Энрайта.

Харрингтон кивнул:

— Конечно, я знаком с сенатором много лет. Этот человек достоин восхищения. Наверное, вы думаете, что мы выглядим довольно необычной дружеской парой. Ведь мы с сенатором совершенно не похожи внешне.

— Сенатор искренне уважает вас и очень привязан к вам.

— Эти чувства взаимны, — сказал Харрингтон. — Что касается истории с Госдепартаментом... Она сильно беспокоит меня.

— Вот как?

— О, это человек на своем месте! — продолжал Харрингтон. — По крайней мере, мне так представляется. Для него характерны исключительная честность, редко встречающаяся в наши дни стойкость духа и крепкое телосложение. Короче говоря, все, что необхо-

димо человеку на таком посту Но есть и некоторые другие соображения...

Леонард несколько удивленно поднял брови

— Но вы же не хотите...

— Разумеется, нет, мистер Леонард, — сказал Харрингтон, устало махнув рукой. — Я просто пытаюсь поставить себя на место человека, посвятившего бо́льшую часть своей жизни служению обществу Я знаю что Джонсон должен рассматривать эту возможность с чувством, похожим на ужас. Ведь у него в сравнительно недавнем прошлом был момент, когда он готов был уйти в отставку, и только чувство долга заставило его остаться в сенате.

— Политик никогда не откажется от шанса стать руководителем Госдепартамента, — возразил Леонард. — Впрочем, Харви сообщил на прошлой неделе, что сенатор согласится.

— Да, я знаю, — ответил Харрингтон, — я читал об этом в газетах.

— Я не хотел бы, чтобы вы тратили время напрасно, — сказал Леонард, старавшийся не отклоняться от главной темы беседы. — Я, кстати, уже провел солидное расследование вашего прошлого.

— Не стесняйтесь, — доброжелательно ответствовал Харрингтон. — Мы будем беседовать столько, сколько вам потребуется. Мне совершенно нечего делать до вечера, когда я собираюсь поужинать с моей матерью.

— Ваша мать еще жива? — удивился Леонард.

— Да, и выглядит достаточно бодрой, несмотря на свои восемьдесят три года, — ответил Харрингтон. — Моя дорогая старая мамочка с безмятежным выражением на прекрасном лице. Знаете, эти лица на портретах Уистлера...

— Вам повезло. Моя мать умерла, когда я был еще совсем мальчишкой.

— Это очень печально, — согласился Харрингтон. — Моя мать — настоящая светская дама, изысканная до кончиков ногтей. В наши дни такие дамы встречаются не часто. Я уверен, что только благодаря матери я стал тем, кем являюсь сейчас. Знаете, чем я горжусь, пожалуй, больше всего? Это было в статье, которую ваш литературный критик Седрик Мэдисон написал обо мне несколько лет назад. Я тогда еще написал ему краткое

письмо с выражением благодарности и искренне намеревался как-нибудь нанести ему визит. Но время прошло, и я так и не собрался. Мне хотелось бы познакомиться с ним.

— И что же он написал про вас?

— Он написал, если я не ошибаюсь, что я — последний оставшийся в живых джентльмен.

— Неплохо сказано, — согласился Леонард. — Надо будет найти эту статью. Мне кажется, что Седрик понравился бы вам. Иногда он выглядит несколько странно, но это настоящий работяга, как и вы. Можно сказать, он просто живет в своем рабочем кабинете, проводя в нем дни и ночи.

Покопавшись в портфеле, Леонард извлек из него пачку бумаг. Быстро перелистав их, он нашел нужную страницу.

— Мы хотим сделать ваш настоящий портрет в натуральную величину, — сообщил он. — Обложка и две полные страницы внутри с многочисленными фото. Я уже говорил, что многое о вас знаю, но у меня остались кое-какие вопросы. Есть и некоторые противоречия.

— Боюсь, что не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Знаете, как мы работаем? — спросил Леонард. — Мы сопоставляем биографические данные, полученные из разных источников, потому что хотим быть уверены в сведениях о прошлом объекта исследования. Только после этого мы переходим к сбору данных о его человеческих качествах. Мы встречаемся с друзьями детства нашего героя, с его преподавателями, короче, со всеми, кто может помочь нам лучше понять его. Мы отправляемся туда, где он жил, мы собираем разные мелочи, касающиеся его жизни, разные любопытные случаи. Эта работа требует больших усилий, но мы гордимся тем, как ее выполняем.

— Ваша гордость вполне оправданна, молодой человек.

— Так вот, я отправился в Вайамушинг, в Висконсине, — продолжал журналист. — В город, где вы родились, судя по вашим словам.

— У меня остались самые приятные воспоминания об этом месте, — задумчиво произнес Харрингтон. — Чудесный городок, уютно расположившийся между холмами и рекой.

— Мистер Харрингтон!

— Да?

— Вы родились не в этом городе.

— Простите, я не понял вас.

— В книге записей о рождениях в административном центре графства нет ничего о вас. И никто в городе вас не помнит.

— Это ошибка, — возмутился Харрингтон. — Если, конечно, вы не шутите.

— Вы учились в Гарварде, мистер Харрингтон. Набор 1927 года.

— Да, это так.

— Вы никогда не были женаты.

— Я долгое время встречался с одной девушкой. Но она умерла.

— Ее звали Корнелия Сторм, — сообщил Леонард.

— Да, именно так. Об этом мало кто осведомлен.

— Мистер Харрингтон, мы проводим наши расследования очень тщательно.

— Ну и что? — бросил Харрингтон. — Это ведь не секрет. Просто не стоит афишировать это, вот и все.

— Мистер Харрингтон!

— Да?

— Дело не только в Вайамушинге. Все остальное тоже не стыкуется. Мы не нашли никаких следов вашего пребывания в Гарварде. И девушка по имени Корнелия Сторм никогда не существовала в действительности.

Харрингтон вскочил с кресла.

— Это просто смешно! — закричал он. — Чего вы хотите добиться?

— Я очень огорчен, что расстроил вас, — сказал Леонард. — Мне надо было более осторожно разговаривать с вами на эту тему. Очевидно, есть нечто...

— Да, есть нечто, что доставит мне удовольствие, — перебил его Харрингтон. — Немедленно распрощаться с вами.

— Может быть, я могу что-нибудь сделать для вас? Хоть что-нибудь...

— Вы и так уже сделали достаточно, — жестко бросил Харрингтон. — Даже более чем достаточно, можете мне поверить.

Он опустился в кресло и, вцепившись в подлокотники, попытался унять дрожь во всем теле, прислушива-

ясь к затихающим звукам удаляющихся шагов посетителя.

Услышав стук входных дверей, он позвал Адамса.

— Вам что-нибудь нужно, сэр? — почтительно откликнулся Адамс.

— Да. Скажите мне, кого вы видите перед собой?

— Но, сэр, — ответил явно озадаченный Адамс, — это же вы — сэр Холлис Харрингтон.

— Спасибо, Адамс. Я так и думал.

Уже стемнело, когда он уселся за руль своей машины, не торопясь проехал хорошо знакомой улицей и остановился перед старинным домом с белыми колоннами, едва видневшимися сквозь густую темную зелень парка.

Выключив зажигание, он вышел из машины и остановился, словно хотел в очередной раз проникнуться атмосферой этой улицы — строгой, корректной улицы аристократического вида — настоящего островка старины в нынешнем материалистическом мире. Даже немногочисленные проезжавшие по улице автомобили, казалось, ощущали царивший здесь дух благородства, подумал он. Они двигались здесь медленнее, их моторы работали тише, чем на остальных улицах, что заставляло невольно задумываться о наличии у этих механических существ весьма неожиданного для них чувства такта.

Повернувшись спиной к улице, Харрингтон направился по аллее к дому. Ароматы пробуждающегося к жизни весеннего сада нахлынули на него в темноте неудержимым потоком. Он невольно пожалел, что не приехал засветло, потому что Генри, садовник его матери, не имел себе равных в искусстве выращивания тюльпанов.

Медленно идя по аллее и наслаждаясь запахами зелени и цветов, он почувствовал, как постепенно избавляется от возникшего после встречи с журналистом ощущения, что он столкнулся с чем-то странным и непонятным. Одно только его присутствие на этой улице, на этой аллее возрождало в нем уверенность, что все в порядке, все идет так, как должно идти.

Он поднялся по аккуратным кирпичным ступенькам на крыльцо и протянул руку к молотку.

Салон был освещен, и он подумал, что мать ожидает его там, но дверь все равно откроет Тильда, прибежавшая из кухни. Возраст не позволял почтенной даме передвигаться со свойственной ей в прошлом живостью.

Он постучал и стал ждать. Ему вспомнились счастливые дни, проведенные в этом доме до поступления в Гарвард. Тогда еще был жив отец. Несколько семей, представителей старых родов, оставшихся с той поры, все еще проживали по соседству, но он уже много лет не встречал никого из них. Приезжая сюда, он буквально не показывал носа наружу, проводя бесконечные часы в долгих беседах с матерью.

Дверь распахнулась. Но на пороге почему-то стояла не Тильда в своей обычной шуршащей юбке и кофте с белым накрахмаленным воротничком, а какая-то совершенно не знакомая ему женщина.

— Добрый вечер, — сказал он. — Вы, по-видимому, соседка?

— Я живу здесь, — сухо ответила женщина.

— Но... Но я же не мог ошибиться! — воскликнул Харрингтон. — Ведь здесь живет миссис Дженнингс Харрингтон.

— Сожалею, но мне неизвестно это имя. Какой номер дома вам нужен?

— 2034 по Саммер Драйв.

— Да, это здесь, — удивилась женщина, — но миссис Харрингтон... Я вообще не знаю никого с такой фамилией. Мы живем здесь вот уже пятнадцать лет, и за все это время поблизости никогда не было никаких Харрингтонов.

— Мадам, — растерянно произнес Харрингтон, — поверьте, это крайне важно для меня...

Женщина резко захлопнула дверь перед его носом.

Он еще долго стоял на крыльце перед закрытой дверью. В какой-то момент он поднял руку, чтобы снова взяться за молоток, но удержался. Постояв еще немного, он вернулся на улицу.

Остановившись возле машины, он пристально всмотрелся в дом, куда на протяжении многих лет приезжал повидаться с матерью, — дом, в котором прошло его детство.

Он открыл машину и сел за руль. Руки дрожали так сильно, что он с трудом достал ключ из кармана и долго возился, пока не вставил его в замок зажигания.

Он повернул ключ, и двигатель заработал. Тем не менее Харрингтон не сразу тронулся с места, а еще несколько минут неподвижно сидел, крепко, до судорог, стискивая руль и не отводя взгляда от дома. В мозгу продолжала крутиться и никак не могла улечься мысль о том, что вот уже пятнадцать лет кто-то чужой жил в этих родных стенах.

Но где в таком случае его мать и ее верная Тильда? Где Генри со своими несравненными тюльпанами? Куда подевались бесчисленные вечера, проведенные в этом самом доме за последние годы? И долгие беседы в элегантно обставленном салоне перед камином, заполненным пылающими березовыми и буковыми поленьями, возле которого на ковре дремал свернувшийся клубком старый кот?

Была какая-то упорядоченность, подумал Харрингтон, какая-то зловещая система в последовательности событий его жизни. В образе жизни, в написанных книгах, в случавшихся в его жизни привязанностях и, пожалуй, еще больше в тех, которые так и не случились. Какая-то непреклонная сила скрывалась в засаде за всеми этими декорациями; она находилась где-то совсем рядом, но все же за границей поля зрения. Она таилась возле него годами, и он не раз ощущал ее присутствие, задумывался о ней, пытался обнаружить ее — и всегда безуспешно. Но никогда он не чувствовал ее близость так отчетливо, как сейчас.

Он не сомневался, что та самая сила, которая влияла на его жизнь, удерживала его сейчас, не позволяя кинуться к дверям дома, стучать, словно безумному, и требовать, чтобы ему ответили, где находится его мать.

Заметив, что дрожь прекратилась, он поднял стекло и включил передачу.

На первом же перекрестке он повернул налево и некоторое время ехал вверх по идущей в гору длинной улице.

Через десять минут он уже был возле кладбища. Поставив машину на стоянку, он взял с заднего сиденья плащ, натянул его на плечи и несколько мгновений постоял возле машины, глядя на раскинувшийся у подножия холма город и извивавшуюся по равнине реку.

Хоть это по крайней мере реально, подумал он, — город и река. Этого уж никто у него не отнимет — так же, впрочем, как книги и карты в его библиотеке.

На кладбище он вошел через небольшую боковую калитку и уверенно зашагал между темными надгробиями, слабо освещенными неверным голубым светом луны.

Вот и знакомый надгробный памятник. Он был таким же, каким давно запечатлелся в памяти Харрингтона, в его сердце. Он опустился на колени перед памятником и прикоснулся к нему обеими руками, ощущая ладонями мох и лишайники, давно покрывшие поверхность камня от основания до вершины. Они казались ему такими же знакомыми и близкими, как и сам памятник.

— Корнелия, — прошептал он, — ты всегда здесь, Корнелия.

Он порылся в карманах, достал коробок спичек. Несколько спичек отказались загораться, и только четвертая или пятая вспыхнула слабым колеблющимся светом. Он бережно прикрыл язычок огня ладонями и поднес его к камню. На нем было выбито имя. Но это не было имя Корнелии Сторм.

Сенатор Джонсон Энрайт приподнял графинчик с водкой.

— Нет, спасибо, — поблагодарил Харрингтон. — Мне достаточно одной рюмки. Я заглянул к вам совсем ненадолго и сейчас уже ухожу.

Он окинул взглядом комнату. Теперь у него появилась уверенность в одном — именно в том, за подтверждением чему он и пришел сюда. Рабочий кабинет сенатора выглядел не так, как обычно. Значительная доля его блеска исчезла, тонкий налет роскоши рассеялся. Он казался каким-то поблекшим, и очертания предметов вокруг Харрингтона слегка расплывались. Голова оленя над камином выглядела сильно потрепанной, утратившей свой обычный гордый и благородный облик.

— Вы так редко заглядываете ко мне, — сказал сенатор, — но вы же знаете, что вам всегда здесь рады. Особенно этим вечером. Все мои домашние разъ-

ехались, а у меня сегодня как раз весьма серьезные проблемы.

— Эта история с Госдепартаментом?

— Да, именно она. Я сказал президенту, что соглашусь, если ему не удастся найти никого другого. Я почти умолял его постараться найти другую кандидатуру.

— Вы не могли просто сказать ему «нет»?

— Я пытался, — печально ответил сенатор. — Я очень старался сказать ему именно это. И хотя мне никогда в жизни не приходилось искать аргументы во время дискуссии, на сей раз у меня ничего не получилось. Наверное, потому, что я стал слишком большим гордецом. За многие годы у меня появилась гордость за мою работу, и я уже не могу от нее избавиться.

Сенатор откинулся на спинку кресла, в котором утопал почти целиком, и Харрингтон отметил про себя, что он сам, в противоположность кабинету, совсем не изменился. Он остался прежним: лицо, словно вырубленное грубыми ударами резца, густая серебряная грива, острые зубы старого хищника, тяжело закругляющиеся массивные плечи гризли.

— Вы, конечно, знаете, что я отношусь к числу наиболее верных ваших читателей, — сказал сенатор.

— Да, знаю, — ответил Харрингтон. — И горжусь этим.

— Вы обладаете дьявольским умением выстраивать слова в строчки, между которыми прячете свои крючки, — продолжал сенатор. — И, зацепившись хотя бы за один из них, читатель уже не может сорваться. И он мечется взад и вперед, целыми днями вспоминая то, что было написано вами.

Он поднял бокал и отхлебнул из него.

— Я никогда не говорил вам этого, — продолжал он. — И не знаю, стоит ли это делать, хотя мне кажется, что все-таки стоит. В одной из книг вы как-то сказали, что печать судьбы может лежать на одном-единственном человеке. И если этот человек потерпит поражение, добавили вы, мир может погибнуть.

— Пожалуй, я действительно когда-то написал не что в этом роде. У меня впечатление, что

— Вы на самом деле не хотите выпить хотя бы еще немного? — спросил сенатор, протягивая руку к бутылке.

— Нет спасибо, ответил Харрингтон

Внезапно у него в мозгу словно щелкнул какой-то переключатель, и перед его внутренним взором возникла картина совсем другого времени и совсем другого места. Там он тоже собирался выпить. И тень, таившаяся в углу комнаты, говорила с ним. Такое с ним случилось впервые. В первый раз воспоминание об этой встрече возникло в его сознании. И ему показалось, что ничего подобного просто не могло произойти с ним, Холлисом Харрингтоном. Это была правда, которую он не хотел, не мог принять, но которая все же находилась здесь, в его голове, холодная и обнаженная.

— Я хотел поговорить с вами о месте, где вы рассуждаете о судьбе, — сказал сенатор. — Речь там идет об очень странных обстоятельствах; я полагаю, что вы согласитесь со мной. Вы, конечно, знаете, что я как-то подумывал уйти в отставку.

— Я помню об этом, — ответил Харрингтон. — И помню также, что согласился тогда с вашими доводами.

— Именно в это время, — торжественно произнес сенатор, — я и прочел это ваше рассуждение. Я уже составил заявление, в котором сообщал, что уйду, как только истечет срок действия моего мандата, и собирался передать его прессе на следующее утро. Но тут я прочитал написанное вами и задался вопросом: а что, если я именно тот человек, о котором вы говорили? Разумеется, я не верил всерьез, что это так.

Харрингтон почувствовал себя неловко и заерзал в кресле.

— Не знаю, что и сказать вам. Вы возлагаете на меня слишком большую ответственность.

— В результате я не стал подавать в отставку, — сказал сенатор. — И порвал свое заявление.

Некоторое время они молчали, следя за метавшимися в камине языками пламени.

— Ну а теперь, — снова заговорил Энрайт, — возникла новая сложная ситуация.

— Я был бы рад помочь вам, — сказал Харрингтон почти трагическим тоном. — И хотел бы найти подходящие к случаю слова. Но не могу, потому что сам дошел до точки. Я полностью исписáлся. Мне больше нечего сказать моим читателям.

Говоря эти слова, он знал, что хотел сказать нечто совсем другое. А именно: я пришел рассказать вам, что кто-то чужой вот уже пятнадцать лет живет в доме моей

матери, что на памятнике над гробом Корнелии выбито совсем не ее имя. Я пришел сюда, чтобы выяснить, не изменилась ли эта комната, и она действительно изменилась. Она потеряла свойственный ей ранее отпечаток величия...

Но он не мог сказать это сенатору. У него не было ни малейшей возможности произнести эти слова. Это нельзя было сказать даже такому близкому другу, каким он считал Энрайта.

— Мне очень жаль, Холлис, — сказал сенатор.

Харрингтон подумал, что во всем происходящем нет абсолютно ни грана смысла. Он был Холлисом Харрингтоном. Он родился в штате Висконсин. Он получил диплом в Гарварде, он был — как там сказал про него Седрик Мэдисон? — да, он был последним джентльменом среди всех ныне живущих. Жизнь его была правильной до малейших деталей; его дом выглядел на редкость корректным; его представлявшийся идеально завершенным литературный труд был результатом крайне утонченного образования.

Может быть, эта корректность, эта правильность выглядела иногда даже несколько чрезмерной, несколько утрированной для мира 1962 года, избавившегося от последних реликтов идеализма.

Он был Холлисом Харрингтоном, последним оставшимся в живых джентльменом, известным писателем, романтической фигурой в современном трезвом, сугубо реалистическом мире. И еще, он был человеком, который больше не мог писать. Он больше не знал, что говорить; он высказал все, что было у него на душе, раз и навсегда.

Харрингтон медленно поднялся с кресла.

— Мне пора, Джонсон. Я и так засиделся у вас дольше, чем собирался.

— Есть еще кое-что, — сказал сенатор. — Кое-что, о чем я давно хотел спросить вас. Это не имеет никакого отношения к делу, затрагивающему мое служебное положение. Я столько раз собирался задать вам этот вопрос, но всегда останавливался при мысли о том, что не должен делать этого, что, произнеси я эти слова вслух, это могло бы в некотором смысле...

— Спрашивайте, прошу вас, — сказал Харрингтон. — Я отвечу вам, если смогу, конечно.

— Речь идет об одной из ваших первых книг — Сенатор несколько замялся. — Мне кажется, она называлась «Кость для собаки»

— Действительно, это было так давно, — задумчиво произнес Харрингтон.

— Ваш главный герой.. Этот неандерталец, которого вы так здорово показали... Он получился у вас таким человечным.

Харрингтон кивнул.

— Верно. Именно таким он и был. Это было человеческое существо. Но только потому, что он жил сто тысяч лет тому назад...

— Конечно, конечно, — вежливо перебил его сенатор. — Вы совершенно правы. И вы его так замечательно показали. Все другие герои ваших книг — существа софистические, пленники условностей. Мне всегда казалось интересным, как вам удалось создать столь убедительный образ подобного существа, дикаря, едва ли не совершенно лишенного разума.

— Он не был лишен разума, — возразил Харрингтон. — И не был настоящим дикарем. Это продукт общества того времени. Я долго жил в его компании, Джонсон, прежде чем решился написать о нем. Я всегда пытался поместить самого себя в условия, в которых он существовал, старался думать так, как думал он. Короче, я хотел побывать в его шкуре. Таким образом мне удалось узнать его радости и его тревоги. Были моменты, когда мне казалось, что он находится рядом.

Энрайт покивал с серьезным видом:

— Я охотно верю вам. Так, значит, вам действительно надо уходить? И вы не хотите ничего выпить на дорожку?

— Очень жаль, Джонсон, но мне нужно вести машину, а дорога довольно длинная.

Сенатор выкарабкался из кресла и проводил Харрингтона до дверей.

— Мы обязательно еще поболтаем с вами, Холлис, и очень скоро. О вашей писательской деятельности. Я не могу поверить, что вы решили бросить писать.

— Может быть, и не брошу, — ответил Харрингтон. — Все может внезапно вернуться на круги своя

Но он говорил так только для того, чтобы подыграть сенатору. Он знал, что у него нет никаких шансов снова взяться за перо.

Приятели попрощались. Харрингтон тяжело зашагал по аллее, приволакивая правую ногу. Это было ненормально. Никогда в жизни он не замечал за собой ничего подобного.

Его машина стояла возле решетки, ограждающей участок сада. Подойдя поближе, Харрингтон застыл на месте, вытаращив глаза. Это была не его машина. Он ездил на дорогом автомобиле аристократического вида, настоящем лимузине, а сейчас перед ним стояла не просто модель массового выпуска, но и, вдобавок ко всему, довольно потрепанная.

И все же она показалась ему хорошо знакомой. Даже чем-то близкой, привлекательной.

Феномен повторился, но на сей раз по-другому, потому что теперь Харрингтон был в двух шагах от того, чтобы признать реальность.

Он открыл дверцу и сел за руль. Порывшись в карманах, он извлек ключ и некоторое время на ощупь искал замок зажигания. Наконец ключ с сухим щелчком вошел в отверстие, и, едва он повернулся, мотор сразу заработал.

Что-то боролось в душе, стараясь выбраться из тумана, заволакивавшего рассудок. Харрингтон чувствовал, как это что-то рвется на свободу. Он быстро понял, что это было. Это был Холлис Харрингтон, последний джентльмен.

Он долго сидел, не шевелясь. И все это время он не был ни последним джентльменом, ни просто пожилым человеком, сидящим в старом автомобиле. Он был кем-то гораздо более молодым и одновременно удивительно далеким отсюда существом, подвыпившим и жалким. Он сидел в отдельной кабине какого-то не знакомого ему ресторана, в самом дальнем и самом темном углу большого зала, заполненного звуками и запахами. Напротив сидел мужчина, что-то говоривший ему.

Он пытался разглядеть лицо незнакомца, но тот слишком хорошо прятался в тени — если вообще у него было лицо. И все время незнакомец без лица продолжал говорить

На столе лежали какие-то бумаги — очевидно, одна из его рукописей, и он хорошо знал, что она никому не нужна. Он пытался объяснить чужаку, что не имеет смысла говорить ему об этом, что он сам все знает, но очень хочет, чтобы из этого получилось что-нибудь

стоящее. Но язык словно распух во рту, мешая говорить, а в горле стоял колючий ком.

Он не мог выговорить ни единого слова, но ощущал в себе жгучую, непреодолимую потребность изложить свои мысли на бумаге, перенести на нее свои убежденность и веру, страстно рвавшиеся на свободу, стремившиеся к самовыражению.

Из всего, что говорил чужак, Харрингтон отчетливо расслышал только одну фразу:

— Я хочу заключить с вами определенное соглашение.

Это было все; больше ему ничего не удавалось вспомнить.

И она была там, эта древняя, жуткая вещь, обрывочная память о какой-то предыдущей жизни, случайность без прошлого и будущего, без какой-либо связи с ним

Внезапно он ощутил холод и сырость окружавшей его ночи, и все тело отозвалось крупной дрожью. Он включил сцепление, взял влево от тротуара и медленно поехал домой.

Так он ехал полчаса или несколько больше, по-прежнему дрожа от ночного холода. Он подумал, что его согрела бы чашка горячего кофе, и затормозил перед небольшим баром-рестораном, работающим всю ночь. И только теперь с изумлением понял, где находится — до дома оставалось не более трех-четырех километров

В ресторане было пусто, если не считать несколько небрежно одетой женщины за стойкой. Облокотившись на стойку, почти лежа на ней, она самозабвенно слушала радио.

Харрингтон взобрался на высокий табурет

— Кофе, пожалуйста, — попросил он.

Ожидая, когда хозяйка приготовит кофе, Харрингтон огляделся. Зал был чистым и уютным, с несколькими автоматами для продажи сигарет и небольшой витриной, заполненной иллюстрированными журналами.

Неряшливо одетая блондинка поставила перед ним на стойку чашку с кофе.

— Это все? — спросила она.

Харрингтон не ответил, потому что в этот момент его внимание привлекла строчка текста на обложке одного из журналов, редактор которого был известен приверженностью к сенсационным новостям.

— Так вам больше ничего не нужно? — переспросила блондинка.

— Нет, этого достаточно, — ответил Харрингтон.

Он не смотрел на женщину; он не мог оторвать взгляда от обложки журнала.

На всю обложку яркими большими буквами было вынесено название статьи: «Зачарованный мир Холлиса Харрингтона».

Он осторожно слез с табурета и подошел к витрине. Потом быстро протянул руку и схватил журнал, словно опасаясь, что тот может неожиданно исчезнуть. Пока он не почувствовал, что крепко сжимает его в руке, он все время подозревал, что журнал окажется таким же обманчивым и ирреальным, как и многое из окружавшего его мира.

Вернувшись к стойке, он положил журнал перед собой и пристально уставился на обложку. Строчка крупных четких букв осталась на прежнем месте. Она не изменилась, не исчезла. Харрингтон провел пальцем по буквам и решил, что они выглядят именно так, как и должны выглядеть.

Торопливо перелистав журнал, он отыскал статью. Со страниц журнала на него смотрело лицо, которое, как он знал, должно было быть его лицом, хотя он и представлял себя несколько иным. Это было более молодое, более смуглое лицо, к которому хозяин относился явно без излишнего внимания. Ниже находилась еще одна фотография — изображенная на ней физиономия буквально светилась благородством. Между фотографиями было напечатано: «Кто из этих двух людей является настоящим Холлисом Харрингтоном?»

Там была еще фотография дома, и он узнал это здание, несмотря на жутко запущенный вид; выше был изображен тот же самый дом, но сильно идеализированный, сверкающий белизной, окруженный ухоженным парком; это был дом с ярко выраженной индивидуальностью.

Он не стал читать текст, помещенный между фотографиями домов, поскольку и так знал, что там напечатано. А вот что было в самой статье.

Действительно ли Холлис Харрингтон — это больше, чем один человек? Действительно ли он тот человек, каким представляется самому себе, человек, созданный

его собственным воображением, человек, существующий в удивительном зачарованном мире, где жизнь так легка и приятна, а обычаи и привычки столь утонченны и изящны? Или его поведение — не что иное, как тщательно продуманное притворство, редчайший образец идеально разыгрываемого спектакля? Или, может быть, для того чтобы писать так, как пишет он, используя отточенный, выразительный, полный подтекста стиль, присущий ему вот уже тридцать лет, ему было совершенно необходимо создать для себя иную жизнь, резко отличающуюся от его реальной жизни? Может ли быть, что он был вынужден принять этот странный внутренний мир и поверить в него, как будто от этого зависела возможность продолжать писать?..

Чья-то рука опустилась на страницу, не давая возможности читать дальше. Харрингтон удивленно вскинул голову. Это была рука женщины из-за стойки. Он заметил, что глаза у нее блестели, как будто она с трудом сдерживала слезы.

— Мистер Харрингтон, — пробормотала она. — Прошу вас, мистер Харрингтон, не надо читать это.

— Но, миссис..

— Я ведь говорила Харри, что не стоит выставлять этот журнал. Что его лучше спрятать. Но он ответил, что вы все равно заезжаете к нам только по субботам.

— Вы хотите сказать, что я уже бывал здесь раньше?

— Да, вы заглядываете к нам почти каждую субботу, — удивилась женщина. — Почти каждую субботу вот уже много лет подряд. Вам нравится наш пирог с вишнями. Вы обычно заказываете большую порцию

— Да-да, конечно, — промямлил Харрингтон.

В действительности же он не имел ни малейшего представления об этом заведении. если только. О Боже! Если только он не убедил себя давным-давно, что это нечто совсем другое, какой-нибудь дворец с позолоченной посудой, посещаемый сливками общества.

Нет, это просто невозможно — настолько основательно обманывать себя, подумал он. Может быть, это и удавалось бы некоторое время, но не тридцать же лет! Это не удалось бы никому разумеется, без посторонней помощи

— Я забыл, — сказал он блондинке. — Сегодня у меня словно не своя голова на плечах. У вас найдется кусочек этого пирога с вишнями?

— Ну конечно! — ответила женщина.

Она сняла с полки поднос с пирогом, отрезала от него солидный кусок и положила на тарелку. Потом поставила тарелку с пирогом и вилкой перед клиентом.

— Простите меня, мистер Харрингтон, — покаянно сказала она. — Мне очень жаль, что я вовремя не спрятала этот журнал. Вы не должны придавать значения тому, что в нем напечатано, — как и всему остальному. Ничему из того, что о вас говорят или пишут люди. Мы все здесь по-настоящему гордимся вами. — Она перегнулась через стойку. — Вы должны наплевать на все это. Вы слишком великий писатель, чтобы это могло задеть вас.

— Я в общем-то и не думаю, что это меня задевает, — пожал плечами Харрингтон.

Он сказал чистую правду, поскольку был так ошеломлен, что статья не могла его всерьез обеспокоить. Он ощутил только глубочайшее удивление, заполнившее все его существо и не оставившее места для всех прочих чувств.

«Я хочу заключить с вами соглашение», — сказал чужак, сидевший в темном углу кабины ресторана много лет тому назад.

Но Харрингтон не имел ни малейшего представления о сути соглашения. Он не представлял, ни каковы были условия, ни с какой целью заключалось это соглашение, хотя и мог кое о чем догадаться.

Он писал книги тридцать лет без перерыва, и его труды были достойно вознаграждены. Он имел не только деньги, известность и почести, но и нечто более ценное: большой белый дом на холме среди густого парка, старого верного слугу, будто явившегося со страниц романа, мать с благородной внешностью, словно сошедшую с картины Уистлера. Горьковато-сладостные воспоминания о романтической идиллии, связанные с надгробным камнем...

Но теперь труд его жизни завершен, ему перестали платить вознаграждение, и он перестал обманывать самого себя.

Выплата вознаграждения прекратилась, и иллюзии, являвшиеся его частью, рассеялись как дым. Показное величие и мишура исчезли из его сознания. Теперь он уже не мог принимать старую колымагу за роскошный сверкающий лимузин. Теперь он снова был в состоянии правильно прочесть надпись, выбитую на надгробном камне. И воспоминания о матери, благородной старой даме в стиле Уистлера, исчезли из его мозга, — воспоминания, которые еще сегодняшним вечером были так глубоко внедрены в его сознание, что он пытался зайти в дом, бывший идеальным двойником того, который отпечатался в его памяти.

Теперь он понимал, что видел все, окружавшее его, в дымке, придававшей любому предмету солидность или изысканность, словно он был героем волшебных сказок.

«Но возможно ли такое?» — подумал он. Осуществимо ли столь длительное и всестороннее влияние на человеческий мозг? Неужели человек, находящийся в здравом уме, мог забавляться иллюзиями тридцать лет подряд, обманывая себя до такой степени? Может быть, он сошел с ума?

Харрингтон хладнокровно обдумал эту гипотезу, и она показалась ему маловероятной, потому что никакой сумасшедший не смог бы писать так, как он. А то, что он действительно написал все то, что считал написанным, подтвердил его сегодняшний разговор с сенатором.

Следовательно, все великолепие вокруг него было не чем иным, как химерой. Химерой, и ничем иным. Химерой, созданной с помощью того существа без лица, кем бы оно ни было, с которым было заключено соглашение в тот невероятно далекий вечер.

Харрингтон также думал, что ему, возможно, и не требовалось значительное вмешательство со стороны. Человеку вообще свойственно создавать иллюзии. Особенно талантливы в этом отношении дети — они действительно превращаются в то, чем хотят стать. Да и многие взрослые ухитряются искренне верить в то, во что считают нужным верить, или в то, во что хотят верить, чтобы обеспечить себе спокойное существование.

Шаг между реальностью и иллюзией преодолевается исключительно легко, подумал он, пожалуй, так же легко, как шаг между обычной формой самовнушения и полным самообманом.

— Мистер Харрингтон, — сказала женщина, — вы совсем ничего не едите.

— Нет, что вы, — ответил Харрингтон, взял вилку и нацепил на нее солидный кусок пирога.

Таким образом, вознаграждением за труд была эта его способность к созданию иллюзий, это дарованное ему умение творить без какого-либо сознательного усилия свой собственный мир, в котором он находился один. Вероятно, это было одно из предварительных условий его успеха как писателя — создание именно такого мира, именно такого образа жизни, которые, согласно чьим-то расчетам, обеспечивали наилучшее качество его работы.

Ну и какова же цель всей этой комедии?

Харрингтон не имел ни малейшего представления о том, что это могла быть за цель.

Конечно, если только вся совокупность его произведений не была ею сама по себе.

Тихо лившаяся из радиоприемника музыка оборвалась, и голос диктора торжественно возвестил: «Мы прерываем нашу программу для того, чтобы сообщить вам только что полученную нами новость. Ассошиэйтед Пресс передает: сенатор Джонсон Энрайт назначен Белым домом на должность государственного секретаря. А теперь мы продолжаем нашу музыкальную программу...»

Харрингтон застыл, не донеся вилку с куском пирога до рта.

— Печать судьбы может лежать на одном-единственном человеке! — пробормотал он.

— Что вы сказали, мистер Харрингтон?

— Ничего, ничего. Просто я вспомнил одну фразу. Это не имеет значения.

Тем не менее было ясно, что это имеет значение.

Сколько еще людей во всем мире могли прочесть и запомнить какую-нибудь строчку из его книг? На сколько судеб оказала воздействие какая-нибудь из написанных его рукой фраз?

Интересно, помогали ли ему писать эти фразы? Был ли у него талант, или он всего лишь записывал мысли, родившиеся в чьем-то сознании? Помогали ли ему писать в той же степени, в которой его заставляли заниматься самообманом? Неужели именно по этой причине он сейчас чувствовал себя не способным продолжать писать?

Но каковы бы ни были ответы на все эти вопросы, теперь все кончено. Он выполнил порученную ему миссию, и теперь его просто вышвырнули за дверь. И эта отставка оказалась столь же эффективной, столь же всеобъемлющей, как и следовало ожидать: все наваждение тут же превратилось в свою противоположность, начиная с утреннего визита представителя журнала. И вот теперь Харрингтон сидел здесь, у стойки бара, старый угрюмый человек, взгромоздившийся на табурет и жующий пирог с вишнями.

Сколько других угрюмых мужчин могли оказаться в подобной ситуации в настоящий момент? За все эти годы? За многие поколения? Сколько их было, внезапно лишенных жизни-мечты, как это только что произошло с ним, безуспешно пытавшихся понять, кто и за что наказал их таким образом? И сколько еще других людей продолжали в этот самый момент жить фальшивой, сотканной из иллюзий жизнью, какой жил он в течение тридцати лет до сегодняшнего дня?

Он отдавал себе отчет в том, что было бы смешно полагать, будто он является единственным. Это не имело бы никакого смысла — создавать иллюзии только у одного человека.

Сколько эксцентричных гениев, возможно, не были ни гениями, ни тем более эксцентричными гениями до того момента, когда оказывались в каком-нибудь мрачном закутке перед человеком без лица, слушая его предложения?

Предположение, простое предположение, что единственной целью, стоявшей перед ним на протяжении прошедших тридцати лет, было добиться, чтобы сенатор Энрайт не оставил политическую жизнь и был готов в нужный момент взять на себя руководство Госдепартаментом? Но почему, для кого могло быть так важно, чтобы некое лицо заняло в определенный момент конкретный пост? Достаточно ли важным было это, чтобы

оправдать использование целой жизни одного человека, чтобы реализовалось нужное кому-то событие в жизни другого человека?

Ключ к разгадке всего этого должен находиться поблизости, подумал Харрингтон. Поблизости, но где-то в прошлом; в этой путанице событий, произошедших за тридцать лет, должны находиться какие-то указатели, стрелки которых направлены на человека, на предмет, на организацию, на что-нибудь еще, что отвечает за все случившееся. Харрингтон почувствовал, как в нем рождается глухой гнев — гнев, не имеющий формы, абсурдный, почти лишенный смысла, не имеющий ориентиров и не способный сконцентрироваться на чем-либо.

В помещение вошел мужчина. Подойдя к стойке, он обосновался на соседнем табурете.

— Привет, Глэдис! — оглушительно провозгласил он.

После этого он обратил внимание на Харрингтона и дружески похлопал его по спине.

— А, это вы, старина! — гаркнул он. — Про вас тут опять пропечатали в газете!

— Полегче, Джо, полегче, — сердито бросила Глэдис. — Чего тебе подать?

— Дай-ка мне хороший кусок яблочного пирога, ну и еще чашку кофе.

Харрингтон отметил про себя, что мужчина был большим и очень волосатым. Он был одет так, как обычно одеваются водители грузовиков, выполняющие дальние рейсы.

— Вы что-то сказали по поводу моего имени в газете?

Джо швырнул на прилавок сложенный в несколько раз номер газеты.

— Вот здесь, на первой странице. Статья с вашим фото.

Он нацелил на газету палец, обильно выпачканный в смазке.

— Только что из типографии! — рявкнул он и тут же залился продолжительным оглушительным смехом.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил его Харрингтон.

— Так давайте, читайте ее! — шумно потребовал Джо. — Если, конечно, она вас интересует.

— Что вы, что вы, конечно же, интересует.

Заголовок сообщал: «Знаменитый писатель уходит со сцены».

— Так вы решили завязать? — снова загрохотал Джо. — Что ж, уж я-то возражать не стану. Сколько вы их уже напечатали, этих книжек?

— Четырнадцать, — ответил Харрингтон.

— Соображаешь, Глэдис? Четырнадцать книжек! Да я столько не прочитал за всю свою жизнь!

— Лучше бы ты заткнулся, Джо! — в сердцах бросила Глэдис, резко швырнув на стойку тарелку с пирогом и чашку кофе.

Дальше в статье говорилось: «Холлис Харрингтон, автор знаменитого романа "Взгляните на опустевший дом", награжденный за него Нобелевской премией, прекращает литературную деятельность после публикации своего последнего произведения "Вернись, душа". На этой неделе очередной номер "Ситуации" официально сообщит эту новость за подписью своего литературного критика Седрика Мэдисона. По мнению Мэдисона, Харрингтон пришел к выводу, что в своем последнем романе он полностью исчерпал тезис, который начал разрабатывать около тридцати лет назад, написав первое из своих четырнадцати произведений...»

Пальцы Харрингтона судорожно сжались, скомкав газету.

— Что-нибудь не так, старина?

— Нет, все в порядке, — ответил он.

— Этот Мэдисон — настоящее трепло, — заявил Джо. — Я думаю, что ни одному его слову верить нельзя. Он просто...

— Нет, он прав, — прервал его Харрингтон. — Мне придется признать, что он прав.

«Но как он мог узнать об этом?» — подумал Харрингтон. Как мог Седрик Мэдисон, этот своеобразный тип, фанатик своей работы, проводящий почти круглые сутки в своем заваленном бумагами и книгами кабинете, где он пишет критические статьи, непрерывным потоком печатающиеся на страницах журнала, как он мог узнать о том, что Харрингтон бросил писать? Тем более что сам он ни о чем подобном не думал еще сегодня утром?

— Вам не нравится пирог? — поинтересовался Джо. — Да и кофе у вас давно остыл.

— Оставь его в покое, — настойчиво потребовала Глэдис. — Я сейчас пойду подогрею ему кофе.

— Вы не возражаете, если я оставлю себе эту газету? — спросил Харрингтон.

— Ну конечно, старина. Я уже прочитал ее. Я вообще читаю только спортивные страницы.

— Спасибо, — кивнул Харрингтон. — Ну а теперь я должен повидать кое-кого.

Холл в здании редакции «Ситуации» был пуст и великолепен. Он сверкал тем безукоризненным блеском, что был характерен для самого журнала и составлял гордость его издателей.

Гигантский глобус диаметром около четырех метров медленно и величественно вращался внутри прозрачной сферической оболочки. На его основании светилось множество циферблатов, показывавших время на разных меридианах. На поверхности глобуса то и дело вспыхивали огоньки — в этих точках планеты в данный момент происходило нечто, способное привлечь внимание.

Войдя в холл, Харрингтон был вынужден остановиться, чтобы осмотреться, так как его несколько дезориентировало великолепие обстановки. Наконец он разобрался: лифты находились слева от входа. Их светящиеся указатели сообщали, на каком этаже находятся кабины. С противоположной стороны он увидел стойку с табличкой «Справки», за которой сейчас никого не было. Дальше, в глубине холла, виднелась дверь с надписью «Харви». И ниже уточнялось: «Прием посетителей ежедневно с 9 до 17 часов».

Харрингтон подошел к информационному стенду Вытянув шею, он отыскал нужное ему имя и номер кабинета: «Седрик Мэдисон. Каб. № 317».

Нажав на кнопку, он вызвал лифт.

Выйдя на третьем этаже, он увидел справа большой редакционный зал, а слева — длинный вестибюль, в который выходили двери бесконечного ряда кабинетов. Он двинулся налево. Нужный ему кабинет оказался третьим. Дверь была открыта, и Харрингтон вошел. За столиком, заваленным книгами, сидел мужчина. Книги

были повсюду, не только на столе, но и на полках вдоль стены; они даже валялись беспорядочными грудами на стульях и на полу.

— Мистер Мэдисон? — спросил Харрингтон.

Человек оторвался от книги, лежавшей на столе перед ним, и посмотрел на Харрингтона.

В этот момент Харрингтон неожиданно очутился в темной, заполненной табачным дымом кабине ресторана, где когда-то, давным-давно, он заключил соглашение с человеком без лица. Но теперь у этого человека было лицо. Доброжелательность, буквально излучавшаяся человеком, ее воздействие на все его чувства, непреклонная сила его личности пробудили в Харрингтоне ощущение беспокойства и даже отвращения.

— Вот тебе и на! Это же Харрингтон! — воскликнул человек, на этот раз имевший лицо. — Как это любезно с вашей стороны — заглянуть ко мне! Невозможно поверить, что...

— Да, разумеется, — вежливо остановил его восторги Харрингтон.

Он едва отдавал себе отчет в том, что произнес эти слова. Очевидно, то была автоматическая реакция, что-то вроде движения, когда человек вскидывает руки перед лицом, пытаясь защититься от внезапного удара. Конечно, простая защитная реакция.

Вскочивший на ноги Мэдисон уже обходил стол, чтобы пожать гостю руку. Если бы это было возможно, Харрингтон повернулся бы и бросился бежать. Но он не мог сдвинуться с места — он словно окаменел. Он был ни на что не способен, за исключением этой рефлекторно проявившейся вежливости, холодной и бесстрастной, выработавшейся у него за тридцать лет симуляции аристократического образа жизни.

Он чувствовал, что на его лице застыла маска завсегдатая светских кругов общества — и это весьма кстати, подумал он, потому что было бы крайне неосторожно показать каким-либо образом, что он узнал человека.

— Просто невероятно, что мы с вами до сих пор ни разу не встречались, — сказал Мэдисон. — Я прочитал все, что вы написали, и все мне понравилось.

— Вы очень любезны, — сообщила, протягивая руку, вежливая и спокойная часть Харрингтона. — Если мы действительно не встретились до сих пор, то в этом

виноват только я. Я не бываю в обществе так часто, как должен.

Он ощутил в своей руке руку Мэдисона и сжал его пальцы с неотчетливым чувством отвращения, потому что рука была сухой и холодной. Казалось, это лапа хищника, вооруженная когтями.

Человек перед ним явно напоминал хищную птицу: сухая, натянутая на скулах кожа лица, голова, похожая на голый череп, пронзительный взгляд удивительно подвижных глаз, полное отсутствие волос, узкий безгубый рот, похожий на щель от удара ножом.

— Вы должны присесть, — потребовал Мэдисон, — и побыть у меня некоторое время. Мы должны поговорить о многих и многих вещах!

Возле стола стояло только одно свободное кресло — все остальные были завалены книгами. Харрингтон уселся, застыв в напряженной позе со все еще пересохшим от пережитого страха ртом.

Мэдисон вернулся в свое кресло за столом. Наклонившись вперед, он промолвил:

— Вы выглядите точно так, как на фотографиях.

— У меня хороший фотограф. Мой издатель настаивает на этом, — с внешним безразличием ответил Харрингтон.

Он чувствовал, что постепенно возвращается к жизни. Он понемногу избавлялся от ощущения оглушившего его удара; обе половинки его существа быстро сплавлялись в одно целое.

— Мне кажется, что вы имеете преимущество передо мной в этом отношении. Не помню, чтобы хоть раз видел в какой-нибудь публикации вашу фотографию.

Мэдисон с хитрым видом погрозил ему пальцем.

— Я — аноним, — сказал он. — Вы же должны знать, что все критики — люди без лица. Они должны избегать того, чтобы их внешний облик вторгался в сознание публики.

— Это, разумеется, какая-то ошибка, — заявил Харрингтон, — но если вы настаиваете, то я не вижу причины, почему вы не могли бы вести себя подобным образом.

Он чувствовал, что его охватывает паника. Замечание о том, что критики должны быть людьми без лица, было произнесено слишком кстати, чтобы оказаться простой случайностью.

— Я подозреваю, что теперь, когда вы наконец решили повидать меня, вас привела ко мне некоторая определенная причина. И это скорее всего связано со статьей, появившейся сегодня в газетах.

— Честно говоря, — холодно заявил Харрингтон, — я пришел к вам именно по поводу этой статьи.

— Надеюсь, что вы не слишком рассердились на меня?

Харрингтон пожал плечами:

— Нет, конечно. В общем-то я пришел поблагодарить вас за то, что вы помогли мне принять решение. Видите ли, я уже подумывал об этом. Я говорил себе, что должен остановиться, но...

— Но вас беспокоила ответственность, вытекающая из подобного решения. Может быть, прежде всего ответственность перед читателями? Или даже перед самим собой?

— Писатели редко расстаются с пером, если они еще в состоянии держать его. — Харрингтон помолчал. — По крайней мере, они редко делают это добровольно. Мне кажется достаточно лояльным поступком решение прекратить писать.

— Но ваше решение было вполне естественным, — запротестовал Мэдисон. — Мне показалось, что для вас это будет такой нормальный, такой естественный и даже необходимый поступок, что я не смог удержаться. Я признаю, что хотел немного повлиять на вас своей статьей. В вашей последней книге вы так эффектно поставили финальную точку, поставили ее после всего, что решили сказать читающей публике столько лет тому назад... Было бы просто трагедией все испортить, попытавшись добавить еще что-нибудь. Естественно, все было бы совсем по-иному, если бы вам нужно было продолжать писать ради того, чтобы заработать на жизнь, но ваши авторские права...

— Мистер Мэдисон, что бы вы сделали, если бы я выступил с опровержением?

— Что ж, в таком случае, — улыбнулся Мэдисон, — я опубликовал бы наиболее подобострастное из всех когда-либо представлявшихся вниманию читателей извинений. Я обеспечил бы возврат к исходной ситуации наиболее приемлемым для вас образом.

Он встал из-за стола и принялся рыться в лежавшей на стуле стопе книг.

— У меня где-то здесь есть экземпляр вашей последней книги, — невнятно пробормотал он. — В ней имеются некоторые нюансы, о которых мне хотелось бы побеседовать с вами.

Этот человек, подумал Харрингтон, рассеянно следя за раскопками, — всего лишь свидетельство присутствия еще чего-то. Всего лишь косвенный признак, не более того. Несомненно, во всем этом есть еще нечто, гораздо более значительное, чем Седрик Мэдисон.

Он понял, что должен уйти отсюда, уйти как можно быстрее, но так, чтобы не вызвать подозрений. Ожидая подходящего момента, он решил, что сейчас совершенно необходимо продолжать играть роль ушедшего в отставку писателя, последнего джентльмена.

— Ага, вот она! — торжествующе воскликнул Мэдисон.

Он вернулся к столу, держа в руке книгу. Быстро перелистав ее, он заговорил, не оставляя Харрингтону времени на размышления:

— Вот смотрите, здесь, в шестой главе, вы пишете, что...

Луна опускалась к горизонту, когда автомобиль Харрингтона проехал через ворота в массивной металлической ограде парка и по изгибающейся дугой аллее направился к величественному белому зданию, возвышавшемуся на вершине холма.

Харрингтон вышел из машины, поднялся по широким каменным ступеням парадной лестницы на высокое крыльцо. Наверху он остановился, чтобы полюбоваться великолепным видом на зеленую лужайку с разбросанными по ней клумбами тюльпанов, залитыми серебристым лунным светом, на стройные светлые березки и пышные кусты с темной листвой. Он подумал, что человек искусства должен как можно чаще видеть эту красоту, испытывать восхищение ее хрупким очарованием на всем протяжении великого пути от рождения к смерти.

Он стоял неподвижно, гордо выпрямившись, любуясь окрестностями, давая возможность великолепию лунного света, контрастирующего с густыми ночными

тенями, запечатлеться, словно старинной гравюре, в своей душе.

Вот, подумал он, один из тех моментов жизни, которые невозможно предугадать, но которые позднее можно будет с таким наслаждением оценить и проанализировать.

За его спиной с легким скрипом открылась дверь, и он медленно обернулся.

На пороге стоял старый Адамс, освещенный сзади горевшей на столе в вестибюле лампой. Его белоснежная всклокоченная шевелюра казалась светящимся ореолом вокруг головы. Тощей костлявой рукой он сжимал на груди края накинутого на плечи старого заплатанного халата.

— Уже очень поздно, сэр, — проскрипел он. — Мы уже начали беспокоиться.

— Сожалею, — ответил Харрингтон. — Я действительно очень сильно задержался.

Он шагнул к дверям, и Адамс отодвинулся в сторону, чтобы пропустить его.

— Вы уверены, сэр, что все в порядке?

— О, все идет отлично! — бросил Харрингтон. — Я задержался у Седрика Мэдисона, в редакции «Ситуации». Это на редкость приятный человек.

— Тогда, сэр, если не возражаете, я пойду спать. Теперь, когда я знаю, что вы дома, мне удастся заснуть.

— Идите, идите, дружище. — Харрингтон тепло потрепал Адамса по плечу. — И спасибо, что подождали меня.

Харрингтон остановился возле дверей своего кабинета, провожая взглядом Адамса, с трудом поднимавшегося по лестнице. Затем вошел в комнату и включил свет.

Изолированный от внешнего мира в своем старом уютном кабинете, пропитанном восхитительным ароматом интимности, он уселся в глубокое удобное кресло и пробежал взглядом по рядам переплетенных в кожу книг, по аккуратно прибранному письменному столу, старым, зовущим к себе креслам, потертому пушистому ковру.

Он снял пальто и небрежно бросил его на стул. При этом он заметил, что из кармана пальто, оттопыривая его, торчит сложенная в несколько раз газета.

Заинтересовавшись, он извлек газету из кармана и развернул ее. В глаза ему тут же бросился набранный крупным шрифтом заголовок.

Комната вокруг него сразу изменилась. Изменилась мгновенно и кардинально. Это уже не было тщательно ухоженное святилище, предназначенное для исполнения торжественного обряда написания книг. Это был обычный рабочий кабинет человека, профессия которого связана с письмом. Исчезли роскошные, переплетенные в кожу тома, выставлявшие напоказ свои элегантные корешки; вместо них на стандартных стеллажах в беспорядке теснились книги в потрепанных обложках, с вываливающимися страницами. И ковер уже не выглядел старым и пушистым — это было обычное дешевое изделие посредственного качества и почти новое.

— Боже мой! — вырвавшаяся у Харрингтона фраза прозвучала почти молитвенно.

Он почувствовал, что его лоб покрылся испариной, руки задрожали и в коленках появилась неприятная слабость.

Потому что он сам изменился, как изменилась комната вокруг него; точнее, комната изменилась потому, что изменения произошли в его сознании.

Он больше не был последним джентльменом. Он был кем-то более реальным, человеком, в которого уже превращался сегодня вечером. Он снова стал самим собой. И он понял, что это шоковое воздействие оказал на него заголовок статьи в газете. Несколько слов, напечатанных крупным шрифтом, заставили его стать самим собой.

Он огляделся вокруг и подумал, что теперь кабинет стал реальным во всей своей обнаженности. И таким он был всегда, даже в то время, когда Харрингтону представлялся в более романтическом виде.

В этот вечер, впервые за тридцать лет, он нашел себя и тут же снова потерял (он опять покрылся холодным потом, едва подумал об этом). Он потерял себя совсем легко, даже не сознавая того, что с ним происходит, без малейшего ощущения странности совершающегося с ним изменения.

Он отправился на встречу с Седриком Мэдисоном, сжимая в руке эту газету; он решил повидаться с ним без какой-либо определенной цели. Все это слишком

походило на то, как если бы его заставили поступить именно таким образом.

Теперь он осознал, что давно ощущал это принуждение. Его заставляли видеть комнату не такой, какой она была в действительности. Его заставляли читать вымышленное имя на незнакомом надгробном камне. Его вынудили поверить в то, что он часто ужинал со своей матерью, в действительности умершей много лет назад. Его заставляли видеть роскошный лимузин вместо ржавой развалины... да и многое другое тоже.

Думать обо всем этом было унизительно, но было и нечто совсем иное за пределами простого унижения: существовал метод и имелась цель; теперь очень важно, исключительно важно срочно понять, каковы же этот метод и эта цель.

Харрингтон швырнул газету на пол и подошел к бару. Взяв бутылку и стакан, он плеснул себе приличную порцию спиртного и залпом проглотил его.

Сначала нужно определить отправную точку, подумал он. Седрик Мэдисон был в какой-то степени именно такой точкой; к сожалению, это еще не все. Вероятно, он был всего лишь несущественным признаком наличия чего-то несравненно более важного; но по крайней мере, с него можно начать рассуждение.

Он отправился к Седрику Мэдисону, и они беседовали несколько дольше, чем Харрингтон рассчитывал. Где-то в ходе этой беседы он изменился и снова стал последним джентльменом.

Используя логику и память, он попытался отыскать какую-нибудь брешь, определить тот момент, в который произошло изменение, но ничего не нашел. Путь был ровным и гладким, зацепиться было не за что. И все же в какой-то точке этого пути он изменился или, точнее, его изменили; в результате он вернулся к этому маскараду, что был навязан ему много лет назад.

Каков же смысл всего этого? Зачем менять жизнь человека, даже скорее всего жизни многих людей?

Может быть, это что-то вроде филантропического предприятия? Страстная потребность делать людям добро, горячее стремление вмешиваться в чужую жизнь...

Или за всей этой историей скрывалось сознательное целенаправленное желание нарушить ход мировых событий, изменить судьбу человечества с целью добиться какого-то четко определенного конечного результата?

Это подразумевало, конечно, что тот, кто действовал подобным образом, кем бы он ни был на самом деле, обладал надежным методом предсказания будущего и способностью выбирать в настоящем наиболее существенные моменты, которые следовало изменить так, чтобы получить в дальнейшем нужный вариант будущего.

Телефон на письменном столе яростно затрезвонил. Харрингтон резко обернулся, испуганный неожиданным резким звуком.

Телефон зазвонил снова.

Он подошел к столу и снял трубку. Это был сенатор.

— Ах, это вы, — сказал он. — Надеюсь, я не разбудил вас?

— Нет. Я только собирался отправиться в спальню.

— Вы, конечно, уже слышали новость?

— Да, по радио, — ответил Харрингтон.

— Белый дом обратился ко мне с предложением...

— Да, конечно, но после этого...

На другом конце провода послышалось дыхание, похожее на хрип, как будто сенатор вот-вот задохнется.

— В чем дело, Джонсон? С вами что-то происходит...

— После этого у меня был посетитель, — словно собравшись с духом, продолжил сенатор.

Харрингтон молчал, ожидая дальнейшего.

— Престон Уайт, — сказал наконец сенатор. — Вы, конечно, знаете его.

— Да, это издатель «Ситуации».

— У него был вид заговорщика. С легким оттенком драматизма. Он говорил едва ли не шепотом, крайне конфиденциальным тоном. Как если бы мы с ним были связаны каким-то секретным контрактом.

— Ну и что же он...

— Он предложил мне, — рявкнул сенатор, едва не захлебнувшись от бешенства, — исключительное право на использование Харви!

Харрингтон прервал сенатора, не совсем отдавая себе отчет в том, зачем он это делает. Он словно боялся услышать продолжение.

— Знаете, — торопливо произнес он, — я помню — это было очень и очень давно, и я был тогда совсем еще зеленым, — как Харви был установлен в редакции «Ситуации».

Его поразило, насколько отчетливым было воспоминание об этом нововведении и последовавшем за этим всеобщем одобрении. Несмотря на то, что публика относилась в общем-то довольно скептически к журналу и взглядам его издателя, известного своим пристрастием к дешевым сенсациям, позволявшим время от времени резко увеличивать тираж. После появления в редакции Харви все коренным образом изменилось. Все или почти все принялись с энтузиазмом читать статьи Харви; даже в наиболее солидных и осведомленных кругах его то и дело цитировали и ссылались на него.

— Харви! — с презрением бросил сенатор. — Счетная машина, набитая дурацкими шестеренками... Механический пророк!

«Вот оно что!» — подумал Харрингтон, неожиданно оказавшийся словно на гребне волны необычного эмоционального подъема. Это было именно то, чего он так отчаянно пытался доискаться.

Потому что Харви действительно был пророком. Каждую неделю он выдавал очередную порцию предсказаний, которые журнал регулярно печатал в специально отведенной для этого рубрике.

— Уайт показал себя на редкость красноречивым и убедительным, — прервал ход его мыслей голос сенатора. — И весьма дружелюбно настроенным. Он предоставил Харви полностью и целиком в мое распоряжение. И пообещал, что будет показывать мне первому все предсказания, как только машина их будет выдавать. Он даже поклялся, что не станет публиковать те из них, которые я по какой-либо причине захочу оставить в тайне.

— И он, конечно, не упустил возможности подчеркнуть, насколько все это будет полезным для вас, — добавил Харрингтон.

Потому что Харви, несомненно, был отличной машиной. Неделя за неделей, год за годом он выдавал абсолютно точные предсказания по любым вопросам.

— Я не хочу даже слышать об этом! — проревел сенатор. — Я не хочу иметь какие-либо дела с этим Харви. Харви — самое отвратительное, что только можно придумать в сфере формирования общественного мнения. Человеческая раса способна на основе своих собственных суждений принять или отвергнуть пред-

сказания какого угодно человеческого пророка. Но наше технологическое общество сумело сформировать у своих членов рефлекс, в соответствии с которым машина автоматически считается непогрешимой. Я полагаю, что, используя человекоподобный аналитический счетный механизм, получивший имя «Харви», чтобы предсказывать тенденции мировых событий, «Ситуация» просто-напросто сознательно влияет на общественное мнение. И я не хочу никоим образом участвовать в этом надувательстве. Я не хочу, чтобы меня могли упрекнуть в том, что...

— Я знал, что Уайт — ваш сторонник, — заявил Харрингтон. — Я знал, что он выступает за ваше назначение, но я...

— Престон Уайт, — бросил сенатор, — опасный человек. Любая влиятельная личность опасна, а в наше время тот, кто способен моделировать общественное мнение, может считаться наиболее могущественным и соответственно наиболее опасным. Я не могу позволить себе вступить с ним в какой бы то ни было союз. За сорок лет службы я не приобрел ни единого пятнышка на репутации — слава Богу! Что произойдет со мной, если кто-нибудь разоблачит этого Уайта? В каком положении я тогда окажусь?

— Его и так едва не разоблачили, — сказал Харрингтон, — когда много лет тому назад им занялась комиссия Конгресса. Насколько мне помнится, свидетельства в основном касались Харви.

— Холлис, — сказал сенатор, — я не понимаю, почему мешаю вам отдыхать. Не знаю, зачем звоню вам. Возможно, чтобы отвести душу...

— Вы правильно сделали, что позвонили, — успокоил сенатора Харрингтон. — Ну и что вы теперь будете делать?

— Не представляю, — с нотками растерянности в голосе ответил сенатор. — Естественно, я выставил этого Уайта за дверь, так что мои руки теоретически ничем не запачканы; боюсь все же, что на этом дело не закончится. У меня после разговора с Уайтом до сих пор ощущается горьковатый привкус во рту.

— Ложитесь-ка вы спать, — посоветовал Харрингтон. — Утро вечера мудренее.

— Спасибо, Холлис. Наверное, я так и поступлю Спокойной вам ночи.

Харрингтон опустил трубку на аппарат, но остался стоять возле стола, чувствуя, что не может избавиться от напряженности во всем теле.

Потому что теперь ему все стало ясно Теперь он знал, и у него не оставалось ни малейших сомнений в том, что он знал правду. Он знал, кому было нужно чтобы сенатор Энрайт возглавил Госдепартамент

Он подумал, что нечто подобное и можно было ожидать от такого человека, как Уайт.

Ему не удавалось сообразить, каким образом работает вся эта кухня, но если и существовал какой-либо способ обеспечить назначение сенатора, то Уайт был именно тем человеком, который мог отыскать этот способ.

Он устроил все таким образом, чтобы Энрайт, прочитав определенную фразу в одной из книг Харрингтона, продолжал участвовать в политической жизни до тех пор, пока не подошел момент выбора главы Госдепартамента.

А сколько других людей действовали сегодня в нужном Уайту направлении, сколько происходило в мире событий, исход которых был предопределен темными махинациями некоего Престона Уайта?

Харрингтон увидел лежавшую на полу газету, поднял ее, прочитал заголовок статьи и швырнул в сторону

Они попытались избавиться от него, подумал он, и все закончилось бы для них в высшей степени успешно, если бы его просто отстранили от ставших не нужными занятий — так, наверное, выгоняют из конюшни на пастбище старую лошадь, оставляют там и забывают про нее. Может быть, именно так они и поступали с другими. Но, избавляясь подобным образом от него избавляясь от кого угодно другого, они должны были осознавать возможность появления при этом определенной опасности. Наиболее надежным было бы оставить его на привычном месте, за привычной работой, позволить ему прожить, как последнему джентльмену до конца своих дней.

Почему они не поступили именно таким образом? Не могло ли случиться так, что их возможности имели некий предел? Что вся операция, независимо от ее конечной цели, имела ограниченную сферу воздействия и предел этой сферы уже был достигнут? То есть для

того, чтобы взяться за кого-нибудь другого, они должны были сначала избавиться от него?

Если все так и происходило на самом деле, то нельзя исключить, что во всей этой процедуре имелся момент когда они оказывались весьма уязвимыми.

И потом, было еще и нечто другое — смутное воспоминание о выступлении перед комиссией Конгресса, работавшей несколько лет назад. Буквально одна фраза, опубликованная в газетах под фотографией, на которой был изображен крайне удивленный мужчина, один из ведущих специалистов, занимавшихся установкой и монтажом Харви. Из бокса для свидетелей он во всеуслышание заявил, и его слова Харрингтон мог привести почти дословно: «Но, господин сенатор, уверяю вас, ни один компьютер в мире не может сравниться в надежности и быстродействии с тем, на что способен Харви»

Этот факт мог относиться или не относиться к делу, подумал Харрингтон, но его нужно держать в поле зрения; где-то здесь может скрываться его последняя надежда.

Самое удивительное, думал он совершенно хладнокровно, то, что обычная машина может занять место мыслящего существа. Он уже как-то высказался по этому поводу, и довольно едко, в одной из своих книг — он не мог сейчас вспомнить, в какой именно. Как сказал не далее чем сегодня вечером Седрик Мэдисон...

Он вовремя остановился.

В каком-то темном уголке сознания раздался сигнал гревоги, и Харрингтон кинулся к газете, валявшейся на полу

Он схватил ее, и заголовок сразу же бросился ему в глаза. Немедленно роскошно переплетенные тома лишились своего элегантного облика, ковер сразу же стал грубым и приобрел вид только что доставленного из магазина. И Харрингтон стал самим собой.

Он остался сидеть на корточках, сдерживая рвущиеся из горла рыдания, сжимая дрожащей рукой газету

Снова то же самое, и снова без малейшего предупреждения!

И смятая газета была его единственным щитом.

— Ну-ка, попробуй еще раз! — крикнул он Харви Ну давай, давай!

Харви не стал пробовать

Если, конечно, во всем виноват именно Харви.

Харрингтон подумал, что он, разумеется, не может быть уверен в этом.

Да, он остался практически без защиты, если не считать этой смятой газеты с заголовком из литер высотой пять сантиметров.

Без защиты, с невероятной историей, в которую никто не поверит, если даже он попытается рассказать ее.

Без защиты, так как за спиной у него остались тридцать лет эксцентричного поведения, и теперь любой его шаг покажется не заслуживающим серьезного отношения.

Некоторое время он ломал себе голову, пытаясь сообразить, кто же смог бы помочь ему, но так ничего и не нашел. Полиция ему не поверит, а друзей у него слишком мало, а таких, на кого можно было бы положиться, почти нет, потому что за тридцать лет он завел слишком мало друзей.

Да, конечно, был сенатор, но у того сейчас хватало собственных проблем.

И это еще не все. Они могли использовать против него один безотказный прием.

Харви стоило всего лишь подождать, пока Харрингтон заснет. Он не сомневался, что, проснувшись, снова окажется последним джентльменом. Весьма вероятно, что он им и останется. Он будет последним джентльменом с гораздо большей надежностью, чем когда-либо раньше. Уж если они снова заполучат его, то уж постараются больше не выпускать.

Он рассеянно подумал, стоит ли вообще бороться против такой перспективы. Тридцать прожитых лет были совсем не такими уж плохими. Прожить таким же образом немногие оставшиеся годы — это отнюдь не будет выглядеть катастрофой, искренне подумал он. Пожалуй, размышляя таким образом, он был до конца честен с самим собой.

Но даже мысли об этом возмущали его, как несправедливое обвинение, как оскорбление его принадлежности к роду человеческому. Он имеет право быть самим собой, может, даже обязан быть самим собой. Харрингтон с усилием погасил вспышку гнева, подумав о той наглой силе, которая шутя могла превратить его совсем в другого человека.

Проблема наконец прояснилась. И две вещи были для него яснее ясного: то, что он решит делать, ему придется делать одному, не рассчитывая ни на чью помощь. И он должен взяться за это немедленно, до того, как уснет.

Он встал, держа газету в руке, выпрямился во весь рост и направился к дверям. Но через несколько шагов его остановила страшная мысль, неожиданно мелькнувшая в голове.

Ведь выйдя из дома, он окажется в темноте и потеряет свою единственную защиту. В темноте газета будет для него совершенно бесполезной, потому что он не сможет прочитать заголовок, даже напечатанный такими крупными буквами.

Он посмотрел на часы: было несколько минут четвертого. Темнота сохранится еще по меньшей мере часа три, если не больше, но он не мог ждать так долго.

Ему нужно выиграть время. Любым способом выиграть время. Через несколько часов он должен будет или уничтожить Харви каким-либо способом, или вывести его из строя. И если это и не окажется окончательным решением проблемы, то, по крайней мере, он сможет таким образом выиграть столь необходимое ему время.

Харрингтон продолжал стоять перед дверьми, потому что ему пришла в голову еще одна мысль: ведь он мог ошибаться. Его противниками могли быть совсем не Харви, Мэдисон и Уайт. Он создал в своей голове сложную конструкцию из разрозненных фактов и убедил себя в том, что все так и есть на самом деле. Он понял, что мог буквально загипнотизировать себя и сделать это столь же эффективно, как это проделывал Харви — или кто-нибудь другой — на протяжении последних трех десятков лет

Впрочем, в то же время это мог быть и не гипнотизм, а нечто совсем иное.

Но что бы там ни было, сейчас не время задаваться подобными вопросами. Другие, более насущные проблемы требовали немедленного решения.

Прежде всего, он должен придумать себе какой-нибудь другой щит Без этого он никогда не доберется до здания редакции «Ситуации».

Нужна какая-то ассоциация идей, подумал он, какой-то способ напомнить себе в случае необходимости, кем и чем он является в действительности. Что-то вроде

бечевки, намотанной вокруг пальца, какой-то колокольчик, который должен зазвонить у него в мозгу в случае опасности.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился старина Адамс, живописно задрапированный в свой залатанный халат.

— Мне показалось, что кто-то разговаривает у вас, сэр.

— Это я говорил, — ответил Харрингтон. — По телефону.

— Я подумал, что кто-то зашел к вам. Хотя сейчас и не время для визитов.

Харрингтон молча смотрел на старика. Он чувствовал, как его отвратительное настроение начинает понемногу улучшаться, потому что Адамс оставался самим собой — Адамс не изменился. Он был единственным устойчивым и правдивым элементом во всей картине.

— Если вы позволите, сэр, — почтительно пробормотал Адамс, — у вас рубашка немного выбилась из брюк.

— Спасибо, — ответил Харрингтон. — А я и не заметил. Спасибо, что вы сказали мне об этом.

— Может быть, сэр, вам стоит лечь спать? Уже очень поздно.

— Именно это я и собираюсь сделать, — согласился Харрингтон. — Прямо сейчас.

Некоторое время он слушал, как шаркающие шаги Адамса затихают, удаляясь от кабинета по вестибюлю. Потом он заправил рубашку в брюки. Неожиданно его осенила идея: полы рубашки... Это лучше, чем шнурок на пальце!

Ведь, увидев человека в таком наряде, кто угодно заинтересовался бы — да и сам он, последний джентльмен, в первую очередь, — почему это у него полы рубашки завязаны узлом?

Он запихал газету в карман куртки и снова вытащил рубашку из брюк. Ему пришлось расстегнуть несколько нижних пуговиц, прежде чем в его распоряжении оказалось достаточно ткани, чтобы завязать подходящий узел.

Он старательно затянул его, отличный узел, который не мог развязаться сам собой. И достаточно тугой, чтобы его обязательно нужно было развязать, прежде чем снять рубашку.

И прежде чем отправиться в путь в своей завязанной узлом рубашке, Харрингтон придумал дурацкую фразу, чтобы напоминание было понадежнее: «Я завязал этот узел потому, что я не последний джентльмен».

Он вышел из кабинета, спустился с крыльца и обошел вокруг дома, потому что ему нужно было заглянуть в сарайчик, где хранился садовый инструмент и прочая хозяйственная мелочь.

Он долго чиркал одну спичку за другой, пока наконец не нашел то, что нужно: большой деревянный молоток. С этим орудием он направился к машине. И все время он не переставал твердить глупую фразу: «Я завязал этот узел потому, что я не последний джентльмен».

Вестибюль редакции был столь же великолепен, как и в прошлый раз; кроме того, он был абсолютно пустынным и тихим. Харрингтон пересек его, направляясь к двери, над которой висела табличка «Харви».

Дверь открылась сразу, хотя он и подозревал, что она может оказаться запертой. Войдя в помещение, он тщательно притворил ее за собой.

Он очутился на узком мостике, кольцом обегавшем вдоль стен большое круглое помещение. Посредине, в большом углублении находилось то, что не могло быть ничем иным, кроме Харви.

— Здравствуй, сынок, — сказал ему Харви. Точнее, он не произнес эту фразу, а передал ее в виде мысли прямо в мозг Харрингтона. — Здравствуй. Я очень рад, что ты наконец вернулся.

Харрингтон резко шагнул вперед, к металлическим перилам, прислонил к ним деревянный молоток и ухватился обеими руками за горизонтальный металлический стержень поручней. Наклонившись вперед, он с головой окунулся в поток отеческой любви, поднимавшийся к нему от машины, находившейся там, внизу. Это была любовь его отца, и он словно снова увидел его посеребренные возрастом бакенбарды, трубку, куртку из твида и многое другое, о чем забыл давным-давно.

В горле у него появился колючий комок, и слезы навернулись на глаза. В одно мгновение он забыл пустынную улицу, по которой только что возвращался домой, забыл бесчисленные годы одиночества...

Любовь отца продолжала струиться к нему из углубления в центре зала. Это была любовь с легким оттенком юмора — и как только он мог ожидать чего-либо другого от существа, с которым был так тесно связан на протяжении долгих тридцати лет?

— Ты хорошо поработал, мой мальчик. Я горжусь тобой. И я счастлив, что ты вернулся ко мне.

Харрингтон перегнулся через перила, неудержимо притягиваемый сыновним чувством к отцу, неподвижно лежавшему там, в углублении. Одна из металлических штанг оказалась на уровне его живота, и твердый узел на рубашке больно воткнулся ему в живот.

Автоматически сработал рефлекс, словно какой-то переключатель щелкнул у него в голове, и он почти машинально произнес:

— Я завязал этот узел потому, что я не... — Тут он спохватился, встряхнулся и начал повторять фразу уже осознанно, словно произнося магическое заклинание: — Я завязал этот узел потому, что я не последний джентльмен. Я завязал этот узел потому, что я...

Он понял, что уже не говорит, а кричит. Пот струился по его лицу. Он боролся со своим телом, словно пьяный, пытался отодвинуться от поручней, но по-прежнему ощущал присутствие отца. Тот не навязывал ему свою волю, ничего не требовал от него, но явно был уязвлен и заинтригован проявлением сыновней неблагодарности.

Рука Харрингтона сорвалась с поручней. Его пальцы коснулись рукоятки деревянного молотка и тут же сомкнулись на ней. Он поднял молоток над головой, чтобы метнуть его туда...

В этот момент он услышал за спиной сухой щелчок дверного замка и быстро обернулся.

На пороге стоял Седрик Мэдисон, и на его лице, лице, принадлежавшем мертвой голове, застыло выражение невозмутимого спокойствия.

— Избавьте меня от него! — прорычал Харрингтон. — Пусть он оставит меня в покое, иначе берегитесь!

Он почувствовал изумление, поняв, что говорит серьезно, говорит о том, что способен сделать. Его поразило, что даже у такого мирного человека, каким он не без оснований считал себя, могло возникнуть яростное

желание убить другого человека, убить без малейших колебаний.

— Хорошо. — Мэдисон пожал плечами, и отеческая любовь исчезла, словно оборвалась пленка; мир снова стал пустым, жестким и холодным.

Харрингтон и Мэдисон по-прежнему стояли лицом к лицу.

— Я искренне сожалею, Харрингтон, что все получилось таким образом. Вы первый, кто...

— Вы совершили большую ошибку, — гневно бросил Харрингтон. — Вы решили, что меня можно просто выбросить на свалку. И что же, по-вашему, я должен был делать? Прогуливаться целыми днями в парке, размышляя о том, что случилось со мной?

— Мы готовы снова взять вас. Согласитесь, что это была легкая, приятная жизнь. И так вы сможете прожить до конца.

— Я не сомневаюсь, что вы сделали бы это, если бы смогли, даже не спрашивая меня. Вы, Уайт и все остальные.

Мэдисон вздохнул, и вздох этот был полон терпения и понимания.

— Оставьте Уайта, не впутывайте его в наши дела, — произнес он. — Этот несчастный дурачок думает, что Харви... — Он не закончил фразу, оборвав ее коротким смешком. — Поверьте, Харрингтон, наша организация исключительно надежна и эффективна. Она гораздо эффективней, чем, например, даже дельфийский оракул.

Мэдисон был бесконечно уверен в себе. Настолько уверен, что Харрингтон содрогнулся от ощущения опасности. Ему почудилось, что он оказался в ловушке. Его загнали в тупик, из которого не было выхода.

Он был отдан на милость победителей. Мэдисона, стоявшего перед ним, и Харви, находившегося там, внизу, позади. В любой момент Харви мог нанести ему очередной удар. И, несмотря на все что он придумал, несмотря на молоток в руке, несмотря на узел на рубашке и идиотскую фразу, придуманную им, Харрингтон боялся, что не сможет устоять.

— Я не совсем понимаю ваше удивление, — мягко сказал Мэдисон. — На протяжении многих лет Харви был для вас отцом или тем, что наиболее похоже на отца. Может быть, даже больше чем отцом. Вы были

всегда, и днем, и ночью, гораздо ближе к нему, чем к любому другому человеческому существу Он заботился о вас, следил за вашим самочувствием, иногда немного направлял вас Ваши взаимоотношения были гораздо более тесными, чем вы можете себе представить.

— Но почему? — воскликнул Харрингтон, безуспешно пытавшийся найти выход из тупика, отыскать способ защиты более действенный, чем завязанная узлом рубашка.

— Просто и не знаю, как объяснить вам, чтобы вы поверили! — страстно воскликнул Мэдисон. — Дело в том, что отеческие чувства вовсе не были стратагемой Сейчас вы находитесь к Харви, а может, и ко мне несравненно ближе, чем когда-либо сможете сблизиться с любым другим существом. Никто не смог бы работать с вами так долго, как Харви; между вами с годами установилась теснейшая связь. Как Харви, так и я — мы не хотим ничего иного, кроме вашего блага Может быть, вы позволите нам доказать это?

Харрингтон молчал. Он колебался, хорошо понимая, что не может позволить себе сейчас ни малейшего колебания. К тому же слова Мэдисона казались весьма обоснованными.

— Мир вокруг вас, — продолжал Мэдисон, — холоден и жесток. Никто в нем никогда не пожалеет вас Вы не смогли построить для себя мягкий, приятный мир, и теперь, когда вы видите окружающее таким, каким оно является на самом деле, у вас наверняка возникает чувство протеста или даже отвращения. И у вас нет ни малейшего основания стремиться остаться в этом мире Мы же можем обеспечить вам уют и безопасность. Нет сомнения в том, что вы будете счастливы. Оставшись же в своем суровом мире, вы ничего не выиграете Разве это предательство по отношению к человечеству — вернуться в мир, который вам близок? Теперь, когда вы перестали писать, вы больше ничем не можете затронуть человеческую расу, ничем не можете повредить ей. Ваша задача выполнена.

— Нет! — закричал Харрингтон.

Мэдисон сочувственно покивал:

— К какой же все-таки странной расе вы принадлежите, Харрингтон.

— Я? К расе? — недоуменно повторил Харрингтон — Вы говорите так, словно вы.

— У всех вас в характере есть некое величие, — сказал Мэдисон. — Но на вас нужно как следует нажать, чтобы оно смогло проявиться. Вы нуждаетесь в том, чтобы вас поддерживали и направляли; вам нужно оказаться в опасной ситуации, чтобы смогло проявиться это ваше величие духа. У вас должны быть проблемы, над которыми нужно как следует поломать голову Вы чем-то похожи на детей. Мой долг, Харрингтон, долг, который я торжественно поклялся выполнить, состоит в том, чтобы выявлять величие, в скрытом виде находящееся в вас. И я не позволю ни вам, ни кому-либо другому помешать мне выполнить этот долг.

Правда запоздало предстала перед Харрингтоном во всей своей наготе, словно разом прорвалась сквозь черную завесу, не позволявшую до этого осознать ее. Она всегда была здесь, рядом со мной, подумал Харрингтон, и я должен, просто обязан был увидеть ее раньше.

Инстинктивно он вскинул над головой деревянный молоток, словно хотел защититься от чего-то ужасного и отвратительного. Одновременно он будто со стороны услышал свой голос, услышал так, как если бы он принадлежал кому-то другому:

— Боже мой! Да ведь вы же не человек!

Описав стремительную дугу, молоток опустился, и Мэдисон метнулся в сторону, стараясь избежать удара. Во время этого движения его лицо и руки внезапно изменились, как, впрочем, и все его тело Все выглядело так, словно это было не изменение формы или объема; нет, он скорее просто расслабился, и тут же его лицо, руки и тело — короче, все, что было Мэдисоном, — просто вернулись в исходное и, очевидно, естественное для них состояние после того, как их долгое время принуждали имитировать человеческую оболочку Одежда Мэдисона затрещала, разошлась по швам под давлением изменившейся формы тела и повисла лохмотьями.

Сейчас Мэдисон казался крупнее, чем раньше; вероятно, это была только видимость. В то же время можно было подумать, что он постоянным усилием как бы сжимал свое тело, чтобы привести его в соответствие с человеческими нормами. Только его голый череп практически не изменился, если не считать, что он имел теперь зеленоватый оттенок.

Молоток с грохотом ударился о металлический настил мостков и отлетел в сторону, в то время как

существо, только что бывшее Мэдисоном, двинулось вперед, двинулось легко, словно потекло, и в этом движении чувствовалась такая нечеловеческая уверенность, что Харрингтон похолодел. Сзади, со стороны Харви, до него доходили волны гнева и разочарования. Клокочущего гнева отца, столкнувшегося с непослушанием упрямого ребенка, которого нужно немедленно наказать для его же блага. Правда, единственно возможным наказанием могла быть смерть, потому что ни один непослушный ребенок не должен мешать великому и торжественному свершению святого дела. В этой мстительной ярости, буквально сотрясавшей сознание, Харрингтон уловил странную близость между машиной и чужаком, как будто они оба думали и действовали даже не синхронно, а как одно существо.

Послышалось свирепое рычание, звуки рвущегося наружу, хотя и сдерживаемого еще звериного гнева, и Харрингтон осознал, что шагнул навстречу существу, широко расставив напряженные руки с изогнутыми, словно когти, пальцами, готовые хватать и рвать в клочья врага, вынырнувшего из тени, простиравшейся над углублением посредине зала и языками достигавшей местами стен.

Харрингтон медленно шагал на напряженных ногах, и его подталкивал вперед страх, жуткий страх, глубоко внедрившийся в сознание. Но над этим страхом явно одерживала верх крепнущая уверенность в своей, сейчас почти звериной, силе.

Он еще успел в какое-то мгновение удивиться, когда до него дошло, что это хриплое рычание издавал не кто иной, как он сам; и, почувствовав, что от смертоносного гнева в уголках рта выступила пена, он тоже удивился. Но эти бессмысленные чувства тут же исчезли, потому что он осознал, кем был на самом деле. Потом на все, чем он был, чем мог быть; на все, что он думал и мог думать, хлынула волна инстинктов дикого зверя и захлестнула сознание, оставив на поверхности только неукротимое стремление убивать.

Он протянул руки вперед, схватил чужую плоть и стал рвать ее, словно хотел отделить от костей. В слепом пылу схватки, в яростном порыве убивать и еще раз убивать он едва чувствовал боль от ударов когтей и клюва своего противника.

...Где-то рядом раздался дикий вопль, крик страшной боли и отчаяния, который тут же перешел в стон последней агонии, и все стихло.

Харрингтон наклонился над лежавшим на полу телом и поразился, что в горле все еще клокочет гнев, вырывавшийся наружу хриплым ворчанием.

Он выпрямился и вытянул перед собой руки. В неясном свете он разглядел, что они были отвратительно грязными, выпачканными в чем-то красном. Из углубления в центре зала еще слышались крики Харви, которые быстро превратились в стоны и затихли.

Шатаясь, Харрингтон подошел к перилам и заглянул вниз. Из всех швов и соединений Харви наружу пробивались струйки вязкой темной жидкости. Казалось, что из него вытекали разум и жизнь.

И где-то далеко раздался голос (о, если бы это был голос!):

— Жалкий идиот! Посмотри, что ты наделал! Что теперь будет с тобой?

— Как-нибудь справимся! — бросил в ответ Харрингтон, обычный Харрингтон, который не был ни последним джентльменом, ни неандертальцем.

На предплечье у него была глубокая ссадина, из которой все еще сочилась кровь, выпачкавшая рваную куртку. Он чувствовал, что одна сторона его лица была влажной и, кажется, распухла, но особой боли не ощущал.

— Мы удерживали вас на верном пути, — прошелестел умирающий голос, слабый и далекий. — Мы столько веков помогали вам...

Да, подумал Харрингтон, да, приятель, ты совершенно прав. Был когда-то оракул в Дельфах, а кто был еще раньше? И как ловко вы приспосабливались — то использовали оракула, то компьютер. А что было в промежутке между ними? Может быть, кто-то руководил нами из монастырских стен? Или из дворца? А может, из какой-нибудь невзрачной конторы?

Впрочем, операция могла и не быть непрерывной. Вполне возможно, что вмешательство требовалось лишь в определенные критические моменты истории.

И какова же была истинная цель этого гигантского предприятия? Направлять неуверенно бредущее вперед человечество? Добиваться, чтобы оно думало и действовало так, как им было нужно? Или они хотели приру-

чить человечество, заставить его служить интересам чужой расы? Кто знает, каких вершин достиг бы сейчас род людской, если бы не было этого вмешательства со стороны..

«А я сам? — подумал Харрингтон. — Был ли я лицом, игравшим наиболее существенную роль, человеком, предназначавшимся для того, чтобы написать финальный вердикт многим векам обработки человеческой расы? Да еще не своими словами, а по подсказке этих двух существ: одного, находившегося в углублении в центре зала, и другого, лежавшего на мостике. Но было ли их действительно только двое? Или они составляли одно существо? Возможно ли, чтобы они были продолжением друг друга? Ведь в тот момент, когда погиб Мэдисон, почти сразу же скончался и Харви. .»

— Вот в чем твоя беда, приятель, — обратился Харрингтон к лежавшему перед ним на полу существу — Ты слишком во многом был похож на человека. Ты стал чересчур самоуверенным, чисто по-человечески самоуверенным, и наделал ошибок.

И худшей из ошибок было то, что они позволили ему ввести неандертальца в число героев одного из его первых романов.

Харрингтон медленно направился к дверям, потом остановился и оглянулся на лежавшую на полу бесформенную массу. Через час-другой ее обнаружат И сначала решат, что кто-то убил Мэдисона. Но потом заметят изменения и поймут, что это не Мэдисон. Да, им придется поломать себе голову, тем более что Мэдисона они так и не найдут. Будет много вопросов и по поводу Харви, который больше никогда не заработает. никогда не выдаст ни одного пророчества. И они найдут деревянный молоток!

Молоток! У Харрингтона зашевелились волосы на голове. Он чуть не забыл молоток!

Он вернулся и подобрал валявшийся на полу инструмент Ему страшно было подумать, что случилось бы, если бы он оставил его возле Харви. Потому что на рукоятке обнаружили бы отпечатки его пальцев, после чего полиция обязательно стала бы допрашивать его

И поручни тоже, наверное, покрыты отпечатками пальцев, подумал он. Нужно убрать их. Он достал платок и принялся тщательно протирать металлический стержень. На мгновение у него мелькнула мысль, что

это не имеет особого смысла, поскольку, строго говоря, он не совершил никакого преступления.

Не совершил преступления?

Но мог ли он быть уверенным в этом?

Кем был Мэдисон — злодеем или благодетелем человечества?

Никто не смог бы с уверенностью ответить на этот вопрос. По крайней мере, сейчас. Да, наверное, и в ближайшем будущем. Может быть, это вообще невозможно выяснить. Потому что человечество получило такой толчок для движения в нужном направлении, что вряд ли сможет когда-нибудь сойти с этого давно намеченного пути. До самого своего последнего часа он будет мучиться вопросом: был ли он прав, поступив таким образом?

Он будет пытаться улавливать самые незначительные признаки отклонений в развитии человечества. Он будет думать, что те или иные очередные тревожные события, о которых пишут газеты, могли бы и не произойти, останься на своем месте этот чужак, сейчас распростертый перед ним на полу. Он будет просыпаться ночами, пытаясь вырваться из кошмара несчастной судьбы, которую сам создал себе, создал своими собственными руками.

Он протер перила и, подойдя к дверям, с такой же тщательностью протер ручки, сначала с одной, потом с другой стороны. Потом захлопнул за собой дверь. И только тогда он подумал, что избавился от ужаса и теперь может развязать узел на рубашке.

Харрингтон никого не встретил ни в вестибюле, ни на улице возле здания редакции. Он довольно долго стоял, совершенно спокойный, глядя на уходившую вправо и влево пустынную улицу, всматриваясь в становившиеся все отчетливее в холодном свете разгоравшейся зари силуэты зданий.

Он съежился под хлынувшим на него предрассветным холодом, под недобрыми взглядами темных окон домов. Теперь эта улица навсегда станет символом его подлинной вселенной. И ему послышалось, что на улице кто-то закричал. Наверное, это кричала его вина.

Он знал, что у него оставалась возможность забыть все случившееся, стереть из сознания до мельчайших подробностей память об этом происшествии, оставить все позади. Существовал путь, по которому даже сейчас

он мог вернуться в безопасность и комфорт и даже, да, даже в блаженство. И этот путь выглядел весьма соблазнительно. Не было никаких серьезных оснований отказываться от него. Никто, кроме него, Харрингтона, не мог выиграть или проиграть на этом пути.

Харрингтон сердито потряс головой, стараясь отогнать эти мысли, и, переложив молоток из одной руки в другую, перешел через улицу. Подойдя к машине, он открыл багажник и бросил туда инструмент.

Теперь, когда в руках у него больше ничего не было, он не торопился и долго стоял совершенно неподвижно, прислушиваясь, как тишина медленными волнами пульсирует у него в голове, будто холодный безжалостный прилив.

Внезапно Харрингтон вскинул руки и схватился за голову, чтобы не дать ей взорваться. Он почувствовал страшную слабость во всем теле. Было ясно, что это реакция организма на нервное напряжение последних часов. Его нервы сдали, не выдержав наступившего расслабления.

И тогда удушливая тишина вдруг превратилась для него в величественный покой. Он опустил руки.

Подъехал автомобиль. Харрингтон рассеянно следил, как тот остановился у обочины в нескольких метрах от него.

Из автомобиля донесся звук включенного на полную мощность радиоприемника:

«...в письме, направленном президенту, в котором он отклоняет сделанное ему предложение, Энрайт заявляет, что долго прислушивался к голосу своей души и пришел к выводу, что и для страны, и для всего мира будет лучше, если он откажется от предложенного поста. В Вашингтоне политические обозреватели и дипломатический корпус не знают, что и думать. Они ломают головы над вопросом: какова может быть связь между внутренним голосом сенатора и Госдепартаментом?

Вот еще одна полученная сегодня утром новость, последствия которой пока оценить невозможно. Пекин сообщает о перестановках в правительстве и о приходе к власти сравнительно умеренных элементов. Пока еще, разумеется, рано утверждать что-либо конкретное, но эти изменения несомненно могут привести к решительной смене политического курса коммунистического Китая...»

Передача внезапно оборвалась: выключив приемник, водитель выбрался из машины, громко хлопнул дверцей и неторопливо пошел куда-то по улице.

Харрингтон открыл автомобиль и сел за руль. Он испытывал странное ощущение, что забыл что-то очень важное. Он пытался припомнить, что бы это могло быть, но ни малейшего воспоминания ему так и не удалось извлечь из неприятного тумана, словно окутавшего его мозг.

Крепко стиснув руль, он почувствовал, как по всему телу пробежала дрожь, мелкая, словно от небольшого озноба. Нет, это была скорее дрожь облегчения, хотя он и не представлял, почему он должен испытывать облегчение.

Наверное, это связано с новостью об Энрайте, подумал Харрингтон. Потому что это действительно хорошая новость. И совсем не потому, что Энрайт не подходил на пост руководителя Госдепартамента. Совсем наоборот. Но существуют ситуации, когда человек не только имеет право, но и обязан оставаться самим собой.

И человечество тоже имеет это право, подумал он.

А изменения в китайском правительстве были просто поразительным событием. Как будто злые гении человечества с наступлением рассвета внезапно исчезли на всей Земле.

«Кстати, что-то такое я думал в связи с гениями», — мелькнуло в голове у Харрингтона. Что-то такое, что обязательно нужно вспомнить. Что-то о том, в каких формах может проявиться гениальность...

Но он не мог вспомнить ничего конкретного.

Опустив стекло, Харрингтон полной грудью вдохнул живой и свежий утренний воздух. Резко выдохнув, он выпрямился и поднял голову. Мужчина должен чаще вспоминать о своей осанке, с удовлетворением подумал он. Да, в рождении сегодняшнего утра было что-то бодрящее тело и душу.

Он включил сцепление и отъехал от тротуара.

Жаль все же Мэдисона, подумал он. Что ни говори, а все же он был неплохим парнем.

И Холлис Харрингтон, последний джентльмен, двинулся навстречу утренней заре.

КИМОН

Он был единственным пассажиром, направлявшимся на Кимон, и на борту космического корабля уже за одно это все носились с ним, как со знаменитостью.

Для того чтобы доставить его к месту назначения, кораблю пришлось сделать крюк в два световых года. Селдону Бишопу казалось, что деньги, которые он заплатил за проезд еще на Земле, не возмещали ущерба и вполовину.

Но капитан не роптал. Он сказал Бишопу, что считает делом чести доставить пассажира на Кимон.

Бизнесмены, летевшие на том же корабле, домогались его общества, платили за выпивку и доверительно рассказывали о перспективах торговли с новооткрытыми солнечными системами.

Но, несмотря на все эти доверительные разговоры, смотрели они на Бишопа с плохо скрываемой завистью и повторяли: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес».

То один, то другой бизнесмен толковал с Бишопом наедине и после первой же рюмки предлагал миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Миллиарды... а пока у него в кармане не было и двадцати кредиток, и он с ужасом думал о том, что ему тоже придется угощать других. Он не был уверен, что на свои кредитки сможет угостить всю компанию.

Представительные матроны брали его на свое попечение и осыпали материнскими ласками; женщины помоложе, завлекая его, осыпали ласками отнюдь не материнскими. И куда бы он ни направился, позади говорили вполголоса:

— На Кимон! Милочка, вы знаете, что значит отправиться на Кимон! Для этого нужна положительно сказочная квалификация, надо готовиться годы и годы, а экзамен выдерживает один из тысячи.

И так было всю дорогу до самого Кимона.

Кимон был галактическим Эльдорадо, страной несбыточных грез, краем, где кончается радуга. Мало кто не мечтал о поездке туда, многие стремились осуществить свои мечты на деле, но среди тех, кто пытался добиться своего, преуспевали лишь очень немногие.

Немногим более ста лет назад до Кимона добрался (было бы неправильно говорить, что его открыли или что с ним вступили в контакт) неисправный космический корабль с Земли, который сел на планету и подняться с нее уже не мог.

До сих пор никто так и не узнал, что же там, в сущности, произошло, но в конце концов экипаж разломал свой корабль, поселился на Кимоне, а родные получили письма, в которых члены экипажа извещали их, что возвращаться не собираются.

Совершенно естественно, что между Кимоном и Землей никакого почтового сообщения быть не могло, но письма доставлялись самым фантастическим, хотя и, впрочем, самым логичным способом. И, возможно, этот способ убедительнее всего показал земным властям, что Кимон именно таков, каким он изображался в письмах... Письма были свернуты в трубку и помещены в своеобразный футляр, напоминавший футляр пневматической почты. Он был доставлен прямо на стол руководителя мирового почтового ведомства. Не на стол какого-нибудь подчиненного, а на стол самого главного начальника. Футляр появился, пока начальник ходил обедать, и, как было установлено тщательным расследованием, на стол его никто не клал.

Тем временем чиновники почтового ведомства, попрежнему убежденные, что стали жертвами какой-то

мистификации, отправили письма адресатам со специальными курьерами, которые обычно добывали себе хлеб насущный службой в Бюро Расследований.

Адресаты все, как один, утверждали, что письма подлинные, так как в большинстве случаев узнавали знакомый почерк. И, кроме того, в каждом письме содержались подробности, знакомые только адресатам, и это было еще одним доказательством, что письма настоящие.

Затем каждый адресат написал ответное письмо, их поместили в футляр, в котором прибыли письма с Кимона, а сам футляр положили на стол руководителя почтового ведомства, на то самое место, где его в свое время нашли.

С футляра не сводили глаз, и некоторое время ничего не происходило, но потом вдруг он исчез, а как исчез, никто не заметил — футляра просто не стало, и все.

Через неделю-другую перед самым концом рабочего дня футляр появился снова. Руководитель почтового ведомства был увлечен работой и не обращал внимания на то, что происходит вокруг. И вдруг снова увидел футляр. И снова в нем были письма, но на сей раз конверты раздувались от сотенных кредиток, которые потерпевшие крушение космонавты посылали в подарок своим родственникам, хотя тут же следует отметить, что сами космонавты, по-видимому, не считали себя потерпевшими крушение.

В письмах они извещали о получении ответов, посланных с Земли, и сообщали некоторые сведения о планете Кимон и ее обитателях. Во всех письмах подробно объяснялось, как космонавты достали сотенные кредитки на чужой планете. Бумажные деньги, говорилось в письмах, были фальшивыми, сделанными по образцу тех, что были у космонавтов в карманах, но когда земные финансовые эксперты и служащие Бюро Расследований взглянули на банкноты, то отличить их от настоящих денег они не смогли. Но руководители Кимона, говорилось в письмах, не хотят, чтобы их считали фальшивомонетчиками. И чтобы валюта не обесценилась, кимонцы в самое ближайшее время сделают взнос в земной банк материалами, которые по своей ценности не только эквивалентны посланным деньгам,

но и, если потребуется, покроют дальнейший выпуск денег.

В письмах пояснялось, что денег как таковых на Кимоне нет, но поскольку Кимон хочет дать работу людям с Земли, то пришлось изыскать способ оплаты их труда, и если земной банк и все организации, имеющие отношение к финансам, согласны...

Правление банка долго колебалось и толковало о всяких глубоких финансовых соображениях и экономических принципах, но все эти разговоры ни к чему не привели, потому что через несколько дней, во время перерыва, рядом со столом председателя правления банка появились несколько тонн тщательно упакованного урана и два мешка алмазов.

Теперь Земле ничего не оставалось делать, как принять существование Кимона за чистую монету и считать, что земляне, севшие на Кимон, возвращаться не собираются.

В письмах говорилось, что кимонцы — это гуманоиды, что они обладают парапсихическими способностями и создали культуру, которая намного обогнала культуру Земли и любой другой планеты Галактики, открытой к этому времени.

Земля подремонтировала один из космических кораблей, собрала корпус самых красноречивых дипломатов, надавала им кучу дорогих подарков и отправила все это на Кимон. Но уже через несколько минут после приземления дипломатов вышибли с планеты самым недипломатическим образом. По-видимому, Кимон не имел никакого желания связываться с второразрядной варварской планетой. Дипломатам дали понять, что, когда Кимон пожелает установить дипломатические отношения с Землей, об этом будет объявлено особо. На Кимон же допускались люди, которые не только обладали определенной квалификацией, но и ярко проявили себя в научной деятельности.

С тех пор ничего не изменилось.

На Кимон нельзя было поехать просто по желанию. К этому надо было готовиться.

Прежде всего требовалось пройти специальное испытание умственных способностей, которое не выдерживали девяносто девять процентов. Выдержав испытание, надо было посвятить годы и годы изнурительному учению, а потом опять держать письменный экзамен, и

вновь происходил отсев. Едва ли один из тысячи выдерживал все экзамены.

Год за годом мужчины и женщины Земли пробивались на Кимон, селились 'там, процветали и писали письма домой. Ни один из уехавших не вернулся. Попавшему на Кимон, видимо, и в голову не приходило вернуться на Землю.

И все же за столько лет сведений о Кимоне, его обитателях и культуре стало ненамного больше. Эти сведения черпались только из писем, доставлявшихся со скрупулезной точностью каждую неделю на стол руководителя почтового ведомства. В них писали о таких заработках, которые на Земле и не снились, о великолепных возможностях разбогатеть, о кимонской культуре и о самих кимонцах, но все это так, вообще, — ни одной подробности о той же культуре, деловой жизни или о чем бы то ни было другом письма не сообщали.

И, возможно, адресаты не слишком жалели об отсутствии конкретных сведений потому, что почти в каждом письме приходила пачка денег, новеньких и хрустящих, подкрепленных тоннами урана, мешками алмазов и штабелями слитков золота, которые время от времени появлялись у стола председателя правления банка.

Со временем у каждой семьи на Земле появилось честолюбивое желание послать хотя бы одного своего члена на Кимон, так как пребывание родственника там означало в конце концов, что здесь все его близкие будут иметь гарантированный и приличный доход на всю жизнь.

Естественно, о Кимоне рассказывали легенды. Конечно, в основном это были выдумки. В письмах опровергались слухи о том, что улицы там вымощены золотыми брусками, что кимонские девицы носят платья, усеянные бриллиантами.

Но те, чье воображение не ограничивалось золотыми улицами и бриллиантовыми платьями, прекрасно понимали, что по сравнению с возможностями, которые открываются на Кимоне, золото и бриллианты — это чепуха. Земной культуре до кимонской было далеко, люди там приобрели или развили в себе естественным путем парапсихические способности. На Кимоне можно было научиться тому, что произвело бы революцию в галактической промышленности и средствах сообще-

ния, а кимонская философия направила бы человечество по новому и лучшему (и более прибыльному?) пути.

И рождались все новые и новые легенды, которые каждый толковал в зависимости от собственного интеллекта и образа мышления.

Руководители Земли оказывали всяческую поддержку тем, кто хотел отправиться на Кимон, потому что руководители, как и все прочие, понимали, какие в этом таятся возможности для революции в промышленности и эволюции человеческой мысли. Но так как со стороны Кимона приглашения признать его дипломатически не следовало, они выжидали, строили планы и делали все, чтобы на Кимон поехало как можно больше людей Но людей достойнейших, так как даже самый дремучий бюрократ понимал, что на Кимоне Земля должна быть представлена в лучшем виде.

Но почему кимонцы разрешали приезжать людям с Земли? Это было неразрешимой загадкой. По-видимому, Земля была единственной планетой Галактики, получившей разрешение присылать своих людей. Конечно, и земляне и кимонцы были гуманоидами, но это оставляло вопрос открытым, потому что они не были единственными гуманоидами в Галактике. Ради собственного утешения земляне считали, что исключительное гостеприимство кимонцев объясняется некоторым взаимопониманием, одинаковым мировоззрением, некоторым сходством эволюционного развития (конечно, при небольшом отставании Земли).

Как бы там ни было, Кимон был галактическим Эльдорадо, страной несбыточных грез, местом, куда надо стремиться и где надо жить, краем, где кончается радуга.

Селдон Бишоп оказался в местности, напоминавшей земной парк. Тут его высадила быстроходная космическая шлюпка, ибо космодромов на Кимоне не было, как не было многого другого.

Он стоял среди своих чемоданов и смотрел вслед шлюпке, направлявшейся в космос к орбите лайнера.

Когда шлюпка исчезла из виду, он сел на чемодан и стал ждать.

Местность чем-то напоминала земной парк, но на этом сходство ограничивалось. Деревья были слишком тонкими, цветы — чересчур яркими, трава — немного не такого цвета, как на Земле. Птицы, если это были птицы, напоминали ящериц, оперенье у них было непривычной расцветки и вообще не такое, как у земных птиц. Ветерок донес запахи, не похожие на запахи Земли. Чужие запахи, чужие цвета...

Сидя на чемодане посреди парка, Бишоп старался вызвать у себя ощущение радости оттого, что он наконец на Кимоне. Но он не чувствовал ничего, кроме удовлетворения, что ему удалось сохранить свои двадцать кредиток в целости и сохранности.

Ему потребуется немного наличных денег, чтобы продержаться, пока он найдет работу. Но и тянуть с этим нельзя. Конечно, брать первую попавшуюся работу тоже не стоит, надо поискать немного и найти наиболее подходящую. А для этого потребуется время.

Он пожалел, что не оставил побольше денег про запас. Но это значило бы, что он приехал бы сюда не с такими хорошими чемоданами и костюмы пришлось бы шить не у портного, а покупать готовые...

Он говорил себе, что важно с самого начала произвести хорошее впечатление, и чем больше думал сейчас, тем меньше сожалел, что истратил почти все деньги, чтобы произвести хорошее впечатление.

Может быть, следовало взять у Морли взаймы. Морли ему ни в чем не отказал бы, а он потом расплатился бы, как только найдется работа. Но просить было противно, ибо, как он теперь понимал, это значило бы уронить достоинство, которое он чувствовал особенно сильно с тех пор, как его избрали для поездки на Кимон. Все, даже Морли, смотрели с почтением на человека, прорвавшегося на Кимон, и тут уж никак нельзя было просить о деньгах и прочих одолжениях.

Бишоп вспомнил свое последнее посещение Морли. Теперь он уже понимал, что, хотя Морли и его друг, в этом последнем визите был какой-то оттенок тех дипломатических обязанностей, которые Морли приходилось выполнять по долгу службы.

На дипломатическом поприще Морли пошел далеко и пойдет еще дальше. Руководители департамента говорили, что в Девятнадцатом секторе политики и экономики по манере говорить и вести себя, по умению

ориентироваться он выделяется среди всех молодых людей. У него были подстриженные усы, и бросалось в глаза, что он тщательно ухаживает за ними. Волосы его всегда были в порядке, а ходил он пружинисто, как пантера.

Они сидели на квартире у Морли, на душе было приятно и легко. Вдруг Морли встал и начал ходить из угла в угол, как пантера.

— Мы дружим с незапамятных времен, — сказал Морли. — Мы побывали вместе не в одной переделке.

И оба улыбнулись, вспомнив переделки, в которых они побывали.

— Когда я услышал, что вы едете на Кимон, — продолжал Морли, — я, естественно, обрадовался. Я рад любому вашему успеху. Но я обрадовался еще и по другой причине. Я сказал себе: «Вот, наконец, человек, который может сделать то, что нам надо».

— А что вам надо? — произнес Бишоп таким тоном, будто спрашивал Морли, хочет ли тот выпить шотландского виски или чего-либо другого. Правда, такого вопроса он никогда бы не задал, так как было известно, что все молодые люди из ведомства иностранных дел — ревностные поклонники шотландского виски. Во всяком случае, задал он этот вопрос непринужденно, хотя чувствовал, что вся непринужденность разговора рассеивается как дым.

В воздухе стала витать тень плаща и кинжала. Бишоп вдруг ощутил бремя официальной ответственности, и на мгновение сердца его коснулся холодок страха.

— У этой планеты должен быть какой-нибудь секрет, — сказал Морли, — для кимонцев никто из нас, ни одна из других планет не существует. Нет такой планеты, которая бы получила дипломатическое признание. На Кимоне нет ни одного представителя какого бы то ни было другого народа. По-видимому, они и не торгуют ни с кем, и все же они должны торговать, потому что ни одна планета, ни одна культура не может существовать совершенно самостоятельно. Наверно, с кем-то у них все-таки дипломатические отношения есть. Должны быть какие-нибудь причины... кроме того, что мы по сравнению с ними отсталый народ... почему они не хотят признавать Землю. Ведь даже во времена варварства многие правительства и народы признавали

те страны, которые были гораздо ниже в культурном отношении.

— Вы хотите, чтобы я узнал все это?

— Нет, — сказал Морли. — Мы хотим подобрать ключ. И это все. Мы ищем ключ, какой-нибудь намек, который помог бы нам разобраться в обстановке. Хотя бы воткнуть клинышек, вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. А уж все остальное мы сделаем сами.

— А другие? — спросил Бишоп. — Тысячи других поехали туда. Не один же я получил право поехать на Кимон?

— Вот уже более пятидесяти лет, — ответил Морли, — наш сектор дает такие же напутствия и всем другим.

— И вам ничего не сообщили?

— Ничего, — сказал Морли, — или почти ничего. Или ничего такого, что могло бы послужить нашим целям.

— Они не могли...

— Они не могли ничего поделать, потому что, прибыв на Кимон, они совершенно забывали о Земле... нет, не забывали, это не совсем так. Но они уже были неверны Земле. Кимон действовал на них ослепляюще.

— Вы так думаете?

— Не знаю, — сказал Морли. — Но у нас нет другого объяснения. Вся беда в том, что говорили мы с ними только раз. Ни один из них не вернулся. Конечно, мы можем писать им письма. Мы можем напоминать им... намеками. Но прямо спрашивать не можем.

— Цензура?

— Нет. Телепатия. Кимонцы узнали бы все, если бы мы попытались что-нибудь внушить своим. А мы не можем рисковать всей проделанной нами работой.

— Но я уеду с такими мыслями...

— Вы забудете их, — сказал Морли. — У вас впереди несколько недель, за которые вы можете забыть их... запрятать в глубины своего сознания. Но не совсем... не совсем.

— Понятно, — сказал Бишоп.

— Поймите меня правильно. В этом нет ничего зловещего. Вам не следует упорно доискиваться всего. Может быть, все обстоит очень просто. Может быть, просто мы не так причесываемся. Есть какая-то причина... наверное, очень маленькая.

Морли быстро переменил тему разговора, налил по бокалу виски, сел и стал вспоминать школьные годы, знакомых девочек и загородные поездки.

В общем это был приятный вечер.

Но прошло несколько недель, и Бишоп почти забыл обо всем. А теперь он сидел на своих чемоданах посредине парка и ждал, когда появится встречающий кимонец. Он знал, как будет выглядеть кимонец, и не собирался удивляться.

И все же он удивился.

Туземец был двухметрового роста. Сложенный, как античный бог, он был совсем-совсем человеком.

Только что Бишоп сидел один на поляне в парке, и вдруг рядом оказался туземец.

Бишоп вскочил.

— Мы рады вам, — сказал кимонец. — Добро пожаловать на Кимон, сэр.

Голос и произношение туземца были такими же совершенными и красивыми, как и его скульптурное тело.

— Спасибо, — сказал Бишоп и тут же почувствовал, как неловко он это произнес, каким запинающимся и глуховатым был его голос по сравнению с голосом туземца. Взглянув на кимонца, он невольно сравнил себя с ним. Какой у него, наверно, взъерошенный, мятый, нездоровый вид.

Бишоп полез в карман за бумагами. Негнущимися, неловкими пальцами он с трудом откопал их («откопал», иначе не скажешь).

Кимонец взял документы, скользнул по ним глазами (именно «скользнул») и сказал:

— Мистер Селдон Бишоп. Рад познакомиться с вами. У вас очень хорошая квалификация. Экзаменационные оценки, как я вижу, великолепные. Хорошие рекомендации. И, как я вижу, вы спешили к нам. Очень рад, что вы приехали.

— Но... — возразил было Бишоп. И тут же замолчал, крепко стиснув зубы. Не говорить же кимонцу, что тот только скользнул глазами по документам, а не прочел их. Содержание документов было, по-видимому, известно этому человеку.

— Как доехали, мистер Бишоп?

— Благодарю вас, путешествие было прекрасным, — сказал Бишоп и вдруг преисполнился гордости за то, что отвечает так легко и непринужденно.

— Ваш багаж, — сказал туземец, — говорит о вашем великолепном вкусе.

— Спасибо, я...

И тут Бишоп разозлился. Какое право имеет этот кимонец снисходительно отзываться о его чемоданах!

Но туземец сделал вид, что ничего не заметил.

— Не желаете ли вы отправиться в гостиницу?

— Как вам будет угодно, — очень сухо сказал насторожившийся Бишоп.

— Позвольте мне...

На мгновение сознание Бишопа затуманилось, все поплыло перед глазами, и вот он уже стоит не на полянке в парке, а в небольшой нише, выходящей в вестибюль гостиницы, а рядом аккуратно сложены чемоданы.

Он не успел насладиться своим триумфом там, на полянке, ожидая туземца, глядя вслед удалявшейся шлюпке. И здесь все существо его охватила буйная, пьянящая радость. Комок подкатил к горлу. Бишопу стало трудно дышать.

Это Кимон! Наконец-то он на Кимоне! После стольких лет учения он здесь, в этом сказочном месте... Вот чему он отдал многие годы жизни!

«Высокая квалификация» — так говорили люди друг другу вполголоса... высокая квалификация, жестокие экзамены, которые сдает один из тысячи.

Он стоял в нише, и ему не хотелось выходить, пока не пройдет волнение. Он должен пережить свою радость, свой триумф наедине с собой. Надо ли давать волю этому чувству? Во всяком случае, показывать его не стоит. Все личное надо запрятывать поглубже.

На Земле он был единственным из тысячи, а здесь он ничем не отличается от тех, кто прибыл раньше его. Наверно, он не может быть с ними даже на равной ноге, потому что они уже в курсе дела, а ему еще предстоит учиться.

Вот они, в вестибюле... счастливчики, прибывшие в сказочную страну раньше его... «блестящее общество»,

о котором он мечтал все эти утомительные годы. общество, к которому он теперь будет принадлежать.. люди Земли, признанные годными для поездки на Кимон.

Приехать сюда могли только лучшие... только лучшие, самые умные, самые сообразительные. Земле не хотелось ударить в грязь лицом, иначе как бы Земля могла убедить Кимон в том, что она родственная планета?

Сначала люди в вестибюле казались всего лишь толпой, неким блестящим, но безликим сборищем. Однако когда Бишоп стал присматриваться, толпа распалась на индивидуальности, на мужчин и женщин, которых ему вскоре предстояло узнать.

Бишоп заметил портье только тогда, когда тот оказался рядом. Портье (наверно, портье) был более высоким и красивым, чем туземец, встретивший его на поляне.

— Добрый вечер, сэр, — сказал портье. — Добро пожаловать в «Риц».

Бишоп вздрогнул:

— «Риц»? Ах да, я забыл... Это и есть отель «Риц».

— Мы рады, что вы остановились у нас, — сказал портье. — Мы надеемся, что вы у нас пробудете долго.

— Конечно, — сказал Бишоп. — Я тоже надеюсь.

— Нас известили, — сказал портье, — что вы прибываете, мистер Бишоп. Мы взяли на себя смелость подготовить для вас номер. Хочется думать, что он вас устроит.

— Я уверен, что устроит, — сказал Бишоп.

Будто на Кимоне что-нибудь может не устроить!

— Может быть, вам захочется переодеться, — сказал портье. — До обеда еще есть время.

— О, конечно, — сказал Бишоп. — Мне очень хочется...

И тут же пожалел, что сказал это.

— Вещи вам доставят в номер. Регистрироваться не надо. Это уже сделано. Позвольте проводить вас, сэр.

Номер ему понравился. Целых три комнаты. Сидя в кресле, Бишоп думал о том, что теперь ему и вовек не расплатиться.

Вспомнив о своих несчастных двадцати кредитках, Бишоп запаниковал. Придется подыскать работу раньше, чем он предполагал, потому что с двадцатью кредитками далеко не уедешь... хотя, наверно, в долг ему поверят.

Но он тотчас оставил мысль просить денег взаймы, так как это значило бы признаться, что у него нет с собой наличных. До сих пор все шло хорошо. Он прибыл сюда на лайнере, а не на борту потрепанного грузового судна; его багаж (что сказал этот туземец?) подобран со вкусом; его гардероб такой, что комар носа не подточит; не кинется же он занимать деньги только потому, что его смутила роскошь номера.

Он прохаживался по комнате. Ковра на полу не было, но сам пол был мягким и пружинистым. На нем оставались следы, которые почти немедленно сглаживались.

Бишоп выглянул в окно. Наступил вечер, и все вокруг подернулось голубовато-серой дымкой. Вдаль уходила холмистая местность, и не было на ней ничего, абсолютно ничего. Ни дорог, ни огоньков, которые бы говорили о другом жилье.

Он подумал, что ничего не видно только с этой стороны дома. А на другой стороне, наверно, есть улицы, дороги, дома, магазины.

Бишоп обернулся и снова стал осматривать комнату. Мебель похожа на земную .. Подчеркнуто спокойные и элегантные линии... Красивый мраморный камин, полки с книгами... Блеск старого полированного дерева... Бесподобные картины на стенах... Большой шкаф, почти целиком закрывающий одну из стен комнаты.

Бишоп старался определить, для чего же нужен этот шкаф. Красивая вещь, вид у нее древний, и полировка... Нет, это не лак, шкаф отполирован прикосновениями человеческих рук и временем.

Он направился к шкафу.

— Хотите выпить, сэр? — спросил шкаф.

— Не прочь, — ответил Бишоп и тотчас стал как вкопанный, сообразив, что шкаф заговорил с ним, а он ответил.

В шкафу откинулась дверца, а за ней стоял стакан.

— Музыку? — спросил шкаф.

— Если вас не затруднит, — сказал Бишоп.

— Какого типа?

— Типа? А, понимаю. Что-нибудь веселое, но и чуть-чуть грустное. Как синие сумерки, разливающиеся над Парижем. Кто это сказал? Один из древних писателей. Фицджеральд. Вероятнее всего, Фицджеральд.

Музыка говорила о том, как синие сумерки крались над городом на далекой Земле, и лил теплый апрельский дождь, и доносился издалека девичий смех, и блестела мостовая под косым дождем.

— Может быть, вам нужно что-нибудь еще, сэр? — спросил шкаф.

— Пока ничего.

— Хорошо, сэр. До обеда у вас остался час, вы успеете переодеться.

Бишоп вышел из комнаты, на ходу пробуя напиток. У него был какой-то незнакомый привкус.

В спальне Бишоп пощупал постель, она была достаточно мягкой. Посмотрел на туалетный столик и большое зеркало, а потом заглянул в ванную, оборудованную автоматическими приборами для бритья и массажа, не говоря уже о ванне, душе, машине для физкультурных упражнений и ряде других устройств, назначения которых он не смог определить.

В третьей комнате было почти пусто. В центре ее стояло кресло с широкими плоскими подлокотниками, и на каждом из них виднелись ряды кнопок.

Бишоп осторожно приблизился к креслу. Что же это? Что за ловушка? Хотя это глупо. Никаких ловушек на Кимоне не может быть. Кимон — страна великих возможностей, здесь человек может разбогатеть и жить в роскоши, набраться ума и культуры, выше которой до сих пор в Галактике не найдено.

Он наклонился к широким подлокотникам кресла и увидел, что на каждой кнопке была надпись. Бишоп читал: «История», «Поэзия», «Драма», «Скульптура», «Астрономия», «Философия», «Физика», «Религии» — и многое другое. Значения некоторых надписей он не понимал.

Бишоп оглядел пустую комнату и впервые заметил, что в ней нет окон. Видимо, это был своеобразный театр или учебная аудитория. Садишься в кресло, нажимаешь какую-нибудь кнопку и...

Но времени на это не было. Шкаф сказал, что до обеда оставался час. Сколько-то уже прошло, а он еще не переоделся.

Чемоданы были в спальне. Бишоп достал костюм. Пиджак оказался измятым.

Он держал пиджак и смотрел на него. Может, повесить, и пиджак отвисится. Может... Но Бишоп знал, что за это время пиджак не отвисится. Музыка прекратилась, и шкаф спросил:

— Что вам угодно, сэр?

— Можете ли вы погладить пиджак?

— Конечно, сэр, могу.

— За сколько?

— За пять минут, — сказал шкаф. — Дайте мне и брюки.

Зазвонил звонок, и Бишоп открыл дверь. За дверью стоял человек.

— Добрый вечер, — сказал человек и представился: — Монтэгю. Но все зовут меня Монти.

— Входите, пожалуйста, Монти.

Монти вошел и оглядел комнату.

— Хорошо у вас, — сказал он.

Бишоп кивнул:

— Я ни о чем и не заикался. Они сами мне все дали.

— Умницы эти кимонцы, — сказал Монти. — Большие умницы.

— Меня зовут Селдон Бишоп.

— Только что приехали? — спросил Монти.

— Примерно час назад.

— И полны благоговения перед этим замечательным Кимоном?

— Я ничего не знаю о нем, — сказал Бишоп. — Кроме того, конечно, что говорилось в учебном курсе.

— Я знаю, — косо взглянув на него, проговорил Монти. — Скажите по-дружески... вас тревожат какие-нибудь опасения?

Бишоп улыбнулся, он не знал, как ему быть.

— Чем вы собираетесь здесь заняться? — спросил Монти.

— Деловой администрацией.

— Ну, тогда на вас, наверно, нечего рассчитывать. Вы этим не заинтересуетесь.

— Чем?

— Футболом. Или бейсболом. Или крикетом. Или атлетикой.

— У меня никогда не было на это времени.

— Очень жаль, — сказал Монти. — Вы сложены, как спортсмен.

— Не хотят ли джентльмены выпить? — спросил шкаф.

— Будьте любезны, — сказал Бишоп.

— Идите переодевайтесь, — сказал Монти. — А я посижу и подожду.

— Пожалуйста, возьмите ваши пиджак и брюки, — сказал шкаф.

Дверца открылась, и за ней лежали вычищенные и выутюженные пиджак и брюки.

— Я не знал, — сказал Бишоп, — что вы здесь занимаетесь спортом.

— Нет, мы не занимаемся, — сказал Монти. — Это деловое предприятие.

— Деловое предприятие?

— Конечно. Мы хотим дать кимонцам возможность заключать пари. Может быть, они увлекутся этим. Хотя бы на время. Вообще-то они держать пари не могут...

— Я не понимаю, почему не могут...

— Сейчас объясню. У них совсем нет спортивных игр. Они не могли бы играть. Телепатия. Они знали бы на три хода вперед, что собираются делать их соперники. Телекинез. Они могли бы передвигать мяч или что бы там ни было, не притрагиваясь к нему пальцем. Они...

— Кажется, я понимаю, — сказал Бишоп.

— Но мы все-таки собираемся создать несколько команд и устроить показательные состязания. По возможности подогреть интерес к ним. Кимонцы повалят толпами. Будут платить за вход. Делать ставки. Мы, конечно, будем держать тотализатор и загребем комиссионные. Пока это будет продолжаться, мы неплохо заработаем.

— Конечно, но ведь это ненадолго.

Монти пристально посмотрел на Бишопа.

— Быстро вы все поняли, — сказал он. — Далеко пойдете.

— Джентльмены, напитки готовы, — сказал шкаф.

Бишоп взял стаканы и протянул один из них гостю.

— Пожалуй, я вас подключу, — сказал Монти. — Может быть, вы тоже подработаете. Тут больших знаний не требуется.

— Валяйте подключайте, — согласился Бишоп.

— Денег у вас немного, — сказал Монти.

— Как вы узнали об этом?

— Вы боитесь, что не сможете расплатиться за номер.

— Телепатия? — спросил Бишоп.

— Вы попали в самую точку, — сказал Монти. — Только я владею телепатией самую малость. С кимонцами нам нечего тягаться. Никогда мы не будем такими. Но время от времени что-то до тебя доходит... какое-то ощущение проникает в мозг. Если ты пробыл здесь достаточно долго...

— А я думал, что никто не заметит.

— Многие заметят, Бишоп. Но пусть это вас не беспокоит. Мы все друзья. Сплотились против общего врага, можно сказать. Если вам надо призанять денег...

— Пока нет, — сказал Бишоп. — Если понадобится, я вам скажу.

— Мне или кому-нибудь другому. Мы все друзья. Нам надо быть друзьями.

— Спасибо.

— Не стоит. А теперь одевайтесь. Я подожду. Мы пойдем вместе. Все хотят познакомиться с вами. Приезжает не так уж много людей. Все хотят знать, как там Земля.

— Как?..

— Земля, конечно, на месте. Как она поживает? Что там нового?

Бишоп только теперь рассмотрел гостиницу как следует. До этого он лишь мельком бросил взгляд на вестибюль, пока стоял со своими чемоданами в нише. Портье слишком быстро провел его в номер.

Но теперь он увидел эту овеществленную чудесным образом сказочную страну с ее фонтанами и неведомо откуда доносящейся музыкой, с тончайшей паутинкой радуг, выгнувшихся арками и крестовыми сводами, с мерцающими стеклянными колоннами, в которых отражался и множился весь вестибюль таким образом, что создавалось впечатление, будто помещению этому нет ни конца ни края... и в то же время всегда можно было отыскать укромный уголок, чтобы посидеть с друзьями.

Иллюзия и вещественность, красота и ощущение домашнего покоя. Бишоп подумал, что здесь всякому придется по душе, что здесь всякий найдет все, что пожелает Будто волшебством человек отгораживался от мира с его несовершенствами и проникался чувством довольства и собственного достоинства только от одного сознания, что он находится в таком месте.

На Земле такого места не было и быть не могло, и Бишоп подозревал, что в этом здании воплощена не только человеческая архитектурная сноровка...

— Впечатляет? — спросил Монти. — Я всегда наблюдаю за выражением лиц новичков, когда они входят сюда

— А потом первое впечатление стирается?

Монти покачал головой:

— Друг мой, впечатление не тускнеет, хотя уже и не так ошеломляет, как в первый раз.

Бишоп пообедал в столовой, в которой все было старомодным и торжественным. Официанты-кимонцы были готовы услужить в любую минуту, рекомендовать блюдо или вино.

К столу подходили, здоровались, расспрашивали о Земле, и каждый старался делать это непринужденно, но по выражению глаз можно было судить, что́ скрывалось за этой непринужденностью.

— Они стараются, чтобы вы чувствовали себя как дома, — сказал Монти. — Они рады новичкам.

Бишоп чувствовал себя как дома... в жизни у него не было более приятного чувства. Он не ожидал, что освоится так быстро, и был немного удивлен этим.

Порадовался он и тому, что с него не потребовали денег за обед, а просто попросили подписать счет. Все казалось прекрасным, потому что такой обед унес бы бо́льшую часть двадцати кредиток, которые гнездились в его кармане

После обеда Монти куда-то исчез, а Бишоп пошел в бар, взгромоздился на высокий стул и потягивал напиток, который рекомендовал ему буфетчик-кимонец.

Невесть откуда появилась девушка. Она взлетела на высокий табурет рядом с Бишопом и спросила:

— Что вы пьете, дружок?

— Не знаю, — ответил Бишоп и показал на буфетчика — Попросите его приготовить вам такой же.

Буфетчик взялся за бутылки и шейкер.

— Вы, наверно, новенький, — сказала девушка

— Вот именно, новенький.

— Здесь не так уж плохо. то есть неплохо, если не думаешь.

— Я не буду думать, — пообещал Бишоп — Я не буду думать ни о чем.

— Вы привыкнете, — сказала девушка. — Немного погодя вы будете не прочь поразвлечь их. Вы подумаете: «Какого черта! Пусть смеются, если им хочется, а мне пока неплохо». Но придет день.

— О чем вы говорите? — спросил Бишоп. — Вот ваш стакан. Окунайте мордашку и.

— Придет день, когда мы устареем, когда мы больше не будем развлекать их. Мы больше не сможем выдумывать новые трюки. Возьмите, например, мои картины...

— Послушайте, — сказал Бишоп, — я ничего не могу понять.

— Навестите меня через неделю, — сказала девушка. — Меня зовут Максайн. Просто спросите, где Максайн. Через неделю мы поговорим. Пока!

Она соскочила со стула и вдруг исчезла.

К своему стакану она не притронулась.

Он пошел наверх, в свой номер, и долго стоял у окна, глядя на невыразительный пейзаж, пока не услышал голос шкафа:

— Почему бы, сэр, вам не попробовать окунуться в другую жизнь?

Бишоп тотчас обернулся:

— Вы хотите сказать...

— Пройдите в третью комнату, — сказал шкаф. — Это вас развлечет.

— Окунуться в другую жизнь?

— Совершенно верно. Выбирайте и переноситесь, куда хотите.

Это было похоже на приключения Алисы в стране чудес.

— Не беспокойтесь, — добавил шкаф. — Это безопасно. Вы можете вернуться в любое время.

— Спасибо, — сказал Бишоп.

Он пошел в третью комнату, сел в кресло и стал изучать кнопки. История? Можно и историю. Бишоп немного знал ее. Он интересовался историей, прослушал несколько курсов и прочел много литературы.

Он нажал кнопку с надписью «История». Стена перед креслом осветилась, и на ней появилось лицо — красивое бронзовое лицо кимонца.

А бывают ли среди них некрасивые? Бишоп ни разу не видел ни уродов, ни калек.

— Вам какую историю, сэр? — спросил кимонец с экрана.

— Какую?

— Галактическую, кимонскую, земную? Почти любое место.

— Земную, пожалуйста, — сказал Бишоп.

— Подробности?

— Англия, 14 октября 1066 года. Сенлак *.

Он уже не сидел в кресле в четырех голых стенах комнаты, а стоял на склоне холма в солнечный осенний день, и кругом в голубоватой дымке высились деревья с золотой и красной листвой, и кричали люди.

Бишоп стоял как вкопанный на траве, покрывавшей склон. Трава уже перезрела и увяла на солнце... а дальше, внизу, на равнине, он увидел неровную линию всадников. Солнце играло на их шлемах и щитах, трепетали на ветру знамена с изображениями леопардов.

Это было 14 октября, в субботу. На холме стояло, укрывшись за стеной сомкнутых щитов, Гарольдово воинство, и, прежде чем солнце село, в бой были введены новые силы, решившие, каким курсом пойдет история страны.

Тэйллефер, подумал Бишоп. Тэйллефер помчится впереди войска Вильгельма, распевая «Песнь о Роланде» и крутя мечом так, что будет виден только огненный круг.

Нормандцы пошли в атаку, но впереди не было никакого Тэйллефера. Никто не крутил мечом, никто не

---

* 14 октября 1066 года на реке Сенлак близ Гастингса произошло сражение между войсками англосаксонского короля Гарольда и нормандского герцога Вильгельма.

распевал. Слышались только хриплые вопли людей мчавшихся навстречу смерти

Всадники мчались прямо на Бишопа Он повернулся и бросился бежать. Но не успел, и они наскакали на него. Он увидел, как блестят отшлифованные копыта лошадей и жестокая сталь подков, он увидел мерцающие острия копий, болтающиеся ножны, красные зеленые и желтые пятна плащей, тусклые доспехи разинутые рты людей и.. вот они уже над ним. И промчались они сквозь него и над ним, словно его здесь и не было.

А выше на склоне холма раздавались хриплые крики «Ут! Ут!» — и слышался пронзительный лязг стали Вокруг поднялись тучи пыли, а где-то слева кричала издыхающая лошадь. Из пыли показался человек и побежал вниз по склону. Он спотыкался, падал, поднимался, снова бежал, и Бишоп видел, как лила кровь сквозь искореженные доспехи, струилась по металлу и окропляла мертвую сухую траву

Снова появились лошади. На некоторых уже не было всадников. Они мчались, вытянув шеи, с пеной на губах Поводья развевались на ветру Один из всадников обмяк и свалился с седла, но нога его запуталась в стремени, и лошадь поволокла его по земле

«Выпустите меня отсюда! — беззвучно кричал Бишоп. — Как мне отсюда выбраться! Выпустите »

Его выпустили. Он был снова в комнате с четырьмя голыми стенами и единственным креслом

Он сидел не шевелясь и думал. «Не было никакого Тэйллефера. Никто не ехал, не пел, не крутил мечом Сказание о Тэйллефере — всего лишь выдумка какого-нибудь переписчика, который додумал историю по прошествии времени».

Но люди умирали. Израненные, они бежали шатаясь вниз по склону и умирали. Они падали с лошадей Их затаптывали насмерть.

Бишоп встал, руки его дрожали. Он нетвердо зашагал в другую комнату.

— Вы будете спать, сэр? — спросил шкаф

— Наверно, — сказал Бишоп.

— Прекрасно, сэр. Я запру дверь и погашу свет

— Вы очень любезны.

— Обычное дело, сэр, — сказал шкаф. — Не угодно ли вам чего?

— Совершенно ничего, — сказал Бишоп. — Спокойной ночи

— Спокойной ночи, — сказал шкаф.

Утром Бишоп пошел в агентство по найму, которое оказалось в одном из углов вестибюля.

Там была только высокая, белокурая, сложенная, как статуэтка, девушка-кимонка, грациозности движений которой позавидовала бы любая земная красавица Женщина, подумал Бишоп, явившаяся из какого-то классического греческого мифа, белокурая богиня во плоти На ней не было ниспадающих свободными складками греческих одежд, но они пошли бы ей. По правде сказать, одежды на ней почти не было, и красота ее от этого только выигрывала.

— Вы новичок, — сказала она.

Бишоп кивнул.

— Я знаю о вас, — сказала она, бросив на него всего один взгляд. — Селдон Бишоп, двадцать девять земных лет

— Да, мадам

Она внушала раболепные чувства.

— Ваша специальность — деловая администрация.

Он уныло кивнул.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Бишоп, и мы обо всем поговорим с вами.

Он сидел и думал. «Хорошо ли для красивой девушки быть такой рослой и крепкой? Или такой компетентной?»

— Вы хотели бы взяться за какую-нибудь работу, — сказала девушка

— Была у меня такая мысль.

— Вы специализировались на бизнесе. Боюсь, что в этой области у нас не слишком много вакантных мест

— Для начала я не рассчитываю на многое, — сказал ей Бишоп с приличествующей, как ему казалось, скромностью и реальной оценкой обстановки. — Я готов заняться любым делом, пока не докажу, на что способен

— Вам придется начать с самых низов. И целые годы набираться опыта. Дело не только в навыках, но в мировоззрении, в философии.

— Мне все...

Он заколебался. Он хотел сказать, что ему все равно. Но ему не все равно. Ему совсем не все равно.

— Я потратил на учебу многие годы, — сказал он. — Я знаю...

— Кимонский бизнес?

— Разве здесь все по-иному?

— Наверно, вы в совершенстве изучили систему заключения контрактов.

— Конечно.

— На всем Кимоне не заключается ни одного контракта.

— Но...

— В контрактах нет необходимости.

— Здесь все держится на честности?

— На честности и кое на чем еще.

— На чем же?

— Вы не поймете.

— Попробуйте объяснить мне.

— Бесполезно, мистер Бишоп. Для вас это были бы понятия совершенно новые. Они связаны с поведением. С мотивами действий. На Земле побудительная причина деятельности — выгода...

— А разве здесь это роли не играет?

— Очень маленькую роль.

— Каковы же другие побудительные причины?

— Например, культурное самоусовершенствование. Можете вы представить себе, что стремление к самоусовершенствованию является таким же мощным стимулом, как и выгода?

Бишоп ответил откровенно.

— Нет, не могу, — сказал он.

— А это стимул более мощный, чем выгода. Но это еще не все. Вот деньги... Денег у нас нет. Они по рукам не ходят.

— Но деньги есть. Кредитки.

— Это сделано только для того, чтобы было удобно людям с Земли, — сказала она. — Деньги, как свидетельство богатства, понадобились нам, чтобы привлекать на работу ваших людей и оплачивать их труд... и я бы сказала, что мы оплачиваем его очень хорошо. Для

этого мы сделали все, что полагается у вас. Деньги, которые мы создали, имеют силу во всей Галактике Они обеспечены вкладами в земные банки и являются для вас законным платежным средством. Но на самом Кимоне денег в обращении нет.

— Ничего не могу понять, — выдавил из себя Бишоп.

— Конечно, не можете, — сказала девушка. — Для вас это нечто совершенно новое. Ваша культура зиждется на том, что полезность и богатство каждой личности должны иметь как бы свое физическое воплощение. Здесь мы в этом не нуждаемся. Здесь у каждой личности своя простая бухгалтерия — это он способен сделать, а это он должен делать. Он сам обо всем знает. И это всегда известно его друзьям — или партнерам по бизнесу, если хотите.

— Тогда это не бизнес, — сказал Бишоп. — Не бизнес, как я понимаю его.

— Вы совершенно правы.

— Но меня готовили для бизнеса. Я потратил...

— Годы и годы на учение. Но на земные методы ведения дел, а не на кимонские.

— Но здесь есть бизнесмены. Сотни.

— Есть ли? — спросила она с улыбкой. Она улыбалась не с превосходством, не насмешливо... просто улыбалась.

— В первую очередь, — продолжала она, — вам необходимо общение с кимонцами. Осмотритесь. Вам надо дать возможность оценить наш взгляд на вещи и узнать, как и что мы делаем.

— Вот это по мне, — сказал Бишоп. — Что же мне делать?

— Иногда люди с Земли нанимаются компаньонами.

— Не думаю, чтобы это мне подошло. Наверно, надо будет сидеть с детишками, или читать старушкам книги, или...

— Вы умеете играть на каком-нибудь инструменте или петь?

Бишоп покачал головой.

— Писать маслом? Рисовать? Танцевать?

Ни того, ни другого, ни третьего делать он не мог.

— Может быть, вы занимаетесь боксом? — спрашивала девушка. — Иногда он вызывает интерес, если не слишком жесток.

— Вы говорите о призовой борьбе?

— Думаю, вы можете это назвать и так.

— Нет, боксом я не занимаюсь.

— Тогда у вас остается не слишком большой выбор, — сказала девушка, беря со стола какие-то бумаги.

— Может быть, я могу работать на транспорте? — спросил он.

— Транспортировка — личное дело каждого.

Конечно, она права, подумал он. Телекинез дает возможность транспортировать себя или что бы то ни было... без помощи механических средств.

— Связь, — сказал он слабым голосом. — Наверно, и с ней дело обстоит так же?

Она кивнула.

Телепатия, подумал он.

— Вы знакомы с транспортом и связью?

— С их земными разновидностями, — ответил Бишоп. — Думаю, здесь мои знания не пригодятся.

— Нет, — согласилась она. — Хотя мы могли бы устроить вам лекционное турне. Наши помогли бы вам подготовить материал.

Бишоп покачал головой:

— Я не умею выступать перед публикой.

Девушка встала.

— Я наведу справки, — сказала она. — Заходите Мы найдем что-нибудь подходящее для вас.

Бишоп поблагодарил ее и вышел в вестибюль.

Он пошел гулять.

Гостиница стояла на равнине, а вокруг было пусто Ни других зданий. Ни дорог. Ничего.

Здание гостиницы было громадное, богато украшенное и одинокое, словно перенесенное сюда невесть откуда. Оно застыло на фоне неба, и кругом не было никаких зданий, с которыми оно гармонировало бы и которые скрадывали бы его. У него был такой вид, будто кто-то в спешке свалил его здесь и так оставил.

Бишоп направился через поле к каким-то деревьям, которые, по-видимому, росли на берегу речки, и удивился, почему нет ни тропинок, ни дорог.. но вдруг сообразил, почему их нет

Он подумал о годах, которые убил на зубрежку способов ведения бизнеса, и вспомнил о толстенной книге выдержек из писем, которые писались домой с Кимона и содержали намеки на успешный бизнес, на ответственные должности.

И ему пришло в голову, что во всех выдержках из писем было нечто общее — на все сделки и должности только намекали, но никто и никогда не писал определенно, чем занимается.

«Зачем они это делали? — спрашивал себя Бишоп. — Почему они дурачили нас?»

Хотя, конечно, он еще многого не знает Он не пробыл на Кимоне и целого дня. «Я наведу справки, — сказала белокурая гречанка, — мы найдем что-нибудь подходящее для вас».

Он пересек поле и там, где выстроились деревья, нашел речку. Это была равнинная речка — широкий поток прозрачной воды медленно струился меж поросших травой берегов. Он лег на живот и глядел на речку Где-то в глубине ее блеснула рыба.

Бишоп снял ботинки и стал болтать ногами в воде Они знают о нас все, думал он. Они знают все о нашей культуре и жизни. Они знают о знаменах с изображениями леопардов и о том, как выглядел Сенлак в субботу 14 октября 1066 года, о войске Гарольда, стоявшем на вершине холма, и о войске Вильгельма, сосредоточившемся в долине. Они знают, что движет нами, и они разрешают нам приезжать сюда, потому что им это для чего-то нужно.

Что сказала девушка, которая появилась невесть откуда на стуле, а потом исчезла, так и не притронувшись к своему стакану? «Вы будете служить развлечением, — сказала она. — Но вы привыкнете к этому Если вы не будете думать обо всем слишком много, вы привыкнете».

«Навестите меня через неделю, — сказала она еще — Через неделю мы поговорим».

Они знают нас, но с какой стороны?

Возможно, Сенлак — это инсценировка, но во всем, что он увидел, была какая-то странная тусклая реальность, и он всеми фибрами души своей чувствовал, что зрелище это подлинное, что все так и было. Что не было никакого Тэйллефера, что, когда человек умирал, его

кишки волочились по траве, что англичане кричали: «Ут! Ут!»

Озябший Бишоп сидел в одиночестве и думал, как кимонцы делают это. Как они дают возможность человеку нажать кнопку и оказаться вместе с давно умершими, увидеть смерть людей, прах которых давно смешался с землей?

Способа узнать, как они это делают, конечно, не было. И догадки бесполезны.

Морли Рид сказал, что техническая информация революционизирует весь облик земной экономики.

Он вспомнил, как Морли ходил из угла в угол и повторял: «Мы должны узнать. Мы должны узнать».

И способ узнать... есть. Великолепный способ.

Бишоп вытащил ноги из воды и осушил их пучками травы. Он надел ботинки и пошел к гостинице.

Белокурая богиня все еще сидела за своим столом в бюро по найму.

— Я согласен приглядывать за детишками, — сказал Бишоп.

Она была очень, почти по-детски удивлена, но в следующее же мгновение лицо ее снова стало бесстрастным, как у богини.

— Да, мистер Бишоп.

— Я все обдумал, — сказал он. — Я согласен на любую работу.

В ту ночь Бишоп долго лежал в постели и не мог уснуть. Он думал о себе, о своем положении и пришел к заключению, что все обстоит не так уж плохо.

Работа, по-видимому, найдется. Сами кимонцы этого хотят. И даже если это не та работа, которую хочется получить, начало по крайней мере будет положено. С этого опорного пункта человек может подняться выше... умный человек, конечно. А все мужчины и женщины, все земляне на Кимоне, безусловно, умны. Если бы они не были умны, они не попали бы сюда, чтобы начать новую жизнь. Все они, по-видимому, преуспевают.

В тот вечер он не видел ни Монти, ни Максайн, но поговорил с другими, и все они казались довольными своей долей... или по крайней мере делали вид, что довольны. Бишоп говорил себе, что если бы все были

разочарованы, то довольного вида у них не было бы, потому что земляне больше всего любят тихо плакаться друг другу в жилетку Ничего подобного он не заметил. Никто не жаловался.

Ему говорили о том, что организуются спортивные команды, и некоторые собеседники возлагали на это очень большие надежды, как на источник дохода.

Он разговаривал с человеком по имени Томас, который был специалистом-садоводом и работал в крупных кимонских поместьях. Тот больше часа рассказывал о выращивании экзотических цветов. Коротышка Вильямс, сидевший рядом с Бишопом в баре, с восторгом говорил о том, что ему поручено написать книгу баллад на основе кимонской истории. Некий Джексон работал над статуей по заказу одной местной семьи.

Бишоп подумал, что если человек может получить работу, которая его удовлетворяет, то жизнь на Кимоне становится приятной.

Взять хотя бы номер, который он получил. Красивая обстановка — дома на такую он рассчитывать бы не мог. Послушный шкаф-робот делает коктейли и бутерброды, гладит одежду, выключает свет и запирает дверь, предупреждает любое, даже невысказанное желание. А комната — комната с четырьмя голыми стенами и единственным креслом, снабженным кнопками? Там, в этой комнате, можно получить знания, найти забаву и приключения. Он сделал дурной выбор, попросив показать для начала битву при Гастингсе. Но есть другие места, другие времена, другие, более приятные и менее кровавые, события, при которых он может присутствовать.

Он присутствовал... не только смотрел. Он действительно шел вверх по склону холма. Он пытался выскочить из-под копыт мчащихся лошадей, хотя в этом не было необходимости. Ты вроде бы был и там и не там, находился в самой гуще и вместе с тем с интересом наблюдал из безопасного места.

А есть немало событий, которые стоило бы увидеть. Можно пережить всю историю человечества, с времен доисторических до позавчерашнего дня... и не только историю человечества, а еще и кимонскую и галактическую. Прогуляться с Шекспиром... Плыть с Колумбом..

Когда-нибудь, подумал Бишоп, я прогуляюсь с Шекспиром. Когда-нибудь я поплыву с Колумбом.

Он видел подлинные события. Правда, она чувствуется.

Все размышления Бишопа свелись к тому, что какими бы странными ни были условия, жить в них все-таки можно.

А условия были странными потому, что это чужая сторона, культура и технология которой неизмеримо выше земных достижений. Здесь не было необходимости в искусственной связи и механических средствах транспортировки. Здесь не было необходимости в контрактах, потому что это исключено телепатией.

Надо только приспособиться. Надо научиться жить по-кимонски и не лезть со своим уставом в чужой монастырь. Он добровольно приехал на чужую планету. Ему позволили остаться, и поэтому он должен приспособиться.

— Вам неспокойно, сэр, — сказал из другой комнаты шкаф.

— Нет. Я просто думаю.

— Я могу вам дать снотворное. Очень мягкое и приятное снотворное.

— Только не снотворное, — сказал Бишоп.

— Тогда, быть может, — предложил шкаф, — вы позволите мне спеть вам колыбельную.

— Будьте любезны, — согласился Бишоп. — Мне нужна именно колыбельная.

Шкаф запел колыбельную, и вскоре Бишоп уснул.

Кимонская богиня в агентстве по найму сказала ему на следующее утро, что работа для него найдена.

— Новая семья, — сказала она.

Бишоп не знал, радоваться ли ему, что семья новая. Возможно, было бы лучше, если бы он попал в старую семью.

— У них никогда не было человека с Земли, — пояснила девушка. — Вы будете получать сто кредиток в день.

— Сто...

— Вы будете работать только в дневное время, — продолжала она. — Я буду телепортировать вас каж

дое утро туда, а по вечерам они будут телепортировать вас обратно.

— Сто кредиток! — запинаясь, сказал Бишоп. — Что я должен делать?

— Будете компаньоном, — ответила богиня. — Но не надо беспокоиться. Мы проследим, чтобы с вами обращались хорошо...

— Хорошо обращались?

— Не заставляли вас слишком много работать или..

— Мисс, — сказал Бишоп, — да за сотню бумажек в день я...

Она не дала ему договорить:

— Вы согласны на эту работу?

— С радостью, — сказал Бишоп.

— Позвольте мне...

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

...Бишоп стоял в нише, а перед ним было узкое, заросшее лесом ущелье с водопадом, и со своего места он ощущал, как тянет прохладой от падающей воды. Кругом росли папоротники и деревья, громадные деревья, похожие на узловатые дубы, которые обычно встречаются на иллюстрациях к историям о короле Артуре и Робин Гуде.

По берегу речки и вверх по склону бежала тропинка. Ветерок доносил музыку и запах духов.

По тропинке шла девушка. Это была кимонка, но не такая высокая, как другие, которых он уже видел, и у нее был не такой величественный, олимпийский вид.

Затаив дыхание, он следил за ее приближением и на мгновение забыл, что она кимонка, и думал о ней только как о хорошенькой девушке, которая идет по лесной тропинке. Она была красива, она была прелестна.

Девушка увидела его и захлопала в ладоши.

— Вы, наверно, он, — сказала она.

Бишоп вышел из ниши.

— Мы вас ждали, — продолжала она. — Мы надеялись, что вас не задержат и пошлют тотчас же.

— Меня зовут Селдон Бишоп, и мне сказали...

— Конечно, это вы и есть, — сказала девушка. — Вам даже не надо представляться. Это у вас на уме.

Она обвела рукой вокруг головы.

— Как вам понравился наш дом? — спросила она.

— Дом?

— Я, конечно, говорю глупости. Это всего лишь жилая комната. Спальни наши наверху, в горах. Но мы переменили здесь все только вчера. Все так много поработали. Я очень надеюсь, что вам понравится. Смотрите, здесь все, как на вашей планете. Мы хотели, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Это дом? — снова спросил он.

Она взяла его за руку.

— Вы какой-то расстроенный, — сказала она. — Вы еще не начали понимать.

Бишоп покачал головой:

— Я прибыл только вчера.

— Но вам здесь нравится?

— Конечно, нравится, — сказал Бишоп. — Здесь все словно из какой-нибудь старой легенды о короле Артуре. Так и ждешь, что из лесу выедет верхом Ланселот или выйдет королева Джиневра...

— Вы знаете эти легенды?

— Конечно, знаю. Я то и дело перечитываю Теннисона.

— И вы их нам расскажете.

Он в замешательстве посмотрел на нее:

— Вы хотите послушать их?

— Конечно, хотим. А для чего же вы здесь?

«Вот оно. А для чего же я здесь?!»

— Вы хотите, чтобы я начал сейчас же?

— Не сейчас, — сказала она. — Вы еще должны познакомиться с другими. Меня зовут Элейн. Конечно, это не точно. Меня зовут по-другому, но Элейн ближе к тому, что вы привыкли произносить.

— Я могу попробовать произнести ваше настоящее имя. Я способен к языкам.

— Элейн — вполне сносное имя, — беспечно сказала девушка. — Пойдемте.

Он пошел следом за ней по тропинке.

И тут он увидел, что это действительно дом — деревья были колоннами, поддерживавшими искусственное небо, которое все же не казалось слишком искусственным, а проходы между деревьями оканчивались большими окнами, смотревшими на пустошь.

Но трава и цветы, мох и папоротники были настоящими, и Бишоп не удивился бы, если бы и деревья оказались настоящими.

— Не все ли равно, настоящие они или нет, — сказала Элейн. — Их не отличишь.

Они поднялись вверх по склону и оказались в парке, где трава была подстрижена так коротко и казалась такой бархатистой, что Бишоп на мгновение подумал, что это не настоящая трава.

— Настоящая, — сказала ему Элейн.

— Вы узнаёте все, что я ни подумаю.

— Все.

— Значит, я не должен думать.

— О, мы хотим, чтобы вы думали, — сказала Элейн. — Это входит в ваши обязанности.

— Вы меня наняли и ради этого?

— Совершенно верно, — подтвердила девушка.

Посреди парка стояло что-то вроде пагоды — ажурное здание, созданное, казалось, из света и тени, а не из грубой материи. Возле него Бишоп увидел шесть человек. Они смеялись и болтали. Голоса их были похожи на музыку — радостную и в то же время серьезную музыку.

— Вот они! — воскликнула Элейн. — Пойдемте.

Она побежала, и бег ее был похож на полет. У Бишопа перехватило дыхание при виде изящества и грациозности ее движений.

Он побежал следом, но совсем не грациозно. Он чувствовал, что бежит тяжело. Это был какой-то галоп, неуклюжий бег вприпрыжку по сравнению с бегом Элейн.

Он подумал, что бежит, как собака. Как щенок-переросток, который пытается не отстать и бежит, переваливаясь с ноги на ногу, свесив язык и тяжело дыша.

Он попытался бежать более грациозно и ничего не думать.

«Я не должен думать. Я не должен думать совсем. Они все узнают. Они будут смеяться надо мной».

Они смеялись именно над ним. Он чувствовал их смех — молчаливое снисходительное веселье.

Она подбежала к группе и подождала его.

— Быстрей! — крикнула она, и, хотя голос у нее был добрый, Бишоп чувствовал, что она забавляется.

Он спешил. Он тяжело скакал. Он почти задохнулся. Его взмокшее тело было очень неуклюжим.

— Вот кого нам прислали, — сказала Элейн. — Он знает легенды, связанные с такими местами, как это.

Она представила Бишопу присутствующих:

— Это Пол. Там Джим. Бетти. Джейн. Джордж. А там, с краю, Мэри.

— Вы понимаете, — сказал Джим, — что это не наши имена...

— Лучшее, что я могла придумать, чтобы было похоже, — добавила Элейн.

— И чтобы вы могли произнести их, — сказала Джейн.

— Если бы вы только знали... — сказал Бишоп и вдруг замолчал.

Вот чего они хотят. Они хотят, чтобы он протестовал и проявил неудовольствие. Они хотят, чтобы ему было неловко.

«Не думать. Стараться не думать. Они узнают все».

— Сядем, — сказала Бетти. — Бишоп будет рассказывать нам легенды.

— Быть может, — обратился к нему Джим, — вы опишете нам жизнь на Земле? Мне было бы очень интересно послушать.

— Я знаю, что у вас есть игра, называющаяся шахматами, — сказал Джордж. — Мы, конечно, играть не можем. Вы знаете почему. Но мне было бы интересно поговорить с вами о технике и философии игры в шахматы.

— Не все сразу, — сказала Элейн. — Сначала он будет рассказывать нам легенды.

Все уселись на траву в кружок и взглянули на Бишопа.

— Я не совсем понимаю, с чего я должен начать, — сказал он.

— Но это же ясно, — откликнулась Бетти. — Начните с самого начала.

— Хорошо, — сказал Бишоп.

Он глубоко вздохнул:

— Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали...

— Именуемый... — сказал Джим.

— Вы читали эти легенды?

— Это слово у вас на уме.

— Это древнее слово, архаичное. В некоторых вариантах легенд...

— Когда-нибудь мне будет очень интересно обсудить с вами происхождение этого слова, — сказал Джим.

— Продолжайте рассказывать, — добавила Элейн.

Бишоп снова глубоко вздохнул:

— Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали Артур. Женой его была королева Джиневра, а Ланселот был его самым верным рыцарем...

Пишущую машинку Бишоп нашел в письменном столе, стоявшем в гостиной. Он сел за стол, чтобы написать письмо.

«Дорогой Морли», — начал он.

А что писать? Что он благополучно прибыл и получил работу? Что за работу платят сто кредиток в день — в десять раз больше того, что человек его положения может заработать на любой земной работе?

Бишоп снова склонился над машинкой.

«Прежде всего хочу сообщить, что я благополучно доехал и уже устроился на работу. Работа, может быть, не слишком хорошая, но я получаю сотню в день. На Земле я столько не зарабатывал бы».

Он встал и начал ходить. Следует сказать гораздо больше. Нельзя ограничиваться одним абзацем. Бишоп даже вспотел. Ну что он напишет?

Он снова сел за машинку.

«Для того чтобы скорее познакомиться с местными условиями и обычаями, я поступил на работу, которая даст мне возможность тесно общаться с кимонцами. Я нахожу, что это прекрасные люди, но иногда не совсем понимаю их. Я не сомневаюсь, что вскоре буду понимать их и по-настоящему полюблю».

Он отодвинулся вместе со стулом назад и стал читать то, что написал.

Да, это похоже на любое из тысячи писем, которые он читал.

Бишоп представил себе тысячи других людей, которые садились писать свое первое письмо с Кимона и судорожно придумывали сказочки, безобидную полуправду, бальзам, способный принести облегчение уязвленной гордости.

«Работа моя состоит в том, что я развлекаю и веселю одну семью. Я рассказываю им легенды и позволяю смеяться надо мной. Я делаю это, так как не хочу признаться себе в том, что сказка о Кимоне — это ловушка для дураков и что я попал в нее...»

Нет, так писать не годится. И так тоже:

«Но, несмотря ни на что, я держусь. Пока я получаю сотню в день, пусть их смеются, сколько им угодно. Я остаюсь здесь и сорву большой куш, что бы...»

Дома он был единственным из тысячи. Дома о нем говорили вполголоса, потому что он добился своего.

Бизнесмены на борту корабля говорили ему: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес» — и предлагали миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Бишоп вспомнил, как Морли ходил из угла в угол. Он сказал, что надо вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. Найти способ разобраться в кимонцах. Найти способ понимать их. Узнать самую малость... тут уж не до большого. Узнать самую малость. Пусть это окажется чем угодно, но только бы увидеть что-нибудь еще, кроме бесстрастного лика Кимона, обращенного к землянам.

Письмо надо как-нибудь кончить. Нельзя оставлять его так. Он снова сел за машинку.

«Позже я напишу тебе более подробно. Сейчас я очень тороплюсь».

Бишоп нахмурился. Но что бы он ни написал, все будет вранье. Это не хуже десятка других отговорок:

«Спешу на заседание... У меня свидание с клиентом... Надо срочно просмотреть бумаги...» Все это вранье.

Бишоп написал: *«Часто думаю о тебе. Напиши мне, когда сможешь».*

Морли напишет ему. Восторженное письмо, письмо, слегка окрашенное завистью, письмо человека, который хотел бы поехать на Кимон, но не может.

Нельзя говорить правду, когда всякий отдал бы правую руку, чтобы поехать на Кимон.

Нельзя говорить правду, раз тебя считают героем. Иначе тебя станут считать омерзительнейшим из негодяев Галактики.

А письма из дому? И гордые, и завистливые, и дышащие счастьем оттого, что тебе живется хорошо, —

все это только дополнительные цепи, которые приковывают к Кимону и кимонской лжи.

— Нельзя ли чего-нибудь выпить? — спросил у шкафа Бишоп.

— Пожалуйста, сэр, — сказал шкаф. — Сейчас будет, сэр.

— Налейте побольше и покрепче.

— Да, сэр. Побольше и покрепче...

Бишоп встретил ее в баре.

— Это опять вы, — сказала она таким тоном, будто они встречались очень часто.

Он сел на табурет рядом с ней.

— Неделя почти кончилась, — напомнил Бишоп.

Максайн кивнула:

— Мы наблюдали за вами. Вы держитесь хорошо.

— Вы обещали что-то сказать мне.

— Забудьте это, — сказала девушка. — Что говорить... Вы мне показались умным, но не совсем зрелым человеком. Мне стало жаль вас.

— Скажите, — спросил Бишоп, — почему на Земле ничего не известно? Я, конечно, тоже писал письма. Но не признался в том, что происходит со мной. И вы не писали о своем состоянии. Никто из окружающих не писал. Но кто-то же из людей за все эти годы...

— Все мы одинаковы, — сказала Максайн. — Как горошины в стручке. Мы все тут, как на подбор, упрямы, тщеславны, трусливы. Мы прошли огонь, воду и медные трубы, чтобы попасть сюда. Мы оттерли других. И они уже никогда не оправятся от этого. Неужели вы не понимаете? У них тоже есть гордость, и она попрана. Но с чем можно было бы сравнить их радость, если бы они узнали всю правду! Именно об этом и думаем все мы, когда садимся писать письма. Мы думаем, как будут надрываться от смеха тысячи наших конкурентов. Мы прячемся за чужие спины, стараемся сжаться, чтобы никто не заметил нас...

Она сжала кулачок и постучала себя по груди.

— Вот вам и ответ, — продолжала она. — Вот почему мы никогда не пишем правду. Вот почему мы не возвращаемся.

— Но это продолжается многие годы. Почти сотню лет. За это время кто-нибудь да должен был проговориться...

— И потерять все это? — спросила Максайн. — Потерять легкий заработок? Быть исключенным из братства пропащих душ? Потерять надежду? Не забывайте этого. Мы всегда надеемся, что Кимон раскроет свои секреты.

— А он их раскроет?

— Не знаю. Но на вашем месте я бы на это не надеялась.

— Но ведь такая жизнь не для достойных...

— Не говорите этого. Какие же мы достойные люди! Мы трусливы и слабы, все мы!

— Но жизнь, которую...

— Вы хотите сказать, что здесь нам хорошо живется? У нас нет прочного положения. А дети? Немногие из нас имеют детей. Детям не так плохо, как нам, потому что они ничего иного и не знают. Ребенок, родившийся рабом, не так страдает, как взрослый человек, некогда бывший свободным.

— Мы не рабы, — сказал Бишоп.

— Конечно, нет, — согласилась Максайн. — Мы можем уехать отсюда, когда захотим. Нам достаточно подойти к местному жителю и сказать: «Я хочу обратно на Землю». Вот и все. Любой из них может отослать вас обратно... точно так, как они отправляют письма, точно так, как они доставляют вас к месту работы или в вашу комнату.

— Но никто еще не возвратился.

— Конечно, никто, — подтвердила Максайн. — Запомните, что я вам сказала. Не думайте. Только так можно жить. Никогда не думайте. И вам будет хорошо. Вы будете жить спокойно, легко.

— Верно, — сказал Бишоп, — только так можно жить.

Она искоса посмотрела на него:

— Вы начинаете понимать, в чем тут дело.

Они заказали еще по одному коктейлю.

В углу какая-то компания пела хором. Неподалеку ссорилась парочка.

— Тут слишком шумно, — сказала Максайн. — Не хотите ли посмотреть мои картины?

— Ваши картины?

— То, чем я зарабатываю себе на жизнь. Они довольно плохи, но в этом никто не разбирается.

— Я бы посмотрел.

— Тогда хватайтесь за меня и держитесь.

— Хватайтесь...

— Мысленно. Не руками, конечно. К чему пользоваться лифтом?

Бишоп удивленно смотрел на нее.

— Учитесь, — сказала Максайн. — В совершенстве вы этим не овладеете никогда, но двум-трем трюкам научитесь.

— А что мне делать?

— Просто расслабьтесь, — сказала Максайн. — Умственно, конечно. Постарайтесь быть поближе ко мне. Не пытайтесь помогать. Вы не сможете.

Он расслабился и постарался быть поближе к ней, сомневаясь, правильно ли он все делает.

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

Они стояли в другой комнате.

— Я сделала глупость, — сказала Максайн. — Когда-нибудь я ошибусь и засяду в стене или где-нибудь еще.

Бишоп вздохнул, огляделся и присвистнул.

— Как здесь хорошо, — сказал он.

Вдалеке едва виднелись стены. На западе возвышались снежные горы, на востоке текла река, берега которой поросли густым лесом. Прямо из пола росли цветы и кусты. В комнате были синеватые сумерки, а где-то вдалеке играл оркестр.

Послышался голос шкафа:

— Что угодно, мадам?

— Коктейли, — сказала Максайн. — Не слишком крепкие. Мы уже раздавили бутылочку.

— Не слишком крепкие, — повторил шкаф. — Сию минуту, мадам.

— Иллюзия, — сказала Максайн. — Все тут иллюзия. Но прекрасная иллюзия. Хотите попасть на пляж? Он ждет вас. Стоит только подумать о нем. Или на Северный полюс. Или в пустыню. Или в старый замок. Все это будет как по мановению волшебного жезла.

— За ваши картины, должно быть, хорошо платят, — предположил Бишоп.

— Не за картины. За мою раздражительность. Начинайте с этого. Впадите в черную меланхолию. Начните подумывать о самоубийстве. Тогда все у вас будет

наверняка. Вас быстренько вознесут в номер получше. Сделают все, лишь бы вы были довольны.

— Вы хотите сказать, что кимонцы сами переместили вас сюда.

— Конечно. Вы еще новичок, и потому у вас не такой номер.

— Мне мой номер нравится, — сказал Бишоп.

Коктейли были готовы.

— Садитесь, — сказала Максайн. — Хотите луну?

Появилась луна.

— Хотите две или три? — продолжала она. — Но это уже будет слишком. С одной луной совсем как на Земле. Так вроде бы уютней.

— Но ведь должен быть предел, — сказал Бишоп. — Не могут же они улучшать наше положение до бесконечности. Должно прийти время, когда даже кимонцам нельзя уже будет придумать ничего нового и неизведанного.

— На вашу жизнь хватит. Все вы, новички, одинаковы. Вы недооцениваете кимонцев. В вашем представлении они люди, земные люди, которые знают чуточку больше нас. Но они совсем другие. Ни в чем не похожие на нас. Только вид у них человеческий. Они снисходят до общения с нами.

— Но для чего им нужно общаться с нами?

— Вот об этом, — сказала Максайн, — мы никогда не спрашиваем. От этого можно с ума сойти.

Бишоп рассказал своим кимонцам об обычае людей устраивать пикники. Эта мысль им никогда не приходила в голову, и они ухватились за нее с детской радостью.

Они выбрали для пикника уголок в горах, прорезанных глубокими ущельями, поросшими деревьями и цветами. Тут же была горная речка с водой, прозрачной, как стекло, и холодной, как лед.

Они устраивали различные игры и боролись. Они плавали, загорали и слушали рассказы Бишопа, усаживаясь в кружок, отпуская язвительные замечания, перебивая, споря.

Но Бишоп посмеивался над ними, не открыто, конечно, так как он знал, что они не хотят оскорбить его, а просто забавляются.

Еще несколько недель назад он обижался, сердился и чувствовал себя униженным, но постепенно привык... заставил себя привыкнуть. Если им нужен клоун, пожалуйста, он будет клоуном. Если уж ему суждено быть придворным шутом, одетым в разноцветный костюм с бубенчиками, то он должен с достоинством носить дурацкую одежду и стараться, чтобы бубенчики звенели весело.

Временами в их поведении была какая-то злобность, какая-то жестокость, но долго это не продолжалось. С ними можно было ладить, если только знать, как это делать.

К вечеру они разложили костер и, усевшись вокруг него, разговаривали, шутили, смеялись, оставив наконец Бишопа в покое. Элейн и Бетти были чем-то встревожены. Джим посмеивался над их тревогой.

— Ни один зверь к костру не подойдет, — сказал он.

— А тут есть звери? — спросил Бишоп.

— Немного есть, — ответил Джим. — Кое-какие еще остались.

Бишоп лежал, глядя на огонь, прислушиваясь к разговору, радуясь, что его оставили в покое. Наверно, такое же ощущение бывает у собаки, подумал он. У щенка, который прячется в угол от детишек, не дающих ему покоя.

Он смотрел на огонь и вспоминал, как когда-то с друзьями совершал вылазки за город, как они раскладывали костер и лежали вокруг него, глядя на небо, на старое знакомое небо Земли.

А здесь другой костер. И пикник. Но костер и пикник — земные, потому что люди Кимона не имели представления о пикниках. Они не знают и о многом другом. Народные обычаи Земли им незнакомы.

В тот вечер Морли советовал ему присматриваться к мелочам. Может быть, они дадут ответ...

Кимонцам нравятся картины Максайн, потому что они примитивны. Это примитив, но не лучшего сорта. А может быть, до знакомства с людьми Земли кимонцы тоже не знали, что могут быть такие картины?

В конце концов есть ли в броне, покрывающей кимонцев, какие-нибудь щели? Пикники, картины и многое другое, за что они ценят пришельцев с Земли... Может быть, это щели?

Наверно, это зацепка, которую ищет Морли.

Бишоп лежал и думал, забыв, что думать не следует, так как кимонцы читают мысли.

Голоса их затихли, и наступила торжественная ночная тишина. Скоро, подумал Бишоп, мы вернемся — они домой, а я в гостиницу. Далеко ли она? Может быть, до нее полмира. И все же я окажусь там в одно мгновение. Надо бы подложить в костер дров.

Он встал и вдруг заметил, что остался один.

Бишопа охватил страх. Они ушли и оставили его одного. Они забыли о нем. Но этого не может быть. Они просто тихонько скрылись в темноте. Наверно, шутят. Хотят напугать его. Завели разговор о зверях, а потом спрятались, пока он лежа дремал у костра. Теперь наблюдают из темноты, наслаждаясь его мыслями, которые говорят им, что он испугался.

Он нашел ветки и подбросил их в костер. Они загорелись и вспыхнули. Бишопа охватило безразличие, но он почувствовал, что инстинктивно ежится.

Сейчас он впервые понял, насколько чужд ему Кимон. Планета не казалась чужой прежде, за исключением тех нескольких минут, когда он ждал в парке после того, как его высадила шлюпка. Но даже тогда она не была очень чужой, ибо он знал, что его встретят, что кто-то непременно позаботится о нем.

В том-то все и дело, подумал он. Кто-то должен позаботиться обо мне. О нас заботятся... хорошо. Прямо-таки окружают заботой. Нас приютили, нас опекают, нас балуют... да-да, именно балуют. А почему? Сейчас им надоест эта игра, и они вернутся в круг света. Наверно, я должен полностью отработать получаемые деньги. Наверно, я должен изображать испуганного человека и звать их. Наверно, я должен вглядываться в темноту и делать вид, что боюсь зверей, о которых они говорили. Они говорили об этом, конечно, не слишком много. Они очень умны для этого, слишком умны. Упомянули вскользь, что есть звери, и переменили тему разговора. Не подчеркивали, не пугали. Ничего лишнего не было сказано. Просто высказали предположение, что есть звери, которых надо бояться.

Бишоп сидел и ждал. Теперь он уже меньше боялся, так как осмыслил причину страха. «Я сижу у костра на Земле», — твердил он себе. Только то была не Земля. Только то была чужая планета.

Зашелестели кусты.

Они идут, подумал Бишоп. Они сообразили, что ничего у них не вышло. Они возвращаются.

Снова зашелестели кусты, покатился задетый кем-то камешек.

Бишоп не шевелился.

Им не запугать меня. Им не запугать...

Почувствовав чье-то дыхание на своей шее, он судорожно вскочил и отпрыгнул. Потом он споткнулся и упал, чуть было не попав в костер. Снова вскочив, он обежал костер, чтобы спрятаться за ним от существа, дышавшего ему в шею.

Бишоп припал к земле и увидел, как в раскрытой пасти блеснули зубы. Зверь поднял голову и закрыл пасть. Бишоп услышал лязг зубов и что-то вроде короткого хриплого стона, вырвавшегося из могучей глотки.

В голову ему пришла дикая мысль. Это совсем не зверь. Над ним просто продолжают шутить. Если они могут построить дом, напоминающий английский лес, всего на день-два, а потом заставить его исчезнуть, когда в нем уже нет необходимости, то для них, безусловно, секундное дело придумать и создать зверя.

Зверь бесшумно шел к Бишопу, а тот думал: животные боятся огня. Все животные боятся огня. Он не подойдет ко мне, если я стану поближе к огню.

Он наклонился и поднял сук.

Животные боятся огня. Но этот зверь не боялся. Он бесшумно огибал костер. Он вытянул шею и понюхал воздух. Зверь совсем не спешил, так как был уверен, что человек никуда не денется. Бишопа прошиб пот.

Зверь, огибая костер, стремительно приближался. Бишоп снова отпрыгнул за костер. Зверь остановился, посмотрел на него, затем прижался мордой к земле и выгнул спину. Хищник бил хвостом и рычал.

Теперь уже Бишоп похолодел от страха. Может быть, это зверь. Может быть, это не шутка, а настоящий зверь.

Бишоп подбежал к костру вплотную. Он весь напрягся, готовый бежать, отскочить, драться, если придется.

Но он знал, что со зверем ему не сладить. И все же, если дело дойдет до схватки, он будет биться.

Зверь прыгнул.

Бишоп побежал. Но тут же поскользнулся, упал и покатился в костер.

Протянулась чья-то рука, выхватила Бишопа из огня и положила на землю. Послышался сердитый крик.

Вселенная раскололась и вновь соединилась. Бишоп лежал на полу. С трудом он поднялся на ноги. Рука была обожжена и болела. Одежда тлела, и он стал гасить ее здоровой рукой.

Послышался голос:

— Простите, сэр. Этого нельзя было допускать.

Человек, сказавший это, был высок, гораздо выше всех кимонцев, которых Бишоп видел прежде. Он был трехметрового роста, наверное. Нет, не трехметрового... Совсем не трехметрового... Он был, по-видимому, не выше высокого человека с Земли. Но он стоял так, что казался очень высоким. И осанка его и голос — все вместе создавало впечатление, что человек очень высок...

Бишоп подумал, что впервые видит кимонца не первой молодости. У него были седые виски и лицо в морщинах, похожих на морщины старых охотников и моряков, которым приходится щуриться, всматриваясь в даль.

Когда Бишоп осмотрелся, то при виде комнаты, в которой они с кимонцем стояли, у него перехватило дыхание. Описать ее словами было бы невозможно... он не только видел ее, он ощущал ее всеми чувствами, которыми был наделен. В ней был целый мир, вся вселенная, все, что он когда-либо видел, все его мечты... Казалось, она бесконечно продолжается во времени и пространстве, но вместе с тем это была жилая комната, не лишенная комфорта и уюта.

И все же, когда Бишоп снова поглядел вокруг, он почувствовал простоту, которую не заметил сразу. Жизни претит вычурность. Казалось, что комната и люди, которые жили в ее стенах, — это единое целое. Казалось, что комната изо всех сил старается быть не комнатой, а частью жизни, и настолько в этом преуспевает, что становится незаметной.

— Я был против с самого начала, — сказал кимонец. — Теперь я убедился, что был прав. Но дети хотели, чтобы вы...

— Дети?

— Конечно. Я отец Элейн.

Однако он не произнес слова «Элейн». Он назвал другое имя, имя, которое, как говорила Элейн, не мог бы произнести ни один человек с Земли.

— Как ваша рука? — спросил кимонец.

— Ничего, — ответил Бишоп. — Небольшой ожог.

У него было такое ощущение, словно произносил эти слова не он, а кто-то другой, стоявший рядом.

Он не мог бы шевельнуться, даже если бы ему заплатили миллион.

— Надо будет вам помочь, — сказал кимонец. — Побеседуем позже...

— Прошу вас, сэр, об одном, — сказал человек, говоривший за Бишопа. — Отправьте меня в гостиницу.

Он почувствовал, как сразу понял его собеседник, испытывавший к нему сострадание и жалость.

— Конечно, — сказал высокий кимонец. — С вашего позволения, сэр...

Однажды дети захотели иметь собачку — маленького игривого щенка. Их отец сказал, что собачки он им не приобретет, так как с собаками они обращаться не умеют. Но они так просили его, что он наконец притащил домой собаку, прелестного щенка, маленький пушистый шарик с четырьмя нетвердо ступающими лапками.

Дети обращались с ним не так уж плохо. Они были жестоки, как все дети. Они тискали и трепали его; они дергали его за уши и за хвост; они дразнили его. Но щенок не терял жизнерадостности. Он любил играть и, что бы с ним ни делали, льнул к детям. Ему, несомненно, очень льстило общение с умным человеческим родом, родом, который настолько опередил собак по культуре и уму, что сравнивать даже смешно.

Но однажды дети отправились на пикник и к вечеру так устали, что, уходя, забыли щенка.

В этом не было ничего плохого. Дети ведь забывчивы, что с ними ни делай, а щенок — это всего-навсего собака...

— Вы сегодня вернулись очень поздно, сэр, — сказал шкаф.

— Да, — угрюмо откликнулся Бишоп.

— Вы поранились, сэр. Я чувствую.

— Мне обожгло руку.

Одна из дверец шкафа открылась.

— Положите руку сюда, — сказал шкаф. — Я залечу ее в один миг.

Бишоп сунул руку в отделение шкафа. Он почувствовал какие-то осторожные прикосновения.

— Ожог несерьезный, сэр, — сказал шкаф, — но, я думаю, болезненный.

Мы игрушки, подумал Бишоп. Гостиница — это домик для кукол... или собачья конура. Это нескладная хижина, подобная тем, какие сооружаются на Земле ребятишками из старых ящиков, дощечек. По сравнению с комнатой кимонца это просто лачуга, хотя, впрочем, лачуга роскошная. Для людей с Земли она годится, вполне годится, но это все же лачуга. *А кто же мы? Кто мы?* Баловни детишек. Кимонские щенята. Импортные щенята.

— Простите, сэр, — сказал шкаф. — Вы не щенята.

— Что?

— Еще раз прошу прощения, сэр. Мне не следовало этого говорить... но мне не хотелось бы, чтобы вы думали...

— Если мы не комнатные собачки, то кто же мы?

— Извините, сэр. Я сказал это невольно, уверяю вас. Мне не следовало бы...

— Вы ничего не делаете без расчета, — с горечью сказал Бишоп. — Вы и все они. Потому что вы один из них. Вы сказали это только потому, что так хотели они.

— Я уверяю вас, что вы ошибаетесь.

— Естественно, вы все будете отрицать, — сказал Бишоп. — Продолжайте выполнять свои обязанности. Вы еще не сказали всего, что вам велено сообщить мне. Продолжайте.

— Для меня неважно, что вы думаете, — сказал шкаф. — Но если бы вы думали о себе, как о товарищах по детским играм...

— Час от часу не легче, — сказал Бишоп.

— То это было бы бесконечно лучше, — продолжал шкаф, — чем думать о себе, как о щенках.

— И на какую же мысль они хотят меня натолкнуть?

— Им все равно, — сказал шкаф. — Все зависит от вас самих. Я высказываю только предположение, сэр.

Хорошо, значит, это только предположение. Хорошо, значит, они товарищи по детским играм, а не домашние собачки.

Дети Кимона приглашают поиграть грязных, оборванных, сопливых пострелов с улицы. Наверно, это лучше, чем быть импортной собачкой.

Но даже в таком случае все придумали дети Кимона. Это они создали правила для тех, кто хотел поехать на Кимон, это они построили гостиницу, обслуживали ее, давали людям с Земли роскошные номера, это они придумали так называемые должности, это они организовали печатание кредиток.

И если это так, то, значит, не только люди Земли, но и ее правители вели переговоры или пытались вести переговоры всего лишь с детьми народа другой планеты. Вот в чем существенная разница между людьми с Земли и кимонцами.

А может быть, он не прав?

Может быть, вообразив себя комнатной собачкой и ожесточившись, он в своих размышлениях пошел не по тому пути? Может быть, он и в самом деле был товарищем по детским играм, взрослым человеком с Земли, низведенным до уровня ребенка... и притом глупого ребенка? Может быть, не стоило думать о себе, как о комнатной собачке, а следовательно, и приходить к мысли, что это дети Кимона организовали иммиграцию людей с Земли?

А если не дети приглашают в дом уличных мальчишек, а если инициатива проявлена взрослыми Кимона, то что это? Школьная программа? Какая-то фаза постепенного обучения? Или своего рода летний лагерь, куда приглашают способных, но живущих в плохих условиях землян? Или просто это безопасный способ занять и развлечь кимонских ребятишек?

«Мы должны были догадаться об этом давным-давно, — сказал себе Бишоп. — Но даже если бы кому-нибудь из нас и пришла в голову мысль, что мы комнат-

ные собачки или товарищи по детским играм, то мы прогнали бы ее, потому что слишком самолюбивы».

— Пожалуйста, сэр, — сказал шкаф. — Рука почти как новенькая. Завтра вы сможете сами одеться.

Бишоп молча стоял перед шкафом. Рука его безвольно повисла.

Не спрашивая его, шкаф приготовил коктейль.

— Я сделал порцию побольше и покрепче, — сказал шкаф. — Думаю, вам это необходимо.

— Спасибо, — поблагодарил Бишоп.

Он взял стакан, но не стал пить, а продолжал думать: что-то тут не так. Мы слишком самолюбивы.

— Что-нибудь не так, сэр?

— Все в порядке, — сказал Бишоп.

— Но вы пейте.

— Потом выпью.

Нормандцы сели на коней в субботний полдень. Кони гарцевали, знамена с изображением леопардов развевались на ветру, флажки на копьях трепетали, постукивали ножны мечей. Нормандцы бросились в атаку, но, как говорит история, были отбиты. Все это совершенно правильно, потому что только вечером стена саксов была прорвана, и последнее сражение вокруг знамени с драконом разыгралось уже почти в темноте.

Но не было никакого Тэйллефера, который ехал впереди, крутил мечом и пел.

Тут история ошиблась.

Века два спустя какой-нибудь писец позабавился тем, что вставил в прозаическую историю романтический рассказ о Тэйллефере. Он написал это, протестуя против заточения в четырех голых стенах, против спартанской пищи, против нудной работы, так как на дворе была весна и ему хотелось отправиться погулять в поле или в лес, а не сидеть взаперти, сгорбившись над чернильницей.

Вот так же и мы, подумал Бишоп. В наших письмах домой мы скрываем правду. И мы делаем это ради себя. Мы щадим свою гордость.

— Вот, — сказал Бишоп шкафу, — выпейте это за меня.

Он поставил стакан, к которому так и не притронулся, на шкаф.

Шкаф от удивления булькнул.

— Я не пью, — сказал он.

— Тогда слейте в бутылку.

— Я не могу этого сделать, — в ужасе сказал шкаф. — Это же смесь.

— Тогда разделите ее на составные части.

— Не могу, — взмолился шкаф. — Не хотите же вы...

Раздался шелест, и посередине комнаты появилась Максайн. Она улыбнулась Бишопу.

— Что происходит? — спросила она.

Шкаф обратился к ней:

— Он хочет, чтобы я разложил коктейль на составные части. Он же знает, что я не могу этого сделать.

— Ну и ну, — сказала Максайн. — А я думала, что вы умеете все.

— Этого сделать я не могу, — сухо сказал шкаф. — Почему бы вам не взять коктейль?

— Хорошая мысль, — согласилась девушка. Она подошла к шкафу и взяла стакан. — Что с вами? — спросила она Бишопа.

— Я просто не хочу пить. Разве человек не имеет права...

— Имеет, — сказала Максайн. — Конечно, имеет. А что у вас с рукой?

— Ожог.

— Вы уже достаточно взрослый, чтобы не баловаться с огнем.

— А вы достаточно взрослая, чтобы не врываться в комнату таким образом. Когда-нибудь вы соберете себя точно в том месте, где будет стоять другой человек.

Максайн захихикала.

— Вот это будет смешно, — сказала она. — Представьте себе, вы и я...

— Это была бы каша.

— Предложите мне сесть, — сказала Максайн. — Давайте будем общительными и вежливыми.

— Конечно, садитесь.

Она села на кушетку.

— Меня интересует самотелепортация, — сказал Бишоп. — Я спрашивал вас, как это делается, но вы мне не ответили.

— Это просто само пришло ко мне.

— Не может быть, чтобы телепортировали вы сами. Люди не обладают парапсихическими...

— Когда-нибудь вы взорветесь. Слишком уж кипите.

Бишоп сел рядом с Максайн.

— Да, я киплю, — сказал он. — Но...

— Что еще?

— А вы когда-нибудь задумывались над тем, как это у вас получается? Пытались ли вы перемещать что-нибудь еще... не только себя?

— Нет.

— Почему?

— Послушайте. Я заскочила, чтобы выпить с вами и немного забыться, а не заниматься техническими разговорами. Я ничего не знаю и не понимаю. Мы многого не понимаем.

Максайн взглянула на Бишопа, и в ее глазах мелькнул испуг.

— Вы притворяетесь, что вам не страшно? — продолжала она. — Давайте перестанем притворяться. Давайте признаемся, что...

Она поднесла стакан к губам, и вдруг он выскользнул из руки.

— Ах!

Стакан повис в воздухе над самым полом. Затем он поднялся. Максайн протянула руку и схватила его. Но тут он снова выскользнул из ее дрожавшей руки. На этот раз упал на пол и разбился.

— Повторите все снова, — сказал Бишоп.

— Это со мной впервые. Я не знаю, как это случилось. Я просто не хотела, чтобы он разбился, и...

— А во второй раз?

— Вы дурак, — возмутилась Максайн. — Я говорю вам, что я ничего не делала. Я не разыгрывала вас. Я не знаю, как это получилось.

— Но получилось же. Это начало.

— Начало?

— Вы не дали стакану упасть на пол. Вы телепортировали его обратно в руку.

— Послушайте, — мрачно сказала она, — перестаньте обманывать себя. За нами все время следят. Кимонцы иногда устраивают такие трюки. Ради шутки.

Она рассмеялась и встала, но смех ее был неестественный.

— Вы не пользуетесь случаем, — сказал Бишоп. — Вы ужасно боитесь, что над вами будут смеяться. Надо быть мудрой.

— Спасибо за коктейль, — сказала она.

— Но, Максайн...

— Навестите меня как-нибудь.

— Максайн! Погодите!

Но она уже исчезла.

Надо забыть о самолюбии. Надо проанализировать факты, думал Бишоп. У кимонцев более высокая культура, чем у нас. Другими словами, они ушли дальше по дороге эволюции, чем мы ушли дальше от обезьяны. А как людям Земли достичь этого?

Дело здесь не только в уме.

Возможно, здесь важнее философия — она подсказывает, как лучше использовать ум, который есть у человека, она дает возможность понимать и правильно оценивать человеческие достоинства, она учит, как должен действовать человек в своих взаимоотношениях со Вселенной.

И если кимонцы все понимают, если они добились своего, разобравшись во всем, то нельзя представить себе, чтобы они брали к себе на службу других разумных существ в качестве щенков. Или даже в качестве товарищей по детским играм. Но это могло бы быть в том случае, если бы игра приносила пользу не их детям, а детям Земли. Они осознавали бы, какой ущерб наносит подобная практика, и пошли бы на нее только в том случае, если бы в конце концов из всего этого вышел толк.

Бишоп сидел, думал, и собственные мысли казались ему логичными, потому что даже в истории его родной планеты бывали периоды, когда переход на новую, высшую ступень развития требовал издержек.

И еще.

В своем развитии люди не скоро обретут парапсихические способности, так как они могут быть губительно использованы обществом, которое эмоционально и интеллектуально не подготовлено к обращению с ними. Ни одна культура, которая не достигла зрелости, не может обрести парапсихического могущества, потому

что это не игра для подростков. В сравнении с кимонцами люди могут считать себя лишь детьми

С этим было трудно согласиться. Это не укладывалось в голове. Но согласиться было необходимо Необходимо.

— Уже поздно, сэр, — сказал шкаф — Вы, по-видимому, устали.

— Вы хотите, чтобы я лег спать.

— Я только предположил, что вы устали, сэр

— Ладно, — сказал Бишоп.

Он встал и пошел в спальню, улыбаясь про себя Послали спать... как ребенка. И он пошел

Не сказал: «Я лягу, когда мне будет надо» Не цеплялся за свое достоинство взрослого Не капризничал, не стучал ногами, не вопил.

Пошел спать... как ребенок, которому велено идти в постель.

Может быть, так и надо делать. Может быть, это ответ на все вопросы. Может быть, это единственный ответ.

Бишоп обернулся:

— Шкаф!

— Что вам угодно, сэр?

— Ничего. То есть от вас мне ничего не надо Спасибо за то, что подлечили руку.

— Ну и хорошо, — сказал шкаф — Спокойной ночи!

Может быть, это и есть ответ Вести себя, как ребенок. А как поступает ребенок? Он идет спать, когда ему велят. Он слушается взрослых Он ходит в школу. Он... Погодите!

Он ходит в школу!

Он ходит в школу, потому что ему надо многому научиться. Он ходит в детский сад, а потом в школу, а потом в колледж. Он понимает, что ему надо многому научиться, прежде чем он займет свое место в мире взрослых.

«Но я ходил в школу, — подумал Бишоп. — Я ходил в школу долгие годы. Я усердно учился и выдержал экзамен, на котором провалились тысячи других Я был подготовлен к поездке на Кимон»

Однако будь ты на Земле хоть доктором, по прибытии на Кимон ты становишься всего лишь «выпускником» детского сада.

Монти немного овладел телепатией. И другие тоже. Максайн может телепортировать себя, и она не дала стакану разбиться об пол. Наверно, и другие на это способны.

А они только еще постигают азы.

Телепатия и умение не дать стакану разбиться — это еще далеко не все. Парапсихическое могущество — это далеко не единственное достижение культуры Кимона.

«Может быть, мы готовы, — думал Бишоп. — Может быть, мы уже почти вышли из подросткового возраста. Может быть, мы уже почти готовы к восприятию культуры взрослых. А иначе почему бы кимонцы пустили к себе из всей Галактики только нас?»

У Бишопа голова пошла кругом.

На Земле один из тысячи выдерживает экзамен, дающий право поехать на Кимон. Может быть, на Кимоне одного из тысячи находят достойным приобщения к культуре Кимона.

Но прежде чем начать приобщаться к культуре, прежде чем начать учиться, следует признать, что ты ничего не знаешь. Надо признать, что ты еще ребенок. С капризами тебя никуда не пустят. Надо отбросить ложное самолюбие, которым ты, как щитом, закрываешься от культуры, требующей твоего понимания.

«Эх, Морли, наверно, я получил ответ, — сказал про себя Бишоп, — ответ, которого ты ждешь на Земле. Но я не могу сообщить тебе его. Его нельзя передать другому. Его должен найти каждый сам для себя.

Жаль, что Земля не подготовлена к тому, чтобы найти этот ответ. Такого не проходят в школах Земли.

Армии и пушки не смогут взять штурмом цитадель кимонской культуры, потому что воевать с народом, обладающим парапсихическими способностями, просто невозможно.

Только мудрое терпение поможет разгадать тайны планеты. А земляне — люди нетерпеливые, не мирные. Здесь все по-другому. Здесь надо стать другим.

Надо начать с признания, что я ничего не знаю. Потом сказать, что я хочу знать. И дать обещание, что буду усердно учиться. Может быть, нас для того и привозят сюда, чтобы один из тысячи имел возможность сообразить это. Может быть, кимонцы наблюдают за нами, надеясь, что сообразит не только один из

тысячи. Может быть, им больше хочется передать свои знания, чем нам учиться Потому что они одиноки в Галактике, в которой нет существ, подобных им

Неужели все живущие в гостинице потерпели неудачу? Неужели они никогда не пытались догадаться в чем дело, или пытались, но безуспешно?

А другие... по одному из каждой тысячи где они?»

Бишоп терялся в догадках

Но, может быть, все это предположения? Мечты? Завтра утром он проснется и узнает, что ошибался Он спустится в бар, выпьет с Максайн или Монти и будет смеяться над тем, о чем мечтает сейчас

Школа. Но это была бы не школа по крайней мере она была бы совсем не похожа на те школы, в которых он когда-то учился.

Хорошо бы...

— Ложитесь-ка спать, сэр, — сказал шкаф

— Наверно, надо ложиться, — согласился Бишоп — День был тяжелый и долгий.

— Вы захотите встать пораньше, — заметил шкаф, — чтобы не опоздать в школу.

Содержание

Космические Инженеры, роман,
перевод с английского
И Васильевой, А Волнова 5

Зачем звать их обратно с небес?, роман,
перевод с английского А Левкина 175

Рассказы

Последний джентльмен,
перевод с английского И Найденкова 343
Кимон,
перевод с английского Д Жукова 394

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Полное собрание фантастических произведений в 18 томах

Книга восемнадцатая

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление обложки и форзаца: *И. Леонтьев*
Оформление шмуцтитулов: *М. Ермаков*

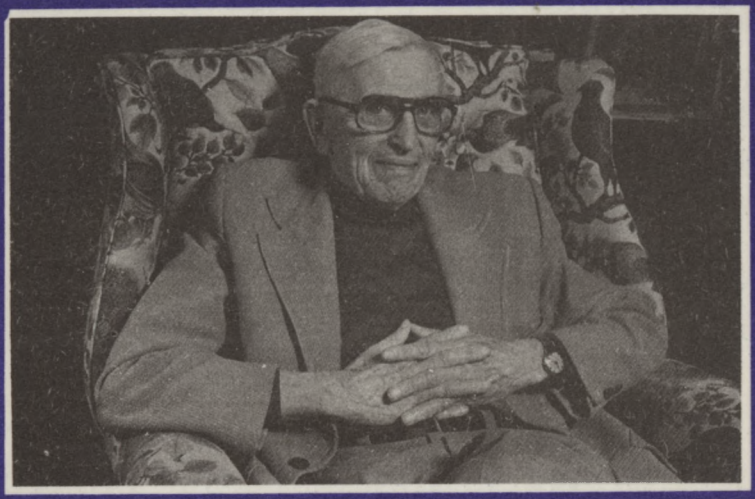
Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 22.11.95. Формат 84×108/32.
Гарнитура Балтика. Печать высокая.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 1302. С 136.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46



VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT